

А межсезонье - дурная пора,
Я б извинился... хочешь?
Но шрамы на месте забытых ран
Ты не увидишь точно.

Альвар

АЛЪМАНАХ ФАНТАСТИКИ
АСТРА НОВА

An¹⁽⁰¹¹⁾
2019

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2019

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44
А91

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ
«ASTRA NOVA»

Print-on-Demand

Астра Нова: альманах фантастики. № 1(011). – СПб.:
А91 Издательство Северо-Запад, 2019. – 316 с.

ISBN 978-5-93835-600-9

Самые разные рассказы самых разных авторов, задумавшихся о том, есть ли что-то между... Между летом и зимой, между жизнью и смертью, между прошлым и будущим, между землей и небом, между сущим и мнимым... А если есть - то что оно? И как оно выглядит?

И главное - на чьей оно стороне?

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44

© Светлана Тулина, составление, 2019
© Авторы публикуемых произведений
© Издательство «Северо-Запад», 2019

ISBN 978-5-93835-600-9

СОДЕРЖАНИЕ

часть первая

ЗИМА-ВЕСНА-ЛЕТО ОСЕНЬ И СНОВА ЗИМА

Иван Кротов		
ДВЕРЬ В ЗИМУ.....	Если выбрал планету вечной зимы – остается надежда лишь на незваных гостей	11
Эльвира Жейдс		
Сон долгой зимы.....	Телу дано любить. А разум пусть обождет на орбите	17
Элеонора Воробьева		
Зимний РОСЧЕРК войны	Неважно, кто победил зимой. Важно, что чумы весной не будет	21
Валерий Воробьев		
Я, МАЙСКИЙ.....	Какой же скотина все-таки иной Я!	23
Евгений Васин		
ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО	Любовь Пирата – обоюдоострый клинок, кто-нибудь да порежется	25
Виталий Максименко		
Имя ОСЕНИ	Если вовремя не убил любимую – тебе же хуже	33
Виталий Придатко		
Александр Придатко		
ОСЕННИЕ ЛЮДИ.....	Все тянутся к теплу, но тепла никогда не хватает на всех тянущихся	39
Светлана Тулина		
КОРОЛЕВА	Главное, чтобы принцессы были упитанны – и мы переживем эту зиму	54

Часть вторая

НЕСЕЗОН

Тимур Максютков		
Трижды РОЖДЕННЫЙ	Как выжить, если умрет последний враг?	64
Андрей Зимний		
ЖЕРТВА.....	Палач как учитель – приходит тогда, когда жертва готова	76
Вадим Кузнецов		
БЕЛОГЛАЗАЯ.....	Первым делом девушке смотрят в глаза: вдруг они белые?	79

Анастасия Влади		
Время линьки.....	92	У каждой твари свои ритуалы, и дружбу иногда подтверждает лишь золото. И цепь
Эдуард Шауров		
Последний сезон.....	97	Существуете ли вы, мистер Край?
Наталья Куничкина		
За пределами ничего нет.....	107	Есть ли что за пределами мира – знает только судья
Юлия Горина		
Не отворачивайся от меня.....	118	Если ты брат, да еще и старший – невозможно не быть сторожем
Павел Шумил		
Трюкач.....	127	Хорошо, что в Голливуде всегда лето!

Часть третья
МЕРТВЫЙ СЕЗОН

Бранко Божич		
Подменыш.....	130	Все будет хорошо. И никто не пострадает. Больше.
Сергей Резников		
Секрет мертвого лорда.....	158	Выходя на охоту – убедись, что ты не жертва
Андрей Кокоулин		
Межсезонье.....	166	Проблемы отцов и детей не всегда завершаются смертью
Валерия Мельниченко		
Далека желанная цель.....	174	Далека дорога твоя – уж друзья постараются!
Александр Лычев		
Сегодня же будешь со мной.....	192	Вас запомнят героями – это важнее правды

Часть четвертая
ДЕМИСЕЗОННЫЕ
РИФМЫ

Дмитрий Вересов		
Твердый Сай-Фай.....	211	Наши киборги – ответ ихним андроидам!
Дмитрий Иванов		
Из цикла «ВРЕМЕНА Г».....	213	Времена меняются - Г остается (и для каждого свой)

Ирина Денисовская	
ОСЕНЬ	216
	Вот и листья разлетаются, как гости...
Камелия Санрин	
ДАЙТЕ ЕЙ ПОСПАТЬ	217
	Осень спит, она устала...

*Часть пятая***БАРХАТНЫЙ СЕЗОН**

Эльвира Жейдс	
ЦЕРКОВЬ И НИИЧАВО	219
	Миф о вечности и неизбежности противостояния религии и науки
Константин Гуляев	
ШЕДЕВР	226
	На некоторые шедевры просто не хватает слов
Татьяна Блейза	
МАСКА.....	228
	Каждому потребителю – свой дизайнер и своя маска

*Часть шестая***КОНЕЦ СЕЗОНУ**

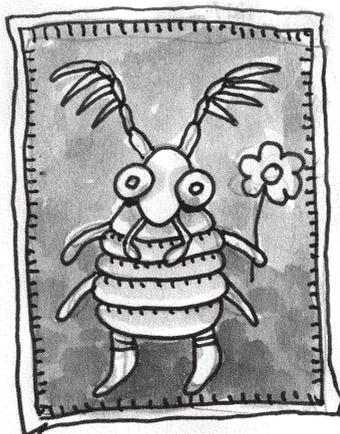
Элеонора Воробьева	
ЦИКЛ «ХРОНИКИ УХЕТЫ»	237
	Если начальник человек – приходится держать себя в форме!
Александр Веснин	
ЭПИЗОДЫ РОЖЕ	250
	Проснувшись, проверьте свой сапог. Если он третий – вы – Роже.
Сергей Белокрыльцев	
ГРАФ ЭПИКА	260
	Отбирая у слуги шпроты, не забудь отобрать и ружье
Нат Райдо	
НИКОГДА НЕ УМИРАЙ	262
	Не умирать можно по-разному, но нет другого способа жить

*Часть седьмая***МИКРОСЕЗОНЧИКИ**

Святослав Логинов	
КОМУ В ПРЕИСПОДНЕЙ ЖИТЬ ХОРОШО?.....	275
	Каждый сам кузнец своего несчастья
ЩЕКОТУН	276
	Трудно жить без спиночесок, если под боком щекотун
Елена Ворон	
Я БУДУ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ.....	277
	Любить – удел живых. Камни – лишь помянут

Антон Филипович	
Под звуки флейты.....	279
	Красота в глазах смотрящего. Слепых глазах
Они приходят в конце лета.....	280
	Те, кто нужны, всегда возвращаются – ты только верь
Алексей Донской	
САМОЛЁТИК.....	282
	Некоторые бумаги годятся лишь на то, чтобы сделать из них самолетик
Сергей Битюцкий	
КАПЛИ ДРЕВЕСНОГО СОКА.....	283
	Не на все стоит играть, тем более если везет
Сергей Игнатьев	
У ЛАРЬКА.....	284
	Наш адрес не дом и не улица...
ВЕСНА ПО РАСПИСАНИЮ.....	286
	Хоть тресни, а яблоки на Марсе чтобы вовремя!
Кристина Каримова	
ТАКАЯ РАБОТА.....	288
	Иногда хулиганить жизненно необходимо
Сергей Петровец	
ДЕМОН ЛАПЛАСА.....	289
	Знающий все может позволить себе чего-то не знать
Максим Тихомиров	
ТА, СТРАННАЯ.....	291
	А все-таки – что случилось с теми Джонсами?
ДРУГ С ТОЙ СТОРОНЫ.....	292
	Когда друг присылает себя частями в посылках – повод задуматься
ЕЩЕ ОДИН ГОД.....	293
	Он мяукает, ведет себя нагло и ловит крыс – значит, он все еще кот
Наталья Федина	
СКАЗКА ПРО КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ОЧЕНЬ ХОТЕЛ ЛЕТАТЬ.....	295
	Главное – желание, а крылья построим!
Михаил Комаров	
А ЧТО, ЕСЛИ?.....	296
	Прошлые вспоминают лишь когда будущего не осталось
Кирилл Ахундов	
БАР «МАГЛОТ».....	297
	Литературная деформация бьет по мозгам не хуже абсента!
ДРУЖИНА.....	298
	Стакан воды они не поднесут. А вот дверь - откроют
Алекс Гагаринова	
ЛИМОННЫЙ ДОЖДЬ.....	300
	Бабушка обязательно расскажет сказку. И плакать не будет

Дмитрий Гужвенко		
Добрый доктор А.И.Болит	301	Даже вампирам порою нужны стоматологи!
Котенок от папы	303	Хороший папа знает, что подарить!
Дмитрий Колейчик		
Чисто литературное убийство	304	Уверен ли ты, что тебя никто не пишет?
Павел Пименов		
Дальпоиск	305	На что только не пойдешь ради качественного потомства!
Перед самым концом	307	...и нарисованный на окошке смайлик никого уже не спасет
Сергей Резников		
Темпоральный исправитель	308	Хотели как лучше, но все вышло из под контроля... опять
Виталий Придатко		
Спасенные	310	Можно ли спасти тех, кого законсервировали в сладкой вате?
Наталья Голованова		
Там был кто-то еще	311	Если мужчина убедителен, его слушает даже смерть
Дарья Странник		
Кис-кис	313	Даже странная кошка лучше, чем отсутствие кошки вообще
Верный пес	314	Настоящий мужчина всегда защитит семью, что бы с ним ни случилось

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЗИМА-ВЕСНА-ЛЕТО
ОСЕНЬ И СНОВА ЗИМА

ИВАН КРОТОВ
ДВЕРЬ В ЗИМУ

На границе между явью и сном ко мне приходит одно видение: я открываю дверь на улицу, а за ней — настоящая зима, белая, снежная. Накатывает непередаваемое ощущение близости Рождества. Потом приходят другие, о первых сутках пребывания на Голконде. Медленно, крупными хлопьями, падает снег. Оранжевый снег, собирающийся в бурные сугробы: по составу он ближе к земной нефти. Ал носится по парку, совершая нелепые прыжки из-за меньшей силы тяжести. Ловит на синтетический язык падающие снежинки, изображая щенячий восторг. Наверно, вспоминает о временах, когда был живым псом, а не киборгом с нано-реконструированным мозгом. Единственный мой товарищ по долгом путешествию в зиму. В усадьбе играет музыка, перед домом проецируется праздничное тривидео столетней давности.

Думал ли я, вступая в портал, чем всё обернётся? На пересадочной станции Квадриги одиннадцать дверей. Помещение было заброшено, как и сам город. Разметки на дверях никакой, и мне пришлось открывать их все, пока за одной не оказалась оранжевая зима.

— Эта затея плохо пахнет, — сказал Ал.

Мы с Алом давно вместе. Когда-то я подобрал щенка на улице — тогда я мог позволить себе быть добрым. С тех пор он всегда со мной. Вместе мы попали в ужасную аварию, вместе прошли реабилитацию, сделавшись киборгами. Единственным спасением стало согласиться на нейрозаменение. Наверно, никто не стал бы возиться с собакой, но в корпорации увидели в этом хорошую рекламу: мальчик и его пёс. Родители никогда не расплатились бы за те чудеса, что нам предоставили, но всё решилось само собой: мы стали рекламными рабами и лет через тридцать-сорок смогли бы выйти из-под опеки. На самом деле — довольно безбедное существование, хотя я и уставал от избыточного внимания.

— Полцарства за коня? — в сотый раз повторяет он древнюю цитату: я так и не удосужился посмотреть, откуда. — Догоняй!

С ним совершенно невозможно разговаривать! Стоило расширять сознание, чтобы забыть его всей этой буддизламской чепухой про хлопки одной ладонью по голове лысого раба? Я слепил холодный шар из оранжевой массы и бросил в Ала. Он поймал снежок на лету. Хорошо! Почти как раньше.

...Здесь, в парке, света совсем мало. Серый снег и серый лёд едва отражают его. Меня, наверное, давно занесло бы, но здесь постоянно дует ветер. Только такой мертвец, как я, способен выдержать его напор. Вокруг меня — парк ледовых скульптур, замороженных до твёрдости

камня. Странно изогнутые абстрактные фигуры мало напоминают привычных существ и персонажей, но наблюдать за ними интересно. Каждая статуя слабо подсвечена изнутри... Жаль, что сейчас я не могу ими любоваться: я могу смотреть только вверх.

...Первой я убил подружку в Рио. Случайно застрелил, приняв за вора. Заигрался в театрализацию, будь она неладна! Потом побоялся разбирательств и сбежал. Это была катастрофа: все контракты рушились, находясь в тюрьме, я не смог бы расплатиться за импланты. Меня страшило, что их просто изымут. И я бежал. Каждое новое убийство давалось легче. Все ли убитые были негодьями? Не уверен. Но чем дольше существуешь, тем меньше остаётся у тебя выбора. Последним я убил самого себя — точнее, те живые клетки и органы, что ещё оставались у меня. Иначе не смог бы на Голконде обходиться без скафандра. Иногда, чтобы выжить, приходится лишиться себя жизни. Вот такой парадокс.

Я стал профессионалом. Собирал информацию о киллерах. Многие авторы утверждали, что человек — прирождённый убийца. Помнится, один профессор писал, что наш вид стал разумным только благодаря тому, что съел неандертальцев. Кабинетные умники могут придумать что угодно. Не скажу, что мне это нравилось, но я здорово поднаторел находить себе оправдания.

Ал был не таким. Он шёл за мной, потому что это был я. Его хозяин и друг. Он и умер как настоящий пёс — наверное, такими были древние самураи. В свойственной псу манере он сказал, что затея с Голкондой «плохо пахнет». Но идти в портал не отказался.

Я спросил:

— Что здесь не так?

— Из этой дыры нет возврата.

«Еще один коан» — я решил не обращать внимания.

...Мне была нужна уединённая планета, чтобы переждать фатальное развитие кармы. На заре космической эры астрономы обнаружили звёздную систему Лахман 16, в которой не было ни одной звезды, а только коричневые карлики — сначала два, а потом к ним добавился третий. Считалось, что там не может быть планет, но потом обнаружили Голконду, обледеневший мир, каким-то чудом удерживаемый в точке либрации. На неё отправилась экспедиция, построившая портал. О находке быстро забыли, потому что планета оказалась скучнейшей. Богатый мизантроп и писатель Дэниэл Бун Девис построил там шикарную усадьбу. Но и ему это место прискучило. У родителей было собрание сочинений Девиса. Долгое время я считал Голконду и усадьбу на ней выдумкой. Пока случайно не наткнулся на сообщение о планете на астрономическом сайте. До меня его не просматривали по меньшей мере сто лет... Рассчитывая провести время с комфортом, я прихватил *zip*

со всем необходимым пост-человеку бараклом: виртуальный бонсай, театралку, фильмокниги. Небольшой такой чемоданчик, способный создать и поддерживать сеть там, где её быть не должно. Современный человек без сети — не совсем человек. Шутка. Я подумывал, отсидевшись, затеряться на краю, занявшись терраформированием — созданием искусственных ландшафтов и микроцивилизаций.

Усадьба была в отличном состоянии, если не считать одного разрушенного крыла. Слуги деятельно суетились, в комнатах дежурили горничные в сексуальных нарядах. Некоторые постановки, запущенные хозяином, ещё игрались: строились города, добросовестно бились виртуальные армии. И ни одного человека. Райское местечко для социопата, подобного мне! Я не ждал гостей.

Всё случилось так неожиданно.

— Базилио Крейц? — раздалось у меня над ухом. — Вы арестованы.

Какой может быть реакция на столь дерзкое заявление у профессионального убийцы? Я начал стрелять, едва услышал своё настоящее имя. Ответный выстрел отбросил меня на скамью. Как ни странно, я всё ещё был жив. Мне только расплавил бластер — заодно с механической кистью.

— Сдавайтесь, у вас нет шансов!

Шансы были, но я не хотел раньше времени идти на крайние меры. Поэтому приподнял руки, точнее, то, что от них осталось.

Рассмотрев преследователя, я разочаровался: тринимэшная внешность: глаза на пол-лица, как у долгопята, закрученные спиралью волосы и кислотная курточка под модным силовым скафандром, на поверхности которого постоянно возникали трим-изображения. В руке гаджет, выполненный в виде старинной буссоли. Возможно, у него были ещё помощники на *носимых*, но что от них толку на планете, где нет свободной сети? И такой пижон смог меня фиксануть? Смешно. Даже жалко его убивать. Гораздо больше опасности представлял его спутник — робот в виде женщины с девятиствольной базуккой на плече. Но и с ней можно было справиться.

— Вы долго скрывались, перемещаясь с планеты на планету, и вычислить ваше убежище было нелегко.

Люблю хвастунов! Мальчик решил порисоваться, перечисляя, как шёл по моему следу, кратко останавливаясь на устраненияях, которые он приписывал мне. Список был далеко не полон.

— Детектив...

— Я не полицейский, я представляю секретную службу твирлианской республики.

Чёрт бы его побрал! Еде один гений шпионажа ещё одного виртуального анклава.

— Простите, суперагент.

— Последние тридцать шесть часов я функционер-руководитель.

— Поздравляю, — кисло ответил я.

Функционер пожал плечами. За время моего бегства мир сильно изменился. Галактическое содружество стало фикцией, едва родившись. Все эти анклавы, автономии и корпорации, считавшиеся частью старых государств, жили по своим правилам. Открытые и закрытые зоны, граждане и не-граждане. Старые добрые мафии, неотличимые от нано-республик. И все стремились обзавестись собственной секретной службой. А чтобы те могли действовать эффективнее, появилась общая сеть — агентурная, информационная. Вроде архаического интернета и водоворота, которые я ещё помнил. Хотя, наверное, больше это напоминало рынок — единый и конкурирующий.

А потом всё заменилось краткосрочными прагматическими контрактами. Семья, общество, служба — всё подменяется разовыми действиями. Каждый теперь не просто сам по себе, даже отдельный человек дробится на краткосрочные функции: выполнил и забыл. Оказалось выгоднее нанимать частников, чем иметь постоянный штат. Все стали наёмными работниками — солдатами на одну битву. Копы, спецагенты, киллеры — всё смешалось. Я точно также мог преследовать его. Если б не поленился обзавестись официальной лицензией. Вроде бы сверху всё, как и было раньше — города, люди, общественные институты. А внутри — квантовое мерцание функций. Любые занятия и даже пол меняются, как перчатки. Беда в том, что люди сейчас не живут, но играют. Не понимают реальность смерти, например. Наверное, я — последний романтик цельности. Потому все так меня и преследуют.

— Разве любовь к путешествиям считается преступлением?

— Для всех кроме вас — нет. Восемь лет вы провели на Гхоче, ничем не проявив себя, кроме незарегистрированного робоса. Потом вы неожиданно выиграли в казино крупную сумму денег и снова исчезли. Зато в столице остались три убийства. Окончательные убийства!

Помню, все трое были отпетые мерзавцы, которых заказали конкуренты. Право же, я оказал Гхочу благодеяние.

Вслух я этого не сказал:

— Ну и что? никому не запрещено играть в казино и иметь своего робоса!

— На Фрэнке вы провели двенадцать лет, засветившись разве что участием в разрушении виртуальной империи Белл Даркин. В итоге — пять загадочных смертей и вы снова улетели.

Каюсь: достала меня эта сучка Даркин, что было делать? Я пожал плечами.

— Следующая остановка — Бейлифат на Твиде, где к власти пришли сепаратисты. Здесь вы пробыли дольше всего — пятнадцать стандартных лет — и бежали, когда Бейлифат урегулировал свои отношения

с галактическим содружеством. На оперативной съёмке встречи мятежных баронов можно разглядеть человека с собакой... А потом в княжестве прошла череда устраниний. Ваша профессиональная деятельность давно вышла за рамки простой уголовщины и привлекла определённое внимание. Мои коллеги на нескольких планетах ждут общения с вами.

Наверно, да. В смысле — перешёл грань. Только вот где она сейчас — грань между уголовщиной и политикой? А наш петушок захотел склевать золотое зёрнышко. Побывать призёром, вольным охотником за нехорошим парнем. Ну-ну.

— У вас богатая фантазия!

— Все преступники так говорят, — он кивнул.

Не думаю, что мои реплики что-то значили для него.

— До сих пор вы посещали только самые заселённые миры, те, в которых легче затеряться. Миры, испытывавшие в последнее время определённые сложности. Следующим вашим убежищем могли стать Брисго или Мареск.

Я не сразу понял, что его рассказ напоминает мне пародию на Борхеса:

— И вот здесь-то я и обнаружил одну интересную особенность, — в его голосе зазвучало торжество, мальчик показал свою «буссоль», словно это она помогла ему найти собственную смерть. — Гхочь, Фрэнк и Твид образуют почти идеальный треугольник, в центре которого находится Лахман 16. Место, о котором почти все забыли!

— Было ли это разумно? — вздохнул я, но больше ничего не успел сказать.

Робот держал меня на мушке, пока его начальник распинался. Дурачок, наверняка никому не сказал. Мечтал сам заработать славу поимки известного преступника. Я хотел попробовать договориться с ним по-хорошему, как профессионал с профессионалом. Или — заманить в ловушку. Не успел. С возрастом жизнь становится печально предсказуема. Когда я устанавливал ловушку, то думал, что это дань профессиональной паранойе. Увы, нет. Лучше бы я взорвал портал!

— Ал!

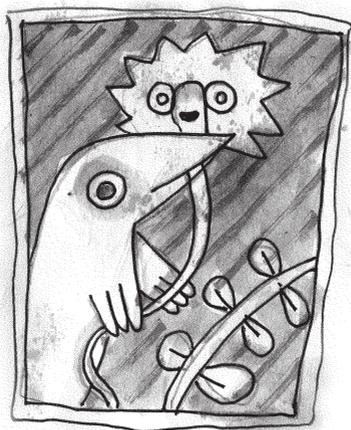
Поздно.

Мой друг решил всё по-своему: у него не было шансов против робота, почти танка, но он пожертвовал собой. Небольшой толчок — и дело сделано. Он сбил их, столкнул в ловушку, и сам погиб. На этом, собственно, всё и закончилось — они сразу перестали функционировать. Мне повезло меньше: проклятый бот успел обездвигить меня. Взрывом кресло со мной сдвинуло на десяток метров и развернуло.

...Я сижу в парковом кресле, вырубленном из льда, напоминая древнего Стивена Хокинга. Нижняя часть моего тела, которую я совершенно не чувствую, давно смёрзлась в единое целое с сиденьем, а голова повернута к небу. Многие верят, что наноботы — всесильны. Но если

недостаточно энергии — они мало что могут. А проклятая роботесса разбила моё «атомное сердце». Скучно подпитываемые радиоизлучением brown dwarf'ов, нанобы могут лишь раз в несколько месяцев пробуждать к жизни часть моего мозга. Какое-то время я брежу в полубезытии, потом — осознаю где нахожусь, немного люблюсь небом и снова впадаю в кому. Всё, что мне остаётся — это вспоминать прошлое, разговаривать с самим собой, глядя в замороженные небеса, и ждать. Согласно оптимистическому прогнозу в ближайшие триста лет кто-нибудь посетит планету. И, может быть, захочет меня спасти. Быть может, мир снова изменится.. Если мои мозги к этому времени окончательно не промёрзнут.

Ещё можно просматривать часть записей — например, те, где Ал был ещё жив. Чувствовать свою вину и всё такое. Но это — уже не для ваших ушей, как говаривали в те времена, когда я ещё был цел. Я мог бы дать команду своим микро спасателям на самоуничтожение, но не хочу. Зачем я всё ещё существую, спросите вы? Хм... возможно, я сужу, как игрок, но мне кажется, что вселенная бросает нам величайший вызов на свете: суметь продержаться на поверхности чуть дольше, чем ей хотелось бы. Я буду держаться за эту реальность чуть зубами. Какой бы долгой ни была зима — она закончится.

ЭЛЬВИРА ЖЕЙДС

СОН ДОЛГОЙ ЗИМЫ

Нергас вздрогнул и застонал, приняв наслаждение за обычную боль. Новые чувства были мучительны и изумляли. Они переворачивали все его привычное существование. Заставали врасплох тело и разум. То, что он сейчас, вот прямо сию минуту, делал, не содержала ни одна обучающая программа, так откуда же... Из каких генетических дебрей...

Мир распался на фрагменты и образы, зазвучал, завибрировал, сгустил воздух и свет вокруг двух тел. Перед глазами поплыли цветные пятна, складчатый кожаный покров едва сдержал кипящую кровь, легкие вытолкнули хриплые крики...

Т-йя долго не отпускала его. Отныне его плоть уже не мыслила себя без нее. Так становятся одним целым. И это предстояло объяснить комиссии по межпланетной этике.

И торговцам, приславшим заказ на отлов и клонирование новых животных в промышленных масштабах. Ценное сырье, как они почитали.

* * *

Небольшая колония на Плуtone давно стала центром галактических научных исследований. Лаборатория Нергаса первой приняла импульс-сигнал с неизвестной планеты. Название, выуженное из многочисленных справочников — Эрец-атла — ничего ему не говорило. Самым удивительным было наличие нуль-портала в этой глуши.

Привычно завернувшись в кожистые плотные крылья, он расхаживал по ледяному залу. Приземистая, почти квадратная фигура бесконечно отражалась в сплетениях граней застывших стен и в многочисленных конусах и кристаллах. Лед прекрасно сохранял тепло и генерировал необходимую энергию. Нергасу хватало лишь нескольких движений в течение длинных планетных суток, чтобы поддерживать энергетический баланс. Ледяные кристаллы хранили бездну сведений о миллионах лет человеческой цивилизации. Нергас пел, периодически уходя в ультразвук, вызывая нужную информацию. Чужой импульс был мелодичным, почему-то в знакомой тональности. Он искал похожий отклик во льдах. Информационная вспышка до крайности изумила Нергаса, заставив напрячь кончики ушей. Тональность чужого импульса повторяла звучание планеты Земля, давно затерянной во тьме тысячелетий и закрытой карантинным патрулем для посещений. Резонанс прокатился по жилам, сердце ткнулось невпопад и забилося в новом ритме.

* * *

Общение членов комиссии затягивалось. Сигналы рядов метались по отражателям и не успевали преобразовывать кристаллические файлы.

— Насколько опасно для межгалактической цивилизации?..

— Карантин в результате череды геопатогенных катастроф и последующего обледенения...

— Что за существа там обитают и насколько они разумны?

Вопросы сыпались со всех обитаемых планет Солнечной системы. Безопасность и стабильность хрупкого мира волновала многих. Слишком дорого дался процесс выживания и естественного отбора их предкам, чтобы вот так, просто впустить неведомую угрозу с некогда покинутой всеми планеты.

Биоэтики в изумрудно-зеленом сиянии настаивали, что импульс был послан живым существом. Эфиродинамики предостерегали от попыток исследования Земли, высчитывая предположительное положение континента и концентрацию эфира. Термодинамики угрюмо молчали, всеми своими импульсами создавая фиолетовую завесу трагизма и безысходности. Космогенетики и астрофизики пылали здоровым энтузиазмом, отбрасывая золотисто-пурпурные ментальные вспышки.

* * *

Нергас мысленно настраивал кристаллы ледяного зала на частоту Эрец-атла. Потом завернулся в крылья и лег в стеновую нишу. Острыми зубами надкусил жилы на запястье. Так далеко мысленно он еще не заходил. Сколько понадобится крови, угадать было сложно. Дымящаяся тонкая струйка выплеснулась и мгновенно вмерзла в лед. Перед внутренним взором потекли бескрайние ледяные пространства заброшенной и забытой планеты. Нергас испытал невообразимый шок от обилия голубого цвета и яркого солнца, но генетическая память услужливо подсказала вторичность реакции и остановила эмоциональный распад. То, что он видел, поражало и заставляло вновь и вновь восстанавливать душевное равновесие.

Жидкость среди льда. Информация переливалась в кристаллах, выдавая ответы на безмолвные вопросы.

Океан. Это называлось океан.

Нергас мысленно активировал ген-хамелеон. Передал подсознанию параметры планеты и условия для жизни. На несколько часов замер в неподвижности, отращивая жабры, второе веко и перепонки. Все всегда идет хорошо, главное — не мешать природе. Удлинил конечности, увеличил объем легких и мышцы. Самым сложным было переступить через все привычки в еде и добавить ферменты для переваривания животной пищи.

Прошелся несколько раз по залу, привыкая к обновленному телу. Машинально лизнул заживающее запястье. Пройдя узкими коридорами, шагнул в нишу нуля-т.

* * *

Несколько часов Нергас осторожно наблюдал за ними, сидя на узком ледяном карнизе, выступающем над водой. Собственный вес заставлял прижиматься к поверхности и превращал каждое движение в жалкую пародию.

Несколько существ с кожей серебристо-голубого цвета и огромными раскрывающимися в полете плавниками показались недалеко от берега. Они издавали резкие надтреснутые звуки, которые ученый перевел, как возгласы радости.

Несколько дней провел он на берегу. Дождавшись, пока в воде останется всего одно животное, Нергас тихо скользнул в волны. Мгновенно почувствовал облегчение. Соленая вода поддерживала тело. Первое в жизни купание заставило мозг на несколько мгновений отключиться и пережить ни с чем не сравнимое удовольствие.

* * *

Он помнил только ее глаза, серые с золотыми искрами, под прозрачной пленкой третьего века. И ее мелодию, с нотами ветра и падающих льдинок. Структура крови впитала информацию живой воды океана, мозг не выдержал этот мощный поток. Нергас забыл, как дышать и двигаться. Ее сильные руки вытолкнули на поверхность неподвижное уродливое тело.

Очнувшись в ледяной пещере на берегу, он говорил только на их языке. Амфибии, ну конечно. Зачем он, дурак, вообще полез в воду. Мог бы дождаться их здесь.

Т-йя принесла ему рыбу. Разорвав тушку тонкими стальными пальцами, кормила с рук маленькими кусочками. Нергас ждал ее прикосновений, жадно ловил ее взгляды. Теперь он знал, что такое одиночество. Ему было физически плохо, когда она уходила. А разум метался в отчаянии и страхе, что она не вернется. А еще он понял, что значит любить. Это забытое человеческим чувством лучше всего дало ему понять, что жители Земли не могут причинить зло.

Никто из ее народа не приходил в пещеру. Нергас воспринимал это, как должное. Таков обычай. Не потому, что он — чужой, и мог принести беду. Они видели, как Т-йя относится к нему, и их останавливало чувство деликатности и такта. Еще одна забытая и непостижимая человеческая особенность. Наверное, все это могло сохраниться и открыться вновь только на одной из древнейших обитаемых планет.

* * *

Беда не заставила себя ждать. В восстановленные нейронные связи хлынул поток информации из эфира. Все еще существовала комиссия по этике. И торговцы ждали, глотая слюни и потирая потные трехпалые конечности в предвкушении допуска к ресурсам целой планеты.

Нергас обнял Т-йю и тщательно настроился на передачу своего импульса. Зеленый с золотом и таким любимым отныне образом. Пусть они видят, как она прекрасна, и как умеет любить. Они не опасны. Ни для кого.

Ответ пришел незамедлительно. Алые сполохи импульсов переполнили сознание. Комиссия по этике приказывала возвращаться в лабораторию на Плутоне и освободить канал передачи технических параметров для формирования предложения в промышленных галактических масштабах. Они не опасны. О да! И не помеха, стало быть.

Нергас смотрел в глаза любимой. Она доверчиво прижалась к нему. Что ж, здесь тоже сколько угодно льда. И воды.

В эфир ушел черный пульсирующий шар эпидемии и смертельной опасности.

ЭЛЕОНОРА ВОРОБЬЕВА

ЗИМНИЙ РОСЧЕРК ВОЙНЫ

Даже зима не спасала. Снег смешался с грязью, неровно покрывая поле и все, что на нем. Вот угадывалось чье-то тело, вон ветром сдуло в сторону снег, открыв нелепо торчащие сапоги с новыми подметками — мечта мародера. Там торчит застывшая рука, еще сжимающая меч, а вон там — пустая, на редком зимнем солнце сверкнуло золотом тяжелое кольцо на пальце мертвеца. Только даже самый отчаянный побирушка пока не сунется сюда, между двух армий, двух замерших друг против друга оскаленных зверей.

Тьяри вздохнул, подышал на замерзшие пальцы. Скорее бы в бой. Что же так тихо? Судя по результатам разведки, врагов не так много, а к ним почти подошло долгожданное подкрепление. Скоро. Враг будет сломлен, они пройдут проклятый перевал и наконец войдут в эту проклятую долину! Хотелось тепла, отдыха, горячей еды без примеси магии... «Размечтался, придурок», — одернул он себя. Дожить еще надо до победы. На той стороне пронеслись два всадника. Один — прикинув к гриве белого коня, второй — на странном черном звере. Первый некрупный. Женщина или невысокий мужчина? И что он делает на передовой? Кто они такие? Почему примчались сюда, в обреченный отряд — последнюю надежду врага. Неужели они не понимают, что еще два часа — и подойдет подкрепление? И тогда...

Звук рога заставил его вскочить. Но что это? Полумертвый враг поднялся и зашагал в атаку, прямо на лучников. На мечи и копья. Шли все, даже раненые, шли под барабаны, слепо глядя перед собой. И странный всадник впереди. На том же белом коне. И второй рядом с ним. Тьяри протер глаза. Под вторым всадником был единорог, черный как смоль. Он уверенно нес седока, презрительно открывшего морозу и стрелам голую грудь в небрежно распахнутой безрукавке. Короткая шипастая булава свисала с его запястья, в другой руке — маленький щит. Черные длинные волосы незнакомца облаком окутывали плечи. А вот его спутник, видимо, кадарец, в ярком, как бабочка, похожем на женский наряд. Как они странно одеваются... И глаза, у него такие странные глаза...

— Что замер, кретин, стреляй! Стреляй! — заорал кто-то в ухо. И правда, ведь вот они уже, рядом, как он их подпустил-то? Небесные Лэйны!

Стрела нацелилась в сердце кадарца, сорвалась с тетивы и... замерла в воздухе прямо перед своей яркой мишенью, как и другие стрелы. Все стрелы замерли, они висели неподвижно, вмороженные в прозрачный

воздух. И тут кадарец улыбнулся. Губы раздвинулись, открыв острые клыки, и пришло знание: Кеторо, Повелитель Стрел, Восставший. Союзник и верный раб Келлана дар Тариона — Повелителя Юга. Здесь, так далеко... а потом стрелы развернулись, Тъяри увидел наконечник в форме листа, он любил такие. И больше он не видел ничего.

Он не видел, как единорог брезгливо переступил через его тело, как его сержанта швырнули на колени перед всадником, и тот, еще скалясь, снес ему голову своим клинком. Как волокли командиров под мечи победителей. И как усталый седой человек с рукой на перевязи говорил кадарцу:

— Хвала Небесным Лэйнам, что вы пришли. Передайте дар Тариону, что мы сдержим все клятвы — с этой минуты мы его вассалы! Вы совершили чудо, лэйны. Только вот... напоминать это неприятно, но, мой лэйн! Бой выигран, но как вы хотите предотвратить чуму? Весной, когда все растает, эти тела будут гнить и вода с перевала пойдет в долину... Вы сказали, что вам это по силам...

— У вас два дня, чтоб собрать добычу и уйти, — равнодушно отозвался всадник на единороге. — Советую бежать быстро, потому что моим детям все равно, что мертвые, что живые. Я призыву зверей. Я — Адомир, говорящий с жизнью.

Седой отшатнулся. Это имя Восставшего произносили даже с большим страхом, чем имя его собрата Кеторо. Не имея своих владений, он жил в чужих замках, и ни один из Восставших не осмеливался возразить ему. Самые мрачные слухи ходили об этом существе. Что из этих слухов правда, а что нет, король спасенного страшными союзниками ферга не знал, и знать не хотел. Лейт с ней, с добычей, ноги бы унести...

Два лица смотрели вслед уходящим людям. Когда те скрылись из виду, Адомир вскинул руки. Беззвучный крик сорвался с его губ в холодное небо, а вернулся воем, рычание зверей, криками хищных птиц.

— Поехали отсюда, — буднично сказал Кеторо, — знаю я твоих «детей»! Обязательно ведь какая-нибудь падла на голову насрет.

ВАЛЕРИЙ ВОРОБЬЕВ
Я, МАЙСКИЙ

Какой он неприятный тип — этот я.

С тех пор, как билеты в машину времени подешевели до стоимости проезда общим вагоном из Саратова в Самару, некоторые жлобы и нищелюбы повадились экономить. Ну да, май в этом году чудо как хорош, так что у меня сразу два гостя. Разумеется, свалиться на голову самому себе в чудесный солнечный май куда дешевле, чем отдохнуть на югах: и квартира, и питание на халяву, наскреби на билет и отдохай. Гости. Сразу двое. Один из прошлой осени, другой — из грядущей. Вроде как я и ещё типа я, то есть они. Татарин я по маме, на четверть, но татарин... Незванный.

Тот, что из позапрошлого года ноября, запредельно достал своим любопытством. Эгоист! Попадётся — отдуваться всем нам. Ну подкатил тебе хлявный чартер из снулой осенней хляби в май следующего года, так цена: отдохай, нюхай вишни-яблони-сирени, босоножь по пляжу, пока вода не прогрелась. Топчи первую редиску и свежий грунтовый салат, витаминься клубникой и черешней из абхазии. Да просто будь счастлив, что ты — то есть я — и в мае жив-здоров, и почти полгода спустя не кашляешь. Так ведь нет: всё норовит тайком заглянуть в сеть на предмет прошлогодних тиражей и тотализатора. На что надеешься, дурачок? Ведь видишь: вот он я, майский, ни на грош не богаче тебя, а раз у меня нет, не отвалится и тебе хлявное богатство. Напротив. Изловят, конфискуют выигрыш и оштрафуют за нарушение правил. То есть для него — изловят, для него — в будущем. Для меня, разумеется, в прошлом. Но таком памятном, таком недавнем прошлом... Выплачивал до конца апреля. То есть — я, мы — декабрьский, январьский, февральский, мартовский и апрельский отдавали чуть не треть жалованья за идиотизм его, его, ноябрьского. И ведь никого не слушает, считает типа умнее всех.

Каким идиотом я был всего пять месяцев назад! Не верится...

Сентябрьский, кстати, сам тот ещё фрукт. Ну что стоило притарабанить из августа пару сумок тех копеечных овощей-фруктов-ягод? Нет, видите ли, он (то есть я — сентябрьский) любит чтобы налегке. На! Лег! Ке! Налегке ему, налегке. А то что мне, мне, майскому, приходится кормить двоих прожорливых нахлебников — это пофиг, да, пофиг? Даже не верится, что за это лето я превращусь в такого законченного жлоба. Он ведь ничего с собой не захватил кроме зубной щётки. Ну ладно, мыло, пена для бритья, зубная паста — это стерпим, невелик урон. Но полотенце! После душа он обтирается моим полотенцем, которое для лица. И жопу вытирает, и ноги. Это — я? Я? С полотенцем

пришлось приспособиться: приношу с собой, вытираюсь, уношу назад и вывешиваю на балконе спальни. Но ведь этот паразит спит до семи, а потом запирается на полчаса в ванной. И пофиг ему, что в доме не один, и что нам с женой на работу, и что детям — в школу, что все опаздывают и нервят, а ванная комната одна на всех. Чистюля, блин. Тридцать минут каждое утро. Чуть зазевайся — ни зубы почистить, ни умыться. И вот ещё меня беспокоит: почему он не отправился, скажем, в июль или июнь? Ведь и билеты дешевле, и лето. Там что, сплошные дожди? Или дома какие-то проблемы? Блин, нестерпимо любопытно, а не имею права спрашивать. А этот, этот-то, расхаживает этак свысока: ну да, он тут самый информированный. В моих тапочках, кстати.

Какой сволочью я стану четыре месяца спустя! Не верится...

И у тётчи, и у мамы эти хреновы отпускники в любимчиках: как же, ведь они так умеют слушать, такие вежливые, такие внимательные. Ну да, коль не спешишь на работу, несложно выслушать получасовой монолог о подлости тётчиных сослуживцев и коварстве маминых подруг. Результат: первую тарелку — им, лучшую котлетку — им, чистые носки — мной выстиранные мои носки! — опять же им. И дети этим обалдуям в рот глядят. Разумеется, как в парк и в кино, так они с обалдуями, а краснеть на родительском собрании и ремонтировать дверь в кабинете русского — мне.

И как они поглядывают на мою жену! И ведь жена реагирует на эти взгляды, да, реагирует. Типа я совсем тупой и не замечаю. А ещё они — оба! — храпят по ночам.

Выгнать? Так ведь... Приходится терпеть.

Препротивные людишки эти я.

ЕВГЕНИЙ ВАСИН
ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

Невыносимая жара опустилась на маленький городок. На пляж потянулись многочисленные паломники. Особенно много людей было здесь по вечерам. Грохотала музыка, и гудели сотни голосов. Молодёжь предпочитала дальний пляж на Кумушкиной косе. Но добраться туда можно было только на машине. Несколько кривоватых беседок, роща и поржавевший знак «Купание запрещено!» — что ещё нужно для счастья?

Но самые большие ценители проезжали ещё пару километров. Места там были дикие. Роща подступала почти к самому берегу. А ещё ходили слухи то о маньяке, то о лесном монстре, то о матёром волке. Но нет ничего приятнее, когда девушка прижимается к мужскому плечу и зарожено смотрит в огонь костра.

Пират часто бывал здесь с Дашей. Они приезжали на старой разбитой шестёрке и подолгу целовались под звёздами. Пока всё не изменилось.

* * *

Пират уже жалел о сказанном. Не самое лучшее время и место. Надо было сделать это при свете дня. Но всё получилось слишком спонтанно.

Даша тоже молчала, вытянув перед собой стройные ножки и уставившись в темноту.

— Ну, что думаешь? Я доказать могу, — первым не выдержал Пират. Даша вздрогнула и, наконец, посмотрела на него.

— Я что-то чувствовала.... Но... Это слишком. Игорь, такого не бывает же.

— Оказывается, бывает, — ответил Пират. — Только не бойся, хорошо? Я уже ослабел немного, ну, мы же давненько... Ну, ты поняла. Но я смогу. Смотри.

Он повернул голову и уставился на лежащее у кромки воды бревно. Оно дёрнулось, поползло по песку, а потом поднялось в воздух.

— Хватит! — взвизгнула Даша, и бревно шлёпнулось на песок.

Пират подвинулся ближе и обнял девушку за плечи.

— Перестань. Это же я. Ну что ты? Испугалась, глупая?

Дашка вдруг разревелась, уткнувшись парню в грудь.

* * *

Прозвище Пират Игорь получил в тринадцать лет. Глупейшая история. Мальчишки всегда мальчишки. Он полез на дерево, нога соскользнула с ветки. Здравствуй, сучок. Прощай, левый глаз. Было

до соплей обидно. Казалось, что жизнь окончена. Кому он нужен с одним глазом?

Потом были ужасающие очки и залепленный лейкопластырем глаз.

И только в пятнадцать Игорь понял, что свой недостаток можно сделать достоинством. К тому времени кличка прилипла к нему уже намертво, и нужно было ей соответствовать.

«Пиратская» повязка на глаз, регулярные походы в тренажёрку, а, чуть позже, и татуха с Весёлым Роджером на плече. Девочки писались кипятком. А потом он встретил Дашу.

Милая девушка, небольшого росточка и с весьма округлыми формами — она словно была воплощением мягкости и нежности. Светлые волосы, кокетливая чёлка и самая лучшая улыбка в мире.

Первый раз он её поцеловал после вечеринки у Вадика. Её губы были сладкими от выпитого вина, а глаза лучились доверием и нежностью.

Через три дня они занялись любовью. Пират был первым у Даши. Девушка вцепилась пальцами в спину парня и не отпускала, пока тот не кончил.

В ту самую первую ночь Пират уже почувствовал, что с ним происходит что-то странное, но это было так мимолетно, что он тут же забыл об этом.

* * *

Жаркое лето. Городок утопал в буйстве зелени. Время коротеньких юбочек и долгих поцелуев.

Всё было так просто.

Даша жила одним днём, по ночам умирая в тёплых объятиях.

И даже отчим не мог испортить дни Последнего лета.

— Опять к своему дебилу одноглазому собралась? — он хмуро курил.

Даша уставилась в чашку чая.

— Я с тобой разговариваю! — рявкнул отчим.

— Лёша, оставь её... — это мама, робко и тихо.

Мужчина подошёл и положил руку на плечо Дашки.

— Передай ему, что если увижу — ноги переломая. Сучонок косо-рылый.

Девушка молча встала.

Ничего, осталось недолго. Катька обещала в сентябре в Москву её устроить. Можно и потерпеть этого урода. И чего лезет-то?

— Я пойду погуляю.

— Иди, — хмыкнул отчим, а потом повернулся к маме. — Вырастила шлюху. Пороть её надо.

Но Дашка уже выскользнула из квартиры.

Быстрее к Пирату. Ещё бы не зареветь по дороге.

* * *

Жужжал вентилятор, медленно обводя комнату усталым взглядом. Туда — лениво пошевелить штору и шерсть на животе кота. Обратно — погладить волосы Даши и спину Пирата. Снова к коту и шторе.

— Я не знаю, почему именно с тобой. Может, потому, что люблю тебя или типа того, — пожал плечами Пират.

— А что ещё? Ну, кроме телекинеза.

— Заживает всё быстро. Но только свежие раны, — он с сожалением потрогал повязку на глазу. — Ещё... Я иногда мысли слышу. Правда, это очень прислушиваться надо.

— Мммм... А почему ты решил, что это именно из-за меня?

— Ну, я проверял. Да и чувствую. Ты когда кончаешь — меня будто что-то наполняет. Каждый стон... Как глоток. Это длится не так долго... Мне подпитка нужна.

Он подвинулся ближе и обхватил её за талию.

— Стой. Нафиг. Я теперь боюсь, — сказала Даша, но не предприняла попытки убрать нахальную руку, которая уже гладила животик.

— Чего боишься? Это же я, твой Пират.

— Не знаю... — она резко выдохнула, когда рука забралась под резинку шортиков. — Перестань.

Но Пират неумолим. Он знает, что и как нужно делать.

Она облизала губы и тяжело задышала, немного выгнув спинку и подавшись навстречу его пальцам.

— Чуть нежнее, милый...

А потом поймала его взгляд.

— Стой! Нет! Перестань! — она вывернулась, прекратив ласки.

— Дашенька? Ты чего?

— Не могу, прости. Мне надо привыкнуть. Скоро... Только не обижайся.

— Всё нормально... Я подожду.

— Стой, я же не могу позволить тебе уйти в таком состоянии.

Чуть заметная улыбка.

— Ложись и расслабься, — она снова облизнула губы.

* * *

Когда старенькая машина приехала на Кумушкину косу, уже оба знали, чем всё закончится. Это была такая сладкая обречённость, которой невозможно сопротивляться.

Но Дашка оттягивала момент, убежав купаться.

Солнце клонилось к закату, окрасив небо в розовые тона. Сзади слышался плеск. Пират вечно вбегал в воду, как стадо слонов. Даша улыбнулась и нырнула.

Гулкая тишина. Одиночество и пустота.

Тут не было отчима. Не было стремительно уходящего Последнего лета и не надо было думать о расставании с Пиратом. Не было этой дурацкой магии.

Остаться бы тут навсегда.

Сильные руки схватили её за талию и потянули вверх.

— Попалась? — засмеялся Пират.

— Попалась... — ответила Даша.

И они стали целоваться. На мокрых щеках не видно слёз.

Она отдавалась ему на берегу с каким-то исступлением. Билась под хлёткими ударами его бёдер. На самой вершине удалось замереть, заглянуть в его глаза, а потом рухнуть вниз. Она делала своего мужчину сильнее. От одной только мысли Дашку скрутил такой оргазм, что Пирату пришлось замереть на некоторое время.

Когда всё закончилось, она положила голову на грудь парня, вслушиваясь в стук сердца.

— Как ты себя... чувствуешь? — произнесла она тихо.

— Суперменом, — так же тихо ответил Пират.

— И... Что ты с этим будешь делать? Я имею в виду, куда отправишь свою силу? — Даша приподняла голову и заглянула в его глаза.

— Не знаю...

— Только глупостей не делай, хорошо?

— Хорошо...

Быть может, теперь они уедут вместе. Да, скорее всего.

* * *

Изменения. К лучшему или к худшему?

Не важно. Перемены пугают. Последнее лето менялось. Пират и Даша оба прекрасно это осознавали, но ничего не могли поделать.

— Слышь, чмошник, со шлюхой своей так разговаривать будешь! — выкрикнул здоровяк в полосатой футболке.

Их трое. Пират стоял, сжав кулаки. За спиной Дашка.

— Может, она и нам даст? Как считаете? — парень в спортивном костюме сплюнул перед собой.

— Сейчас мы у неё спросим, — тот, что в кепке, нахально улыбнулся

— Игорь, только, пожалуйста, не надо, — шептала Даша. — Пожалуйста...

«Спортивный костюм» вдруг отлетел в сторону, ломая своим телом куст. «Кепочка» судорожно подпрыгнул. Его ступня с неприятным хрустом повернулась под неестественным углом.

Здоровяк отступил на шаг, но тут же упал. Из его разбитого носа хлестала кровь.

— Миленкий, перестань, пожалуйста, — Даша обхватила плечи Пирата. — Пожалуйста...

— Всё хорошо, — голос глухой и какой-то чужой. — Им хватит.

* * *

Дядя Коля, участковый, когда-то знал отца Дашки.

Он попросил Пирата подождать в коридоре.

— Даш, расскажешь, как всё было? Эти трое вообще ничего толком не сказали. Бред какой— то. Твой... парень отнекивается.

— Ну, мы же сказали... Мы там случайно оказались и ничего не видели.

— Дашенька, Гаврилов теперь навсегда хромой. Если Игорь тебя защищал... Я просто не понимаю, как...

— Мы ничего не видели.

— Хорошо, иди.

Даша встала.

Дядя Коля хотел ещё что-то добавить, но промолчал, опустив глаза в документы.

* * *

Миновала середина Последнего лета. Июль расхныкался, задождил, иногда впадая в беспричинное грозовое буйство.

— Алло... Даш? Блин, сколько время?

— Три часа. Игорь, ты можешь меня забрать? — в телефоне что-то шумело.

— Забрать? Ты где? Даш, что случилось? — Пират окончательно проснулся.

— Я в том садике возле будки. В беседке... Где мы пиво пили. Помнишь?

— Да-да, помню! Что произошло?

— Всё хорошо... Приедешь — расскажу.

Она отключилась. Пират некоторое время смотрел на её фотографию в телефоне.

На улице ливень барабанил по подоконнику.

Он быстро оделся и выбежал к машине.

* * *

Мокрые волосы прилипли к её лбу. Она смотрела на потоки воды через лобовое стекло.

— Дашка! Я сейчас с ума сойду! Какого хера ты тут среди ночи?!

— Только пообещай мне, что не наделаешь глупостей.

— Даша! Говори уже!

Она повернула голову, заглянув в глаза Пирата.

— Отчим... Мать ушла в ночную, а он... выпивал с друзьями на кухне, а когда они ушли, припёрся в мою комнату. Я уже легла, и он полез под одеяло. Ударил его в лицо и убежала... Всё...

Ярость. Пират закрыл глаза, стараясь унять дрожь.

— Он пьяный был совсем... Проспится — жалеть будет. Игорь, ты только не делай ничего такого... Пожалуйста.

Вместо ответа он навалился на девушку, прижимая к сидению. Ладонь давила мягкую грудь.

— Игорь! Перестань! Я не хочу!

Осознание того, что сейчас происходит, заставило Дашу замереть от ужаса.

Его руки, пальцы, губы... Она ненавидела своё тело, которое с такой готовностью откликалось на его ласки. Хотя нет, это были не ласки. Он просто брал то, что хочет. Пил её большими глотками.

Пират выскочил на улицу, распахнул дверцу со стороны пассажира и с силой вытащил Дашу под дождь. А потом буквально опрокинул обратно в салон. Она упала животом на сидение, а он задрал её мокрый сарафан и стянул трусики.

— Нет, нет, нет, — шептала она при каждом толчке, выгибая спину и подставляя бёдра.

— Пожалуйста, остановись! — вскрикивала всё громче, кусая губы.

Она презирала саму себя, за то, что хотела кончить. За то, что это был самый сильный оргазм в её жизни. За то, что предвидела, чем он обернётся.

— Прости...

Пират стоял под ливнем.

— Я люблю тебя, девочка моя. Больше жизни люблю.

— Игорь....

Но он уже исчез. Пространство схлопнулось, как мышеловка. Даша осталась наедине с дождём..

* * *

Томительное ожидание. Игоря не было уже минут сорок, и Дашка медленно сходила с ума. Радио что-то бубнило, но девушка не слушала. Она смотрела на потоки воды за стеклом и тряслась.

Мучительный холодный озноб.

Он снова вынырнул из дождя с лёгким хлопком. Некоторое время подставлял лицо тугим струям, а потом сел в машину.

— Позвони маме и скажи, что ты со мной. Они потом местоположение телефона пробьют. И ещё авторегистратор есть. Я не должен был попасть в него, когда исчезал. Мы были тут и трахались. Запомнила?

— Игорь, что ты наделал?
Даша в ужасе смотрела на пятно крови на его рукаве.
— А, чёрт!
Он стянул рубаху и выскочил из машины.
Даша осталась сидеть неподвижно, пока Пират снова не уселся за руль с голым торсом.
— Поехали. Ты маме позвонила? Звони, говорю!
Дождь и не думал заканчиваться.

* * *

— Да, я была с Пи... Игорем. Мы трахались в его тачке, — Даша с вызовом смотрела в глаза полицейского.

— Угу, — усталый пожилой мужчина потёр виски. — Хорошо.

Алиби у Пирата железное. Он был на другом конце города в момент убийства. Авторегистратор, показания Даши. Он никак не мог убить Алексея Кардашева. Физически не мог.

Но кто-то что-то сделал с Кардашевым. С маниакальной жестокостью. И каким образом жертва попала на пустырь?

Жена сказала, что вошла в квартиру, заглянула в спальню. Муж спал. Вышла на кухню, на столе пустые бутылки, остатки снеди. А потом услышала хлопок. Как будто кто-то открыл бутылку шампанского. Метнулась в спальню — мужа нет.

Зато есть труп на пустыре.

Виктор Петрович тяжело вздохнул. Скоро должны были приехать спецы с района. Но дело гиблое.

— Калинина, если что-то знаешь... Просто посмотри на это.

Фотографии не давали почувствовать весь ужас. Только малую толику. Например, кровавое месиво вместо лица Кардашева. Кто-то вырезал ему глаз, разворотив половину черепа.

Даша помотала головой. А потом её вырвало.

* * *

— Это конец? — он обнимал Дашу, прижимая к себе.

— Да, наверно. Прости....

Пират ухватил её за плечи.

— Ты же понимаешь, что всё ради тебя? Я люблю тебя, Дашенька.

— Понимаю... Но мы убийцы, Игорь. Ты и я. И я не могу больше кончить. С тобой — точно нет. Знаешь, как будто внутри что-то умерло... не знаю, как сказать... Я же видела фотографии, что ты с ним сделал... Прости, я не могу.

— Дашка! Стой! Давай ещё попробуем!

— Пробовали уже... — девушка устало покачала головой. — Лето закончилось.

— О чём ты? Ещё почти месяц!

Но она уже натянула топик.

Да, времени мало. Жаль оставлять маму одну. Надо ещё с похоронами помочь... Надо попрощаться с городом и Кумушкиной косой. А ещё научиться жить с камнем на душе. Наверно, получится. Как и снова научиться любить.

Эпилог: шесть лет спустя

— Мама! Мама! — Игорёк бежал по парку, размахивая руками. — Смотри, как я научился!

Лето в Москве выдалось очень душным. Времени вечно не хватало, и Даша наслаждалась выходным и возможностью побольше побыть с Игорьком. Она отложила книжку и улыбнулась.

— Чему ты научился, радость моя?

Сыночек вытянул ладошку, на которой лежал пластиковый солдатик.

Игрушка дёрнулась и принялась сама собой шевелиться, подпрыгивая на подставке.

— Мама, смотри — он танцует. Весело, правда?

ВИТАЛИЙ МАКСИМЕНКО

ИМЯ ОСЕНИ

1. ОСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

Как ты можешь всё изга...

Гордеев захлопнул дверцу автомобиля и, расшвыривая ворохи листьев, прошагал к киоску. Получил вожделенную пачку, содрал пленку, сунул сигарету в угол кривящегося рта. Стоял, вдыхая горьковатый дым и выпуская его через ноздри, и сама эта процедура успокаивала не хуже дыхательной гимнастики. Его взгляд скользил мимо городских зданий, мимо потока машин и спешащих пешеходов; он уходил выше и, освобождаясь от силков высоковольтных линий, упирался в белесое, словно пожалели краски, небо. Дальше скользить было некуда.

Гордеев и городских звуков не слышал, в ушах звенел голос супруги: «Ты превратил мою жизнь в кошмар. Сплошное попреки и придирки. И ни капли благодарности...». Но голос затихал, становилось легче, легче. «Словно зубная боль унимается» — пришло на ум.

— Ну конечно! Чуть что, сразу за соску! Сначала наплюешь в душу. Испортишь настроение на весь день, а потом эту дрянь тянешь. Травишь себя и всех вокруг. И еще стоишь с таким довольным видом. Что, рад теперь? Рад? — супруга Гордеева догадалась опустить стекло.

Гордеев сморщился так, будто челюсти и вправду свело от ноющей боли, и едва не выронил сигарету. Однако быстро совладал с собой.

— Осень, — выпустил он клуб дыма, не вынимая сигареты изо рта.

— Что? Что «осень»? При чем тут осень? Осеннее обострение? Любишь издеваться, надо мной, да?

— Осень, — повторил Гордеев, упрямо стискивая фильтр зубами.

Пятипалый, огромный, венозно-багровый с одного края, артериально-алый с другого, лист лениво спланировал на авто и присосался к лобовому стеклу.

2. ЦЕЛИ И СРЕДСТВА

Гордеев запирается в кабинете. Гордеев выключает мобильный и городской телефоны. Гордеев смотрит в экран компьютера. К губе прилипла сигарета. Курить на работе нельзя, но так он и не курит — сигарета давно погасла.

Его глаза слезятся, иногда он что-то шепчет, сначала почти в голос, но быстро переходит в беззвучный режим; черная точка окурка сужает круги у рта.

Наконец, Гордеев отрывается от экрана. Массирует лицо, давит окурки в пепельнице. Потом стирает данные о посещенных сайтах.

Собирается уже выключить компьютер, но решает сначала глянуть ленту городских новостей.

— Так... — шепчет, покачиваясь на стуле, — замминистра отстранен, так... перебои с горячей водой в пригородах, так-так. А это что? — щурится, всматриваясь в строчки: «Необычный осенний урожай. Коммунальные службы не справляются с уборкой города от опавших листьев. Скверы, аллеи, дворы тонут в красно-желтом великолепии. Жители жалуются на нерасторопность коммунальщиков. Глава комитета по благоустройству заявил, что будут выделены дополнительные средства на...».

— Чушь какая-то...

Выключает компьютер.

Когда подходит к машине, то замирает на месте — показалось на миг, что в машине кто-то есть. Вернее не кто-то, а жена. Сидит спереди, рядом с водительским местом и смотрит прямо на него. Ждет.

— Ведьма! — в сердцах бросает Гордеев.

Вытирает взмокший лоб, садится в машину и вспоминает слова с одного из просмотренных вечером сайтов: «Всё зависит от ваших целей — если вы хотите ритуальное убийство с широким резонансом в обществе, то это одно, а если человек должен исчезнуть по-тихому, скажем, в результате несчастного случая — совсем другое».

3. Буквы и цифры

Поставив авто в гараж, Гордеев похлопал себя по карманам и крикнул с досады — сигареты остались на работе. Придется топать в магазин.

Он не мог понять — что-то замедляло его обычно торопливый шаг. Что-то с ним, с Гордеевым, было не так. Не так с глазами, ушами, носом, легкими, ногами... Он остановился, растерянно уставился на свои туфли — и не увидел их. Ноги по щиколотки тонули в шуршащем ковре.

Листья захватили двор. Почти полностью скрыли детскую площадку, скамейки у подъездов. Машины стояли, по фары зарывшись в листья.

Листья. Их запах. Тонкий, сладкий, дразнящий запах осени. Нет, не одной осени, а многих. Осыпавшихся, пролившихся, умерших, но оставшихся с ним, в нем. У каждой свое имя: Осень-бледные ладони, Осень-заросший овраг, Осень-танец на балконе и даже Осень-дождь и провода. И много других имен. Но у всех один и тот же запах. Тонкий, сладкий... Тошнотворный дух давно немытого тела и вчерашней сивухи. Гордеев скривился — это еще откуда?

Гора листьев на ближней скамейке пришла в движение — сначала из нее выросла рука — корявая и грязная, затем голова — лохматая и небритая. Голова вращала дикими спросонья и с похмелья глазами. Гордеев понял причину обонятельного диссонанса. Причиной являлся дворник Полянский.

— Ты чего это завалился? — спросил Гордеев строго, но беззлобно.
— Устал я, это... — дворник поскреб заскорузлым пальцем темя. Потом полез в карман, достал большую красную пачку с тремя белыми тройками.

— Угостишь? — Гордеев сам удивился своей просьбе — он предпочитал дорогие европейские марки, а эти явно были дешевые и отечественные. Еще, пожалуй, без фильтра. Так и есть.

Дворник протянул белую кривоватую палочку. Гордеев чиркнул зажигалкой, дал прикурить Полянскому, закурил сам, закашлялся.

— Что это за сигареты — «Три тройки»? — спросил он, откашлявшись, — никогда не встречал.

— Это не тройки. Это буквы. Большие буквы «З», — сказал дворник со значением.

Гордеев вопросительно посмотрел на него, потом на сигарету. Вновь затянулся, вновь закашлялся.

— Ну и гадость!

— Предпочитаю именно эту марку, — твердо сказал дворник. И незаметно покраснел.

Некоторое время молчали. Гордеев, наконец, нарушил тишину:

— А чего ты устал?

— Листья убирал. Умаялся, — коротко сообщил Полянский.

— Что-то не заметно. Что убирал.

— Угу, — протянул Полянский, — Сизифов труд. Бесмысленный и беспощадный.

Гордеев давно знал дворника — еще с тех времен, когда тот дворником не был. А был студентом филологического факультета — юношей одаренным и пылким. А потом вылетел со второго курса из-за несчастной любви.

Оба еще помолчали, посмотрели в прозрачное небо, откуда с гипнотической медлительностью, кружась и танцуя, спускался десант осени.

Ковер из листьев дышал — свободно, легко, но при этом тихо, не напоказ. По нему пробегали волны, отдельные листы срывались с места, устремлялись в погоню друг за дружкой, устраивали маленькие рыжие карусели.

— И ведь главное что, — глухо сказал Полянский, — ладно, на деревьях листьев нет почти. Конец октября — откуда им взяться на деревьях. Но откуда столько тополиных и кленовых? Тополям уже лет пятнадцать как ветки обрубают, а кленов после модернизации центра осталось раз-два и обчелся. Тайна сия и не снилась нашим мудрецам.

Гордеев понял откуда, а потому вздрогнул, криво улыбнулся дворнику, встал и пошел домой.

4. ВЕСНА БУДЕТ

«Пожалуй, открытые газовые конфорки и закрытые форточки — подходящий вариант, — думал он, — тогда и за сигаретами схожу — в круглосуточный».

Он пинал листья, подбрасывал их резкими неожиданными ударами. Листья ничего не имели против такого обращения. Они только шелестели громче.

«Ты помнишь, — говорили они, — ту осень? Первую. Мы помним — мы прилетели оттуда. Вы бежали по заброшенному парку, а потом упали и скатились в ложбинку. Зарылись с головой в густой шорох, в шелковистый шелест. Ты обнял ее, почувствовал вкус ее губ и впервые услышал наш запах — запах осени. И испытал сладостное, неизъяснимое желание коснуться ее шеи, обхватить дрожащими пальцами, сдавить... А неужели ты забыл тот, другой, сентябрь? Вы прогуливались по аллее. Уже стемнело, и бледные листья-ладони раскачивались над вами, срывались, летели вслед. Словно хотели защитить. У тебя в кармане был складной нож. Те листья до сих пор летят за тобой. И вот, наконец, нагнали».

«Замолчите! Заткнитесь! — беззвучно кричал Гордеев, совершая дикие прыжки, расшвыривая маленьких предателей налево и направо, яростно топча их. — Вы не имеете права! Вы попросту не существуете. Вас нет. Вы остались в тех — далеких, прошлых осенях. Почему вы явились сейчас?».

Но чем неистовей он метался среди шуршащего безумия, тем сильнее безумие овладевало им самим, тем громче звучали голоса листьев.

«Ты убивал! Убивал каждую осень. Как только слышал наш запах, слышал наш голос. И мы знаем то же, что и ты: вкус крови, запах горелой плоти, последний судорожный вздох. Ты терял власть над собой. Твои руки — словно красные листья кленов, в глазах — осень и смерть. И теперь мы пришли за тобой».

Силы оставили его, дыхание сбилось. Гордеев закашлялся. Стоял, прислонившись к холодным трубам турника, рассекающего пестрые волны посреди двора, и кашлял — долго, мучительно, с надрывом. Потом затих. Засмеялся — негромко, слабым, задыхающимся смехом.

«Вы ничего не поняли! Вы совершенно не разбираетесь в людях, глупые, слепые листья. Да, я видел всё и слышал всё — меня можно десять раз повесить и сжечь за то, что я сотворил. Да, убивал. Но всегда только ее. Единственную. Каждая осень получила имя. Но это всегда было ее имя — моей любимой, моей жены. Она даже не догадывается, сколько раз ей пришлось умереть у меня на руках. Пусть убивал только

в воображении, но любил по-настоящему! И осенью любил сильней и острее, чем в другие времена года.

Потом всё изменилось. Время высушило нас. Я перестал охотиться на свою жену. И любовь ушла. Остались два издерганных морщинистых тела, которые не знают, зачем они вместе и кто они друг другу.

— Ты опять хочешь убить! — выли, рыдали, кричали листья. — И на этот раз мы остановим тебя. Мы залепим тебе глаза, набьемся в рот, наполним глотку. Задушим и похороним в багряных ворохах, в золотых завалах.

— Нет! Нет, глупые листья! Вы не убьете меня. Я так долго вдыхал дым мертвых растений, что... — он вновь закашлялся-рассмеялся, — как там пишут? Курение убивает? Точно. Намного лучше, чем я. У меня скоро не будет легких, чем мне тогда курить? Но это уже не важно.

Я убью ее сегодня в последний раз. Я открою газ и закрою форточку. А после схожу за сигаретами. Да-да, как в песне: «Чиркни спичкой и, может быть, случится любовь». Любовь вернется и согреет нас. Словно вспышка, словно весенний взрыв. И весна — весна будет!».

* * *

Дворник Полянский с интересом следил за судорожными телодвижениями Гордеева. А потом вынул из-за пазухи огрызок карандаша и замусоленный блокнотик. Раскрыл на пустой странице и бисерным почерком записал:

Весной оживают деревья. Корни пьют талую воду. Черные ломкие пальцы тянутся к обернувшемуся солнцу — спешат отогреться. Хмельной весенний сок восходит от корней к ветвям, наполняет ствол жизнью, возвращает упругость и силу древесной плоти. Самые тонкие и слабые, самые юные веточки томятся в ожидании нового, пугающего, неизбежного. Какого чуда ждут — они и сами не знают, они только-только появились, выросли заодно с весенними днями. Те, которые перезимовали, уже не помнят прошлого тепла, оглушенные морозами. Деревья не сразу приходят в себя после обморока зимы. Но странной их веры в мучительную необходимость нежного, прозрачного, клейкого — никому не отнять. И вот, разлепив смолистые веки, открываются и смотрят на мир тысячи юных зеленых глаз. Весной оживают деревья.

...

Я посвящаю эти строки тебе, моя прекрасная ЗЗЗ. И вновь думаю о нашей любви. Возможно, я слишком рано опустил руки. Возможно, наше счастье совсем близко. Может быть, оно ждет нас уже этой весной. Как бы то ни было, я буду любить тебя всегда, моя Зеленоглазая Звезда Зинаида.

* * *

Зинаида Гордеева вышла на балкон, услышав, как во дворе кашляет муж. Она увидела его — несчастного, измученного. Смеющегося. Задыхающегося. Ржавый огонь осени тонул в ее зрачках, гас во влаге слез. В ее глазах полыхало изумрудное пламя, которое охватывало весь двор: и листья, и мужа, и дворника Полянского.

— Почему ты не убил меня тогда, — тихо сказала она. — Не убил нас с Полянским. Меня ты прости. А на него настучал в деканат. Я любила его, а вышла за тебя. Как странно. Сколько раз я хотела тебя отравить и не решалась. Ты отравил себя сам, ты скоро умрешь, я знаю. Но... почему я смотрю на тебя сейчас и кусаю губы от боли? Ведь я тебя ненавижу. Я тебя ненавижу, я должна тебя ненавидеть!

* * *

Полянского разбудил резкий звук, словно кто-то прямо у него над ухом громко хлопнул в ладоши. Он открыл глаза и посмотрел в ночное небо. И услышал их: призрачный шорох, бесплотный шепот миллионов мертвых голосов. Дворник оторвал тяжелую голову от скамейки. Мириады маленьких теней, бестолковым порханием напоминающих слепых бабочек, поднимались над двором, возносились над городом и растворялись в чернильной тьме. И никому в городе, никому в мире, даже ему — бывшему студенту филологического факультета, исключенному из-за несчастной любви, — не было дано увидеть: среди желтых, оранжевых, красных пришельцев затерялась пара юно-зеленых, бесшабашно-весенних, беспробудно-влюбленных...

Полянский, пожившись, сунул руки в карманы и неожиданно для себя прошептал:

«Убийца, Дама и Поэт –
Всего лишь выкинутый жребий,
Лишь карта, фант или билет
Они не могут дать ответ:
Есть счастье — или счастья нет
Ни на земле и ни на небе»

ВИТАЛИЙ ПРИДАТКО
АЛЕКСАНДР ПРИДАТКО

ОСЕННИЕ ЛЮДИ

Гучия плакала, дергая плечиком и отвернувшись к слабо дребезжащему окошку. Легкие волосы подрагивали от студеного утреннего ветра, рвущегося сквозь оставшуюся над стеклом щель.

— Чего ты? — буркнул наконец Ильзар, звонко щелкая затвором пистолета. Он прицелился вперед, сквозь застоявшийся туман вдоль Шеринской, цыкнул зубом и недовольно отвернулся. Пистолет положил на тощие острые колени.

— Умереть боится, — хрипло объяснил Лук, вертевший облезлую громоздкую баранку. — Как и ты, Бис.

— Все боимся, — отозвался я, махнув рукой: эка невидаль! — смерти бояться.

Черт. Руки-то у меня дрожали, и еще как; но хуже было то, что я представлял себе, почему может плакать смиренная домашняя девочка из благополучного Эйзула. Представлял — и издевался.

Чертов страх. Вечно он все поганит, даже когда знаешь, как надо правильно.

— Я не потому, — возмутилась Гучия, вытаращив огромные карие глаза, чуточку покрасневшие от плача. — И вовсе нет! Если я с вами, значит, с вами!

— Знаем мы, — тихо сказал Лук, похлопав ее по плечу. — Поверь.

Гучия посмотрела на него, потом на нас, рассеявшихся по краям заднего сидения. Картинка на загляденье: броники велики на шут знает сколько размеров, держатся только благодаря поистершимся пуховикам, из воротов торчат немые ботинки. Ноздрями поведут, зубами щелкают. Девчужка прикусила губу, прикидывая, не разревется ли сызнова. Ильзар глаза закатил, ровно аллаху молиться начал. Они у него темные, черные, как смола во рвах, любая девка засмотрится. Кроме разве что моей сестры Тэб, которая большая умница и все еще старается не пропускать школы, ну и Гучии.

— Скоро? — спросил Лук, сбрасывая скорость и подаваясь на руль, чтобы хоть как-то разглядеть, что там поодаль. Мы с Ильзаром понимали с предохранителей стволы и откинулись так, чтоб поменьше в окна отсвечивать. Это район уже был более или менее зажиточный: то там, то сям попадались машины разной степени проржавелости. Чем дальше, тем меньше было таких, что выстаивали на кирпичках, а у некоторых даже окна и фары остались целы. Скверный знак: у кого-то хватало сил и дури, чтобы защищать еще и машины. Эдак могли вломить и нам — ни за что, просто из осторожности.

— Вперед, до первого поворота, там направо, — гортанно выговорил Ильзар и нахмурился. — Только ты б пошибчее, что ли? Неровен час...

— Каркай еще! — обозлился Лук. Руки у него были длинные, узловатые от мышц, перевитых венами; и действовал он ими всегда безошибочно. Вот как сейчас.

— Унпунты! — загнусавил Ильзар, хлопая бабьими ресницами, чтоб сморгнуть слезы, — Нш! Ншш унпунты!

— Тихо будь, — сказал Лук, осторожно отворачивая правее, чтобы обогнуть крошечный изувеченный внедорожник — салатовую японскую игрушку. Двери были изломаны и прорублены, двух колес не доставало. Корма так и вовсе почернела от огня — хотя, рвани бензобак, выгорело бы дотла.

Ильзар промычал громче, и Лук убрал руку от смуглого горбатого носа, вытер пальцы о сиденье. Гучия звонко щелкнула чем-то, но тут уже ничего не попишешь — и мы катились дальше, все время ожидая, когда же займутся нашим балаганчиком. Тут, похоже, в ходу куда как крутые способы веселиться...

Обошлось.

За поворотом виднелись здоровенные тополя с жиденкой листвой на растреванных метлах крон. Несколько лежали, сваленные на проезжую часть, все в одну сторону, к реке. Из-под замшелого ствола одного торчал смятый кузов грузовичка «Теннесси» с призывно распахнутыми створками. На пятнисто-желтом борту виднелась лаконичная надпись «Люди», сделанная аэрозолем, а чуть ниже — бурый отпечаток пятерни. Всего один.

Здания здесь были повыше, почти все — со слепыми окнами, без стекол. Не жилые, скорее всего: полно спальных районов, где свет дважды в день и вода почти все время есть. Тут — разве что воевать. Снайпера — хоть в каждый блок на верхние этажи натыкай.

Впрочем — кому оно надо? С тех пор, как гвардию ввели...

— Притормози, Лук, — тихо попросила Гучия, вскидываясь и приликая к запотевшему окну. Пальчики — тоненькие-тоненькие, с почти прозрачной кожей и облупившимся игрушечным лаком — торопливо протирали сизые капли. Ильзар тоже вострепнулся, поднял пистолет, все еще держа его ниже края окна; левой же рукой парой быстрых, звериных махов протер свое окошко, нервно стреляя глазами по захламленной обочине.

— Чего там, Ильзар? — спросил Лук, не спеша сбрасывать скорость.

— Чисто вроде, — с сомнением сказал Ильзар, кривясь и щурясь, — А вообще — иблис не разберет, что там такое. Туман.

— Это я понял, — спокойно сказал Лук, — Бис?

— *По лівім бакштазі штиль*, — сказал я твердо на летнем диалекте. И добавил, больше для Ильзара, по-местному: — Слева тихо. — Лук мотнул головой. И остановил машину.

Ветер сразу завыл громче, стало слышно хлопанье жести где-то во дворе широко растянувшегося комплекса справа. А еще — вороны. Множество воронов — тоже где-то во дворах. Видимо, им повезло найти, чего пожрать; или просто кому-то другому очень сильно не повезло.

— Ну, девочка? — терпеливо сказал Лук. — Что случилось?

Тут-то и появился архоза. Волнообразно шевеля мощным хвостом о двух гребнях, он всплыл из-за блока слева, прижимая четыре пары лап к белесому чешуйчатому брюху и задирая повыше тяжелую башку. Не знаю, откуда на него смотрел Рубик, который заливал про пылающие глаза, — нам из машины глаз под массивными дугами бровей было почти не разглядеть. Потом архоза распахнул пасть, демонстрируя громадные редкие клыки, и беззвучно глотнул что-то, шевельнув складками на плавно переходящей в плечи шее.

— Вот шайтан, — прошептал Ильзар, прижимая пистолет к щеке. Не знаю, конечно, но от архозы, как по мне, даже шайтан, имея он хоть каплю мозгов, драпал бы почему зря. Когда осень еще подступала, против них использовали даже тяжелые танки, не говоря уже о ПТУРСах и прочей ерунде. Глупо, конечно; но — хоть сиди, хоть бегай, все плывет по своим руслам, кому на роду зубы писаны, тот не утопнет. Солдаты сделали, что могли.

Архоза обделил вниманием стоящую машину, благо таких вдоль улицы была пропасть, и далеко не все были перевернуты, разбиты или смяты. Зверюга взмыл повыше и стремительно метнулся через дорогу, ловко струясь в белесом тумане. Спереди клыки заходили за жесткие чешуйчатые губы, отчего морда выглядела... целеустремленной, что ли. Он будто охотился — мчался куда-то наперегонки с пульсом.

Гучия затихла влет: архозу она до сих пор еще не видывала. Он впечатляет всегда, но когда в первый раз — обделаться самое плевое дело, поверьте. Девчонка еще держалась молодцом, хотя уши вмиг сделались прозрачно-воскового цвета.

Ильзар следил за зверем краем глаза, полуобернувшись ко мне. Все верно: за архозами, сколько их ни видали, постоянно шатаются отродья помельче — и с «Гранпанаму» размером, и с садовую тачку, и такие, знаете, серединка на половинку. Вот эти уже не побрезгуют обшарить околоток, потыкаться мордами в машины, в квартиры... Надо думать, вот-вот появятся; только стрелять придется в упор, издали не получится: архозы легко тревожатся, и атакуют источники громкого шума.

И тут машина дрогнула, скрипнув рессорами. Потом еще раз — сильнее. Лук выругался, почти беззвучно, но затейливо и очень некрасиво.

— Что это? — поинтересовалась Гучия, поднимая ствол и оглядываясь по сторонам.

— *Он, дивись*, — выдохнул я, сообразив. Впереди, чуть в стороне от архозы, на землю мягким пологом, сминаясь и расправляясь поочередно,

валился желтый лопастный лист метров пятьдесят в диаметре, отдаленно похожий на полотно, которым была накрыта монументальная скульптура. Над самой землей он нырнул в туман, откуда почти сразу раздался низкий, едва слышимый шлепок; снова дрогнула земля, а вместе с ней подскочила и бедная наша тачка.

— Непруха, — сухо сообщил Лук и снова завел движок. Машина двинулась вперед, спешно набирая скорость, повизгивая скатами.

— Слева обходи, — посоветовал Ильзар, уже полностью развернувшийся назад, чтобы вовремя засечь свитских архозы.

— Не учи отца, — жестко гавкнул Лук, выворачивая руль, когда еще один лист мягко спланировал на обочину, вывалив толстенный черенок чуть не наперерез нам. Гучия завороченно наблюдала картину. И молчала.

Мне отлегло. И в этот момент впереди и вверху очередной лист угодил на спину архозы. Тот взревел, пока мелкопыльчатые края плавно спеленывали мощные кривые лапы, изогнулся — и упал, врезавшись в очередной тополь, тут же рухнувший на правую половину проезжей части и дальше, на обочину. Коротко пискнула сигнализация, лязгнули сминаемые машины. Желтый сверток конвульсивно бился и изгибался, не издавая больше ни звука.

Лук газанул, дергая неуклюжий рычаг переключения передач, — и тут же по тому месту, где только-только прошелестела машина, гулко хлопнул могучий хвост, вокруг которого бесшумно оплетался черенок.

Листья больше не сыпались; не то листопад был кратковременным сам по себе, не то нацелился конкретно на архозу. Свои минусы нашлись бы и в том, и в другом случаях, а доподлинно никто ничего не знает все равно.

— Осень, — с чувством произнес Ильзар. Как выругался.

— Зато знаем, почему падали другие тополя, — пожал плечами я. Вот уж воистину: знание бывает двух типов — бесплатное и оплаченное. Второе достается дорогой ценой и обычно страдает неполнотой. Первое может быть даже совершенным и стопроцентным, — но, как правило, изумительно бесполезно на практике. Вот как этот пример с миграцией архоз — или бегством?..

Гучия переключила мое внимание на себя, осторожно и деликатно отерев лоб рукавом.

— *Уже поруч*, — спокойно предупредил я, снимая с предохранителя «темучина». Лук покосился в зеркало заднего вида, но промолчал, только пожевал губами. Дома он курит, притом что — почти без перерыва, разве что в спальнике или в душевой — нет. Здесь же, в Осени, где постоянно пахнет дымами и кострищами, курить слишком опасно: нельзя даже на йоту отвлекаться от запахов окружающего. Потому Лук нервничает и сердится, пускай и знает, что волнение вредит не меньше.

Ему трудно мне верить, адски и невысказанно трудно; и каждый раз хочется оспорить, возразить, переиначить. Такой характер, наверно. Вон у деда моего, пока не заломали его страхоползки, натура была даже покруче! Спасу никому не было. Да что там! Даже потом, когда нашли, где он влопался, вокруг его ботинок и винтовки полторы дюжины отродьев насчитали.

— На уши, — посоветовал я Луку, чтобы мужику было проще, — на уши гляди! На щеки еще. Гучия!

Девочка обернулась, нервно потирая лоб маленькой аккуратной ладошкой. Щечки и ушки у нее и впрямь зарумянились, хотя в кабине стало еще холоднее в преддверии настоящего утра. На носике выступила роса.

— Не понял, — зловеще протянул Ильзар, кривя тонкие породистые губы.

— *Вона щойно зліта*, — отрезал я, крепко сжав пальцами ильзарово левое запястье — которое с пистолетом: — Тьфу... она еще летом пахнет, недавно оттуда.

— Она уже чувствует, — добавил Лук. — Молодец, Бис. Уже близко. По записанным координатам — кварталов пять...

В этот самый момент по лицу у меня словно скользнула невесомая теплая паутинка. Это было как неожиданный поцелуй от симпатичной тебе девчушки в углу школьного двора, как проехать на лыжах солнечным январским утром, как мчаться на велосипеде через подвесной мост над Каменкой... Ликующий восторг подпер мне кадык — и почти сразу ушел. Сгинул. Я попытался отдышаться, сжимая кулаки. Ну же... Да. Сзади и слева.

— *Стій!* — почти крикнул я, хватая его за плечо. — Проехали уже!

Лук остановил машину. Поглядел на Гучию, потом на меня. Проглотил очень искренние нехорошие слова и развернулся с лихостью раллийного водителя. Машина гнусаво взвыла, прохрустел гравий, которым поначалу латали прорехи в покрытии — и мы остались одни среди воя ветра и кисельного тумана.

— Хорошо, — сказал он спокойно. — Так где?

Я попытался поймать ощущение сна; без толку. Внимательно всмотрелся в здания, одинаково серые, одинаково пятнистые от подпалов и разложившихся листьев. И заметил...

— Да вон же, — нетерпеливо каркнул Ильзар, тыча стволом в направлении стены, по которой шастали вверх и вниз полетайши. — Видать, чуют его.

Лук помолчал, недобро глядя на отродий, круживших в окрестностях одного из подъездов.

— Далековато, — глухо сказал он, натягивая счастливые перчатки, — Почему бы аж настолько?

— Так ведь он мог испугаться, — весело ухмыльнулся Ильзар, — Струсил — и смылся.

Лук покосился на него пренебрежительно: само собой, что человек из других мест здесь испугается, мы и сами боимся — будь здоров; вот только убежать, пусть даже на пару десятков метров, ему удастся вряд ли. Сами же местные, люди толковые и нормальные, и пришьют для верности — мало ли что за дрянь прикидывается бегущим человеком, да и подлинные люди способны бегать по весьма различным причинам и поводам.

Тем не менее, солнечный человек находился в здании и, скорее всего, был жив: отродья их чувят — очень четко, — близко не суются, опасаясь, но и далеко уже не уходят. Болезненные отношения, как по мне. Как правило, атакуют солнечных редко — и очень большими стаями, вместе с действительно матерыми bestиями. Пока все было в порядке.

— Пошли, в темпе, — распорядился Лук, выходя из машины. Мы сыпанули следом, встали в крошечное каре и скользящим шагом двинулись по асфальтированной дорожке.

Отродья чирикали, пищали и шелестели наперебой. Среди полетайш, в оперении которых можно отыскать более двух дюжин оттенков белого, молочного и кремового цветов, оказалось не меньше трех круа, скачущих по вертикальной стене, словно громадные белесые тушканчики — по бахче в долине Сырдарьи. Впрочем, вчетвером, при оружии, мы могли не бояться никого из них. Поэтому шли быстро, уверенно и немножко зло: плохо, когда от плана приходится отступать так рано, не сделав еще и половины намеченного.

Шли так: Лук впереди с ухоженной, хотя и старенькой винтовочкой, следом Гучия с тупорылым «вольтом» в руках, а позади мы с Ильзаром, замыкающие, с пистолетами. Только у дамуга была серебристая «цветта» с плавным спуском и магазином повышенной емкости, а у меня — плебейский, но полюбившийся «темучин» с уродливым толстым стволом. Смотрели внимательно, ступали осторожно: асфальт вызывал неодобрение у отродий, но если им хотелось мясца, так они и через бетон пытались прорваться, не то что.

У самого подъезда щепак развлекался с черемуховым кустом, протискиваясь сквозь него так, что ветки и листва практически не шевелились. Толстощекая морда зверя умильно щерилась, короткие передние лапки оглаживали вислые усы, затем он топорщил гребень, разворачивался — и снова лез в куст.

— Полезный навык, — хмыкнул Лук, и щепак заухал, отскочив в сторону и сторожко уставившись на людей. Ильзар усмехнулся и навел на зверя пистолет. Все-таки вести себя, как скверный мальчишка, было его основным навыком и любимейшим хобби. Щепак сгинул, но к тому времени я уже увидел их.

Маленькие, блекло-оранжевые птички вились в воздухе, надолго зависая на одном месте, но никуда не садясь ни на мгновение: ни у одной не было лапок.

— Лук, — сказала я, тыча стволом «темучина», — вон глянь!

Лук развернулся, одновременно вскидывая винтовку к плечу. Некоторое время разглядывал пичуг в коллиматорный прицел, затем закинул ремень на плечо и повернулся к нам.

— Времени нету, Ильзар, — сказал он, качая головой, — надо быстро. Шалтай уже близко.

Ильзар поморщился и открыл рот, чтобы завозражать и заскандальить, но Лук взял его за вихор над ухом и развернул башкой к округлой выпуклости, медленно растущей из стены прямо на глазах. Редкий болван наш кавказец, все-таки. Видеть стаю вечнолетиков — и спокойно идти мимо, давайте, дети, дружно скажем: потеряшка, рассеянный наш друг...

— Ах, иблис... — помертвелыми губами прошептал Ильзар, — ах, шайтан...

— Вот именно, — кивнул Лук, — шалтай, а мы о чем тут? Вперед!

Мы вошли, и уж внутри стало понятно все. Бетон подъезда покрывала мягкая сочная трава, в которой то тут, то там пробежали зайчики, а среди увитых плющом перил порхали роскошные темные махаоны.

— Не только что привели, — заключил Ильзар.

— *Не перший день тут*, — поправил я, взводя курок. Самое время осени ударить — в спину ли, в лоб ли. Лето слишком сильно расцвело в этом домочке, против подобного соблазна не устоять.

— Веди, Гучия, — попросил тихонько Лук, — я прикрою.

Мы поднялись на пару этажей, не обращая внимания на траву, цветочки, пряно пахнущие цветущие кроны, выросшие из стен, точно так же, как и на державшихся за оконным стеклом отродий. А уже на третьем сердце сжалось от невозможного, невероятного счастья — с такой силой, что я еле удержал оружие. Остальным было не легче — кроме разве что, Гучии, весело засмеявшейся и толкнувшей ладошкой дверь.

Мы зажмурились, не успев ни остановить малышку, ни отпрыгнуть, чтобы укрыться от осколков. Но все обошлось: ни взрыва, ни выстрелов, ни глухих шлепков от ударов тяжелыми предметами. Только щебечущая девочка, уходящая вглубь квартиры.

И мы вошли следом, спина к спине, толкаясь и теснясь, не сразу вспомнив, как полагается прикрывать друг друга.

Солнечный был там: сидел в гостиной, в кружке из просветлевших горожан, и что-то неторопливо рассказывал, дурной идиот. Ни больных, ни ослабевших видно не было, и я порадовался, что в конечном-то итоге все было не зря. Солнечный все еще хранил в себе доброту и отзывчивость в достаточной степени, чтобы лечить и воодушевлять. Сам воздух приятно щекотал ноздри и неуловимо изменял все, что мы могли тут видеть.

— Здравствуйте, — негромко и с достоинством произнес старичок — божий одуванчик, восседавший во главе небольшого, почти не траченного осенней порой стола. — Чему обязаны? — Он, как и другие, во все глаза глазел исключительно на Гучию, которая пригладила волосы и подошла к солнечному.

— Нам бы поговорить с... — Ильзар подыскал слово, но в затруднении устался на солнечного. Тот — невысокий, чуть полноватый мужчина за сорок, с изрядной лысиной и добрейшими глазами, — поморгал, снял очки и представился, кашлянув:

— Илья. Илья Олегович. Я вас внимательно слушаю.

— Нам нужно, чтобы вы проехали с нами... — начал Лук смущенно, словно школяр, и тут же из-за стола встала тоненькая хрупкая девушка с большими, чуточку косящими глазами.

— Это никак невозможно, — замотала она головой, так что коса забилась, словно питон, обуйанный падучей, — Илья наш наставник, наш вдохновитель, наш...

Лук молча поднял винтовку. Девушка криво улыбнулась и осталась стоять, напряженная и уверенная, готовая, видимо, умереть, но не отдать солнечного. Все это не нравилось мне чем дальше, тем сильнее. Совсем не нравилось.

Я посмотрел на Илью — и понял, что тот едва усидел от шока. Но поведение местных запросто угробило бы целебный эффект страха и тревоги, даже начни я стрелять, словно уже стал отъявленным выужным-головорезом.

И я навел пистолет на Гучию.

— Тогда я убью ее, — выдавил я, опять ломая язык на грубом языке Лука и его родни, — она-то пока еще не готова, а?

Илья растерянно оглядел квартиру, всмотрелся в напрягшиеся, сразу помрачневшие лица гостеприимных хозяев. По высокому лбу волнами прокатывались морщины сомнений и опаски.

— Сюда, — скомандовал Лук Гучии. Девочка подчинилась без единого звука, осторожно топя плотными подошвами горных ботинок, — Теперь ты, Илья.

Я уже успел загордиться обоими, с ходу понявшими простую истину: чужаки готовы умереть ради того, чтобы не лишаться солнечного в жизни. Им хотелось еще лета, еще уверенности в себе, куража, отваги, радости жизни... Они явно начали привыкать, как нарк приспособливается к тяжелому зелью.

Взять в заложники Гучию было удобно, потому что чужака пришлось бы волочь мимо осенних, а значит — терять концентрацию внимания, умирать самим, теряя и солнечного, и заложника.

Мы пятились, а следом за Ильей из комнаты вытекал свет, и таяло щедрое, сладкое дареное счастье. Пусть уж прощают, но нам нужнее самим, у нас тяжело больные...

— А ну стоять, — хладнокровно, без акцента велел Ильзар. Целился он в нас с Луком. — Зачем девочку мучите?

Лук беззвучно ругался на каждую потерянную секунду. Я вообще остолбенел, не в силах оторвать взгляд от товарища, так нас подведшего. Никаких идей с ходу не придумывалось, а Ильзар начинал яриться. Это было плохо. Я задумался, и потому не сразу распознал рожу, показавшуюся в кухонном окошке. Нос свисал ниже губ, уши повисли, как у облысевшего спаниеля, зато черные глаза блестели задорно и весело. Он показал нам язык... нет, он высунул язык — и тень от языка потянулась через кухню в коридорчик, где стоял Ильзар.

С тех пор я много думал о том, что случилось. Корил себя. Орал. Стучал в стену кулаком. Напрасно.

Тень языка тенегрызика коснулась тени от вооруженной руки Ильзара — и отдернулась назад. Ильзар с недоумением посмотрел на обрубок, оставшийся у него вместо сильной здоровой руки, на хлещущие темно-красные струи. Глаза у него закатились, и он кулем повалился на пол. За окном тенегрызик поудобнее перехватил трофей — и уполз выше, к верхним этажам.

Одновременно в большой комнате загрохотали опрокидываемые стулья: нас собирались пожурить.

Первой показала хрупкая девочка, обеими руками поднимавшая револьвер. «Темучин» сухо кашлянул один раз... я говорил, как люблю эту пушку со встроенным шумо-пламегасителем?.. и девчушка влетела обратно в гостиную. Там завывли, Илья шумно охнул и испуганно задышал — шумно и болезненно. Как бы не пришлось волоочь...

Из подъезда мы выбежали вовремя: шалтай уже повис на соединительной ткани, шлепая мощными пухлыми губами и мерзко причмокивая. Нашим преследователям предстояло иметь дело именно с ним.

— Вы меня убьете, — сказал Илья тускло. Он смотрел в окно, ничуть не интересуясь осенним городом, а машина неслась по улицам, высокомерно презирая всяческих опешивших отродий.

— Не говорите ерунды, — быстро и уверенно сказала Гучия, приятно меня удивив. — Вы нам нужны ради жизни, а не для смерти.

— Не понял, — вздохнул Илья.

— У Гучии, — сказал Лук, азартно уворачиваясь от первых ледяных струек дождя, — нет родных: отца и деда сожрали отродья, мать... мать ушла в осень слишком глубоко, потерялась, растворилась и стала отродьем сама. А старший брат, Казиль, окаменел душой и сделался слишком злобен и свиреп.

Он превратился во вьюжного, и его пришлось убить нам, подумал я. И промолчал. Здесь у каждого второго за плечами — истории не слаще.

— Не по... — заикнулся солнечный.

— Ты — солнечный, и вокруг тебя остается лето, — сказала Гучия, — А сейчас осень потихоньку убивает двух наших знакомых. Это хорошие женщины, но они слишком устали противиться ненастью и слякоти. Лето могло бы их спасти.

— Думаю, там ты *рятував уже*, — вставил я, пристально глядя на Илью, — *Спробуєш* у нас.

— Но я не могу их бросить! — крикнул он вдруг, не веря моему знанию июльской речи.

— Там уже никого нет, — сухо бросил Лук. — Ты солнечный, а значит, привлекаешь много осенних отродий — зверей и просто нелюдей. Когда ты ушел, тем людям еще некоторое время трудно будет вернуть прежние мысли. А нападут на них сразу. Если вернешься — то и тебя могут одолеть.

Мы въехали в маленький дворик, подкатились к самому крылечку, быстро выметнулись наружу, повели Илью. Вопреки ожиданиям, трава в подъезде расти не стала, цветов и ветвей и подавно видно не было.

Я подумал, не слишком ли мы напугали солнечного. Не потерял ли он своих света и тепла.

Но мы привели его в дом, пустили к больным и сторожили столько, сколько понадобилось, чтобы обе соседки поднялись и смогли говорить.

Потом мы с Луком вышли: еще чуть-чуть, и я бы первый бросил оружие, всем существом окунувшись в прекрасное и заманчивое лето. Отдышавшись, мы переглянулись.

— Не веди его в зал, — попросил я, — веди на кухню. Подальше от наших. Чтоб не успели... как те... чтоб не привыкали.

Лук кивнул — неуверенно, с сомнением. И пошел за солнечным.

Я вышел на лестничную площадку, проветриться. И сразу же заметил несмелые ростки, проклевывающиеся сквозь плитку. Сильный был гад. Сильный.

Вернувшись, я услышал гомон из гостиной, и бегом заскочил туда, уже догадываясь, что увижу.

Они все — даже обе бывшие больные — были там. Готовились гонять чай. Илья снова оказался во главе стола. Ну, еще бы.

Кучка идиотов.

Гучия протиснулась поближе к солнечному и почти по-кошачьи ластилась, искала головой ладонь. Я зажмурился: надо быть железным, чтобы не поддаваться зову счастья и удачи. Надо быть стальным, чтобы не уступать лету.

— *Ви хочете зостатись тут?* — спросил я быстро, чтобы не успеть раздумать, и продолжил петь дальше, стараясь не поддаваться волшебству теплого мелодичного наречия: — Потому что в случае чего мы можем даже отыскать транспорт до вашего дома... Так как?

Видели вы глаза людей, которым свои же ткнули ножом в спину? Такими же на меня посмотрели все.

— Да, если уж дело за мной... — затянул Илья, растерянно глядя на наших, — так, я думаю, мне бы домой. Если возможно.

— Это трудно, — тут же вмешался Лук, хлопнув ладонью по столу, — да и не сразу получится. Но попробуем непременно! Тут, бывает, ходят поезда, как погода позволит. Мы тогда через недельки... через недельки полторы съездим с Бисом, покумекаем...

Я не помню, как на ногах оказался. Погано мне было — не расскажешь. Словно я опять дома, словно отец с родными смотрят на меня, будто я смертельно болен, и вешают сладенькую лапшицу про то, что связи, мол, нет, транспорта нет, и вообще. Как же им не хотелось меня отпускать! Будто мне туда — сюда — хотелось. Можно подумать.

Просто каждому своя судьба писана. Своя. И не миновал я Тумазы все равно, хотя и позже, чем мог бы угодить. Во многом, именно благодаря родителям я здесь так хорошо обжился — они учили меня стрелять из разного оружия, фехтовать, драться, охотиться. Словно не в соседнюю страну, а в каменный век снаряжали. Многое им за это я извинил. Почти все.

Но вранья слащавого простить так и не смог.

Сделав знак, я вышел в прихожую, пропустил Лука и плотно закрыл дверь. Смерил его взглядом, и парень сразу насторожился.

— *Не дозволю*, — сказал я твердо и тихо. Не хотел пугать взрослых — им тут и так несладко, у них адаптивность почти нулевая. Лук потянулся к моему воротнику — а может, сразу к шее, как угадать? — и я уткнул ему ствол под ребро, — Не по-зво-лю. Думай головой. Сейчас. Сам.

Лук думал, да только все, похоже, о глупостях. Вроде того, как бы меня заломать да мордой в линолеум невымытый и драный ткнуть. Позвонить хорошенько, ровно котяру нашкодившего, еще и пнуть пару раз.

Фиг ему.

— Он уже сделал, что мог, Лук, — сказал я терпеливо, — сделал совсем все, что мог сделать какой угодно солнечный. Вылечил. Успокоил. Утешил. Добавил сил. Все. Больше — ничего он не сможет.

Лук сопел и наливался дурной кровью: ему все невдомек было, как это он так попался молокососу из солнечного края. Ни о чем другом он думать не собирался. Я поймал себя на мысли, которую ногу следует прострелить барану, чтоб унялся. Вздрыгнул — неровен час, сам-то сольюсь; вот так вьюжными и становятся — в обычный день, в простецкую минуту, без грохота грома и северных сияний... хотя да. Вру. Сияния-то как раз будут. Уже потом. Уже вокруг новоявленного вьюжника.

— Пройдет день, другой, и *квит*, — прошипел в ухо Луку, — И баста! Или его, коли окажется неподдатливый и шибко крепкий, отловят *порідки*, или сдастся и станет таким, как вот мы. Или уж, скорее, как вон

предки. Дурной балласт, готовый материал для осени. Будь *людиною*, Лук. Будь... че-ло-ве-ком!

Лук моргнул. Тяжело дыша, отстранил меня тыльной стороной ладони. Брезгуша, пойми-ка. Впрочем, тут же и кивнул, сначала без слов. Оперся спиной о стену.

— Тогда не будем тянуть, — припечатал веско, как обычно, — Сейчас и отвезем... — посмотрел на часы, — до ночи как раз.

— На фуникулерную, — догадался я сразу, не успев удержать гримасу.

— Не кривись, — назидательно прогнусавил Лук, — вот не кривись ты. Будет по-твоему, — и улыбнулся криво, — но так, как я скажу.

Чего ж неясного? Старший в стае устанавливает иерархические связи и соотношения; плевать. Важно — что мы не загубим еще одного солнечного. Я вошел в комнату и обвел тяжелым взглядом сидевших там взрослых. Они мило улыбались, воркуя о ничего не значивших пустячках — то ли из прошлой жизни, то ли навеянных осенью. Какая разница?

Приветливо улыбнулся Рафик, приподнял широкую низкую чашку, дымившуюся свежесваренным чаем. Пахло вкусно, приятно, по-домашнему. Инга протянула мне плюшку — тоже свежую, тоже душистую. Я зажмурился, чувствуя, как уходит из-под ног пол.

Прижал кулак к виску.

— *Пробачте, Илья Олегович*, — сказал вслух, все еще с закрытыми глазами, — Но если мы хотим вас безопасно вывезти — так самое время.

Тишина обвалилась на комнату, словно душный сырой матрас, воняющий прелым пером.

Тишина испортила идиллию и разрушила иллюзорный рай.

Открыв глаза, я широко улыбнулся и сказал, что все в порядке, мы с Луком вот сейчас вернемся, только отвезем человека, и все, и приедем, и будем пить чай, и плюшки кушать будем тоже, и все будет замечательно, и все будет славно.

Черти, хотелось мне орать в голос, да не пугайте вы детей, они и так вот-вот взвоят, им ваши косые взгляды со слезой — пуще ножа! — ну, возьмите вы себя в руки, люди вы или слизни какие-то?!

Илья взглядов не замечал. То ли к счастью, то ли как еще. Он просто вскочил, накинул пальтецо, намотал на шею шарф и засеменял к порогу, послушный, словно ребенок. И такой же практически бесчувственный: ничего не замечал, никого не видел, занятый только собой. Тьфу!

Я посторонился, пропуская в прихожую солнечного. Посмотрел на сбившихся в плотную стайку своих. Думал покачать головой, что ли, или, может, пальцем пригрозить. Но решил, что зря стараться придется. Не поймут.

Я и сам бы не понял на их месте. Наверное.

Гучия догнала нас у дверей. Караджурский платок, сизый, колючий, теплый, — на голове, полушубок, валенки. Из кармана нескромно торчит рукоятка «вольта». Я взглядом велел уйти в комнату. Она вскинула нос, едва не пропахавши потолок. Вот зараза мелкая, ей-же богу.

И тут до меня дошло, почему она увязалась: считает, что мы шлепнем его за ненадобностью.

Ну, правильно; а что ей думать-то?

Лук, кстати, тоже допер, но позже — уже садясь в машину. Он ржал так, что лбом в крышу вписался, но и тогда не перестал смеяться, утирая слезы.

— Чтобы ты знала, — сказал он, высокомерно игнорируя солнечного, — мы не вьюжные — так с людьми обходиться. Запомни. И сама тоже никогда не делай... гадостей. Усекла?

Гучия кивнула, добросовестно совравши. Ничего. Будем стараться — и времени у нее будет достаточно, чтобы разобраться в том, как мир обустроен.

Мы вырулили на Проспект Мира и сразу же взяли приличную скорость, Илья да Гучия только успевали руками придерживаться. На Проспекте — совсем иной колленкор. Тут время от времени задувают арктические ветра. И тогда — самое веселье: осенние твари сбегаются со всей Тумазы, а из студеного ветра выходят твари зимние. Ну, плюс вьюжники, где местные, а где и пришлые, в драку тоже лезут. Потом зимних отбивают, и все становится по-прежнему.

Но пока, как сейчас, идет снег, а на снегу льется кровь, отродья и твари заняты слишком сильно, чтобы реагировать на такую мелочь, как мы. Главное — не задерживаться надолго и не приближаться на расстояние удара.

И мы неслись по Проспекту. Пару раз вблизи стреляли — не в нас, в каких-то огромных зверюг, вроде архоз, только топающих по земле и покрытых свалывшимся желтовато-белесым мехом. Один раз мы таки увидели двух архоз, разрывающих в клочья еще одного зимнего — длинноногого, с огромными лопатообразными рогами, шелкающего в агонии длинной гавиальей пастью. Но — и только.

Фуникулерная станция, хорошо видимая издали, стояла на трех опорах посреди просторного перекрестка. Мы загнали машину меж опор, вылезли и быстро взбежали по лестнице. Вагончик стоял там — с затемненными стеклами, красивый, чистенький и ухоженный кусочек лета.

— Ну, что, — сказал Лук, показав Илье на вагончик, — полезайте. Да и будьте здоровы.

Илья молча смотрел на нас. Десятки сбивчивых и сумбурных «спасибо» он успел выложить по дороге, а теперь просто не знал, что сказать. Я посмотрел ему в глаза и вздрогнул. Ах, погань!.. Вот оно в чем дело... Молись, чтобы не хватило тебе дури!

— Девочка, — сказал, наконец, Илья, не утерпев. Я вскинул бровь, хотя, поверите ли, хотелось разорвать его на клочки голыми руками. Мало ему наших проблем — еще и в добренького поиграться захотел? Как девчонке жить потом — не спрашивал. Сам все решил — кому где жить, кому с кем ходить, тварь такая, глупая чужая скотина...

Гучия подняла глаза, все еще вздрагивая худенькими плечиками. За ее спиной я бесшумно поднял пистолет и прицелился. Он замер, с трудом глотая подлый вопрос: не хочешь ли со мной, мол, тебе здесь не место, пойдем в лето... к черту! Я взвел курок, показывая солнечному, что именно делаю. Он запнулся, густо покраснел, но так и не рискнул, хотя желваками играл — будь здоров.

Ничего. Не будет кичиться своей правильностью, сволота. Это даже полезно.

— Счастливо тебе, малышка, — сказал он хрипло, слегка заикаясь. Гучия помедлила и кивнула, а за ее спиной я показал ему большой палец левой руки и дал знак стволом пистолета: проваливай уже, бегом!..

Солнечный развернулся и пошел. Спина — что струна гитарная, только не стонала и не звенела: ждал, ждал пули мужик. Так ничего и не понял, дурачина, хоть возьми и пожалей бедолагу. Никому не пожелаешь идти вот так: думая, что тебя вот-вот грохнут, и понимая, что спасаешь себя ценой девчужки, остающейся в страшном и опасном месте. Чувствуя себя не то предателем, не то и вовсе убийцей. И вдвойне страшно такое для солнечных, у которых совесть — голенькая, нежная.

Но он шел, пока не добрался до вагона и не взошел по трапу. Мягко шелестнули дверцы — и вагончик стал быстро набирать высоту, чтобы метрах в двадцати над землей лечь на южный курс. И все это время на душе звенела радость, и мир светился, красивый, тихий и прозрачный. Не сломался все же.

Солнечные редко ломаются; какими бы чуткими они ни были, но всегда способны прогнуться и смириться. Найти компромисс. Взглянуть исподлобья, а не прямо и честно.

Чертовы ханжи!

Ненавижу.

Мы сели в машину, чувствуя, как туда, на юг, вслед за вагончиком, уходит ощущение тепла, света и уюта. Сделалось холодно и пусто. Захотелось не то закутить, не то кого-нибудь ударить.

Вместо этого я достал из багажника плед и молча положил Гучии на колени. Она благодарно потрогала меня за руку и быстренько завернулась, что твой младенец. Слава богу, плакать, вроде, не собралась. Только отсыпаться.

Растет.

Справляется. Как и все мы тут.

Лук пощелкал зажигалкой и задымил, держа сигарку в немного дрожащих пальцах.

— Бис, — спросил Лук, неожиданно перегнувшись через спинку кресла и затягиваясь сигаркой, — вот все никак не получалось у меня спросить: ты-то зачем сюда нагрелся? Ты же вроде из солнечной страны? Там вечное лето, ну, остался бы... горя бы не знал. А?

Я посмотрел на него, потом на Гучию, свернувшуюся клубочком рядышком. Погладил ее тоненькие нежные локоны.

— Я осенний, Лук, — сказал я на осеннем, чисто, чтобы сразу было понятно до конца, — Понял, нет? Вокруг было лето, люди... солнечные люди, кто ж спорит? А я... я, наверное, отроду был таким вот... октябрьским. Ты даже не представляешь себе, как лето реагирует на осенних. Даже не представляешь.

Лук долго думал. Ничего не говорил, не хмыкал по своему обыкновению, не ворчал сквозь зубы. Просто сидел и смотрел в туман, пестрящий беспокойными на ночь глядя отродьями. Потом протянул руку и завел машину.

Мы ехали обратно, сквозь осень, сквозь начинающийся дождь, сквозь стылую сырую погоду, населенную осенними тварями наравне с человеческими существами. Мы ехали сквозь страну, отделявшую солнечный край от мира беспредельной вьюги наподобие границы.

Мы ехали к собственному, уж каков бы он ни был, дому.

Мы были — осенние.

СВЕТЛАНА ТУЛИНА
КОРОЛЕВА

Тонкие белые пальцы стремительно метались над столешницей из горного хрусталя, разноцветные льдинки входили в пазы с лёгким перестуком. Витраж рос на глазах. Иногда на него с потолка падала прозрачная капля.

И застывала.

— Он ушёл?

— Да, моя Королева... — Керелинг почтительно склонил голову. — Но он вернётся. Так было, так будет...

Пальцы заметались быстрее, дробное стаккато льдинок лишь подчеркнуло ледяную неподвижность лица, прекрасного и юного. Молодая — слишком молодая! — Королева чуть склонила голову, и Керелингу на миг показалось, что лёд её прозрачных глаз дал трещину — но нет, белое лицо оставалось бесстрастным.

— Он не вернётся.

Керелинг позволил себе лёгкую усмешку — Королева была юна и многого не понимала. Она и Королевой-то стала совсем недавно, почти случайно, никто не ожидал. Не мог ожидать. Так получилось. Но теперь она — Королева, и слово её — закон. Что там слово! Желание. Мимолётный каприз. А Керелинг опытен. Он сумеет успокоить и уберечь, пусть даже для этого иногда и приходится объяснять очевидное.

— Он возвращался уже дважды. Они всегда возвращаются. Стоит лишь подождать. А это совсем нетрудно — для Королевы. Он вернётся.

— Не в этот раз. Я сама выжгла ростки шиповника в его крови. Он больше не выживет здесь. Он даже дороги сюда больше найти не сможет...

— Жаль. — Керелинг пожал плечами без особого сожаления. Значит, не показалось, и на белых пальцах действительно темнеют следы ожогов. — Он был неплохим в своём роде. Активный такой. Я даже боялся, что у нас закончатся принцессы. Мог бы вполне ещё раз. Или даже два...

Кусочек мозаики упал со стола и покатился по полу. Королева не подняла головы.

— Трёх вполне достаточно.

Керелинг опять пожал плечами, но ничего не сказал. Это был её выбор и право, выбор и право Королевы, пусть даже и очень юной. Как и тогда, три раза назад, когда этот странный кай умирал в её саду, добрую половину которого он всё-таки умудрился разворотить своим изломанным кораблём, к тому времени уже окончательно мёртвым.

Он явился незванным и неподготовленным, он был чужим этому миру, и сок шиповника не пел в его крови, оберегая, ведя и заволаживая. Он очень скоро умер бы, даже рук мараф не пришлось — энергия

утекала из его повреждённого скафандра, как снежная пыль сквозь пальцы. И Керелинг уже обдумывал, в какой уголок сада поместить его замёрзшее тело в качестве ещё одного украшения, пусть и не совсем трофея... Но право и выбор Королевы всё изменили.

— Я ведь не для этого тогда... просто он умирал... Я не хотела, чтобы — так...

Керелинга пробрала внезапная дрожь. Перехватило дыханье.

Она, конечно же, слишком юна, слишком неопытна, и это многое объясняло, но не настолько же... Она что — пытается оправдаться? И перед кем — перед ним?

Королева?!?

— Пусть лучше — так. Пусть... живёт. А мы найдём кого-нибудь... другого. Правда, Керелинг?

— Как будет угодно моей Королеве... — Керелинг снова склонился в глубоком поклоне, в привычном ритуале пряча непривычное замешательство.

— Мы обязательно найдём... Так будет лучше.

На почти законченный витраж снова упала капля.

С потолка.

Королевы не плачут, даже самые юные...

из «Легенды о Юной Королеве и её Первом Керелинге»

Девочка шла хорошо. Быстро так шла, красиво — Керелинг даже залюбовался, глядя, как длинная тень скользит за ней по белой равнине. Натыкаясь на неровности льда, тень ломалась и дёргалась, словно живая. Тяжёлый глайдер девочка оставила ещё у границы паковых льдов — над полюсами этой планеты электроника дохла быстро и надёжно. Оленя пришлось бросить у первой гряды, лезть в торосы он отказался категорически — жалобно верещал, тряс лобастой башкой и упирался всеми шестью лапами, выпучивая глазки на стебельках и нервно сворачивая хоботок. Правильный был олень, хорошо обученный. Вингельд, надо отдать ему должное, умеет делать проводку на высоком уровне — и зверя правильного подобрал, и про лыжи не забыл. Девочка не опоздает.

Вторую гряду она прошла, почти не сбавив хода, плазмобой дважды чавкнул, подсвеченные изнутри торосы засияли гирляндой праздничных фонариков — и вот тебе готовый тоннель на ту сторону. И снова скольжение по белой равнине.

Керелинг нахмурился

— Ей не хватит жаряда, если и дальше будет так неэкономно...

— Хватит! — Скильт разулыбался и пояснил, не отрывая глаз от следящего кристалла. — Она нашла три кармана. А-8, Б-14 и... Е-9

Теперь ясно, почему Скильт довольный такой — один-два кармана-захоронки на линиях А или Б находили практически все девочки,

третий — редко, тем более не на основной трассе, а на боковом ответвлении Е. Это надо постараться, чтобы так провести.

— Мастерская работа.

Лицо Скильта позеленело от удовольствия, уши сложились, но он тут же принял вид как можно более серьёзный и независимый. И спросил озабоченно:

— Как думаешь, к восходу Второй Луны дойдёт?

— Раньше. — Керелингу даже не надо было смотреть на экран, чтобы ответить. Лишний вопрос. Она хорошо идёт.

Осталось совсем немного. Скоро всё будет позади, кончится безумное напряжение последних дней. И будет большой праздник — самый главный праздник уходящего века, праздник, которого так долго ждали.

Ещё совсем немного подождать — и эта девочка избавит Королеву от очередного кая...

Королева умеет всё.

В её саду самые вкусные льдинки и самые прекрасные гальдэоусы, никому больше из клана таких не вырастить, как ни старайся. В её саду снег белее и лёд прозрачней. И даже зеркальный шипоцвет цветёт у неё в саду, а все знают, какой он капризный и как трудно ему угодить.

Королева умеет всё. В том числе и дарить красоту прикосновением, а поцелуем — бессмертие. Её безукоризненно белая кожа и ослепительно снежные волосы никогда не меняют оттенка, а глаза темны, холодны и прозрачны, словно весенний лёд на глубокой реке.

Королева умеет всё. Даже летать в междумирье, и не просто летать — поднимать за собою других, тех, чьи глаза способны увидеть и оценить красоту такого полёта, но чьих сил не хватает, чтобы летать одним, без опоры на её незримые крылья.

Королева умеет всё.

Вот только изгонять каев она не умеет. Да и не королевское это дело, на то у каждой Королевы есть свой Керелинг.

Королевский сад прекрасен в любое время и при любом освещении — на то он и королевский. Даже днём, когда безжалостное солнце пытается уничтожить его хрупкую красоту. Зря пытается. Это ведь сад Королевы, а что против Королевы какое-то там солнце? Его лучи разбиваются вдребезги о тонкие льдинки ветвей, режутся острыми гранями прозрачных арок и беспомощно бьются в ловушке кристаллической паутины, осыпая всё вокруг сверкающей пылью. Днём Королевский сад ослепителен, на него нельзя долго смотреть, если не хочешь потерять зрение. Но самому Керелингу этот сад больше нравился на закате одной из лун, вот как сейчас. День Керелинг вообще не любил, и хорошо, что он бывает так редко.

Но даже в Королевском саду повседневные дела и заботы не отпускали Керелинга. Он шёл, не столько наслаждаясь, сколько подмечая, удостовераясь и планируя. Вот, к примеру, оплавленный ледяной комок — всё, что осталось от беседки у поворота к ажурной горке. Напомнить Скильту, чтобы его ребята восстановили её — девочка не церемонилась, плавила всё подряд по пути и рядом. А Королеве нравилась та беседка.

Выстрел из плазмобоя хорош высокой скоростью выпускаемого заряда. Шарики перегретой плазмы крохотные, а скорость их такова, что распространиться в стороны энергия почти не успевает, и потому в этот раз сад мало пострадал, есть чем гордиться. Лишь обрезало кроны деревьев вдоль дорожки, спалив серебристое кружево веток до самых стволов. Правда, покрытие самой дорожки повезло куда меньше. Ледяные плитки под ногами оплавлены, от бывшей мозаичной структуры и следа не осталось. Да ещё и непривычно гладкие они теперь, почти скользкие. Впрочем, это как раз пока убирать не стоит, а местами неплохо бы ещё и подплавить, пригодится для намеченного на завтра праздника. Пусть молодежь развлекается.

Завтра будет праздник, танцы на льду мёртвого озера, промороженного до самого дна, песни и состязания в ловкости — например, кто быстрее залезет на дерево, не потревожив на нём ни одной снежинки? Завтра откроют окно между мирами, и самые достойные юноши будут стрелять в него иглами зеркального шипоцвета. И испорченная дорожка завтра окажется как нельзя кстати, дополнительное украшение праздника, лишняя игровая площадка. На ней можно устроить катания на дальность. А вот беседку всё же надо бы успеть поправить...

Керелинг шёл по краю дорожки легко, почти не оставляя следов, и рассматривал то, что осталось от ледяной мозаики. Ничего не осталось — во всяком случае, там, где прошла девочка. Впрочем... В расплескавшихся у ног разноцветных и совершенно лишённых внутренней логики цветных переливах что-то есть. Может быть, Королеве понравится, и она сохранит этот странноватый узор не только на время праздника. Как сохранила зеркальную горку, прошитую сотней узких извилистых туннельчиков — у позапрошлой девочки оказалось странное оружие, и чувство юмора не менее странное. Зеркальную горку теперь называют Ажурной, и она — одно из главных украшений сада.

В царстве острых граней и прямых линий проплавленная дорожка с текущим разноцветным узором смотрелась чужеродно, но от этого не менее завораживающе. Словно непокорный стебель цветка, не желающий подчиняться законам симметрии — кажется, в одном из прошлых миров были такие. И венчалась она тоже своеобразным цветком с неровными лепестками — проплавленной дырой в ледяной стене дворца.

Силовую защиту с наиболее ценных участков сада уже сняли, и Керелинг свернул направо, не доходя до дворцовой стены — он шёл

не сюда, просто сделал крюк, чтобы оценить нанесённый ущерб. Оценил и остался доволен. Зря предусмотрители беспокоились, ущерб не слишком велик, да и дорожка красивая получилась. Позже можно будет поставить вопрос и об эксперименте с четырьмя карманами. Но об этом мы подумаем позже...

Стоило отойти от оплавленного участка на несколько шагов, и первая же задетая ветка осыпала серебристой пылью — льдинки цвели, и все самые важные эльфийские проблемы им были до пестика.

А вот на деревьях у пострадавшей дорожки пыльца спеклась, покрыв уцелевшие веточки тонким панцирем, глянцевым и прозрачным, с весёлыми искорками. Тоже красиво, но как-то печально. Оставлять, скорее всего, не стоит. Единичное дерево будет смотреться жалко, а если сохранить всю дорожку целиком, вместе с деревьями вдоль неё... красиво, кто спорит, только вот не много ли чести обычной девочке с горячей кровью и плазмобоем наперевес? Впрочем, плазмобой себя оправдал, достойное оружие. Аккуратное. Пожалуй, стоит именно его подсунуть и следующей, а то мало ли что она с собою притащит догадается?

В глубине сада за дворцом мозаика была в полном порядке. И деревья с полупрозрачными стволами и пушистым кружевом веток. И ледяные скульптуры под ними. Галерея трофеев — это место всегда защищали особо. Вряд ли ещё у какой Королевы наберётся столько, и Керелинг по праву мог гордиться — больше половины скульптур стоят здесь только благодаря его усилиям и расторопности. Это ведь именно он сумел правильно и вовремя организовать их эвакуацию, когда Королева бросала клич: «Мы улетаем». Уже четыре раза, между прочим.

Королева была умна и всегда точно знала, когда пора улетать. Вот только больше её ничего не заботило. Будет новый мир, будет новая жизнь, а, значит, и новые трофеи, остальное всё мелочи и не стоит внимания. Но на то и есть у каждой Королевы личный Керелинг, чтобы подумать о мелочах. И он не намерен был ничего оставлять наглым захватчицам. Не их это трофеи. Сами пусть добывают.

Открывала галерею массивная фигура в меховом плаще, в переохлаждённый лёд были искусно вплавлены соцветия льдынок, и от этого плащ казался на самом деле пушистым и даже слегка шевелящимся на ветру. Заросшее до глаз густым волосом лицо слегка смазано — то ли следы времени, то ли так он и выглядел, теперь уже не узнать. Это было задолго до Керелинга, он ведь не первый Керелинг у своей Королевы. Не первый и, скорее всего, не последний, но об этом не стоит думать. Мысли — они не всегда просто мысли, они иногда притягивают из других миров разную ненужную пакость, уж кому это и знать, как не Керелингу? Куда безопаснее рассматривать трофеи и думать только о них.

Почти все ледяные фигуры стояли в ряд, как бойцы на параде. Дань уважения и тонкая насмешка в одном кристалле — из ряда выбивались лишь те, с которыми пришлось повозиться. Вот, например, как с этим...

Керелинг усмехнулся и удовлетворенно дёрнул кисточками на ушах, рассматривая скульптуру своего отца — распластавшегося по ледяной глыбе, напряженного, застывшего в вечной готовности к броску. Отцом Керелинг гордился — тот прочно вошёл в легенды клана, доставив прежнему Керелингу немало головной боли. Четыре раза его уводили, и четыре раза он возвращался — замёрзший, израненный, полудохлый, ведь для каев никаких промежуточных станций поддержки и карманов не предусмотрено, а пятьдесят градусов ниже точки замерзания воды — это многовато даже для эльфа. Если, конечно, эльф не из Ледяного Клана.

Отец Керелинга был эльфом, но эльфом городским. Кажется, тёмным. И почему-то считал, что это даёт ему преимущество. Поначалу так и выходило, целых четыре раза. А на пятый предшественник нынешнего Керелинга догадался использовать девочку.

Керелинг зацепился взглядом за маленькую фигурку, сидевшую на большом ледяном кубе спиной к дорожке, и содрогнулся. Это был один из самых ужасных каев, им до сих пор пугают молодёжь тёмными послезакатными часами. И этого кая Керелинг помнил очень хорошо, поскольку это был его первый кай.

Капризный, эгоистичный и глупый. Всё, ему предоставленное, принимал как должное, даже ни разу не поблагодарил и, разумеется, ничего не хотел давать взамен. Самовлюблённый и эгоистичный маленький уродец. Конечно же, он не хотел покидать дворца Королевы — а кто из каев захочет, пока сок шипоцвета течёт вместо крови по венам, оберегая, дурманя и завораживая? Для того и нужны девочки с горячей кровью, потому и отбирают сейчас при финальном контроле в каи лишь тех, у кого такие девочки есть. Лишний повод для нынешнего Керелинга гордиться отцом — поправку об обязательном наличии девочки внесли в правила как раз благодаря ему.

Но девочка этого кая оказалась под стать своему дружку. «Кай умер и больше не вернётся!» — сказала она себе и всем, кто хотел слушать, и продолжала жить, словно ничего не случилось. Пришлось серьёзно, хотя и очень локально, вмешиваться в биологию её мира, задействовав сначала геномодифицированные цветы, а потом и птиц, поскольку цветам эта ленивая дура верить не захотела. Станции поддержки — они тоже как раз для неё изначально организованы были, её всю дорогу приходилось буквально тащить за шиворот, сдавая с рук на руки и пресекая ежеминутные попытки повернуть обратно с полдороги, потому что, мол, путь слишком сложный и всё равно ничего не получится. А времени на поиск другой девочки уже не оставалось, слишком они

тогда затянули, и росток шиповника в сердце кая не просто прижился — он побеги пустил. Ещё чуть — и было бы поздно, никакими слезами и никакой кровью не вытравишь, даже горячей.

Позже, когда всё обошлось и паника отступила, Керелинг гадал, была ли та девочка так уж глупа и нерешительна на самом деле — или просто знала истинную цену своему каяю, потому и не спешила забирать обратно такое сокровище?

Как бы то ни было, случившееся послужило хорошим уроком. Больше Керелинг никогда не тянул до последнего. А станции поддержки сделал постоянными, позже добавив к ним и наполненные полезными штучками карманы-захоронки, расположив их по наиболее вероятным маршрутам...

Керелинг шёл по дорожке всё медленнее и медленнее. Когда до арки в небольшой павильон оставалось не более трёх шагов, он и вовсе остановился.

Павильончик выглядел ажурным ледяным фонариком или резной шкатулкой со светлячками внутри. Маленький и изящный, он ничем не напоминал монументальную величавость дворца. Дворец — он для кая и праздников, а здесь Королева жила. И восхитительный запах её кружил голову, легко проникая сквозь ажурные стены.

— Всё ли в порядке, моя Королева? — спросил Керелинг негромко. — Сыта ли ты?

— Да, мой Керелинг. Я сыта. Входи безбоязненно.

Ритуальный вопрос — и не менее ритуальный ответ. Голос спокойный и удовлетворённый. И — да, кажется, — *сытый* голос.

Керелинг осторожно поклонился и не менее осторожно вошёл, гадая — сумеет ли он вовремя понять и отпрыгнуть, если вдруг когда-нибудь сказанная Королевой ритуальная фраза окажется ложью.

Королева сидела за столом-фонариком — прозрачная столешница из горного хрусталя толщиной в полтора-два локтя была пустотелой, и внутри неё роились мелкие световые бабочки. Очень удобно, когда собираешь витраж, а Королева занималась именно этим. Двигались только пальцы — металась над столом, длинные острые ногти выбивали стремительную дробь, сдвигая разноцветные льдинки, узор на глазах рос и ширился. Белое лицо прекрасно, как всегда, и, как всегда, неподвижно, улыбка безупречна, в прозрачных глазах мелькают разноцветные отблески, волосы подняты вверх и заморожены над безукоризненностью белоснежного лба причёской-короной так, что даже ушей не видно. Она вся была такой — застывшей и стремительной одновременно. Керелинг всегда восхищался своей Королевой. Но иногда предпочитал восхищаться ею издалека.

Королева была огромна — даже сейчас, когда она сидела, Керелингу приходилось смотреть на неё снизу вверх.

- Как результаты, моя Королева?
- Прекрасно. — Острый серебристый язычок быстро облизнул белые губы, улыбка стала чуть более довольной.
- Слепок для галереи трофеев готов?
- Конечно. Можешь забрать.

Слепок так себе. Рядовой. Ну так ведь и в кае нынешнем нет ничего особенного. Его корабль — другое дело, изящный такой был кораблик, жаль, что сильно разбит и в украшения сада никак не годится. И название красивое — «Синяя чайка». А в самом же кае — ничего примечательного. Обычный мужчина, три ноги, шесть рук, капитанские нашивки на кителе. Рядовой трофеем, ничуть не хуже, но и не лучше прочих.

Вживую Керелинг его не видел — как и всех прочих каев. Это слишком опасно, общаться с каями безнаказанно может лишь Королева, да и то только через одну из Принцесс, ещё не обретших разум. А с ними так легко ошибиться, с Принцессами. Подготовишь слишком много — и сам не заметишь, как одна из них успеет обрести ненужное, захочет власти и жизни, вступит за них в бой и обязательно победит — молодые всегда побеждают. И не успеешь ты оглянуться, как окажешься под властью новой Королевы. Ведь далеко не все старые Королевы умеют вовремя осознать опасность и кинуть клич: «Мы улетаем!», они и летать-то в большинстве своём давно разучились. Молодые же Королевы прожорливы и агрессивны, Керелинги при них долго не живут. Нет, это очень опасно — когда Принцесс слишком много. Только ведь если и наоборот, тоже ничего хорошего. Принцесс слишком мало или кай попадётся активный, ритуальная фраза окажется ложью — и вот уже у прежней Королевы новый Керелинг..

Но сейчас всё нормально — в стену вмуровано только двенадцать уже начавших закукливаться фигур, а подготовлено было шестнадцать Принцесс. Королева действительно сыта. Можно расслабиться.

Феромоны кружили голову.

Двенадцать куколок. Даже если из каждой вылупится всего по три малька — всё равно очень неплохое прибавление клану. Но три — это минимум, Принцессы были хорошие, упитанные, можно смело рассчитывать на четырёх от каждой. А то и на пять.

— Спасибо, моя Королева. Я пришлю за трофеем.

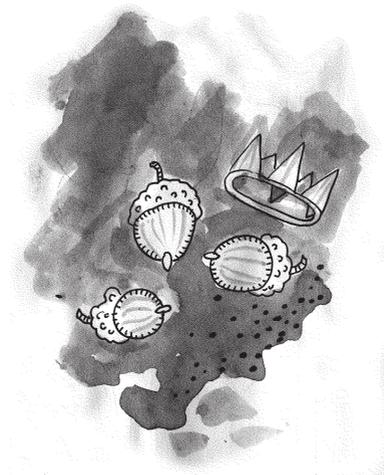
Завтра откроют окно между мирами. И сотни юношей выстрелят иглами шипоцвета — в небо, в молоко, в непрозрачный туман между-мирья. Никому неизвестно, сколько они будут лететь, эти зеркальные и тонкие до невидимости иглы-семена, зачарованные на живое. Никому неизвестно, куда они попадут, если попадут вообще. Большинство поразит неразумную цель — и не прорастёт. Но какой-то части должно повезти. Так всегда было. Так всегда будет.

И проклюнется росток, и сок шиповца проникнет в кровь, и человеку захочется странного — или не человеку, но какая разница, всё равно ведь захочется. И будет мерещиться ему даже наяву серебристая паутина ветвей на фоне чёрного неба, прозрачные острые шпильки и льдистые купола. И глаза цвета весеннего льда, обманчивого и коварного.

И будет новый брачный полёт Королевы в поисках нового кая. И будут новые дети, прибавление и гордость клана Ледяных Эльфов.

Так было.

Так будет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
НЕСЕЗОН

ТИМУР МАКСЮТОВ

ТРИЖДЫ РОЖДЁННЫЙ

— Говорил же — п-плохая идея. Цветочки, п-понимаешь.

У Заики лицо бледное, губы синей полоской сжаты. Кожа с ободранной ноги свисает клочьями, набухает тёмной кровью.

— Молчи, — говорю, — сейчас больно будет.

— А то было п-приятно, когда меня колючка грызла. Ты-то куда глядел? А ещё нап-парник.

— У меня на затылке глаз нет. Под ноги надо было смотреть, а не шарики ртом ловить. «Какая к-красота!». Лошара ты. Лучше бы я один пошёл.

Заика пыхтит обиженно. Зря я так. Не дошёл бы один, конечно. И предложил именно ему, Заике, потому что мы с ним с малолетки кореша. Он сразу согласился. Не стал испуганно икать, как Толстяк. Или насмеяться, как Красавчик:

— Ты болота надышался, Умник, что жизнь свою на цветок для девки меняешь?

Снимаю мешочек с пояса, развязываю шнурок. Пальцы дрожат, ногти ломаются. Чёртов узел, язвы его червяк. Если не успею — яд впитается в кровь, и Заике конец. Станет из бледного зелёным и распухшим.

— Потерпи, — говорю.

— Что там у т-тебя? — хрипит приятель. — Отрава, небось. Чтоб я сразу — к Прежним, д-да? И не мучился.

Заика не со зла — от страха так говорит. Прекрасно знает, что я — ученик. Может, даже будущий Преемник. И зелье мне сам Гарнир дал.

Сыплю тёмный порошок. Он шипит и пузырится; Заика дёргается и воем так, что стайка любопытных шариков шарахается в сторону.

— Тихо, братище, тихо, — прошу я, удерживая парня одной рукой и закрывая ему рот второй. На крик наверняка прибежит какая-нибудь дрянь, а у меня всего две стрелы. Копьё осталось там, где Заика напоролся на колючку.

Друг наконец утихает. Его амулет, чёрный кубик, играет таинственными искорками. На розовеющем лбу выступают мутные капли — значит, поживёт ещё. Позаикается.

Холодно. Потому что Верхнее Светило уже несколько дней не показывается, а Нижнее — хилое, его тепла не хватает. И небо утратило бирюзовый оттенок, покраснело. Старшие говорят: так всегда бывает, когда кончается Сезон. Некоторые из них помнят по пять-шесть Межсезоний, а Гарнир — целых восемь. Значит, и у меня шансы есть дотянуть до того момента, когда Верхнее вернётся в зенит.

Ведь одно Межсезонье я уже пережил. Правда, был в то время ещё мальком, не помню ничего. Тогда у меня была семья, мама и папа.

А сейчас — только Заика и Ветка. Ну, ещё Гарнир.

Костёр разжигать нельзя. Болотных червей отпугнёт, а вот стреза наверняка приманит.

Стрез!

Чёрно-золотое чудовище, пронзающее фасетами мрак ночи. Разрывающее педипальпами плоть.

Его хитиновую броню не берут ни железо, ни огонь. От этой твари спасения нет — только бежать. Нельзя ни копьё поднять, ни стрелой ударить. Так говорят старшие. Сопротивляться стрезу — табу.

А куда бежать, если друг — бездвижный? И сколько ещё часов проваляется в беспомощности — неизвестно.

Я укрыл Заику брезентовым плащом. Сам сел на камень, обхватив руками колени.

Холодно, черви поганые. И чего я попёрся в эту даль? Обошлась бы Ветка без подарка. Хотя...

Гибкая моя, тоненькая. И глазищи — как болотные огни: заораживают, зовут куда-то.

Осторожно разворачиваю свёрток. Вот он, цветок. Нежно-медовая шкурка светится алыми прожилками. А аромат!

Ветке понравится. Улыбнётся, тронет тонкими пальцами мою щеку. Может, даже поцелует.

От одной мысли сердце начинает грохотать. Пугаюсь: вдруг безглазые услышат? Или, упаси Пржежные, сам стрез?

Выдёргиваю нож из чехла. Древняя сталь, доставшаяся от Пржежных, сточенная временем до самого обуха. Всмотриваюсь во мрак: там булькает зловонными пузырями трясина, шелестят лапками ночные сколопендры. Да далёкие болотные огни гуляют, светят зелёным — будто Ветка ищет меня, зовёт.

Наконец выскакивают хохочущим табунком луны — вся дюжина. Не день, конечно, но светлее. Полегче.

Заика мечется, бредит:

— Господин Фарш, не велите наказывать. Мы т-только до цветочного дерева и обратно, уж больно друг хотел Ветке любезность оказать. А на колючку я сам наступил, виноват. Меня судите, д-друга не надо...

— Т-с-с, тихо.

Даю напиток из фляги. Воды совсем мало, едва на донышке плещется. А из болота пить — последнее дело.

Заика глотает. Поднимает голову, смотрит на меня, не узнавая.

— Г-господин Фарш! Ради П-Пржежных! Меня — хоть стрезу на пищу, только не Умника. Вот и господин Гарнир вам скажет.

— Тихо, тихо.

Укладываю его, вновь накрываю брезентом.

Всё-таки правильно я Заику выбрал в напарники. Настоящий друг.

* * *

Не повезло. Совсем немного не хватило.

Утром Заика встал, как новенький. Хромал, конечно; так я ему крепкий костыль из болотного деревца вырезал. Пошли потихоньку. Брели да болтали о всякой ерунде, чтобы ужас отогнать. И старались вверх не смотреть: уж больно жутко небо красным видеть, а не зелёным.

— Вот п-переживём гадостное время, — мечтал Заика — я наизнанку вывернусь, но б-бродягой стану, Чёрновласку в жёны возьму.

Смех меня разобрал.

— Она же тебя на две головы выше! Сварливая да капризная. Бить тебя будет, братище! Или в порыве любви задавит нечаянно. Титьки-то у неё — вдвоём не поднять!

— Ничего, п-потерплю, — улыбается, — а коль д-достанет — уйду на болота, за добычей.

— И я с тобой, — киваю, — с таким напарником до самого хребта не страшно!

— Не, — не соглашается Заика, — т-тебе одна дорога — в Преемники. Будешь зеньки таращить, умные речи толкать и поучать нас, голытьбу безмозглую. А время п-придёт — шлем светлый наденешь, когда Учитель твой тапки скинет.

И благостно вокруг, только хлюпает болотина под ногами, свирли курлыкают да шарики парочками из-под кустов посверкивают, словно глазастый зверёк таращится.

Только не подумал я, что кровь-то Заикина из-под сбившейся повязки сочится-капает.

На запах они и приползли. Десятка два. Безглазыми рылами вынюхали, высосали болотную воду с каплями человеческой крови — и в след вцепились.

А я уже радовался: вот она, золотая вершина Запретной Горы, сияет! Даже если ковылять на одной ноге — за час до своей пещеры дойдём.

Я ещё ночью свой нож к дырну примотал. Не то доброе копыё, конечно, что я у цветочного дерева выронил, но хоть что-то.

Черви, как всегда, взяли в полукольцо. Пасти зловонные разинули, шипят, едкой слюной брызжут — завтрак предвкушают. Шарики тут как тут, стайкой. Вспомнил я, как Учитель, господин Гарнир, говорил: шарики эмоции чувствуют, эмоциями питаются. Вот и появляются, когда что-то весёлое или ужасное готовится, им всё равно.

Дыхание смог успокоить, лук в руке почти не дрожит. Два раза хлопнула тетива — на два червя меньше. А толку?

Заика завопил, костылём сарахнул ближнего, перебил спину гадине. Умиравший червь завизжал, закрутился — остальные замерли испуганно. Пока своим крохотным мозгом соображали — я ещё троих проткнул.

Да всё равно далеко мы не ушли.

Извивающиеся твари вдруг исчезли, будто в чёрной болотной жиже растворились. И шарики, сияя радужными боками, прыснули в кусты. Только я обрадовался, что проскочили — и услышал.

Ни с чем его не спутаешь. Низкое гудение. Грозное, как приближающийся ураган.

Стрез!

Руки сразу обмякли. Выронил я своё никчемное копьё. Опустился на колени.

Заика рядом ничком скорчился, чёрный кубик амулета глядя. Бормочет: — П-пришёл мой час, последним вздохом взываю к вам, П-Прежние: примите меня в чертоге Друзей своих, какого есть — грешного и светлого, г-глупого и слабого...

А я даже молитвы все забыл. И про оберег свой, жёлтый кругляш, не вспомнил.

В голове пусто. Только краем — глаза Ветки. Да ещё женский крик, далёкий-далёкий: «Кровинка моя, сыночек! Живи!».

Вот она, полосатая погибель моя. Появился из-за низких перекрученных деревьев, рухнул на бесчисленные членистые ноги. Сложил перепончатые крылья.

И побрёл к нам, раскачиваясь, острые сочленения конечностей в небо втыкая. Медленно и неотвратно, как сама смерть. Жвала с руку длиной, острые, как сабли, изготовил. Рвать живое мясо, разбрызгивая кровь горячую мою...

Остановился шагах в пяти. Стоит. Мёртво блестит фасетами.

Не помня себя, завопил я:

— Не тяни, сволочь! Вот он я! Жри уже.

А стрез, будто от крика моего, покачнулся.

Завалился на бок.

И затих.

Упал я в болотную грязь, лицом в ладони. Заплакал, конечно. От ужаса пережитого. От неверия, что — жив.

А сзади уже набегали наши, размахивая копьями. Красавчик меня тряс, орал что-то — только не понимал я ничего...

* * *

Любого я ждал: злой ругани, обидной затрешины, сурового наказания. Стоял перед Учителем, повинную голову склонив.

А он только:

— Дурак ты, Умник. Куда вы попёрлись? И когда! Сколько вам, соплякам, объяснять: Сезон кончился, никогда наша жизнь не будет прежней. Всё иным становится в Межсезонье, незнакомым. Я уж сколько их пережил — и всё равно, удивляюсь всякий раз.

Стою, слушаю, соплю в две дырки. А Учитель глаза прикрыл, как всякий раз, когда бывшее вспоминает. Будто не говорит — древнюю былинку поёт:

— Сколько их, дней раскалённых и ночей муторных, уплыло рекой вечности? Сколько раз Верхнее Светило покидало нас, и растерянный мир замирал от ужаса? Шесть Межсезоний назад, когда был я ещё крепок, но глуп, с холодами пришла серая плесень. Три рода, три пещеры погибли, до сих пор их крики помню... Два цикла тому породило болото жуть наших ночей — червей поганых, безглазых, всевидящих. Каждый раз трудами и кровью растили мы себя своё — и вновь гибли: от бед роковых, от хищников, тьмой рождённых, от болезней — то синей холеры, то болотной лихорадки... Да и болота когда-то не было. Степи были — светлые, бескрайние, травами ароматными колыхавшие.

Заслушался я. Будто увидел эту картину: изумрудное травяное море, и звери невиданные — лёгконогие, грациозные, с маленькими рожками на точёных головках...

Провёл господин Гарнир по лицу распухшими в суставах пальцами, словно паутину воспоминаний стряхнул. Вздыхнул:

— Прежние говорили: не будет конца нашим страданиям, потому что не наш этот мир, чужаки мы в нём. Но осыпется весь песок в сосуде, и придёт Трижды Рождённый, Знающий Путь. Он откроет золотые врата и введёт народ наш в благословенные чертоги, и примут нас Друзья в доме своём, и унесут нас далеко-далеко отсюда. Туда, откуда мы вышли и куда вернёмся...

Журчит голос, течёт.

— А в прошлый Сезон ты в нашем роду появился. Землю трясло, скалы рушились. Вашу пещеру завалило, щель осталась — в две ладони. Хрустели кости, лопались лёгкие, кричали люди. Маялись, умирая страшно, в темноте раздавленные, в крови своей и чужой. А я стоял у щели той — и не мог ничего поделать. Только волосы мои седали от ужаса сопереживания.

Но увидел вдруг — шар красный, и волосёнки прилипшие. Это мать твою дыру разглядела и сунула тебя в неё за секунду до того, как пещерный свод осел, последний луч света им отрезая. А я — принял тебя.словно из материнского лона. Вновь рождённого.

Сказал это Учитель мой и замолчал

А я зажал мокрое лицо ладонями и слышал вновь вопли умирающих, и чувствовал страх мамы, и запоминал её последний крик:

— Кровинка моя! Сыночек! Живи!

Учитель обнял меня и прошептал:

— Понимаешь теперь, почему я тебя с младенчества лелею, как ни один отец со своим дитя не нянчится? Дважды рождённые — это я, все бродяги, Заика твой. Трижды Рождённый — это ты. Тебе человеческий род спасать. Так говорили Прежние.

Не знаю, чего от меня Учитель ждал. Наверное, слов громких, обнадеживающих. Мол, не вопрос: щас, только высморкаюсь — и ну подвиги воротить.

А я зарёванное лицо на него поднял и проямлил:
— Почему стрез меня не сожрал? Что с ним вообще такое было? Будто губить передумал да уснул.

Ляпнул — и ужаснулся. Во я дурак-то я! Сейчас Учитель разочарованно вздохнёт, оттолкнёт меня, дебила, навсегда.

Он и вправду отшатнулся. Взглянул на меня, будто увидел впервые. Прошпентал:

— Как ты догадался про стреза?! Точно — избранный.

Кряхтя, опустил на распухшие колени — и поклонился мне в ноги.

* * *

Небо темнело, словно протухшая кровь.

Всё племя собралось перед входом в пещеру: беззубые ворчливые старухи и юные матери, прижимающие к груди драгоценные сопливые свёртки; полуслепые старики, чепушили чумазы и матёрые бродяги с неразлучными копыями. Мы, молодые дважды рождённые, ровным строем — Красавчик с беззгливой ухмылкой, Толстяк с мокрыми губами, Заика с костылём (надо же, не потерял мою поделку!), и ещё три десятка моего поколения — все серьёзные, животы с поперечными шрамами гордо выпятив.

И я — сбитый с панталыку словами Учителя. Растерянный.

А перед племенем кучкой — малолетки. Худющие, ободранные, озираются волчатами. Шарик над ними вьются, поживу предвкушают.

Мы ведь такие же когда-то были. Малолетка — это на всю жизнь жестокая школа: впроголодь, недосып постоянный, побои от старших. Не все прошли: кто в холодной речке утонул, когда острогой рыбу бить учился, а кто с дерева сверзился и шею свернул, яйца в гнезде свирлей добывая...

А итогом — Посвящение, второе рождение. Тут испытание, навсегда судьбу решающее. Выдержишь — и ты человек: хоть в бродяги, хоть в мастера, да хоть в Преемники. И жениться можно. А не сможешь — одна дорога: в чепушили презренные, жадных пиявок в болоте на собственные ноги ловить и хворост таскать, у баб-кухарок на подхвате.

Только мы-то взрослее были, чем эта мелюзга. Странное что-то происходит, рановато им Посвящение принимать. Дети совсем. Волосёнки ещё не выросли ни на подбородках, ни там.

Так и есть. Красавчик шёпотом пояснил:

— Старшие решили Посвящение досрочно провести, из-за того, что Межсезонье пришло. Бойцы нужны, времена страшные настали.

— Да какие из них б-бойцы, — ухмыльнулся Заика, — мальки недоделанные. Их ещё учить и учить. Правда, Умник?

Промолчал я. Так и не пришёл в себя до сих пор от слов Учителя.

Загрохотали барабаны. Это знак: женщинам и чепушилам на колени падать, нам и бродягам — уважительно головы склонить.

Первым из пещеры главный вышел. Шагает торжественно, колыхая брюхом, на котором шрам мужской давно уже жиром заплыл и волосом густым зарос. По такому особому случаю на голове его цилиндрический шлем с плоским верхом. Шлем этот древнейший, ещё от Прежних, из невиданного светлого металла, с двумя дужками, и надпись яркой краской «фарш». Все видят: сам господин Фарш, вождь племени. Только, когда артефакт на голову надет, надпись вверх ногами получается. Специально, чтобы злых духов запутать.

А следом — Учитель мой, главный мудрец. Господин Гарнир. Тоже в шлеме, и буквы соответствующие.

Говорят, в запретном закоулке пещеры спрятана гигантская каска древнего героя по имени «Картофель». Голова у того героя в два обхвата, а ростом, значит, был он выше самого большого дерева. Только сам я ту каску не видел. Враки наверняка.

Вождь руку поднял — стихли барабаны. Положенные слова малолеткам сказал:

— День Посвящения пришёл. Рождены вы были своими матерями в муках, пришли в мир беспомощные и безмозглые, как головастики в луже. Племя вас растило, племя вас кормило, кусок не доедая, защищая от злобных хищников, от холода укрывая. Теперь пора долги отдавать. Кто не готов родиться вновь — уйдите сейчас.

Двое мальков, ссутулившись, мелкими шажками тихо в сторону отошли, к чепушилам. Там теперь их место и их прозябание.

Остальные ближе тощими плечами сдвинулись, отчаянно глазами сверкая, ужас загоняя вглубь.

Учитель подошёл к первому. Достал заветный клинок — острый, узкий. Глядя малолетке в глаза, кожу на животе пальцами схватил, оттянул и ткнул ловко. Лезвие под кожей прошло, высунуло окровавленное жало. Сноровка особая нужна: внутренности не повредить, мышцы не распороть.

Мальчишка побледнел, губу прикусил — до крови. Но выдержал.

Учитель одобрительно кивнул. Не отпуская пропоротой складки, вынул витой шнурок, от Прежних оставшийся — из тонких нитей, не из лыка грубого, но прочный — хоть стреза связывай.

Пропихнул шнурок в отверстие. У всех наших лица перекосило. Помню я эту жуть: кажется, что Учитель не пальцем — раскалённым прутком в животе ковыряется.

Повёл малька к столбу. Шнурок, кровью сочащийся, вокруг деревьями обвил и связал концы крепким узлом. Теперь мальчишка к столбу привязан, чтобы освободиться — надо собственную плоть разорвать. Учитель изрёк:

— В первый раз родила тебя женщина, и не было в том ни капли твоей заслуги. Я пуповину этим ножом перерезал, отделив тебя от матери и отправив в мир — жить. Только жить все умеют: и шарики пустые, и черви гнусные, и чепушилы презренные. А мужчина и воин

должен не гнить в грязи, пиявкам подобный, а храбрецом быть, страх свой побеждая и боль. Родись же во второй раз, порви пуповину сам, приди в мир не личинкой, но человеком!

Мальчишка выдохнул, зажмурился. И дёрнул, откинувшись всем телом, руками в столб опираясь.

Только — пожалел себя. Не получилось. Кожа человечья — штука прочная. Одуевший от боли, упал на колени, задыхаясь.

Не так надо. Надо с жизнью проститься, чтобы жизнь обрести. Рвануться, собственное тело разрывая. Не думать. Не жалеть себя, не бояться страдания — мечтать о нём, мукой наслаждаться.

Мальчонка отдышался. Поднялся — и теперь уже всё верно сделал. Рухнуть не успел — Толстяк с Красавчиком подхватили, отнесли в пещеру на приготовленную лежанку. Там уже женщины хлопочут, водой из каменной чашки дважды рождённого отпаивают, кровь вытирают, уважительные слова говорят. Теперь он им не малолетка, мишень для подзатыльников.

Теперь он Мужчина, Дважды Рождённый. Боец. Защитник.

А Учитель уже к следующему идёт, клинком посверкивая.

* * *

Мальчишки молодцами оказались, все прошли Посвящение. Одного водой отливать пришлось — трижды пробовал, но смог.

Костёр в небо весёлые искры пригоршнями швыряет, шарики распугивая, ночную тьму разгоняя. Женщины брагу из синего мха разносят и пиявок жареных. Толстяк в одно ухо врёт что-то про охоту на полосатых свиней, что за хребтом будто живут, Красавчик в другое ухо успехами у девок хвалится.

Я их не слушаю.

Я смотрю, как Ветка танцует под барабаны и камышовую дудку.

Она — лёгкая птица. Тонкими руками-крыльями обнимает небо, поднимаясь всё выше, где маленькие весёлые луны ждут её, любимую свою подружку.

Она — бешеный лесной пожар, ломящийся с треском по вершинам обречённых деревьев, пьяным пламенем сжигающий всё.

Она — загадочное озеро, заманивающее несчастных путников русалочьими песнями, и у каждой русалки — зелёные глазищи.

Она смотрит только на меня.

И на её изящной шее — нежно-медовый цветок с алыми прожилками, ароматом пропитывающий Вселенную.

* * *

Утром загрохотала вдруг запретная Золотая Гора, окуталась малиновыми смерчами, странные свои утёсы до блеска раскалила. Она всегда неожиданностями пугала: то туманом покрывается

посреди жаркого дня, то ночью разбудит воем нездешним, будто гигантский зверь в муках умирает, прощается с миром. До неё — рукой подать, пять тысяч шагов от нашей пещеры, а ходить туда нельзя: табу.

Да и желающих особо нет. Вблизи горы и свирли падают трупиками бездыханными, и червей находят, узлом завязавшихся в предсмертной агонии. На малолетке было: трое наших, придурков любознательных, решили к Горе прогуляться. Выжил один. Принесли его бродяги, в бреду мечущегося. С тех пор заикаться стал, потому и Заика. Не помнит ничего.

Трупы других двух крючьями притащили к пещере, боясь руками касаться. И лица у них были — не забудешь.

Только стрезы Горы не боятся. Постоянно их силуэты шипастые рядом в небе торчат. Гнездовье там, наверное. Одним словом — порождения тьмы, стрезы эти чёртовы.

Сидели мы на корточках, копыя между коленями поставив, и с опаской на сияющую Гору поглядывали, когда Учитель пришёл. Сказал:

— Молодые, пришла пора вам тайну узнать. Сейчас пойдёте по округе, тела стрезов искать. Межсезонье началось. Стрезы лежат беспомощные, заснувшие без света Верхнего.

— Здорово! — обрадовался Заика, — теперь мы их тёпленькими п-перебьём, избавимся навсегда от беды. Поглубже копьём между хитиновыми плашками, и все д-дела.

— Ты меня слышишь, придурок? — разозлился Гарнир. — Никаких копий. Принесёте их в пещеру нежно, как девку — на лежанку. Не помяв, крыльев не повредив.

Мы остолбенели. Как так? Стрезов, главных врагов, вечный наш ужас — и нести нежно в свой дом? Мир привычный в лицо расхохотался, глумливо высунув язык.

Хмурые бродяги подтвердили: да, ребятки. Главная работа наша в Межсезонье — стрезов беречь. Когда Верхнее Светило вернётся — стрезы очнутся, светом напитавшись. И снова будут за нами охотиться, не помня добра. Такие дела.

Разбились на отряды, побрели по округе. Мне достался крестничек, который ещё вчера меня чуть не сожрал. Ворочали мы тело огромное, уродливое, чтобы на слегу положить. Уклонялись от кривых шипов, дабы кожу не распороть — да всё равно двое поранились. Крикнули, подняли, поволокли. Тяжесть страшная, восемь здоровых мужиков — все в поту, с руганью, мелкими шажками.

Когда заносили в пещеру, стрез вдруг вздохнул. Жалостно, будто больной ребёнок во сне.

А, может, мне послышалось.

* * *

— Четырнадцать локтей. Подрос, было восемь.

Учитель мерную верёвку отложил, начал цифры царапать на плоском камне.

Я поразился:

— Ты что, каждого стреза в лицо знаешь? То есть, в морду, тьфу.

— У него же бляха на шее, — улыбнулся Гарнир, — давным-давно Прежние отметили и наказали каждое Межсезонье измерять и записывать.

Точно! Бляха на цепочке, и цифры выбиты «59».

— А почему число такое? Мы же притащили всего одиннадцать, и больше стрезов не нашли.

Учитель вздохнул горько:

— Да. Каждый раз — всё меньше их. Сезон долгий, всякое бывает: смерти случайные, хвори у них свои. Плохо это.

— Почему плохо? Меньше врагов — людям легче.

— Не враги они, а спасители. Прежние велели стрезов сберегать, вот как до двадцати локтей вырастут — и будет нам избавление. Так Прежние говорили.

— А что случится, когда вырастут?

Учитель процитировал:

— «И израстут они, и переродятся, и станут лучше людей, и распахнут чертоги свои».

— Я ничего не понял. Во что переродятся? Как это — «лучше людей»?

Гарнир посмотрел на меня пристально:

— Это ты должен мне сказать, Трижды Рождённый, Знающий Путь.

Ответил честно:

— Никакой я не «знающий», а Умник, простой ученик.

— Ну, раз простой, — разозлился Гарнир, — то иди простым делом заниматься, покорми их.

Стрезы спят, но жрать им надо, а то отощают и не доживут до следующего Сезона. Я, как ученик, до таинства допущен. Жвала древком копыя раздвигаю и куски мяса в горло запикиваю: чудовище рефлекторно глотает. Прожорливые они, каждый — как двадцать вечно голодных малолеток.

Припасы из-за них быстро кончаются, завтра идём на большую охоту.

* * *

Меньше трети нас вернулось. Межсезонье породило новых чудовищ: волосатые стремительные твари, выбрасывающие когтистые щупальца. Сбились мы кучкой, оцетинились копыями — а они налетали, по одному выдирая. Толстяка там оставили.

Когда Заике в грудь когти вонзились, я закричал, бросил копьё, обхватил друга, чтобы мразям не отдавать. Да куда там. Только амулет его, чёрный кубик, в моей руке остался.

Что ныне нас ждёт?

Бойцов осталась горстка, да и та — измотанная, когтями рваная. И стрезов кормить нечем, и самим жрать.

Как теперь Межсезонье пережить?

* * *

Трещит последний факел. Голая Ветка, желанная моя, горячим телом прижимается. Водит пальчиком по моей груди, трогает жёлтый кругляш.

— Какой амулет у тебя странный. От Прежних? А что за знаки?

— Ты что, читать не умеешь?

Тихо смеётся:

— Забыла, как. Зато ты — ученик Гарнира, самый умный в племени. Повезло мне.

— Там цифры и надпись «проигрыватель». Прежние, наверное, его в кости друг другу проигрывали, как наши мальчишки — сушёных пиявок.

А она уже кубик, от Заики оставшийся, рассматривает. Любопытная, словно стайка шариков.

Щёлкнуло что-то, мой кругляш неожиданно кубик проглотил и выбросил струю света. Ветка вскрикнула, с лежанки вскочила. Я следом. Стою голый, копьё подняв, любимую собой закрывая.

Облако невесомое поиграло цветными пятнами и стало незнакомцем в невиданной одежде — гладкой, красивой, нашим шкурам не чета. Качался человек, потрескивал искрами и говорил непонятные слова:

— ...эвакуация дальней планеты. Союзники-стрезы пригнали транспорт за своим инкубатором и предоставили место в корабле для двухсот человек. Совет принял решение спасти детей, то есть нашу колонию для малолетних преступников...

Я, себя не помня, метнул копьё — оно проскочило сквозь говорившего, будто тот из тумана сделан, и звякнуло о стену пещеры.

— ...при полёте к системе двойной звезды атакованы дравинским рейдером. Стрезы погибли все. Бортовой биокомпьютер стрезов, повреждённый при аварийной посадке, выбросил инкубаторские контейнеры наружу, а людей посчитал инородными включениями. Я, начальник пенитенциарного отдела, успел вывести воспитанников из трёх боксов...

Ветка всхлипнула:

— Это морок? Что он говорит?

— Это Прежний. Я сам не понимаю, что он говорит.

Фигура расплывалась на отдельные пятна, вновь собиралась и продолжала вещать непознаваемое:

...— только три сотни яиц. Я не криптозоолог, не знаю точно, сколько у стрезов циклов преобразований. Из яиц должны вылупиться личинки; потом, после стадии куколки, кажется, что-то вроде гигантских перепончатокрылых. Корабль пустит внутрь только взрослых особей, прошедших процесс реанимации генетической памяти. До этого момента...

Прежний вдруг покрылся дырами, сквозь которые стали видны изрисованные лишайником каменные стены.

-...планета отлично приспособлена для жизни: мягкий климат, плодосные деревья, отсутствие опасных видов флоры и фауны. Однако, видимо, компьютер корабля свихнулся без контакта со своими создателями, пытается как-то изменить среду, экспериментирует с климатом и формами жизни. Появились какие-то шарообразные существа, реагирующие на эмоции. Ещё проблема: ожидаются длительные периоды затмений альфа-звезды, а недостаток ультрафиолета не только сбивает компьютер, но и существенно угнетает физиологию стрезов в любой их жизненной форме...

Прежний вдруг сильно постарел, вместо невиданной одежды обличился в привычные нам шкуры. Лицо пересёк рваный шрам; глаза Прежнего слезились, руки дрожали.

-...гораздо дольше, чем я думал. Не знаю, сколько всего понадобится времени. Терпения вам, потомки. Когда-нибудь стрезы из безмозглых насекомых превратятся в тех, кого мы знаем. В мудрых старших братьев. Пригласят нас на корабль и вернут на Землю.

Человек повернулся, показал рукой в сторону: на миг возник силуэт Запретной Горы, окутанной малиновым туманом. Потом изображение резко увеличилось: остались слезящиеся глаза, окружённые сеточкой морщин, словно наполненные дождевой водой метеоритные кратеры — трещинами.

Глаза Прежнего, полные тревожной надежды.

И исчезли. Световой столб поблёл и юркнул обратно в амулет-кругляш.

Ветка прижалась сзади. Её колотило.

— Не трясись. Я понял: это послание.

— Послание тебе?

— Не знаю. Может, и мне. Надо подумать.

За каменной стеной юные матери баюкали младенцев. Стонали израненные бродяги, прятались в закоулках чепушилы.

Шуршали бесчисленными лапками сколопендры, отсчитывали мгновения срывающиеся с низкого потолка капли воды.

Умирал на пропитанной мочой лежанке Гарнир, мой Учитель.

Догорал последний факел.

И плакал во сне, как голодный ребёнок, золотоглазый стрез.

АНДРЕЙ ЗИМНИЙ

ЖЕРТВА

В комнате не было ничего. Ничего кроме полосатого матраса в углу, стула и звуков басовых струн. До-мажорная прелюдия Баха изводила стены уже третий час. Звукоизоляционные плиты глотали однообразную мелодию, не зная насыщения. Пальцы Злого гудели, но он с бешеным упрямством продолжал отрабатывать двуручный тэппинг.

К низкому голосу баса примешался протяжный вой. Злой тряхнул головой, принялся с ещё большим остервенением извлекать звуки из своего “Варвика”. Но больше не мог сосредоточиться, ритм поплыл. Чёртова сука.

Он вскочил со стула, бережно опустил басуху на подставку. Дверь в соседнюю комнату была закрыта на ключ, который Злой носил на бечёвке, завязанной вокруг шеи. “Собачка” замка неохотно провернулась, скрипнула, из-за двери снова раздался стон. Злой вошёл. Одержимость полулежала на шерстяном одеяле, скомканном на полу, и теребила пальцами ошейник, охвативший её шею. Цепь, тянущаяся от широкого кожаного ремешка, душила трубу батареи. В Злом вскипело бешеное, неуправляемое желание.

Он взял с полки возле двери пластмассовую расчёску и опустился на колени рядом с Одержимостью. Женщина покорно встала на четвереньки и склонила голову, длинные чёрные волосы свесились до самого пола. Злой медленно провёл по ним расческой сверху вниз. Потом ещё раз, всё так же неспешно. Сверху вниз. Одержимость приподняла лицо, мужчина сильно, хлётко ударил её по щеке.

Он ненавидел её. И хотел. Каждый раз, когда видел. Это её болезненно худое тело, покрашенные жгуче-красной помадой губы. Злому хотелось избить свою жертву до полусмерти и овладеть ею. И, что самое отвратительное, даже когда он уходил в другую комнату, часами играл на гитаре, всё равно через прелюдию Баха прорывалась эта нездоровая тяга. Злой схватил женщину за шею, просунул пальцы под ошейник и сжал. В карих глазах Одержимости появилась слезливая мука, и Злому захотелось приложить её головой о стену. Но женщина могла потерять сознание, а ему нравилось, когда она истошно кричит.

Ещё можно было уйти. Злой много раз пытался перестать. Это ведь неправильно — возбуждаться, получать наслаждение, причина боль. Но он не мог остановиться, а может быть, и мог, но Одержимость была прикована к батарее. Её руки и ноги, все в синяках, заставляли возвращаться.

Жизнь вне квартиры перестала существовать. Злой болен. Злой знал, что он болен. Это надо было прекратить. Прекратить.

— Прекрати! — Он прикрикнул на неё, сгрёб тёмные волосы в хвост и резко дёрнул. — Прекрати выть, сука.

Злой ударил женщину по губам, выступила кровь. Теперь он не уйдёт, уже не сможет, не захочет. Удар.

Удар жёсткий, не в полную силу, но и не вскользь. Злой наказывал её, наказывал много раз, Одержимость давно перестала понимать, за что. За то, что просила снять ошейник. За то, что говорила, что ей больно. За то, что вызывала желание, и больно было ему. Вечное мучение, нарушаемое медленными движениями расчёски, сверху вниз, сверху вниз. Бесконечно.

Одержимость вытерла кровь с губ, размазав помаду. Злой приходил в бешенство, когда она выглядела неопрятно. Сейчас же поднёс к своему лицу ее руку, поцеловал выпачканное красным ребро ладони. Её затрясло: любое нежное движение Злого было угрозой, обещающей очередной удар. Одержимость вздрагивала каждый раз, когда он к ней прикасался. Злому нравилось, Злой начинал дышать очень часто и трогать, трогать везде.

Он сел на шерстяное одеяло, прижался затылком к стене. Он закрыл глаза и дышал ртом, будто загнанный собачьей сворой волк. Надавил костяшками пальцев на её спину. Одержимость согнула руки в локтях, легла щекой на его бедро, почувствовала каждый рубчик на джинсовой ткани. Злой провёл левой рукой по её уху. Прикосновение огрубевшей на кончиках пальцев кожи заставило Одержимость ощутить дикое, неуместно приятное — щекотку. Женщина резко выдохнула. Злой дёрнул цепь, заставил её подняться. Зрачки в его глазах растеклись двумя страшными чёрными дырами. Одержимости казалось, что она падала, падала, падала в них. Падала на шерстяное одеяло тысячу раз, и теперь упала от сильного толчка в грудь. Целую вечность не могла вдохнуть, не позволяли боль в груди и Злой. Он снимал воздух с её губ вместе с кровью и помадой, то ли целуя, то ли кусая. Одержимость заплакала, а он улыбнулся, показывая зубы, измазанные в её крови.

— Больно — прошептала она.

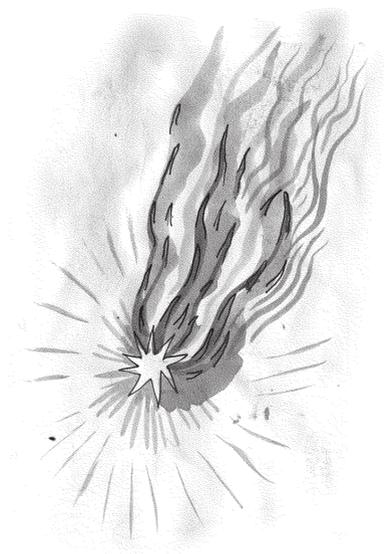
— Знаю, — он стянул футболку.

Наконец-то он стянул футболку.

Губы распухли. Там, где бил Злой, тянуще, ноюще пульсировала боль. А он расстегнул ремень на джинсах. Она не сдержалась и застонала. Злой ударил её по щеке со всей силы за то, что она не сдержалась и застонала, чтобы Злой ударил её по щеке со всей силы. Он навалился на неё, и Одержимость, разевая рот в задавленном вопле, вспомнила в тысячный раз, что такое экстаз.

Она не испытывала подобного ни с кем, никогда. Ни один мужчина из того моря тел, которые узнали Одержимость, не мог причинить

ни истинной боли, ни истинного удовольствия, потому что не верил. В собственные желания — не верил, не отдавался, не брал. Верил только Злой. Одержимость поняла его, как только увидела в коридоре клиники. Поэтому и заговорила. “Не поможете? Я поранилась,” — сказала она после того, как незаметным отчаянным движением разодрала указательный палец об острый край ключа от квартиры. И он помог. Перевязал носовым платком. И затянул, излишне туго. А потом пригласил на кофе, и Одержимость согласилась поехать к нему. Только кофе не было. Женщина убедил Злого больше не ходить в клинику. И он больше не ходил. Он ходил только в комнату, где приковал Одержимость к батарее. Однажды Злой признался, что ненавидит её, потому что мог вылечиться. Перед их встречей врач в клинике говорил о заметном улучшении. Но Злой встретил женщину и решил, что она станет жертвой. Но стал жертвой сам. “Больно,” — прошептал он тогда признание в темноте. “Знаю,” — ответила Одержимость.

ВАДИМ КУЗНЕЦОВ
БЕЛОГЛАЗАЯ

Ночью белой белоглаза
Ходит по дворам зараза,
Алчет жажду утолить,
Свежей кровушки попить...

Случилась сия история в прошлом веке, еще при царском режиме. В стольном городе Петербурге жил купец средней руки Василий Скородумов. Дела свои вел широко и безбоязненно. Шелка, парчу, ткани атласные, меха собольи выгодно продавал и до такой степени обогатился, что из маленькой лавочки крупный торговый магазин отстроил. Не знал бедности и голода Василий. Богат был и счастлив обилением. Каждый раз, как по городу шел, сверкал перстнями златыми, богатым кафтаном щеголял, красные сапоги молодецкой удалью по щбенке выстукивали. Люди, завидев богача, шапки снимали, всякая собака ему кланялась, каждая нищенка копеечку малую просила, а вот давал Вася убогим неохотно. Только картуз свой залихватски заламывал, плевал в сторону да шел себе дальше.

В семейной жизни у молодого купца не все ладно было. Рано женился Скородумов, по совету отца покойного. Жена красивой оказалась, но не любой. Не милой. Жила благоверная, будто домашняя зверушка в клетке позолоченной, мужа во всем слушалась, но слов добрых редко услышать от суженого удавалось. Годика три Васька с женкой потешился, ребеночка настругал, а вот далее вся любовь и закончилась. Грусть-тоска стала одолевать человека, пустился он во всякие блуды да нетрезвые приключения. По кабакам да трактирам ошивался, горькую хлестал, аки последний извозчик, несколько раз бит был да без кошеля и штанов домой ворочался. После того пыл малость поумерил, но не прекратил в веселые дома захаживать, паскудных женщин в постелях валять. Все одно — душа не успокаивалась! Трепетала душенька, словно сирая подбитая птица, не зная, чего ей надобно. Ну и надумал купец найти себе постоянную полюбовницу. Такую милую кралю, чтобы тихо, незаметно на стороне навещать и получать известные телесные удовольствия.

И мечта Васькина, не сразу, но осуществилась. Нет, не в кабаках и домах веселых нашел себе полюбовницу молодец. А в иных местах. В то время, года Алексашки бородатого, стали появляться всякие тайные общества да заговорщицкие кружки. Сброд да пена с кружки пивной, отстой помоечный! Нигилисты худые, ботаники драные да немецкие беспредельники. С последними, правда, Скородумов знаться вовсе не желал. У них одни мысли были: бомбы зажигательные мастерить да

метать в царя-батюшку! Террором лютым хотели себе путь к свободе проложить. Только вместо воли они все, беспардонные уголовники, быстро в каталажку отправлялись да в Сибирь-матушку. Лес валить и русские города новые строить.

А еще были философские общества. Там разные болтуны собирались, приходили пииты доморощенные, важные очкастые профессора, дамы светские. И красиво у них казалось, светло и благостно! Рифмы витиеватые да свечи фигурные, музыка нервной скрипочки, фужеры хрустальные; женская ножка, случайно обнаженная под кринолином. Вот на такое козье копытце наш милок и попался! С задорной барышней познакомился и быстро в доверие, шалопут, втерся. Барышня Светланой представилась, сказала, что вдовая, и что от скуки на вечера эти философские ходит.

— А может быть, нам вместе где-нибудь поскучать? — спросил ухажер.

— Отчего же скучать? В вашем обществе, надеюсь, не скучно будет!

Васька весь загорелся, завелся, словно волчок детский. И не остано-вишь! Красивая женщина. Светленькая, в теле ухватистая, есть за что в темноте потискать. Глаза волшебные, губки красные, зубы молодые и здоровые. Без всякого изъяна. Так уж эти зубки белоснежные барышня всякий раз, как смеялась, показывала, что именно их Василий больше всего запомнил.

— А не прогуляться ли нам по Невской першпективе? Сейчас стоят чудные белоглазые ночи!

— Ночи-то белоглазые, только ваши, сударь, глаза, напротив, черны, аки темницы! Ой, погубите вы меня!

Случайный роман со Светланой развивался стремительно. Не прошло и недели, как Василий очутился в постели с этой блудливой женщиной. Было все и сразу же: страстные поцелуи, ласки нежные, и открыла барышня ему свое естество женское, бесстыдница!

Разомлел Василий, рассиропился, словно медку запретного испил, так ему тайный блуд понравился.

Но одно обстоятельство встречи любовной заставило призадуматься. Посреди ночи белоглазой, когда молодые лежали обессилены, в комнату вошла старуха какая-то, держа зажженную свечу в худой костлявой руке. Зачем свечка-то? На улице светло! Так всегда в июне бывает.

Василий сквозь щелки глаз приоткрытых рассмотрел эту старую женщину. И не понравилась она, оттолкнула. Вся сморщенная, нос загогулиной, лицо дряблое, и разит спертым воздухом препротивно. Нагнулась безобразна и что-то губами сизыми проштала. Васька не понял слов, но даже не привстал с постели, белой женской грудью придавленный. Рукой лишь вяло махнул, отгоняя морок, сон непонятный. И сразу же исчезла старуха.

Наутро поднялся купец, оглядел комнату, где провел свою блудодейную ночь. Не похожи хоромы на барские. Скудновато все, бедно.

А милая кралечка сладко спит, посапывает. Как же во сне красива она, аки девочка маленькая невинная. Распушила волосы белые, по подушке разбросала, плечики нежно поднимаются, веки подергиваются. Сон видит красавица.

Не стал мешать отдыху дамы Василий. Вышел на дрянную кухню, сварганил себе кофею на модном тогда керогазе, двинуться домой поспешил. Да не сразу дорогу нашел в темных извилистых лабиринтах. Барышня сия в многокомнатной квартире жила, да только непонятно было: все ее собственные хоромы, али купила лишь пару комнат. Длинные коридоры замызганные, дверей обшарпанных множество. Не так красиво, как у бар должно быть! Больше на разбойный притон или рабочий барак походит.

По коридору шел купец, двери дергал, выход искал. Все комнаты заперты оказались, лишь в одной Вася заметил недвижимое тело на кровати пуховой. Показалась знакомой ему мирно спящая старуха, похожей на незваную ночную гостью. Разглядеть бы повнимательней. Но на окнах висели шторы темные, а огня зажигать Василий не захотел. В чужом доме нечего гостю распоряжаться!

Вышел быстро из комнаты и со своей полубовницей в коридоре нечаянно столкнулся. Та была уже в халате домашнем и чуть припудрена.

— Заблудился, соколик? — задрала носик девица.

— Да, свет мой ясный, домой идти надо.

— Жена, небось, заждалась? Ну иди, иди, сладкий мой! А захочешь опять с моими булочками поиграть, так завсегда заходи. Рада буду! — И бесстыдно вывалила она свои груди белые на свет божий.

Посмотрел на это телесное изобилие купец и ума окончательно лишился. Бросился целовать свою кралечку, а та смеется, вырывается. Зубки белые скалит.

— Вот дурной! Иди уже. Мамку разбудишь! Иди, ночь белоглазая кончилась!

Дверь квартиры захлопнулась, и сбегал вниз по лестнице Скородумов, увлеченный своим амурным приключением. Душа парила в небесах, трепетала, и на сердце соловьи песню выводили задорную.

Вышел Василий на шумную улицу. Ночь белоглазая уже отступила, отдавая город ясному солнышку и теплу. Издавна петербургские июньские ночи в народе зовут «белыми», но немногие люди «белоглазыми» кличут. Считают они, что в такие светлые времена глаз божий бельмом закрывается и не видит ничего Господь, что на русской земле делается! Обретает поживу сила нечистая, смерть косматая жатву собирает, а бесы души диаволу в ад огненный тащат. Гибнут в великом множестве люди: иные, день с ночью перепутав, другие — во хмелю праздном, третьи — из-за удали глупой! И будет сие продолжатся целый оборот Луны, пока

не взойдет новый молодой месяц и не обретет Боженька ясное зрение, дабы уберечь людей града проклятого от грязных лап нечистого.

Вася не верил ни в сказки народные, ни в предания глубины славянской. Жил залихватски и весело. Хоть и крещен был, в церкву не заживал, ибо считал это старым ненужным мракобесием. Верил купец лишь в слово торговое честное да носил рубель счастливый за пазухой, чтобы всегда было в коммерции везение.

Идет по городу Васька, посвистывает. Празднует, аки воин грозный, победу над женскими бастионами. Словно сделку совершил удачную! Несколько слов ласковых да бутылки шампаня хватило, чтобы страсти душевные да телесные успокоить. И получить то, что хочется! Весел Василий, счастлив и радостен!

Соловьи поют, заливаются, сирень душистая разум людской тревожит, сердце влюбленное радуя...

Красив и шумен град стольный! Праздник тут каждый день продолжается! Купола на церквах золотом светятся, радужные фонтаны на площадях бьют, птичий грай летит над державной столицей.

Чу, навстречу корабейники идут! Скоморохи веселые, зазывалы трактирные да мальчишки-газетчики. Всяк хочет угодить богатому купцу, кланяется. Авось, монетка какая перепадет!

— Купи бараночку, барин!

— Душистый табак с Явы! Покупайте, хороший господин!

— Газеты, свежий номер!

— Дай, ручку, красивый, погадаю...

— Не хотите ли позавтракать, сударь! Загляните на чай с грушевым вареньем!

— Не ходи туда больше, Васенька...

— Что? — Скородумов обернулся, услышав тихий, но очень отчетливый голос.

У серой изгороди с острыми пиками стоял худой и оборванный человек. Убогий, божий пасынок. Грязный, босой, в одной исподней рубахе и простых суконных штанах, шапка кудлатая на вшивую голову нахлобучена. Сопли и слюни текут, а глаза такими голубыми небесами светят, что кажется, будто ангелы там крыльями машут.

— Не ходи туда, Васенька. Пропадешь!

Несчастный и сирый нищий. Огрызок, выкинутый за ненадобностью на блестящую питерскую мостовую. Сказал слово убогий и отвернулся, даже руку, милостыню просящую, опустил.

А ведь больно-то как стало!

Церковный звон в небесах раздался, пугая глухих голубей и крикливых сорок. Три раза колокол ударил, и Скородумов протрезвел после пьяной ночи, почувствовал похмелье тяжелое. В душе оборвалось и защемило, растревожило сердце, камень стыда и позора навалился.

Опустил Васька взгляд на серую папёрть виновато, ослепнув от света ясного, будто сам Господь посмотрел на него седой белоглазой ночью и пристыдил кобеля блудливого.

Тревожно стало на душе и боязно. Шаг прошел, — спотыкнулся. Другой — шkodливый мальчишка толкнул, тугой кошель из-за пояса потянул. Скородумов за ним ринулся, за ограду церковную забежал, а там купца дубина тяжелая встретила. Едва отпрянул назад.

Повезло. Свистнул городской, спас купца от расправы.

Убитый и подавленный приплелся домой загулявший ветреник Скородумов. Что же за день такой нехороший? Словно щенка шелудивого его, купца именитого, прилюдно опозорили. Деньги украли и чуть не измордовали.

Жена к мужу ластится, но нейдет Вася к ней. Не хочет. Глаза прячет виноватые, сплюнул на пол, подошел к буфету зеркальному. Графин с беленькой вытащил. Налил рюмку хрустальную. Выпил. Налил еще. Достал табакерку, нюхнул, прослезился. И приказал служке теплую купель для омовения приготовить. Смыть блуд да грех с тела опосля ночи белой.

Пока Васька в себя приходил, мамка его с церковной службы возвращалась да решила сыночка любезного проведать. Ну и зашла по-соседски. Дождалась в гостиной, пока тот в купели пузыри мыльные надувал.

Вот и объявился уже, в атласном халате, надушенный.

Стоит сынок, разопревший, румяный, радушно улыбается. Но материнский взгляд как обманешь? Можно грязь с тела смыть, а как душу от скверны очистишь?

— Что с тобой приключилось, Васенька? Почему смурной такой?

Молчит Вася. Улыбка застыла и неживой оказалась.

Подсуетилась матушка, пока сын не очухался. Подошла ближе, достала бутыл с водой святою, плеснула на руки да умыла непутевого. И засияли вновь глаза озорные. Прошел морок нечистый, мгла отступила. Повеселел Васенька, рассмеялся. С усмешкой вспомнил все свои приключения: и хорошие, и не очень. Аппетит проснулся и желание к жизни. С превеликим удовольствием купец борща наваристого откусал. Еще выпил беленькой, холодцом с солеными грибочками заел. Отдохнул. А матушка сердце женское успокоила да и отправилась восвояси.

Только к вечеру вновь купец занедужил. Опять тоска струны души задергала, но не черная хворь, а потребность любовная.

Недолго дома побыл Скородумов. Сапоги начистил, чубчик вихрастый накрутил, вновь лыжи наострил к своей нынешней любовнице.

Позвонил в дверь, открыла ему барышня. Вся из себя красивая, расфуфыренная. Ворвался купец ураганом стремительным. Шампань торжественно выставил, букет из роз преподнес. Стоит, светится, словно

фонарь на Дворцовой. А глаза похотливые уже ножки под кремовым платьем высматривают, руки чешутся в предвкушении. Разве что шерстью не обрастают.

— Ай, соколик! Зачем пить эту воду противную, газированную? А подай-ка мне коньяку! — топнула ножкой барышня и брови нахмурила.

— Да где ж я возьму его поздним вечером? Или в Елисейский бежать через полгорода? — изумился ночной гость.

— Зачем же. В самой моей квартире и найдешь. Пойдешь по длинному коридору, последняя дверка. Там дядька сидит. Худой, с оспинами на лице. Дашь красненькую, а он тебе бутыль французского из-под полы и достанет. Смотри, не заблудись.

Случилось все так, как и сказала барышня. Принес Васька даме коньяка французского. Бокалы хрустальные наполнили, посмеялись, покуражились. Друг друга до бесстыдства очаровали. И часа не прошло, как свечи в спальне затушили. Опять провалился Васька в колодец блудливый, смотря на губы алые да зубки белоснежные, улыбкой манящие.

Однако конфуз на сей раз приключился. Хотела барышня любовника своего в щеки румяные целовать, да вдруг отчаянно вскрикнула. И почувял Василий запах горелого. Будто язык обожгла Светлана. Вскочила с кровати и убежала куда-то. А купец лежать остался, да разомлел сильно. В сладкий сон, полубоморочный, потянуло.

Скрипнула дверь тревожно, и зашли вовнутрь то ли люди, то ли тени бестелесные. Василий щелочки глаз приоткрыл и увидел мадаму свою с уже знакомой старухой.

— Сладенькой у тебя мальчонка, упитанный! — пробормотала старая карга, побряхтывая.

— Сладенькой, да жжется! Небось в церкву днем заходил, окаянный! Я аж язык себе опалила!

— Ну, с этим делом я подмогу, ну-кась...

Нагнулась старая кошелка прямо к лицу Васьки. А он чуть от смрада зловонного не задохнулся, так пахла женщина неприятно. А карга свечу жаркую еще ближе поднесла, да как дунет изо всех сил на дрожащее пламя. Огонь быстрым мотыльком спорхнул на лицо купца, и занялись щеки красными горячими язычками. Закричал купец бешено, вскочил да выбежал вон из комнаты, по щекам себя хлопая.

— Куда-ж ты собрался? Не уйдешь, сладенькой! — закричала вслед старая.

А Васька вслепую бежит в ванную комнату, лицо жаром пылает, горит. Чует Скородумов, что уже кожа пузырями полезла и запахло плотью пальной. На ощупь кран холодный открыл, крича бессвязно. Ладонями быстро водицу начерпал и погасил пламя адское. В зеркало посмотрел и порадовался, что цело лицо осталось. Ожогов нет, лишь усы малость опалил.

Понял Василий, что в доме этом сила нечистая обретается и бежать надобно без оглядки. Но как уйти? Одежда вся в комнате полюбовницы осталась. А там ведьма злобная, наверняка его, касатика, поджидает.

Вышел из ванны осторожно. Коридор темный, неприветливый. Скребется кто-то. Шаг шагнул, таракан пробежал и на ногу босую щекотливыми ножками прыгнул. Дернулся Вася, коленом о косяк приложился. С ветхого потолка штукатурка посыпалась, но купец переждал чуть-чуть и дальше пошел по мрачному коридору. В комнату попал какую-то, взглянул и едва ума не лишился.

Сидит что-то черное, разлапистое и мохнатое, словно паук. Большой, кряжистый и лохматый. Сидит, лапами перебирает, смотрит глазами фасеточными и гнетет. На душе темно и пусто становится, руки и ноги немеют. А чудище в передних лапах большой клубок черных ниток держит и потихоньку наматывает. Заметил Скородумов, что нить темная прямо к нему, несчастному, тянется. Душу изнутри рвет и силы вытягивает. Вот уже и на ногах не стоит человек, медленно оседает. На колени упал, а нить все тянется, тянется! Лег на пол Василий, скрючился. А нить все дальше бежит, душевные силы исподтишка выматывает...

Все, конец, думал Вася. И вдруг порхнул из открытой форточки маленький серый воробушек. Чирикнул, подскочил и нитку клювиком перебил-перерезал. Василий сразу облегчение почувствовал, встал, а черный паук встрепенулся, поднялся и в старуху волшебным образом обратился. Схватила ведьма тяжелую кочергу, заворчала да стукнула птичку малую. Только перышки вверх полетели!

Скородумов не стал ждать, чем дело закончится. Поташился быстрее прочь, настолько быстро, сколько сил оставалось. На грязном полу заплеванном увидел портки чьи-то драные, не думая, сгреб в охапку да быстрее из проклятого дома сгинул.

Вот позор-то какой! Он, купец именитый, Василий Скородумов, бежит ночью белой по городу многолюдному в одних драных подштанниках! С опаленными усами и лицом, сажей перепачканным. Только пятки сверкают босые.

Весь стольный город узрел невиданное позорище! И всяк прохожий над непутевым любовником потешался! Дворник пыльной метлой чуть ли не тыкал, городской усмехался, и даже самый грязный мальчонка пальцем худым показывал на эдакое пьяное чудо.

Лишь у самого своего дома остановился Васенька. Запыхался. И обер. Стоит прямо у дверей парадных тот самый убогий, что вчера ему у храма Божьего повстречался. Глаза голубые, цвета небесного. Стоит бледный, мертвенный, как сама смерть.

— Говорил тебе, Васенька, не ходи!

И слеза малая упала из глаз убогого. Присмотрелся Скородумов и увидел, что с левой руки человека кровь течет, а сквозь рубище проступает рана глубокая. Побили нищего, как того воробушка. Обидели божьего человека!

Безликой тенью прокрался Василий в дом свой, аки вор, пока супружница на перинах почивала. Повезло ему, изменщику, жена не проснулась и ничего не заметила. Как был купец голый, так сразу в холодную купель и залез. Подогреть-то не успели. Служка беленькой учтиво поднес. А Скородумов зубами стучит, рюмка в руках трясется. В душе мрак холодный и черные мысли кружатся.

Через пару часов вновь пришла маменька. Ибо сердце материнское завсегда беду сыновнюю чувствует.

— Здравствуй, Васенька!

— Здравствуйте...

— Намедни беда со мной приключилась. Пряма наваждение какое... Хотела принести тебе водицы святой с храма Божьего, да какая-то кошка прибудная в дом заскочила. Махнула хвостом, бутылку разбила, тварь окаядная. Пошла вновь в церкву, — птица черная налетела. Кружит и кричит, крыльями машет. Пройти не дает. Не к добру это!

А Вася молчал, ибо даже не знал, что ответить. Перед ним лицо маменьки родной плыло, как в тумане северном, словно мираж в мутной водице невской.

— Нашла я твой крестик крестильный! Носи, Васенька. И поможет тебе Боженка от всяких бед избавиться.

И, пока сын в себя не пришел, мать быстро ему крестик серебряный на шею повесила. Посветлело лицо у купца Скородумова. Улыбнулся, возрадовался. Приказал подать пирогов с капустою и самовар поставить. Матушку чаем попотчевать.

Однако суетливый день быстро пролетел, и вновь тоска любовная стала Васю тиранить. Жилы тянуть из тела молодого. Сперва не хотел он идти в дом нечистый, боялся ведьмы. Но опосля порешил, что все ужасы ему лишь привиделись. Пьяный же был изрядно. А чего только пьяному не померещится? Нет там никакого паука черного, морок это! Обман! Да и следов огня на светлом лице не видать. Такой же Васька румяный да пригожий, как и всегда. Завидный жених и любовник!

Вышел купец на шумную улицу и напрямиком пошел в Елисеевский. Прикупил две бутылки коньяку заграничного да тортик с вишенкой. Лихой, возбужденный, на крыльях страсти парящий, заглянул третьей ночью белоглазой в дом знакомый, к полюбовнице.

— Гостей принимаете?

— Принимаем... Принимаем! Опять с шампанью приперся? — ответила барышня, подбоченившись.

— Обижает, Светлана, — важно сказал купец. — Дорогой коньяк для тебя, душечка!

— Заходи, коли не шутишь.

— А где мама твоя? — спросил Василий осторожно.

— Да в отъезде она...

Ну и вновь покатило по кривой да наклонной плоскости. Блудливые глаза да руки шаловливые быстро срамное дело сотворили. Открылось Васе лоно греха во всей своей бесстыдной красе. За бархатными занавесками, на подушках с пухом лебяжьим познал он страсть и огонь девицы ненасытной. Целовала милка теперь без всякой опаски, и даже пыталась зубками покусать. Но не сильно в том преуспела, ибо насто- роже был Василий.

В этот раз Скородумов поумнее себя вел. Сударушке полную чарочку наливал, а сам отпивал по малой граммулечке. Ибо все-таки помнил, что в предыдущую ночь приключилось. Хоть и не верил, что правда все.

Любовники еще час наслаждались друг дружкой и почивать реши- ли. Только Вася не стал спать. Осторожно скользнул из-под байко- вого одеяла, к двери на цыпочках подкрался, дабы милую не будить. Одедся заранее благоразумно. И — вовремя! Лишь настырный нос за порог высунул — тяжелые шаги послышались. Идет старая, тапками драными по паркету шаркает. Кряхтит и ворчит. Вот-вот зайдет ведьма в дочкину комнату!

Что делать-то? То ли загрызут, то ли огнем пожгут! Все одно — смерть! Заприметил Василий старый шифоньер у ободранной стенки. Открыл и туда быстренько заховался. Меж платьев женских, как юркая моль, схоронился. Только притаился, как голоса женские послышались.

— Где ж твой полюбовничек сладенькой?

— Ох... не знаю, маменька... Вроде не уходил.

— Сыщи его мне, доченька! Я уж кастрюлю на огонь поставила. Больно хочется мяска свеженького. А тебе я его мужские принадлежности, так и быть, оставляю... Знаю, любишь ты маленькое да мягонькое.

— Да погоди ты, маманя! Я еще Васью не натешилась! У тебя же запас есть в дальнем погребе!

— Э... То жилистое, дряблое. Петрушка худой твой оказался. Кожа да кости.

Услышал такие слова Василий и затрясся мелко. Пот холодный потек по коже, страх липкой паутиной сковал все конечности, в животе будто оборвалось что-то. Испугался, — сейчас найдут его да на медленном огне, как куренка, сварят.

— Пойдем, милая, на кухню, поьем кровушки. Твой хахаль, чай, в ванной сидит, блуд смывает. Ну и пусть, чистое мясо полезней будет. Никака холера не пристанет!

— Подожди, маман, дай накину что-нибудь. Ведь я ж голая.

И вмиг приоткрылась дверь шифоньера. Вася рот рукою заткнул, в темный угол забился, как таракан. Сжался, скукожился. Спинай о стенку хилую притулился, голову под подолом длинного сарафана спрятал. Ноги только не смог убрать, ибо в коленях они не сгибались. Так и сидел да тряся.

Повезло Ваське, что темно было в комнатке. Рука женская слегка по голени чиркнула, махровой тканью провело по гусиной коже, да и снова закрылась шкафная дверца. Потом и комнатная дверь скрипнула, шаркающие шаги удаляться стали. Ушли людоедки на кухню.

Вылез Скородумов из шифоньера, и вновь скрип раздался. Оглянулся, а тут вторая дверца шкафная отворилась. И обмер купец, увидев, что на деревянных полочках находится. Знал он, конечно, что у любой женщины скелет в шкафу навсегда имеется, но чтобы столько! Лежат белые черепушки рядками ровными, а снизу таблички приделаны аккуратные. «Петр», «Николай», «Степан»... А дальше увидел он место пустое, но табличка уже заранее приготовлена: «Василий!» И понял, что предрешена судьба человеческая с начала самого! С первой улыбки, с жеста первого знала Светлана, что за ней будет Скородумов ухлестывать! Полюбит отчаянно, соблазнит! И закончит жизнь свою в этой квартире проклятой!

Вышел в коридор любовник давешний да хотел улизнуть быстрее. Но никак не находил выхода. Открывались ему двери других комнат, а там видел всякое, что еще больше пугало и настораживало. То гроб лежит, обитый красным бархатом, то кровать с белой простынею, вся кровью заляпанная, а в последней комнате два хлипких мужика с рожками в карты играют да хохочут противно!

Дуриком попал в старую кухню, оглянулся боязливо. Пуста кухня оказалась. Нет ни ведьмы, ни дочки ее проказливой. Но то, что на столе Вася увидел, заставило сок желчный наружу вывернуть. Честь по чести, накрыт скромный ужин для людоедочек! Два стакана с кровью алою, чуть дале, — банка, в ней бултыхаются пальчики. Разные пальцы, но все человеческие! И большие есть, и мизинчики, а рядом на вилочке малый палец с ноги наколот, будто огурчик солененький! На керогазе кастрюля кипит, ждет добра молодца на горячее!

И не услышал Василий, как хозяйка появилась.

— Заплутал, сладенькой? — прокряхтела старая с порога.

Обернулся Вася и увидел дряхлую ведьму, что большие желтые кльки скалила. Задрожал и обмер.

— Сам пришел к моему ужину! Молодец! Вот сейчас выпью стаканчик, силушки восстановлю да основательной готовкой займусь. Дочка тоже кушать просит! Укачал ты ее, соколик! Ты... это... Сними крестик-то, не балуй! — прошелестела старуха, а в руках теребит клубок ниток черных, жизнь высасывающий.

Ставня скрипнула, и порхнул в форточку малый воробушек. Еле летит, крылом подбитым воздух непослушный ловит. Решила поймать его старая, да не смогла. Прыти не хватило. А пичуга подлетела прям к Ваське, и так, ненароком, в бечеву, что крестик нательный держала, и клюнула. Соскочил с шеи крестик, да куда — непонятно! Купец глазами искал-искал, так и не понял. Испугался, что последнего защитника потерял. Будто горячими клещами сердце стиснуло! Отпрянул человек к стенке, к шкафу посудному. И сил последних лишился.

А ведьма оставила воробья, подошла к столу по-хозяйски. Поняла карга, что не убежит от нее теперь мясной ужин, усмехнулась да и залпом стакан крови выпила.

Ящик стола открыла, достала нож разделочный, но только им на Васеньку замахнулась, как искривилось лицо старческое от боли неопишуемой. Упала чудовищная крокодилица наземь, руки-ноги волосьями обросли, обратилась ведьма в паука черного, но оставшись с лицом человеческим. Заорала надрывно и недужно. Выронила людоедка клубок с ниткой черною. Задымилась вся, лицо покорежилось и трухой гнилоу рассыпалось. А опосля и скелет желтыми огоньками заискрил, на мелкие косточки развалился.

Разжались адские клещи, отпустило сердце. Ожил Василий и увидел среди мертвых останков крестик свой серебряный, что абсолютно целехонек лежал и дымился. Понял Скородумов тогда, что крест в стакан с кровушкой попал и подавилась им ведьма проклятая!

Только этим еще все не кончилось! На пороге возникла барышня-полюбовница! В рубашечке белой, с руками, по локотки кровью покрытыми! Распахнула ресницы тяжелые и посмотрела глазами белоглазыми, сплошь беленой затянутыми, беззрачковыми! Зашипела, словно кошка лесная, когти выпустила.

Закричал Вася, прыгнул на стол да в раму оконную рыбкой нырнул, провалился. Камнем вылетел из дома, вместе со стеклами.

Повезло Скородумову. Хотя и этаж невысокий, но все же мог покалечиться, кабы не телега, что внизу с сеном стояла. Упал в нее, аки куль, молодой купец. Очухался. Встал. Нащупал в копне одежду, кровью пропахшую, да пара обглоданных косточек на мостовую вывалилась.

Думать долго не стал, выкарабкался и пустился наутек от дома проклятого! Вот оно, колдовство злодейское! Вот какова она, ночь блудливая, белоглазая!

После третьей ночи Василию не так плохо было, как ранее. Быстро в себя пришел молодец. К полудню очухался, уже и нет ничего на душе. Ни тоски смертной, ни томленья любовного. Вышло все, как и не было. Словно рябь мелкая прошла по воде, и вновь чисто! Снова бодр и весел молодой купец! День, второй, — и все успокоилось. Да и дела торговые

быстро в гору пошли, барыши богатые замаячили.

Однако через неделю, вечером пасмурным потянуло молодца на старое Смоленское кладбище. Незнамо почему повлекло, неведомой силою потащило. Ноги сами собой привели на место скорбное.

Идет Скородумов, каждого шороха сторонится. Кресты ветхие, как ему кажется, ходуном ходят, в замшелых склепах крышки гробовые хлопают. Вороны черные кружат, глазами зыркают. Собака грязная подошла, оскалилась. Чуть дальше — памятник героя войны с поста-мента сдвинулся, тяжелой дланью махнул.

Боится Василий, даже своей тени опасается, но сила неведомая вглубь кладбища неуклонно тащит. Зовет за собой, словно дудочка колдовская.

Вышел на место чистое, где могила новая показалась. Без креста по-гребение, лишь холм землицы свежей насыпан. И таблички никакой нет!

Ветер подул, холодный, северный, и почувствовал Вася, что сзади идет кто-то! Обернулся. Стоит Света, полюбовница его бывшая. Вся в шелка разряженная да напомаженная. Глазиком хитро моргает, зубки белые обнажает.

— Любый мой! За что ж ты меня бросил, аки собачку безродную? Я ведь люблю тебя, ласковый мой! Бери меня, ибо я твоя вся, как есть. Владей мной, как полноправный господин!

Посторонился Скородумов, ибо знал уже, что эта ведьмина белоглазая дочь. Эта мерзкая тварь его выманила, дабы совершить на кладбище грех блудодейный. Богопротивно это — на месте скорби и печали стра-сти греховной предаваться!

Отошел чуть назад купец, и тут ногой в могилу свежую провалился. И почуял, как хватает его рука холодная за лодыжку, вниз тянет. Пере-крестился, вырвался.

Разворошило землю, могила разъехалась, и восстала из мертвых ведьма старая! С того света, проклятая, возвратилась! Выползло на свет божий страшилище! Глаза незрячие вытекли, редкие волосья на ветру развеваются, желтый череп обнажая. Руки тянет гадина, коро-стой подернутые.

Спереди молодая, сзади старая! Одна другой нелегче! Приблизилась твари нечистые, уже за грудки хватают и обнажают зубы острые! Меж двух огней оказался Васенька и подумал, что настал его час последний!

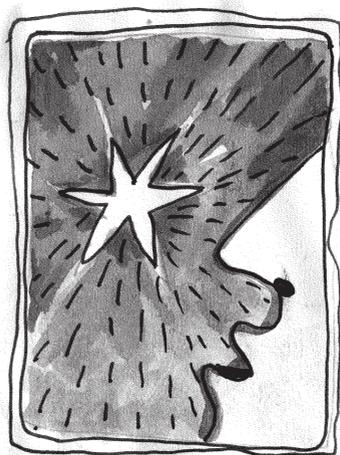
И тут что-то свистнуло-дернуло, он, как был, в могилу опустевшую провалился. Над головой заскрежетало-захлопало, раздался девичий вой, вздох старческий заглушая. И бурая земля осыпалась, пеплом подернутая.

Затихло все. Вылез на свет Божий трясущийся бедолага и узрел, что обе людоедочки на краю могилы лежат распластаны. Мертвы оконча-тельно! Обе ведьмы на грубый крест осиновый нанизаны. Рядом стоит убогий нищий, бледный и окровавленный, головой укоризненно качает.

— Для каждого живущего на земле крест заранее приготовлен, но для иных, неуспокоенных, и его приходится затачивать...

Сказал и отвернулся. А Василий только хотел поблагодарить божьего человека, как пелена на глаза белесая наверху. Лишь проморгался, — и нет убогого! Только малой серый воробушек на ветке сидит, чирикает.

С тех пор стал Вася Скородумов умней и мудрее. Боле не ходил в дома веселые, не искал никогда загульного блюда на стороне. И с хмельным стал осторожнее, лишь по большим праздникам красеньким угощался. Возлюбил жену свою законную, ибо нет ничего лучше для человека, чем добрая, верная и заботливая супружница. Прожил жизнь свою Скородумов хорошо и с почтением, чего и отпрыскам своим завещал...

АНАСТАСИЯ ВЛАДИ
ВРЕМЯ ЛИНЬКИ

На площадь Саркан, по обычаю, пришел по сумеркам, когда в небе догорели последние отблески багрового солнца, а тьма еще только стала сгущаться и пока что опасливо отступала от робких языков факелов. Было шумно, да и людей собралось много: из развлечений поединки всегда оставались любимым зрелищем. Заезжих бардов да сказителей в их глухомань заносило нечасто, да и то лишь по зимнему времени с санными обозами, а иных гостей и того реже доводилось видеть. Зато на бои собирались поединщики со всей округи, а тут на порубежье хороших бойцов было с избытком — можно и размяться, и повеселиться как следует. Поначалу мальчишки затупленными мечами рубятся или деревянными дубинами машут, а под конец уже настоящие бои открывают, где можно оружие выбирать на обе руки.

Жеребьевка началась, и Саркан встал в очередь. Его уже успел пригрозить с десяток бойцов, и несколько бойких девиц украдкой озирались знаменитого поединщика манящими и весьма нескромными взглядами. Он не показывал лица, закрывался низко надвинутым капюшоном серого, порядком потрепанного плаща. А во время боя обматывал голову куском серого холста, оставляя лишь узкую щель для глаз. Но его неизменно узнавали, хотя многие носили двойные мечи за плечами и простую серую одежду. А после его побед другие бойцы также стали прятать лица — только вот зачем уподобляться в такой мелочи, если мечи в руках словно мертвые? Чтобы выиграть бой, клинок должен летать, петь вечную песнь жизни и славить небо, напиваться кровью, а не пластать воздух, будто поединщик колом, наспех из плетня выдернутым, размахивает.

Очередь двигалась споро — бои до первой крови обычно долго не велись. Довольно малейшей царапины, что нательную рубаху рудой окрасит, — и следящий бойцов останавливал. А кто жеста не слушался, на того могли и бадью воды студеной выплеснуть — по зимнему морозу колодезная водичка хорошо остужала даже самые горячие головы. Да и за такими бойцами наблюдать было скучно — слишком сильно сторожились. Впрочем, и награда за такой бой была мелкой — пара медяков победителю. А вот за кровавые потехи отсыпать могли и пригоршню золота.

Саркан прищурился, небрежно повел плечами под распахнутым тулупом — спину протянуло острой болью. Но сдержался, только зубами скрипнул — ничего, перетерпит, только злее биться станет. Саркан глянул на опоясанный веревками пятак, где сошлась первая пара на смерть. Все равно ведь нарочно до смерти не зарубятся, разве только

чуток покалечатся. Вот в прежние времена, когда с дальних поместий да лесных подворьев бойцы сходились, — вот тогда на поединки любо-дорого поглядеть было. Руда во все стороны плескала. А сейчас махач, и ничего больше. Ставок он делать не стал — и так ясно, что кряжистый мужик проиграет, слишком медлителен, хотя и бьет резче, да и силы не занимать. Так и вышло — совсем юный, однако более шустрый парнишка ловко увернулся из-под верхнего рубящего удара да полоснул поперек живота. Саркан принюхался — кровь была свежей и пахла вкусно. Но нельзя. Потом он поохотится.

Еще шесть боев, таких же скучных, еще шесть раз пятак заливали водой — схватывалась по такому морозу она почти сразу, так что лапти да кожаные подошвы поединщиков скользили знатно. Но вот и последнего невезучего бойца за ноги утянули в бок — вроде и дрался пристойно, однако на меч напоролся и, видно, не оклемается.

Когда вестник выкрикнул его имя, Саркан шагнул вперед, на ходу сбрасывая тулуп, и перед самой веревкой скидывая с ног валенные из шерсти сапоги. Босиком удобнее будет. Он даже улыбнулся, когда почувствовал нежные прикосновения холода к ногам и плечам — родная стихия. Самый лучший друг и самый заветный враг. Мороз и холод порождали новое тело, они же и губили прежнее. Саркан глубоко вдохнул и единым рывком перемахнул через натянутые по грудь веревки.

— Завяжите очи, — хрипло бросил он. — Я повышаю ставки. Согласен выйти против четверых бойцов.

Люди дружно ахнули, в тот же миг к нему бросились Свен и Гринька — закадычные трактирные приятели, с которыми не по одной кружке медовухи пропустил, принялись разубеждать. Мол, куда против четверых-то, тебе и двоих достаточно, особенно коли очи завязаны будут.

— Локоть золотых, — сквозь зубы рыкнул Саркан.

— Поддерживаю, — густо пробасил купец Вилько.

Саркан усмехнулся — он был уверен, что его вызов примут. Да и золото он чуял — здесь локтей шесть еще у людей по торбам да кошельам припрятано.

— Ставлю три меры, — выкрикнул кто-то из кузнечной слободки.

Слишком уж с той стороны несло каленым железом да рудным огнем.

— Две меры, что не справится.

— Серебряную голову!

Люди азартно заспорили, стали торговаться. Саркан вновь передернул плечами — страшная зима будет в этом году, раз его болью пробирает так рано, хотя еще до карачуна три седмицы.

— Ведро золотых.

— Два локтя.

Саркан медленно повернулся вокруг, подставился, позволяя себе завязать глаза плотным куском черной ткани — видно, кто-то плащ отдал на благое дело. От одежды пахло квашеной капустой и теплой печкой. Саркан содрогнулся — жар печки и горящих поленьев напоминал пыточную. Кажется, больше ставок не будет. Да и поединщиков уже выбрали — глупцы едва не передрались за право выйти на круг. Еще бы: победившему достанется мер пять, а то и шесть серебра, локоть золота — даже если и вдвоем на ногах останутся, или втроем — все равно не в убытке. Да и заметно, как все уже прикинули, что с двумя знаменитый поединщик справится, но вот против четверых умелых бойцов он ведь еще ни разу не выходил.

— До смерти, — хрипло провозгласил Саркан, — и без пощады.

Ему не нужно было видеть людей — он их и так чуял. Их одежда пропиталась ароматами печного дыма и недавнего обеда. Опытные бойцы перед дракой животы предпочитали не набивать, но днем запросто могли плотно перекусить. А еще эти люди слишком громко двигались: они дышали, шаркали ногами по льду, поскрипывали снежными крупинками, шелестели рубахами. Да и движение меча можно услышать — у каждого клинка свой голос, когда он режет воздух. Надо только сделать вид, что супротив четверых биться ему нелегко.

Саркан почти не бил в ответ, он легко в последнее мгновение уклонялся от замахов, подныривал под разящую руку, не позволяя загнать себя в угол. Дважды он даже нарочно подставился под меч — от таких царапин вреда для него особого не будет, зато нападающие слегка расслабятся — уж больно обильно кровь из ран хлещет. Но ведь бой-то до

смерти и без пощады, потому не страшно. Первого он уложил точным ударом в горло и чуть провернул меч — не для того чтобы добить, просто следовало быстро выдернуть клинок и закрыться от слишком умелого вспарывающего удара. С выпущенными кишками даже он долго не продержится, так что пришлось. Второго добивать не стал — метким пинком переломил ему колено и вторым ударом отшвырнул к веревкам, а то его сотоварищи уже в раж вошли, легко могли бы затоптать. Третий мягко осел на лед, придерживая впившийся под ребра меч. А четвертый сам подставился — напал сбоку, позабыв, что Саркан обоерукий боец, а перекинуть клинок в другую длань можно мгновенно.

После того как упал последний, он еще поводит мечом из стороны в сторону, убеждая толпу, что и вправду ничего не видит. Люди потрясенно молчали, но даже если и кинутся мстить за братьев, сыновей — то он и с остальными справится. И тогда охоту можно будет не откладывать. Здесь всего пару сотен человек — можно начать пир, а на остатки добычи и лесное зверье подтянется. Но не бросились, разразились восторженными воплями, слава мастерство умелого бойца. Так тому и быть — пускай и дальше живут, он найдет себе пищу в другом месте. А сюда снова придет развлечься, как и приходил всю осень, лето и весну. Саркан сорвал повязку, оглядел себя — ясно теперь отчего рот слюной наполнился: polegшие бойцы его с головы до ног своей рудой обляпали. Тяжело ступая и пошатываясь, чтобы все видели, как ему тяжело пришлось, он подошел к следящему за своим выигрышем.

Монет оказалось много — благо кто-то из девок бросил ему прочную торбу. Пересыпав монеты и поблагодарив помощников, Саркан кивком позвал трактирщика, не глядя зачерпнул из меры с золотушками.

— Всем медовухи. Да побольше. — И сыпал еще пару пригоршней в услужливо подставленный подол жонки трактирщика. И лишь затем позволил накинуть себе на плечи тулуп.

Бочки с медовухой прикати прямо к пятачку, тут же разложили и костры для жаркого. Когда люди разгулялись настолько, что даже стали петь, Саркан, наскоро распрощавшись, двинулся за околицу. Ему предстоял неблизкий путь, да и засиживаться у людей не стоило — спину уже всю полосовали плети боли, так что сдерживаться было трудно. Но одно дело, если крутить его начнет в лесу — волки, пусть и голодные, к нему подступиться не отважатся, — и совсем другое, если обряд накроет посреди селища. Но обошлось, пусть и почти бегом, а по свежему снегу да бездорожью пробираться тяжело, но до темной звезды он успел добраться до запрятанной в гущаре пещеры.

— Ты долго, — навстречу ему высунулась огромная драконья голова и приветливо пыхнула дымом. Сарканд зажмурился — драконий огонь был похож на тепло далеких звезд, вроде бы и не обжигает, но окутывает каким-то ледяным холодом. — Я беспокоился.

— Напрасно. — Саркан быстро высыпал монеты и бережно подгробал их к бокам лежащего дракона. — Я вернусь к тебе, даже если меня убьют... ты же знаешь, господин. Скажи, этого золота хватит или надо еще сходить?

— Сейчас да, — огненный дракон с любовью подгроб горы монет передними лапами. — Это будет всего лишь двухсотая линька. Она не сложная, а вот следующая будет хуже. Там у меня на шкуре будет струиться черная вязь.

— До следующей еще долго. — Саркан уселся возле драконьей пасти и привычным жестом почесал под нижней челюстью — самое чувствительное место на непробиваемой даже каленым копьём шкуре. — Целых десять лет. Спи, не бойся. Я не уйду. Вот смотри — снова цепь надел, — и в подтверждение своих слов застегнул на себе ножные кандалы. — Я не уйду, только ненадолго на охоту, а потом вернусь. Спи. Хочешь, я расскажу тебе про ледяного дракона, который своим дыханьем скывывает землю и погружает все живое в вечный сон...

ЭДУАРД ШАУРОВ
ПОСЛЕДНИЙ СЕЗОН

Гостиница была маленькой, двухэтажной и очень уютной. Припорошенные искрящимся снежком дорожки, парапет из цветного камня, островерхие башенки мансарды. Оставляя на снегу неопрятные кощунственные следы, Край поднялся на высокое крыльцо и толкнул витражную дверь. Портье, улыбаясь, поднялся из-за стойки. Регистрация заняла минимум времени. Откуда вы? С Тантары?.. Просто замечательно!.. Надолго к нам?.. О нет! Цель поездки нас совершенно не интересует... Как будете платить?.. Замечательно... Ваш номер восьмой. Прижмите сюда палец. Вот ваша карта. Приятного времяпровождения.

Номер на втором этаже оказался под стать гостинице: маленьким и уютным. Край обошёл аккуратную комнатку, раздвинул светозащитный тюль на окне, выходящем в залитый лунным сиянием парк, затем принял душ и забрался в широкую, хрустящую свежими простынями кровать. Обычно, прежде, чем уснуть, он делал несколько упражнений, постепенно погружая себя в состояние атараксии, но перелёт оказался слишком утомительным, Край лишь успел подумать, что не знает, как называется местная луна, и провалился в сон без сновидений.

Он проснулся в половине десятого, немного позже, чем намечал. Быстро позавтракав в гостиничном кафе-автомате, Край заглянул к скучающему портье и спросил, как можно добраться до Антален-парка. Портье с готовностью высветил на прозрачной поверхности стойки городскую карту.

— Вот здесь, — сказал он, — расположен торговый квартал Сото. Оттуда каждые двадцать минут уходит специальный экспресс до Антален-парка, — и добавил, лучась радушием, — Хотите посмотреть на исчезающее искусство?

— Вроде того, — согласился Край.

— Уверяю, не пожалеете, — Портье сделал многозначительное лицо. — Вызвать вам таксомат?

— А Сото отсюда далеко? — вопросом на вопрос ответил Край.

— Нет. Минут тридцать, если быстрым шагом.

— Отлично! Тогда я лучше пройдусь.

— Как будет угодно. Только обязательно возьмите «универсал».

Край удивлённо поднял брови, но оказалось, что «универсал» — это всего лишь местная разновидность верхней одежды. Гостиница выдавала «универсалы» клиентам в счёт оплаченного номера.

— Не сомневайтесь, — заверил его портье. — Модель не от кутюр, но вполне приличная. Берите, а то сейчас вам будет холодно, а чуть погода — жарко.

Спустя полчаса Край, облачённый в бледно-жёлтую куртку с панелью регулятора на рукаве и такие же брюки, шагал по длинной городской аллее. На плитках мостовой всё ещё лежал снег, но теперь он уже не казался ослепительно-белым. С карнизов цветных домиков свисали сосульки. В воздухе явственно пахло весной; то ли этот пьяный запах приносит беспокойный восточный ветер, то ли так пахнет влажная земля под слоем незрелого снега. Хотелось дышать полной грудью.

Квартал Сото встретил Края рекламными баннерами, витринами магазинов и целым лабиринтом частных лавочек. Между лавчонками, несмотря на ранний час, толкалась уйма народа. Крутя головой в поисках хоть каких-то указателей, Край двинулся по одному из проходов и почти сразу налетел на девушку. Он даже не успел толком рассмотреть её лица, увидел лишь веер разлетающихся по истоптанному снегу голубоватых цветов. Какой конфуз.

— Простите, ради бога, — забормотал Край, опускаясь на корточки. — Сейчас я всё соберу. Здесь такая толкучка, а вы как из-под земли...

Он поднялся, протягивая девушке растрёпанный букет, и на секунду потерялся. Удивительно знакомое и в то же время ни с чем несравнимое лицо: нежные фарфоровые скулы, яркие внимательные глаза под каштановой чёлкой, красивый, чуть ироничный рот. Девушка была похожа на ангела, какими их рисуют на тесианских голограммах.

— Жизнь вообще непостоянная штука, — сказал ангел, улыбаясь уголками губ.

— Ещё раз простите, — пробормотал Край.

— Ерунда. — Девушка прищурилась. — Что упало, то пропало. Вы, конечно, приезжий?

— Точно, — сказал Край. — А жулики из «Гипнокурса» обещали, что акцента не будет.

Девушка покачала головой:

— Говорите-то вы как раз неплохо, но вот это, — она указала на куртку, — выдаёт вас с потрохами. И вы, конечно, в Антален-парк?

— Хотел найти экспресс, — признался Край, — но это не так-то просто.

— Тогда пойдёмте, я вас провожу.

— Вот теперь мне совсем неловко... У вас, наверное, дела.

— Нет. — Девушка решительно взяла нового знакомца под руку. — У меня отпуск в десять циклов, а букет всё равно загублен... так что, пойдёмте.

Хлюпая по талому снегу, они в пять минут вышли к платформе экспресса, где девушка бросила букет в урну

— Разрешите, я хотя бы куплю вам новые цветы, — взмолился Край, но девушка лишь помотала головой.

— Ерунда, ерунда, — сказала она беспечно. — Они и живут-то всего час. Кстати, меня зовут Эльсиен, — и добавила. — А хотите, поедем вместе?

Чуть нагнувшись вперёд, Край с восторгом смотрел через плечо молодого художника. Парень, опираясь грудью о хитрый раскладной каркас, уверенно орудовал диковинным пульверизатором. Узкое сопло летело над мутной водой, и прямоугольная лужа, обнесённая аккуратными грязевыми бортиками, расцветала яркими спиралями полихромного орнамента. Наверное, что-то было добавлено в краски, которые, словно тонкая масляная плёнка, послушно ложились на водяную поверхность. Казалось, что художник рисует не по воде, а по зеркалу или гелю. Рисунок невольно хотелось потрогать руками.

— Ну, как? — негромко спросила Эльси.

— Что-то невероятное, — Край оглянулся. — Это тоже нельзя фотографировать?

— Конечно, нельзя. — Эльси пожалала плечами. — Здесь ничего нельзя снимать. А иначе какое же это исчезающее искусство? Мастер делает рисунок, к полудню лужа высыхает, завтра мастер делает новый рисунок. Искусство не должно быть застывшим.

Край восхищённо качал головой.

— Тебе непременно нужно посмотреть ледяные кружева, — сказала Эльси. — Только приходите нужно часа на три раньше, пока не спал холод.

— Значит, резчики работают ночью?

— Ну, да. За это хорошо платят. Сюда ездит вся планета и все туристы. Пойдём, посмотрим пейзажи.

Они перешли в соседний ряд странной галереи, где работало человек шесть художников. Десятки нехитрых, но неизменно живых этюдов застыли в десятках неподвижных луж. Край останавливался перед каждой картиной, не уставая изумляться, поражаться, любоваться. Была в этой творческой расточительности какая-то непостижимая красота на грани безумия.

Когда спутники дошли до последних мелеющих луж с потрескавшейся глинистой кромкой, огромное тускло-красное солнце (иллариане называли свою звезду «Ири») поднялось почти в зенит. Начинало припекать. В трехэтажных клумбах буквально на глазах распускались крупные розовые бутоны.

— Сейчас, пожалуй, начнут работать флористы, — сказала Эльси. — Пойдём-ка в Эгу-Гам, чего-нибудь перекусим.

Перекусить Край был не прочь, но не в эгу-гамовской межпланетной сети. Ему хотелось попробовать аутентичную илларийскую кухню. Эльси посмотрела на него с нескрываемым интересом.

Вопрос с илларийской кухней оказался не так-то прост. Большинство местных злаков, корнеплодов и фруктов вызревало за один цикл и практически не поддавалось хранению. Эльси объяснила, что в давние времена то, что вырастало, огородникам приходилось съедать сразу, практически, не отходя от грядки. Исключение составляли только плоды дерева люс, вызревавшие за шестьдесят-семьдесят циклов. Войдя в Лигу Миров и завязав тесные отношения с соседями, Илларис практически полностью перешёл на продукцию импортного сельского хозяйства. Автоматически свернулась и мясная отрасль, ведь ни обовы, ни тулуги инопланетный комбикорм без ферментов жрать не могут. Словом, местная еда теперь редкость... но только не в Антален-парке.

В стеклянном кубе ресторана с броским названием «Абалага» Край и Эльси заказали блюдо из люса, фаршированного поджаркой с гарниром из талливан. Что такое талливан Край не совсем понял, зато уяснил, что ждать блюда придется около часа, пока этот талливан успеет созреть.

— Зато это будет реально свежий продукт, — заверила его Эльси. — А пока можно заказать бутылочку люсовой настойки.

Край был не против. Они сидели возле окна во всю стену, выпивали приторную настойку, болтали, смеялись. Когда официант наконец принёс тарелки с розоватыми клубнями, обсыпанными чем-то вроде мелких ягод, снаружи пошёл дождь, настоящий ливень. Потоки воды обрушились вниз по чуть наклонным стёклам, превращая всё, что было снаружи: здания, деревья, людей, машины в расплывчатые текучие силуэты.

— Полуденный дождь, — сказала Эльси, промакивая губы салфеткой. — Сейчас начнётся настоящая жара. С половины второго до четырёх самое пекло. Мы называем это время «часом Сатула».

— И что на Илларисе делают в час Сатула? — с интересом спросил Край.

— Ничего. Отдыхают, прячутся в домах, пьют холодные газировку или едут к океану. За час можно добраться на скоростном экспрессе.

— Это здорово, — сказал Край, поднимаясь. — Я хочу посмотреть на ваш океан.

Сухой горьковатый запах, пlyingший в вечернем воздухе, постепенно стирал с губ солёный привкус прохладных волн и горячего пляжа. Эльси и Край уже давно свернули с аллеи и теперь, не спеша, шли через огромный старинный парк среди усыпанных жёлтой листвой деревьев. Их ноги ступали по жухлой траве, а над головами, в просветах между ветками, виднелось рдяное небо. Стало ощутимо прохладнее, и Край переключил терморегулятор «универсала».

— Но всё-таки ты мной манипулируешь, — сказал он, искоса поглядывая на утопающее в сумеречных тенях лицо спутницы.

— Я же твой гид. — Эльси улыбнулась. — И потом, если ты вызовешь для меня таксомат к гостинице, то это будет за счёт заведения.

«Прагматично, но глупо, — подумал Край. — Ладно, там разберёмся». Ему смертельно не хотелось отпускать Эльси, и он малодушно отставлял в сторону любые мысли о моменте прощания. В конце концов, какого чёрта? Он вполне может сесть в таксомат вместе с девушкой, проводить её до дома. Ехать по ночному городу, сжимая в руке узкую горячую ладонь... Пожалуй, так и нужно сделать. Он уже не сомневался, что сегодняшняя встреча послана ему всевышним соизволением. А с подарками вселенной нельзя поступать пренебрежительно.

Сквозь тёмные стволы деревьев уже светились вдалеке жёлтые огоньки гостиницы.

— Ну, и как тебе на Илларисе? — вдруг спросила Эльси.

— У вас удивительная, очень красивая планета. — Край заглянул девушке в поблёскивающие глаза. — И очень странная... Ни разу в жизни я не начинал день весной, чтобы закончить его осенью. Не укладывается в голове.

— Ты побывал на многих планетах?

— Не очень. — Край смутился. — Мои сопланетники не слишком много путешествуют. Это вообще не в тренде.

— Оттого, что на Тантаре живут колдуны? — Глаза Эльси любопытно поблёскивали из-под чёлки. — То, что говорят про твою планету, намного страннее, чем орбитальное движение моей планеты.

— Слухи слегка преувеличены. — Край тихо засмеялся. — А что ты слышала про Тантару?

— То, что тантариане умеют менять реальность. Что они зажигают и гасят звёзды, сжимают орбиты, превращают лёд в железо, а уксус в вино. Это правда?

— Люди много чего болтают, — осторожно ответил Край. — Не всему надо верить.

— А как же Баги-и-Са?

— Баги великий человек и великий грех моей планеты. Дай Бог, чтобы сделанное Баги никогда не повторилось.

— Но всё же? Тантариане умеют зажигать звёзды?

Край молчал почти минуту.

— Это длинный разговор, — сказал он наконец. — Тебе будет скучно.

— Не будет. — Эльси ухватила его под локоть. — Расскажи, не будь занудой.

Край усмехнулся:

— Ты слышала про учение Осапы?

Сухой жёлтый лист, кружась, скользнул по вороту его куртки. Эльси помотала головой.

— О том, что вселенная лишь набор энергетических колебаний высшего уровня? — Край остановился. — Сказать проще, весь наш мир со звёздами, планетами, людьми, деревьями создан и стабилизирован мыслительной активностью нашего демиурга.

— Да. Слышала, — сказала Эльси. — Типа, мы фантазия в голове Бога.

— Что-то вроде того.

— И вы в это верите?

— А чем объяснить необыкновенную схожесть мыслящих существ на десятках миров? Разве это не доказательство того, что законы мироздания исходят из представлений творца о сути вещей и явлений? Мир только набор колебаний, хочешь, назови их энергетическими, хочешь, психическими. Так уж совпало, что мы, тантариане, способны на пике эмоций ловить эти колебания, входить с ними в резонанс, а при некоторых условиях и менять ритм. Такое случается очень редко, нас всех с детства учат держать под контролем сильные чувства, но всё же случается... как с Баги. Бог определяет ход своих мыслей, но ведь и мысли в какой-то мере определяют Бога.

Внезапно налетевший порыв ветра лизнул Края в лицо. Качнулось, зашуршало в верхушках деревьев, и воздух вокруг ожил, постепенно наполняясь кружением тысяч желтокрылых почти невесомых птиц листопада. На секунду как будто стало светлее.

— А листья — это слёзы вселенной? — Лицо Эльси вдруг оказалась совсем близко. — Признайся, ты уже зажёг свою звезду? — Блестящие глаза смотрели из темноты так дерзко, что у Края поплыло в голове.

— Кажется, мою звезду уже не надо зажигать, — хрипло сказал Край, притягивая девушку к себе.

Его губы без труда нашли в полутьме влажные губы Эльси, и у этих губ по-прежнему был солёный привкус океана.

Они целовались, потеряв ощущение времени, ощущение пространства, ощущение реальности. Они плыли в поцелуе, словно и в самом деле вошли в резонанс с потоками вселенной: без мыслей, без сомнений, влекомые водоворотами безмолвного счастья. Кажется, они целовались всё время, пока, загребая ногами сухую листву, шли к гостинице, пока поднимались на крыльцо, затем по лестнице, на второй этаж. Всего один раз, на одну секунду, они сделали перерыв, когда Край, оторвавшись от губ Эльси спросил, заглядывая в карие сумасшедшие глаза, не зайдёт ли она в его номер, а Эльси ответила, что умрёт, если останется за порогом. А вездесущая вселенная благосклонно смотрела на них сквозь тюлевую занавеску.

Расплывчатый лунный свет мягкими штрихами обрисовывал запрокинутый женский профиль. В голубовато-молочном сиянии фарфоровая кожа Эльси опять казалась прозрачной. Потянувшись, Край поцеловал её в шею, чуть ниже маленького аккуратного уха, потом в тонкую ключицу.

— Тщ-щ-щ, — не открывая глаз, сказала девушка. — Я ловлю ритмы Бога.

Тихо улыбаясь, Край выбрался из-под одеяла, перешагивая сброшенную как попало одежду, обогнул кровать и подошёл к окну. Потянув за тонкий шнурок, он отодвинул тюль.

— Что там? — сонно спросила Эльси.

— Снег, — радостно ответил Край, тёплый пол грел его босые ноги. — Снег идёт огромными хлопьями. Кругом сугробы. На кустах целые шапки. Хочешь поглядеть?

— Нет, — сказала Эльси. Она повернулась на бок, приподнимая одеяло. — Иди ко мне.

Край быстро задвинул штору и ловкой тенью скользнул под одеяло, прижался к крепкому горячему животу.

— Ух ты, — нежно прошептала Эльси. — Вы там на Тантаре и точно волшебники.

Край прижался губами к её губам и почувствовал себя по-настоящему счастливым.

Он проснулся оттого, что тускло-красное Ири заглядывало в щель между стеной и неплотно задвинутым тюлем. Тёплые лучи щекотали кожу лица. Край улыбнулся и повернул голову. Смятая пустая подушка, казалось, хранила очертания женской головы.

— Эль, — негромко позвал Край и прислушался.

В гостиничном номере стояла тишина, едва слышно гудел мотор кондиционера.

Край приподнялся на локтях: в комнате никого не было, но дверь в ванную была приоткрыта.

— Эль! С добрым утром! — громко сказал Край.

Он опять прислушался: за дверью было тихо.

— Эльси! — Край откинул одеяло.

Перекатившись на другую сторону кровати, он натянул трусы и поднялся. Взгляд его пробежал по полу: вот жёлтые брюки, вот майка, один ботинок под стулом, второй — у входной двери. В комнате валялись только его вещи, одежда Эльси бесследно исчезла. Ощущая, как в груди разливается унылый холодок, он всё же заглянул в ванную. Пустая душевая сияла чистотой молочно-белого кафеля.

— Господи! — вдруг с неподдельным ужасом подумал Край. — Она что, не оставила мне своих контактов? Как же я найду её по одному имени?

Он вышел из ванной и беспомощно огляделся по сторонам, сердце радостно стукнуло: на углу стола лежал лист бумаги. Край пролетел через комнату, схватил перегнутый пополам гостиничный буклет. На обратной его стороне, прямо поверху бледного логотипа, косметическим карандашом было написано несколько строк. Край поднёс записку к самым глазам, силясь разобрать непривычную вязь илларийского алфавита. Его мозгу потребовалось несколько секунд, чтобы значки

начали складывать в слова: «Милый Край. Спасибо за прекрасный день. Наша ночь была идеальна. Буду вспоминать её весь следующий год. Когда вернешься на Тантару, зажги парочку звёзд в память о нашей встрече. Прощай. Эльси». В конце письма была пририсована схематичная улыбающаяся мордочка. Край сморгнул и, не веря глазам, начал читать снова. Буквы вдруг сдвинулись со своих мест, расплылись, впитываясь в вощённый белый лист. Каменные пальцы медленно и страшно смяли лист бланка, ломая мостики молекулярных связей. До скрипа стискивая зубы, Край запрокинулся к потолку и потолок, раскручиваясь рухнул на него ослепляющей огненной спиралью.

Эльси остановила таксомат на углу Центрального проспекта и улицы Экиль, в квартале от жилой башни, где снимала квартиру. Всю дорогу от маленькой гостиницы девушку терзало смутное беспокойство. Как будто она чего-то не доделала или упустила. Так бывало с ней в школе, когда она проигрывала другим девчонкам в ехил или прыгалки. И вроде бы ничего страшного, но обидно до слёз. Только теперь тревога была неизбывной, болезненно-тоскливой. Эльси несколько раз прокручивала в памяти прошлый день и не находила внятных причин своего состояния. Она словно забыла что-то важное в гостиничном номере. Эльси проверила маленькую пристяжную сумку, затем карманы. Всё было на месте, и от этого тоска только усилилась. В голову лезли мысли о симпатичном парне Крае. Забавный тип. Колдун с Тантары. С ним было весело... Внезапно Эльси подумала, что было бы интересно встретиться с Краем ещё раз. Т тут же, испугавшись, отмела эту мысль. Какой бред! Абсурд и моветон. Только полные неудачники едят то, что однажды уже было пережёвано. В этом есть нечто физиологически отвратительное. Говорят, на других планетах, люди настолько скучны и однообразны, что заводят интрижки длиной в сто циклов, и даже больше. Так ведь инопланетники и есть инопланетники. Их воспитывают чёрты знает где и чёрты как, а они потом летят на Илларис, чтобы насладиться настоящим искусством и настоящей жизнью. Какая радость в том, что каждый новый день будет повторять прошлый? Настоящее яркое чувство должно быть ярким и неповторимым, а единственная гарантия яркости — это скоротечность... Но отчего ей так хочется вернуться в маленький гостиничный номер? Может быть, она заболела?

Снедаемая мрачными мыслями, Эльси добралась до башни, и в лифте её накрыло первый раз. Пол кабины вдруг ушёл из-под ног, волна дурноты прошла чрез всё тело, пронизав его, как вода пронизывает рыбацкие сети, в глазах потемнело. Эльси судорожно вцепилась в поручень. Переводя дух, изумлённая и напуганная, она вышла из лифта, и возле квартиры её накрыло вторично. В третий раз волна дурноты захлестнула её уже в квартире. Эльси стало так плохо, так жутко, что

стены поплыли перед глазами. Мало соображая, что делает, она легла на мохнатый коврик перед экраном окна, занимавшим всю стену зала и подтянула ноги к животу. Внезапно ей неудержимо захотелось плакать. И Эльси зарыдала, обхватив колени руками и беззвучно открывая рот.

Как ни странно, но слёзы её немного успокоили. Эльси вытерла щёки и села. Внизу, за широким окном белели засыпанные снегом улицы. Немного погодя Эльси прибрала одежду и, забравшись с ногами в кресло, принялась думать. Думала она в основном над тем, к какому врачу ей стоит обратиться с такими странными симптомами. Временами мысли против её воли соскальзывали на Края.

Эльси сидела в кресле до самого обеда, а после обеда ей стало не до абстрактных тревог. Наступил полдень, но снег внизу и не думал таять. А если глядеть на восток, между двух соседних башен, то хорошо просматривались десятки засыпанных белым крыш. Волнуясь, Эльси прижималась носом к стеклу. На её памяти и раньше случалось такое, что весна могла запоздать на час-полтора, но была уже половина третьего, время, когда от жары не спасают кондиционеры, а художественные лужи в Антален-парке превращаются в изрезанные трещинами сухие корытца.

К пяти часам пошёл мелкий снежок и поднялся ветер. Люди на улицах даже сверху выглядели растерянными. Эльси переключала каналы сетевого инфоприёмника, на всех каналах играла музыка. Уже совсем вечером Эльси наконец решилась позвонить Вайе, но Вайя ничего не знала и сама была напугана. Поглядев в окно на подсвеченные кровавым закатом снежные шапки, Эльси, прямо в блузке и брюках, забралась в кровать. А вдруг случится чудо, и когда она проснётся, всё станет на круги своя?

Но на завтра на круги своя ничего не стало. В полдень совершенно подавленная Эльси спустилась вниз, сев на корточки, погрузила ладони в обжигающе холодный снег и отёрнула руки. Последняя надежда улетучилась. Снег был настоящим. В ужасе Эльси вскочила на ноги и кинулась назад, в подъезд. Прохожие смотрели её вслед со страхом и пониманием.

На третий день катаклизма информационные сети наконец взорвались целым фейерверком заявлений, сообщений, правительственных обращений, испуганно-бодрых и агрессивно-панических обозрений. Эльси уткнувшись в экран, слушала всё подряд:

— ...Ученые ИАН в недоумении. Получается, что скорость движения Илларииса вокруг Ири уменьшилась в триста пятьдесят раз. Если раньше время оборота планеты вокруг своей оси практически соответствовало полному её обороту вокруг светила, то теперь всё кардинально изменилось. И самое странное, что природный феномен, вопреки общепринятым теориям не сопровождался ни смещением водяных масс, ни глобальными тектоническими сдвигами...

— ...Эксперты говорят, что ближайшие тридцать пять — сорок циклов нас ждёт очень медленное потепление с постепенным переходом к температуре полудня. Судя по всему, нам придётся привыкать к длинным климатическим сезонам, как на Окропусе или Эрирае...

— ...Неужели длительные низкие температуры приведут к замерзанию озеро Нех? Правительство должно приложить максимальные усилия для спасения уникальной экосистемы...

— ...Как вы считаете, мог ли зарегистрированный в Миграционной Службе Край-и-Зу быть причастен к трагическому катаклизму?

— Ничего не исключено. Мы отправили срочный запрос на Тантару. Власти обещают дать полную информацию и, возможно, оказать сильную помощь. Но этот вопрос...

Зажав рукой рот, Эльси вскочила с кресла. Так вот они, смутные сомнения последних трёх дней! Теперь витавшая где-то в подкорке страшная мысль вдруг обрела реальные осязаемые формы. Эльси рванула с вешалки парку.

Через полчаса, так и не поймав таксомат, она села в общественный экспресс до Сото. Путь занял ещё сорок минут. В торговом квартале Эльси даже не стала искать транспорт. Миновав запутанный лабиринт лавчонок, она выбралась на знакомую аллею и побежала в ту сторону, где должна была находиться гостиница Края. Она бежала по заснеженному тротуару, мимо обледенелых кустов, мимо островерхих домиков, и в голове её стучало: «А вдруг?.. А вдруг ещё не поздно?.. Если он умеет зажигать звёзды, то наверняка знает какое-нибудь волшебное слово. Она ведь не виновата, что ни черта, ни черта не поняла. Он же не может оставить её с этим!

Задыхаясь, Эльси взбежала по разноцветным ступеням, рванула витражную дверь. Испуганный портье поднялся ей навстречу, с изумлением рассматривая растрёпанную задыхающуюся девушку.

Эльси схватилась за стойку.

— Мне нужен Край, — со свистом выговорила она. — Край-и-чего-то там... Он с Тантары. Я знаю, он живёт на втором этаже.

На губах портье расцвела дежурная улыбка.

— Увы, — сказал он, чуть наклоняясь вперёд. — Край-и-Зу здесь больше не живёт.

— А где? — прошептала Эльси. — Где он теперь живёт?

— Боюсь, нигде. — Губы портье сложились в печальную скобку. — Позавчера его нашли в номере... мёртвым.

— Как? — чужим голосом проговорила Эльси. — Почему?

— Так бывает... — Портье пожал плечами. — Врач сказал, сердце.

НАТАЛЬЯ КУНИЧКИНА

ЗА ПРЕДЕЛАМИ НИЧЕГО НЕТ

Старший судья Йенс Йолль терпеть не мог еретиков, а уж еретиков-запредельщиков ненавидел всей душой. За Пределами ничего нет.

«Тун Киф, тридцать восемь лет, не женат, детей нет, работает сборщиком апельсинов. Организовывал незаконные собрания граждан в саду, где рассказывал о непознанной нами части мира, находящейся за Пределами», — прочитал резюме в электронном досье старший судья Йенс Йолль и расстроился: он терпеть не мог еретиков, а уж еретиков-запредельщиков и вовсе ненавидел всей душой. Ему предстояло проанализировать дело этого Туна Кифа, а потом вызвать на допрос и выяснить, является ли его система (если это была система) убеждений безобидным обывательским философствованием или же представляет собой ту «опасную ересь», с которыми в Дарвинии боролись самыми безжалостными методами.

Йенс изучил еще несколько документов и узнал, что Тун Киф родился в Нижней Середине в семье таких же работников апельсиновой плантации, каким был он сам сейчас. Его отец умер, когда ему было двенадцать, мать — через три года после этого, и с тех пор Тун жил один в небольшой каморке на окраине Нижней Середины, и никто не мешал ему придумывать дурацкие теории.

«Что ж тебе не жилось-то?! — внутренне возмутился Йенс. — Собирал бы апельсины и не морочил людям голову!» Он вообще часто размышлял о том, почему некоторые граждане не хотят просто жить и работать, не пытаюсь лезть в «высокие материи», проникновение в тайны которых ни к чему хорошему привести не могло, и так и нашел ответа на этот вопрос.

«Свидетель утверждает, что Киф хотел организовать рабочий отряд, чтобы сделать проход в Восточном Пределе и узнать, что за ним находится», — прочитал Йенс, понял, что сейчас ему нужно поговорить с подсудимым, и позвал охранника.

Через пару минут охранник привел Кифа, и Йенс сразу же почувствовал сильный апельсиновый запах. Он пристально посмотрел на подсудимого: тот был высоким, худым и таким, про которых говорят «жилистый». Его голова была обрита наголо, а взгляд темно-карих, почти черных, глаз был уверенным и бесстрашным.

Охранник усадил Кифа на стул перед столом Йенса и удалился.

— Доброе утро! Старший судья Йолль, — представился Йенс. — Я должен определить, насколько опасно ваше учение.

— Учение? — удивился, как показалось Йенсу, несколько наигранно Тун и улыбнулся. — Нет никакого учения. Я без злого умысла поделился своими наблюдениями с коллегами, а меня почему-то за это арестовали.

— И в чем же заключается результат ваших наблюдений? — спросил Йенс.

— В том, что за Пределами есть еще что-то, о чем мы не знаем, — ответил Тун, откидываясь на спинку стула, как будто вел дружескую беседу в баре, а не сидел на допросе у старшего судьи.

— За Пределами ничего нет! — рявкнул Йенс. — Это знает каждый ребенок! И как же, простите, вы могли это что-то за Пределами «наблюдать»?

— Я не наблюдал ничего за Пределами. Я наблюдал за обычными вещами. Вот, к примеру, апельсин, — начал объяснять Тун, а Йенс хмыкнул, — похож на Дарвинию: несколько секторов с перегородками, внутри которых есть мякоть, разделенная на маленькие фрагменты (их и можно сравнить с людьми), а снаружи — кожура, которую можно считать Пределами для апельсина. Я держу апельсин в руке, а, значит, за его «Пределами» есть моя рука, остальной я, комната, в которой я нахожусь, другие апельсины, сад и даже вы. Почему так не может быть с Пределами Дарвинии? — закончил Тун вопросом.

— Потому что Пределы Дарвинии и «Пределы» апельсина — это разные, не сравнимые между собой вещи!

— Почему несравнимые?

— Дарвиния — это весь наш мир, а апельсины — лишь его часть. Пределами Дарвинии все и ограничивается, — Йенс начал злиться.

— Вот с этим я и не согласен! — воскликнул Тун. — Тридцать тысяч человек, сады, фермы, фабрики, библиотека с кинотеатром, — и это все? Что было в начале? Кто это создал? Кто был первым? Как они появились? Почему мы именно такие? Неужели вас не волнуют эти вопросы?

— Не волнуют, — отозвался Йенс. — Они совершенно бессмысленны, а размышления на эту тему — пустая трата времени, и я бы сказал, никому не нужное баловство.

— Вот видите, по сути вам и возразить-то нечего, — проговорил Тун, и в кабинете старшего судьи повисла пауза.

— Вы же прекрасно знаете, что запредельные ереси незаконны. Давно и абсолютно точно установлено, что за Пределами ничего нет, и сомневаться в этом строго запрещено.

— Знаю, но и с этим я не согласен. У меня есть разум, и благодаря ему я могу думать о чем-то интереснее сбора апельсинов, и никто не может меня остановить.

— Думать можно о чем угодно, но зачем нужно было нести свои бредовые идеи другим? Зачем нужно было организовывать эти собрания, печатать листовки, снимать видеоролики? Сколько раз вас предупреждали? Три? Четыре? — Йенс встал и нервно прошелся по кабинету. Он уже все решил, но оттягивал момент оглашения своего решения.

— Я хотел, чтобы обо всем этом задумалось как можно больше людей, — тихо сказал Тун, пристально глядя Йенсу в глаза.

— Но зачем? Что им это даст? Ну, узнают они, что за Пределами что-то есть (а там ничего нет) — разве это сделает их более счастливыми? Добавит им смысла? Удовлетворения собственной жизнью? Мм?

— А, может, и добавит! — встrepенулся Тун. — Если бы в нашем мире не запрещали рассуждения на сложные темы, может, люди были бы лучше!

— То есть вы, Тун Киф, сборщик апельсинов, считаете, что именно вы в состоянии сделать людей лучше? — Йенс резко повернулся, уперся кулаками в столешницу и посмотрел на подсудимого сверху вниз.

— Почему бы и нет, — буркнул Тун.

— Понятно, — констатировал Йенс, снова усаживаясь за стол. — Что ж, вы не оставляете мне выбора — я вынужден приговорить вас к утилизации. Проведу процедуру завтра вечером. Можете порадоваться: после вашей утилизации какая-то супружеская пара получит разрешение на заведение ребенка, и вот они как раз и станут более счастливыми, — монотонно проговорил Йенс, посмотрел на подсудимого и с удовольствием отметил, что тот побледнел, а его лоб покрылся испариной. — Хотите, я объясню, в чем состоит суть процедуры?

— Не надо, мне и так все понятно, — хрипло прошептал Тун. — Но к чему такая жестокость?

— Таков закон, — ответил Йенс, печатая свой вердикт в досье подсудимого. — Для вас все кончено. Увидимся завтра, — сказал он. — Охрана! Уведите осужденного!

— Судья, ну вы же умный человек! Вы должны подумать о том, что находится за Пределами! — крикнул Тун, когда его уводили.

Йенс ничего на это не ответил. Он закрыл электронное досье Туна Кифа, потер двумя пальцами переносицу, вздохнул и тяжело поднялся. Очередной еретик-запредельщик. Сколько их было за двадцать пять лет его службы? Двенадцать? Пятнадцать? Все считали, что они оригинальны, что они создали что-то новое и сейчас донесут до Йенса Йолля Истину, которую тот в силу своей ограниченности и зашоренности, не мог познать. Всех их он без сожаления отправил в утилизатор, вернув вещества, из которых они состояли, в систему вещественного круговорота Дарвинии.

* * *

До конца рабочего дня у судьи Йолля было еще два уголовных дела. В полдень он судил жителя Верхней Середины, укравшего у своего соседа банку масла, и приговорил того к месяцу общественных работ. В четыре часа вечера Йенс разобрал дело о драке между двумя работниками швейной фабрики и приговорил каждого к штрафу в половину месячной зарплаты. После этого он оформил все документы, навел на

рабочем месте порядок и собирался пойти домой, но вспомнил, что нужно проверить утилизатор, чтобы во время завтрашней процедуры не возникло никаких сложностей.

Утилизатор был похож на душевую кабину. Он мог расщепить какой угодно материальный объект на самые простые вещества и отправить их в систему вещественного круговорота. На переработку живого человека уходило три секунды.

Йенс открыл прозрачную дверцу утилизатора и зачем-то постучал по ней. Затем он достал из принесенного с собой пакета два яблока, положил их внутрь на подставку, закрыл дверцу и нажал кнопку запуска. Яблоки моментально испарились, и Йенс решил, что утилизатор работает правильно — завтра точно так же не станет Туна Кифа, этого чертова доморощенного философа. Йенсу не только не было его жаль, он даже немного ему завидовал. У Туна Кифа были цель и жизнь, наполненная идеями и сомнениями, в которой, как бы громко это ни звучало, был смысл. В жизни же Йенса Йолля ничего этого не было, потому что он точно знал ту самую правду, лишаящую смысла буквально все. Он бы и сам с облегчением залез в утилизатор, но ему не давала это сделать данная еще в юности клятва служить народу Дарвинии и охранять ее правопорядок.

Йенс постоял какое-то время возле утилизатора, потом наклеил на его дверцу наклейку «Проверено», поставил на ней свою подпись и медленно пошел домой.

По дороге он продолжал думать о деле Туна Кифа. Хотя в нем вроде бы все было ясно, Йенса вдруг что-то насторожило. Он не собирался менять свой приговор, но еще раз прогнать перед мысленным взором все подробности не было лишним.

Спустя десять минут Йенс почти подошел к своей квартире и понял, что с Туном Кифом было не так: все предыдущие еретики-запредельщики были интеллектуалами — библиотекарями, музыкантами или работниками кинотеатра, и никто из них не имел отношения к физическому труду, который в Дарвинии был слишком тяжелым, чтобы у тех, кто им занимался, оставались еще какие-то силы на посторонние мысли. С чего вообще Тун Киф начал размышлять хоть о чем-то, кроме апельсинов?

«Спрошу его перед утилизацией», — решил Йенс, входя в квартиру. Его встретила жена София, он поцеловал ее в щеку и с этого момента оставил все рабочие заботы до утра. Йенс уже давно научился абстрагироваться от чего угодно.

Тридцать два года назад

На часах было два часа сорок минут ночи, но Йенс не спал. Он сидел на кровати и напряженно вслушивался в тишину. Его комната находилась возле самого Восточного Предела, и он с самого раннего детства знал, что за ним ничего нет. В этом никто не сомневался, но Йенс уже

четыре месяца подряд по ночам слышал странные звуки — как будто за Пределом кто-то стучал (или что-то стучало) по металлической поверхности. Иногда к этим стукам добавлялись довольно отчетливые скрип, шорох или жужжание. При этом звуки Йенс слышал с разной частотой. Иногда их не было пару недель, иногда они раздавались каждую ночь. У Йенса создалось впечатление, что за Пределом есть еще одна комната, и там кто-то организовал слесарную мастерскую. Однако этого не могло быть: за Пределом ничего не было, и рядом с квартирой, в которой жили Йолли, не было никакой мастерской, ведь она находилась в административной Центральной Середине.

Йенс пытался поговорить о странных звуках, доносящихся в его комнате из-за Предела, с родителями, но они отмахнулись от него привычной фразой: «Не сочиняй, за Пределами ничего нет!», и Йенс тогда даже подумал о том, что у него слишком богатое воображение и ему все это кажется.

Но звуки не прекращались, а Йенсу никто так и не помог с ними разобраться. Он начал записывать время их появления, пытаюсь вычислить наличие какой-то системы, но ее, очевидно, не было. У него скопилось несколько тетрадей, где он досконально фиксировал вид звука, продолжительность и интенсивность. Родители не мешали ему это делать, но просили никому об этом не рассказывать, так как всем известно, что за Пределами ничего нет, и Йенса могли бы принять за сумасшедшего.

И вот уже три недели из-за Предела ничего не было слышно. Йенс ждал каждую ночь и очень надеялся, что тайна запредельных звуков все еще существует. А сегодня ему мешало заснуть не только это напряженное ожидание, но и радостное предвкушение завтрашнего события.

Йенс Йолль родился в семье служащих-правоохранителей, и завтра, в тот день, когда ему исполнится двенадцать лет, он должен был пройти специальный обряд Посвящения в Тайну. В чем заключался этот обряд, Йенс не имел ни малейшего представления, родители тоже ничего ему о нем не рассказали, объяснив только то, что Йенс станет взрослым, даст клятву верности народу Дарвинии и его жизнь необратимо изменится. Все это звучало страшно и непонятно. К тому же Йенсу объяснили — если он не даст клятву, его утилизируют, даже несмотря на его юный возраст.

Этой ночью взбудораженный Йенс уснул примерно в пять утра, так и не дождавшись появления таинственных звуков. В восемь же его разбудила мама, которая была необычно серьезной и молчаливой. Она накормила Йенса завтраком, а потом проследила, чтобы он тщательно умылся и причесался. После этого Йенс надел идеально выглаженную белую рубашку и строгие синие брюки, похожие на брюки судейского мундира. Родители отвели его в зал для проведения обряда,

зарегистрировали на стойке администрации и, сказав, что дальше им нельзя присутствовать, по очереди обняли Йенса и удалились.

К Йенсу подошел служащий зала, представившийся Старшим Хранителем Тайны Карлом Чезом, отвел его в темную комнату с установленным в центре видеопроектором и усадил в кресло перед экраном.

Оказалось, что обряд Посвящения в Тайну представлял собой просмотр специальной видеопрограммы, после которого новопосвященный должен был дать Клятву Молчания и Служения.

«Сегодня вы узнаете все о Дарвинии, и ваша жизнь никогда не будет прежней...», — услышал Йенс спокойный и уверенный голос диктора.

Диктор не обманул. Все, что Йенс слышал о мире, в котором жил, было сплошным враньем — Дарвиния представляла собой вовсе не ограниченное Пределами поселение.

Супердальнемагистральный тяжелый крейсер «Чарльз Дарвин» покинул лунный военный космопорт, чтобы отправиться к недавно открытой планете земного типа, находящейся в противоположном от Земли витке спирали Млечного Пути, чтобы ее колонизировать. На планете кипела жизнь, но ее разумных представителей беспилотным зондам обнаружить не удалось. У планеты пока не было названия, и она числилась во всех справочниках как «Объект-3512». «Чарльз Дарвин» вез на борту восемь тысяч будущих колонистов и сотни тонн научного и промышленного оборудования. Он был полностью готов к посадке на Объект-3512 и его покорению. Полет на подпространственных двигателях должен был продолжаться три месяца, но уже через две недели после его начала случилось нечто страшное — крейсер то ли попал в какую-то подпространственную аномалию, то ли (была и такая версия) пролетел рядом со взрывом сверхновой. Чудом не разрушившись, он получил колоссальные повреждения: отказали главные и маневровые двигатели, система связи, были потеряны все ремонтные дроны, находившиеся в бескислородном отсеке, а главный компьютер теперь работал всего на три процента мощности. Обшивка крейсера теперь представляла собой нечто похожее на сито, но его жилой блок, заключенный в своеобразную капсулу из очень прочного композитного материала, уцелел. Погибла почти вся летная команда, потому что они находились на мостике, отделенном от жилого блока, но остальные пассажиры крейсера не пострадали.

Вот так жилой блок крейсера со своей отдельной системой жизнеобеспечения оказался в глубоком космосе вдали от каких-либо известных трасс, не имея возможности ни подать сигнал бедствия, ни как-то изменить свой курс, и продолжал двигаться по инерции. Главный компьютер смог рассчитать, что этот полет закончится тем, что крейсер врежется в звезду — красный гигант, и это столкновение произойдет через две тысячи двести семнадцать лет.

Жилой блок позволял жить в нем практически вечно, ведь все в нем было возобновляемым: была налажена система вещественного круговорота, искусственно поддерживалась комфортная сила тяжести и работала своя энергетическая установка.

Очень долго обитатели «Чарльза Дарвина», которые в шутку теперь назвали себя «дарвинистами», не могли смириться со своей участью — они изо всех сил пытались починить крейсер или наладить систему связи, но у них ничего не получалось: не было необходимого оборудования, а за пределами капсулы жилого блока бушевало смертоносное излучение от разрушенной топливной системы главного двигателя, которое, как подсчитал компьютер, не ослабело бы в течение пяти миллионов лет.

Только спустя двадцать два года дарвинисты пришли к окончательному выводу, что все бесполезно — никакую из поврежденных систем крейсера починить не удастся. К тому времени дарвинистов оставалось шесть с половиной тысяч. Они собрались на главной площадке жилого блока и долго спорили, что же делать дальше. Выяснилось, что существует два противоположных мнения: одни (их потом назвали «суицидистами») считали, что надо разгерметизировать жилой блок, тем самым совершив коллективное самоубийство; другие же (им дали название «оптимисты») настаивали, что сдаваться нельзя, и даже если у них самих не получится восстановить крейсер, это вполне могут сделать их потомки. Тогда победили сторонники второй точки зрения, и жизнь на «Чарльзе Дарвине» продолжилась, несмотря на общее для всех дарвинистов ощущение бессмысленности происходящего.

Однако суицидисты не успокаивались и продолжали вести пропаганду, пытаясь убедить остальных, что это абсолютно аморально — рожать детей в тупой надежде на то, что они спустя столько лет после катастрофы вдруг что-то придумают, чтобы спастись.

Конфликты не утихали до тех пор, пока все первые суицидисты не были уничтожены: кто-то из них ушел из жизни сам, кого-то убили в драке, кого-то судили народным судом и казнили.

Шли годы, дарвинисты обзаводились детьми. Дети учились, пытаясь освоить те крохи информации, которые остались после повреждения главного компьютера, вырастали, но никто из новых дарвинистов тоже не смог предложить решение проблемы починки крейсера или хотя бы способ избежать столкновения с красным гигантом.

Периодически появлялись уже новые суицидисты, и каждый раз внутри жилого блока начинались ожесточенные споры, заканчивающиеся кровавыми драками и эпидемией самоубийств.

Решение нашлось спустя еще почти сотню лет: теперь детям перестали рассказывать о Земле, космосе и миссии крейсера, оставив лишь небольшой круг посвященных в эту тайну служащих. Постепенно все

забылось, сначала перейдя из достоверной истории в легенды о жизни далеких предков, а потом и вовсе утратилось. Для большинства обитателей жилого блока было сформировано убеждение, что мир, который теперь назывался Дарвинией, строго ограничен Пределами, за которыми ничего нет. Посвященные же в Тайну поклялись охранять ее и защищать народ Дарвинии от губительной правды.

После просмотра видеопрограммы Йенсу дали всего два часа на размышления, но ему они были не нужны — он сразу был согласен дать Клятву. Йенса изолировали от сверстников и еще семь лет обучали всему, что сохранилось из земных знаний, а потом сразу же назначили на должность судьи.

Йенс понял, что звуки, которые он слышал из-за стены своей комнаты, были связаны с тем, что с ее внешней стороны до сих пор продолжались процессы разрушения двигателей и обшивки крейсера. То, что раньше он связывал происхождение этих звуков с работой каких-то механизмов, Йенс решил больше не вспоминать. Да и звуки прекратились.

С обряда Посвящения не было ни одного дня, когда Йенс испытывал бы радость. Ощущение бессмысленности жизни так тяготило его, что он думал об этом почти непрерывно. Дело было не только в том, что «Чарльз Дарвин» несея сквозь пустынный космос в неуправляемом полете без надежды на спасение, но и в том, что до столкновения с красным гигантом ко времени назначения Йенса судьей оставалось всего сорок восемь лет.

* * *

После ужина Йенс пришел в камеру, где Тун ждал утилизации. Приговоренный сидел в углу на полу, опустив голову и обхватив колени руками, и плакал.

Йенс взял стул, поставил его перед Туном, сел и произнес:

— Осужденный Киф, у меня есть к вам вопрос.

Тун поднял голову, кое-как сфокусировал взгляд красных и опухших глаз и прохрипел:

— Какой?

— Почему вы начали верить в то, что за Пределами что-то есть?

— Я не «начал верить», я это точно знаю, — пробормотал Тун. — Оттуда доносятся какие-то звуки.

— Звуки?

— Ну, как будто там кто-то что-то пилит, сверлит... Какая теперь разница?

— Никакой, — спокойно ответил Йенс, ничем не выдав своего удивления. За всю его жизнь никто не говорил ему о каких-либо звуках из-за Пределов. Иногда ему казалось, что он сам в детстве их нафантазировал. — Звуки были в вашей комнате?

— Да. Я их услышал около года назад. Каждую ночь слышал и ду- мал... о... разном.

— Вы кому-нибудь еще об этом рассказывали?

— Нет-нет! Никому! — воскликнул Тун слишком быстро, чтобы Йенс ему поверил. — Я просто делился своими мыслями с теми, кто хотел слушать. Их было совсем немного!

Йенс подумал, что в ближайшее время ему придется утилизировать еще несколько еретиков-запредельщиков.

— Ясно, — холодно сказал он. — Вставайте, нам пора. Охрана!

Тун не шевельнулся. Вошли двое охранников, подхватили его под локти, поставили на ноги и потащили к утилизатору. Йенс медленно двинулся за ними.

Всего через минуту они дошли до утилизатора. Йенс открыл его дверцу и махнул охранникам, чтобы они поместили внутрь приговоренного. Тот упирался, что-то кричал, но ничего сделать не смог — силы были не равны.

Утилизация прошла штатно.

* * *

Йенс шел домой и размышлял о том, что до столкновения с красным гигантом осталось всего двадцать три года, и, в принципе, ни ему, ни еретикам-запредельщикам уже не удастся ничего изменить существенным образом. Он вспомнил о звуках, которые якобы слышал Тун Киф, и решил все-таки побывать там, где он жил. Сверившись с планом Дарвинии, Йенс неожиданно выяснил, что его квартира в Центральной Середине находилась прямо над комнатой Туна.

Комната утилизированного еретика была небольшой. Мебели и вещей в ней было мало, и сильно пахло апельсинами.

Йенс сел на койку, прикрыл глаза и прислушался.

Примерно полчаса ничего не происходило, а потом он услышал такой скрежет, словно за стеной кто-то пилил что-то металлическое. Звук раздавался снизу, Йенс сначала встал на четвереньки, а потом лег на пол и заглянул под койку.

Внезапно ему в глаза ударил луч света.

Йенс несколько секунд не мог осознать, что именно он видит — его мозг буквально отказывался в это верить. Под койкой в стене вдруг образовалась маленькая дырочка и оттуда, снаружи, из-за Пределов, бил ярко-желтый свет. Скрежет же стал слышен более отчетливо. От дырочки луч стал двигаться по кругу и прорезал в стене отверстие диаметром сантиметров в тридцать. Из этого отверстия, отталкиваясь манипуляторами от краев, в комнату медленно залезло странное устройство, похожее на робота-уборщика.

Устройство аккуратно подъехало к Йенсу, зажужжало, что-то настраивая, и проговорило по слогам жутким электронным голосом:

— Че-ло-век!

Йенс уставился на него, полностью потеряв дар речи. Из отверстия выбрались еще четыре таких же устройства и выстроились перед ним в шеренгу. Йенс вскочил на ноги и отпрыгнул к противоположной от койки стене. Устройства остались на месте.

Когда Йенс справился с собой и понял, что устройства ему не угрожают, он закрыл дверь комнаты Туна Кифа и ушел за техническими специалистами, посвященными в Тайну.

Они установили, что очень много лет (возможно, с самого дня катастрофы) за Пределами кипела работа — один ремонтный дрон каким-то образом уцелел и, ведомый своей программой, пытался починить хоть какой-нибудь двигатель. Он, используя куски обшивки и оборудования крейсера, производил себе роботов-помощников, совершенствовал их, изменяя их конструкцию и программную начинку. Дрон перебирал все возможные варианты восстановления корабля, и ему удалось разработать успешный план. Команда созданных им устройств смогла починить маневровый двигатель, и теперь Дарвинии в ближайшей перспективе ничего не угрожало — она больше не должна была столкнуться с красным гигантом. Также дрон пытался пробиться к людям, туда, где было промышленное оборудование, которое могло бы быть использовано для ремонта крейсера, но оболочка жилого блока была слишком прочной, и на ее преодоление у него ушло все это время.

Пятьсот семьдесят шесть лет спустя

На Объекте-3512, который теперь в честь Туна Кифа назывался Кифией, был народный праздник — все отмечали пятьсот лет со дня посадки крейсера «Чарльз Дарвин», на котором прибыли первые колонисты.

— И тогда наш герой, Тун Киф, не растерялся, не испугался и не стал молчать, а под страхом смерти рассказал людям правду! Только ему удалось разрушить тщательно выстроенную и охраняемую систему религиозного мракобесия! Подумайте: если бы горстка чиновников не решала судьбу крейсера, насколько быстрее бы колонисты достигли планеты! Я считаю совершенно справедливым, что наши предки их судили и казнили! Не должно быть никаких препятствий между человеком и Истиной! — провозгласил на главной площади столицы Кифии ее мэр, а толпа одобрительно загоудела.

Юлия Горина

НЕ ОТВОРАЧИВАЙСЯ ОТ МЕНЯ

Яшка снова пел.

Забившись под стол и зажав уши руками, он чуть раскачивался из стороны в сторону и скулил что-то заунывное. Он всегда так делал, когда мать с отчимом ругались.

Сема поморщился, скинул с плеча школьную сумку и слегка толкнул брата ботинком, чтобы привлечь его внимание.

Мелкий вздрогнул, умолк, — и обернулся.

— Пошли отсюда, — скомандовал Сёма.

Яшка заулыбался, на четвереньках выбрался из-под стола и обеими руками вцепился в рукав своего спасителя, как если бы минуту назад тонул или висел над пропастью. Дверь каюты прошелестела и послушно выпустила их наружу.

Размеренный гул живущей своими заботами станции показался им тишиной. Выдохнув, мальчики уселись на самом краю лестницы, свесив ноги в страховочную решётку и одинаково сгорбившись. Отсюда открывался отличный вид на «соты» — многоуровневый жилой комплекс с многочисленными перекрытиями, лестницами и серыми ячейками кают.

— Давно они собачатся?..

— Как я вернулся с уроков, — ответил Яшка, придвигаясь к брату так, чтобы чувствовать боком его локоть.

— А чего один домой потащился? Побродил бы сам где-нибудь, не маленький уже! Знал же, что я позже приду.

— Знал, — вздохнул Яшка.

— Так надо было дожидаться!

— Надо было... — шмыгнул носом Мелкий. У него вдруг задрожали губы, и он расплакался.

— Кончай соплывать, противно.

— Я сегодня получил двойку по чтению...

— Ну и что?

— А Руслан назвал меня бестолочью...

— Бестолочь и есть.

— А потом он закричал на меня, и я испугался...И...

— И?

Яшка спрятал лицо в плечо брата.

— Я сделал стыдное... — прошептал он.

— Хуже, чем вытирать слюни об мою куртку?

— Я описался...

Сёма вздрогнул, приготовленные заранее слова отповеди застряли в горле. Старательно сглотнув, он взглянул на брата.

— Ну и что? Подумаешь. Каждый может описаться. Ему бы, орущему, свою рожу в зеркало увидеть — сам бы обоссался.

Мелкий нервно хихикнул сквозь слёзы.

— Правда?

— Ещё бы.

Яша хлопнул носом, подтер его тыльной стороной ладони и уперся в решётку лбом.

— Я не хочу в кадетский корпус. Я хочу к деду, на «Гвиневру»!

Семён помрачнел и сплюнул в бездонный колодец пролёта. Он ненавидел, когда Мелкий заговаривал об этом, потому что год назад такая возможность действительно была. Но Руслан пообещал переломать им обоим руки и ноги, если Сёма откроет рот и хоть намекнёт социальному инспектору, что чем-то недоволен. А чтобы не быть голословным, раздробил ему палец на ноге тяжёлой полуавтоматической дверью бельевого шкафа. И на следующий день на приёме у инспектора не было мальчика счастливей и довольней, чем Семён.

Правда, руку ему Руслан всё же сломал, но уже полгода спустя, когда в первый раз поймал на воровстве.

Чувство вины и стыда за свою трусость Сёма прятал за раздражением. Отвернувшись от брата, он пробурчал:

— Достал ты уже ныть! В любом случае, хуже, чем здесь, в кадетском корпусе не будет...

Сам он ждал отъезда с нетерпением, и не потому, что мечтал носить форму, а потому что в корпусе больше не будет ни матери, ни отчима, ни Мелкого, от которого так устал.

На «Афину-2» кроме Семёна с Яшкой и матерью летели ещё пятеро взрослых и один мальчик чуть старше Мелкого. Помявшись в транспортном отсеке возле терминалов проверки допуска, все наконец-то пошли на посадку в челнок.

Пассажиры суетились, толкались и мешали друг другу. Салон был маленький, по обе стороны узкого прохода глянцево блестяли белые криокамеры, похожие на гробы. На внешней стороне крышек подмигивали и светились кнопки и датчики. Сёма ещё никогда не летал, и сейчас, смущаясь своего волнения, он старательно пытался изобразить на лице деловитую уверенность. Получалось скверно. Спрятанные в карманы комбинезона руки вспотели, а в темных уголках памяти зашевелились давние кошмары.

Он больше не слышал ни голоса инструктора, ни вздохов грузной женщины впереди, ни окриков матери.

Когда он встанет из этого гроба, уже ничто не будет прежним. Начнётся новая жизнь, и всё будет хорошо! Ведь челнок не попадёт под обстрел, как отец когда-то, и криосистема отработает без сбоев...

В какой-то миг Семён вдруг увидел себя много лет назад, бегущего по белому коридору военного госпиталя, врезааясь в размытые силуэты врачей в зеленых хирургических костюмах, пока наконец они не перемешались с пятнами света от слепящих ламп и горячие слёзы не выплеснулись из глаз... Отбиваясь от чьих-то рук, он так кричал и плакал, что почти совсем выплакал увиденное в палате, и после, как ни старался, так и не смог вспомнить ничего, кроме опутанной трубками и проводами отцовской руки на белой простыни.

— Сёма, а нас что, будут замораживать? Мы что, так далеко летим? — услышал он сквозь мучительные воспоминания голос брата.

— Сёма, я боюсь!

— Отстань! — отмахнулся от Мелкого Семён, со злом выдёргивая локоть из его цепких пальчиков и решаясь, наконец, лечь внутрь своей камеры.

Тут подошёл инструктор.

— В первый раз летишь?

— Да.

— Не волнуйся! Выставляем время... Женщина, я вам ещё раз говорю, вернитесь на своё место! Я сейчас помогу вашей бабушке! — с раздражением крикнул он через плечо, и крышка защёлкнулась.

Стало абсолютно черно. Сёма запаниковал, но странная дремота медленно начала сковывать его тело. Веки отяжелели, и приятное ощущение покачивания на упругих, густых волнах унесло его в царство снов.

Пробуждение оказалось не из приятных. Семён вдруг осознал себя бодрствующим, но при этом глаза не открывались, руки не двигались, и всё тело болело и чесалось, словно нога, которую сильно отсидели.

Раздался щелчок — и крышка «гроба» открылась.

Мальчик с трудом сел, ухватившись за края камеры, хорошенько растёр онемевшее лицо — и только после этого вдруг понял, что слышит привычный скулёж Мелкого.

— Да когда ты уже заткнёшься, — проговорил Сёма, и с усилием разлепил веки.

Прямо на полу, подпирая костлявыми лопатками стенку криокамеры и раздетый до термобелья сидел... Яшка?

— Сёма-аа! — заревел Малой и повернулся к брату лицом.

Семён шархнулся от него, стукнулся головой о крышку, матерно выругался — и только тогда окончательно понял, что происходящее — не обычный кошмар, а реальность.

У него перехватило дыхание, а в ушах зазвенело.

Хватаясь за последнюю надежду, Сёма обвел взглядом салон челнока.

Но все остальные криокамеры были закрыты.

Выбравшись наружу, он неловко пихнул брата в грудь ватными

руками. Яша вскрикнул — и неожиданно легко упал навзничь, точно кукла. Тощая, длинная и страшная кукла с острыми скулами и запавшими щеками.

— Сёма... Я есть хочу! Я умираю, как есть хочу! — зарыдал Мелкий, прижав кулачки к лицу.

— Придурок, ты что наделал?!

— Я сдвинул таймер... Чтобы улететь к деду... Я только хотел убежать к деду, в капсуле!

— Дебил!

— Я думал...

— Нихрена ты не думал, потому что ты — бестолочь! — заорал во всю глотку Семён, пытаясь сдержать в себе желание проломить брату голову. — Мы теперь оба содохнем здесь, ты и я!

Яшка больше не отвечал. Он сжался в комок на полу, и тихо плакал.

Сёма старался не смотреть на него. Слезы обжигающим комком застыли в груди. Он подошёл к брату и сел рядом с ним на пол.

— Ты знаешь, что наш отец в последней миссии вынужден был лететь без заморозки?

— Нет...

— И от чего он умер, тоже не знаешь?

— От голода? — прошептал Яшка.

Сёма покачал головой.

— Вот ведь... Ладно я, но мать-то должна была тебе рассказать! Наш отец умер от старости.

Яша убрал руки от лица.

— От старости?..

— После перелёта он выглядел, как столетний старик.

— Ты никогда не говорил мне!

— Да. Потому что я предал его, — с трудом выговаривая слова и насупив брови, сказал Сёма. На щеках и шее проступили пунцовые пятна.

— Ты?.. Как?

— Отец хотел попрощаться с нами. Ты ещё ничего не соображал, а я... я испугался, как последний дурак. Заорал и выбежал из палаты...

И тут Яша всё понял. Круглые глаза испуганно заморгали, а рот приоткрылся.

— Так мы... умрём? Станем стариками?

— Не знаю. Конечно, наш прыжок небольшой... Нужно срочно разбудить кого-нибудь из взрослых! Нам помогут...

— Хорошо! — с готовностью отозвался Яшка. — А как?

— Что?

— Как мы будем их будить? — простодушно спросил Мелкий, обгрызая и без того уже съеденные под корень ногти.

— Я-то откуда знаю, это же ты меня открыл!

Яшка перестал чавкать. По его лицу вместе с бледностью медленно расплзлось выражение полной беспомощности.

— Я... просто нажимал на все кнопки. Не помню, на какие именно. На все подряд... Долго...

Семён застонал и схватился за голову.

Ответом на его стон стало требовательное урчание в животе. Взглянув на брата исподлобья, на осунувшееся лицо и острые костяшки запястий, он тяжело вздохнул.

— Мы быстро растем, и нам нужно много жрать, иначе сдохнем от голода. Давай сначала найдем еду!

— У меня в сумке шоколадка... Но я не смог её достать, там не открывается!

— Сейчас откроется.

Сёма подошёл к багажному отделению. Подёргав впустую ручку, он вдруг вспомнил, что инструктор упоминал какую-то кнопку, и, внимательно осмотрев дверцу, вскоре её нашёл.

— Ручку потянули, кнопку нажали...

Дверца плавно отъехала в сторону. Яшка с радостным визгом кинулся к своей сумке и зашуршал фольгированной обёрткой. Семён нахмурился, но претендовать на свою долю не стал и принялся вытаскивать все чемоданы и сумки наружу, чтобы осмотреть содержимое.

В конце концов, Яшка младше.

— Жуй медленно, понял?

Мелкий промычал что-то нечленораздельное в ответ.

— Чего?

— Нехорошо лазить по чужим вещам, — уже более внятно проговорил Яша.

— Если мы загнемся, выпороть нас уже точно никто не сможет!

Тщательно обшарив багаж, Сёма сложил всю небогатую добычу в кучку: упаковка мятных конфет, пакет прессованного картофеля, карамельный батончик и подарочная коробочка засахаренных орехов. Коробочка была большая, красивая. Но орехов в ней лежало так мало...

Яшка потянулся к найденным сокровищам — но Семён оттолкнул его.

— Еду раздаю я, понял?

Оказавшись лицом к лицу с Мелким, он ужаснулся.

Яше стало плохо. Его кожа приобрела синюшный оттенок, глаза глубоко запали.

— Я есть хочу... И пить...

Поколебавшись, Семён отдал брату пакет картошки, а сам открыл батончик. Проглотив всё до крошки, он понял, что ничуть не насытился, а наоборот, хочет есть ещё больше. Колющее чувство в теле усилилось. А ещё ему почему-то стало тесно двигаться и тяжело дышать. Похудевшие руки подозрительно высунулись из рукавов комбинезона.

— Чёрт, мне комбез стал маленьким...

Мелкий перестал жевать картошку. Его губы задрожали.

— Сёма... Ты... Твои щеки... Ты умираешь?..

Расстёгивая комбинезон, Семён проворчал:

— Ты себя не видел... Давай думать, где нам ещё достать еды? Наверняка должны быть запасы в спасательном отсеке с капсулами. Но фиг мы туда попадём просто так.

— Есть еще медичка, — проговорил Яша.

— Медичка?

— Да, старенькая бабушка спрашивала...

Дверь с маленьким красным крестиком сверху находилась за шторкой в конце салона, рядом со входом в спасательный отсек. Сёма попытался её открыть — но безуспешно.

— Иди поищи что-нибудь, чем эту дуру можно было бы подковырнуть или двинуть, понял?

— Понял... А можно я ещё что-нибудь съем?.. И я пить хочу...

Мальчик по-портовому выругался.

— Знаешь что, я тоже жрать хочу, но терплю! И ты потерпишь! У нас пока больше ничего кроме конфет и орехов нет, нельзя съесть всё за один час!

Яшка опустил голову и побрёл в салон, раскачиваясь из стороны в сторону, как призрак. Сёма поспешил отвести глаза. Сбив дурацкую шторку в сторону, он принялся рассматривать дверь, пытаясь угадать, какой тип запора используется в данной модели.

И тут послышался грохот. Семён выбежал вслед за Яшкой, и увидел его лежащим в проходе.

— Мелкий?

Сёма наклонился к нему и потряс за плечи.

— Яшка! Яша, очнись!

Ему вдруг стало так страшно, как ещё никогда в жизни.

— Не умирай, слышишь? Вот я дурак, я даже не спросил, как давно ты проснулся! Схватив брата на руки, Сёма поволок его к медотсеку. Жгуче хотелось плакать, хотелось заползти под долбаный стол, как брат, зажать уши руками и запеть какую-нибудь песню.

Но слёзы пересохли, а помочь Яше мог только он. Нет такого стола в челноке, под которым он мог бы спрятаться.

От злости и беспомощности мальчик принялся пинать дверь и колотить ее кулаками, — но бесполезно. Надо было сразу отдать Мелкому всю еду! И о чём он только думал?

Сёма так мечтал однажды избавиться от Яшки, а сейчас больше всего на свете хотел услышать его голос. В изнеможении он упёрся в дверь лбом, прижав ладони к ее холодной и гладкой поверхности — и тут дверь открылась. Это сработала неприметная панель автоматического распознавания пассажиров.

С трудом удерживая тело брата, Сёма втащил его в медотсек. Колени дрожали. Голова раскалывалась, перед глазами плыло. Уложив Яшу на кушетку, он задрал ему рубаху и припал ухом к запавшей канавке под рёбрами. Сердце стучало, а значит, ещё не всё было потеряно.

Мальчик бросился к информационной панели.

— Запрос — «голод»!

— Нужного препарата не обнаружено, — ответил электронный голос системы.

— Голодание! Эммм... Истощение! Обезвоживание!

— Рекомендована капельница под номером 342.

Шкафчик щелкнул и открылся. Сёма бросился искать капельницу.

— Держись, Мелкий!

Он затащил руку Яши жгутом, как умел, и снял с иглы колпачок. Нащупав тонкую голубоватую венку трясущимся пальцем, он шумно выдохнул — и воткнул иголку.

В одно мгновение вена взбугрилась, а на мертвенно-белой коже проступила фиолетовая клякса.

Сёма вскрикнул, вытащил иголку. Из дырочки поползла струйка темной и вязкой крови. Тяжело дыша, мальчик замотал брату руку бинтом, нахмурился, закусил губу — и повторил попытку на другой руке, не торопясь и стараясь не прошить вену насквозь. На этот раз у него всё получилось. Закрепив мешочек капельницы на крючке держателя, он, пошатываясь, сполз на пол возле кушетки.

— Дай что-нибудь пожрать... — попросил Семён систему.

Голод усиливался, как и жажда.

— Нужного препарата не обнаружено...

— Витамины... Конфеты от тошноты...

— Рекомендованы леденцы под номером девять...

Сёма дрожащими руками нашёл упаковку, вскрыл сразу десяток леденцов и сунул их в рот.

Они были сладкими и мятными... Опомнившись, Семён выплюнул их в руку. Поколебавшись, вернул два под язык. Потом сходил за оставшимися припасами в салон и вернулся в медотсек.

— Вода! — скомандовал он информационной панели.

— Дистиллированная вода, номер один...

Он схватил большой флакон и хотел было припасть к нему губами, но побоялся, что не сможет остановиться. Осторожно наполнив мензурку до половины, жадно выпил содержимое. Вскрыв упаковку конфет, Семён бросил их все в бутылку, туда же отправились леденцы от тошноты. Заткнув горлышко пальцем, он принялся её трясти, пока конфеты не растворились. Осторожно, чтобы не пролить, он плеснул жидкость Яше в рот. Потом ещё немножко, и ещё.

Вскоре тот открыл глаза.

— Прости меня... — проговорил Яша.

— Ты ни в чём не виноват, — прошептал Сёма, — Это я виноват, понимаешь? Я должен у тебя просить прощения! Я отвернулся от тебя, когда был нужен. Всегда отворачивался! Я больше никогда... никогда не отвернусь. Мне без тебя нельзя. Должен же я быть кому-то нужен!

И тут прозвучал голос автопилота, громкий и пронзительный.

— Внимание! Курирующий полёт «Геркулес-8» зафиксировал аварийное вскрытие криокамеры. Производится экстренное торможение! Помощь прибудет примерно через тридцать минут. Потерпевшему предлагается спецпаёк. Пожалуйста, пройдите в аварийный отсек! Повторяю...

Сёма засмеялся и заплакал в голос одновременно.

— Ты слышал, Мелкий? До них дошёл сигнал! У нас есть еда, мы выживем! Ты ведь продержишься ещё полчаса?

Яша слабо улыбнулся в ответ.

Семён обнял его.

— Твой брат больше не трус. Я позабочусь о тебе. Я им всё расскажу, и мы полетим к деду!

Он сбегал за пайком, и до самой стыковки со спасательным шаттлом Сёма крепко держал Яшу за руку, словно опасаясь, что без его помощи эти тонкие пальчики не смогут удержать такую хрупкую и такую ценную для него жизнь.

ПАВЕЛ ШУМИЛ
ТРЮКАЧ

— Ла-а-арсон!!!

Кто доверил Джейку мегафон? Убить с особым цинизмом! Выхожу из вагончика.

— Ларсон! Твой эпизод.

— Зачем так орать?

Выслушиваю последние инструкции. Трюк прост как детский лепет. Придирчиво изучаю хмурое небо, сбрасываю халат и сажусь рядом с каскадером в спортивный «ягуар».

— Ларсон, сними часы с руки, — предупреждает оператор, взглянув через объектив.

Мотор, хлопущка, трюк начался. Мы догоняем автобус. Каскадер должен проникнуть в салон через выбитое стекло. Он бросает руль, одной ногой встает на борт автомобиля, второй — на рулевое колесо. Я передвигаюсь на его место. Притираю «ягуар» к борту автобуса, и каскадер влезает в окно. Трюк снят. На экране будет казаться, что водитель рулил правой пяткой.

Набрасываю халат, возвращаюсь в личный вагончик. Располагаюсь в шезлонге, пристроив ноги на гримерный столик.

— Твой крем от солнца и полдник, — в вагон врывается Сара, мой адвокат, агент, промоутер, секретарь, визажист, массажист, мальчик на побегушках и просто славная девчонка без комплексов.

— К черту крем, — забираю у нее бутылку из-под кетчупа, свинчиваю пробку и делаю крупный глоток. — Ух, забористая жидкость! Тепленькая!

— Ла-а-арсон!!!

Сара морщится, а я завинчиваю пробку, взъерошиваю ей волосы и выхожу из вагончика. На этот раз снимаем комедийный эпизод. У механика-растяпы падают инструменты, срывается домкрат, а потом он гонится за укатившимся колесом. Я помогаю упасть инструментам, вышибаю домкрат, и качу колесо вокруг машины. Пустяковый трюк, но режиссеру что-то не нравится, снимаем три дубля.

— Снято! Все молодцы, сволочи, а ты, Ларсон, просто каналья!

Это комплимент. Сара подает мне халат, идем в вагончик.

— На натуре съемок больше нет, но есть три эпизода в павильонах, — информирует она.

Удачный день. Всего пять эпизодов. Если работа пойдет как надо, уложимся до четырех часов.

На этот раз — черная мистическая комедия.

— Свечи гаснут, — командует режиссер. Хожу по комнате и задуваю свечи.

— Красный свет! Больше красного света! Блюдец взлетает...

Послушно поднимаю блюдец над столом.

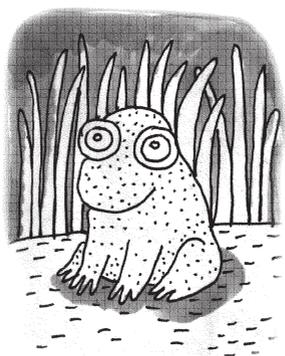
— Клавдия испугана. Испугана, а не удивлена. Я сказал — испугана!!! — рычит режиссер. Я чуть нагибаюсь, чтоб поймать ее взгляд, ласкаю пальцами подбородок, шею и широко улыбаюсь. Глаза Клавдии округляются, и она визжит. Не по сценарию, но очень натурально.

В следующем эпизоде снимаем сон ребенка. Мальчик летает во сне по всему дому. Поднимаю ребенка над головой и брожу за камерой мягкой кошачьей походкой. Помощник оператора строит мальчику уморительные рожицы, чтоб вызвать улыбку. Вот кого снимать надо!

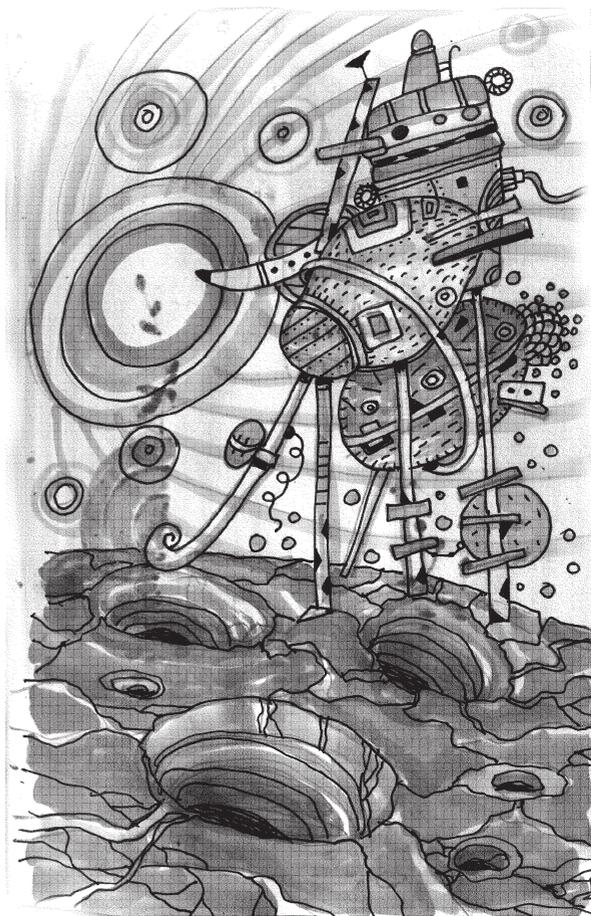
— Снято!

Опускаю малыша, набрасываю халат. Сара сверяется с блокнотиком и говорит, где снимают последний эпизод. Он совсем простой. Я должен пройти по песку и оставить следы. Когда пленку проявят, следы будут возникать как бы сами собой. Нас, вампиров, пленка не фиксирует. Даже зеркала не отражают. Для кино я — человек-невидимка. На каждом эпизоде я экономлю студии от сотни до нескольких тысяч монет. И неплохо зарабатываю.

Раздражает только одно: В любой массовке, при любой погоде, и летом, и зимой я должен работать в кадре голым. Абсолютно голым.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
МЕРТВЫЙ СЕЗОН

БРАНКО БОЖИЧ
ПОДМЕНИШ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «СТОЯЩИЕ СВЫШЕ»
ПЕРЕВОД С СЕРБСКОГО ОЛЬГИ ДЕНИСОВОЙ

СКАЗАНЬЕ О ПРЕКРАСНОЙ НЕЖИНКЕ¹

На землях Цитадели, среди пронизанных солнечным светом лесов, жила когда-то прекрасная Нежинка. Там, где ее легкие ноги касались земли, цвели цветы и выше поднимались травы; ей на руки без страха садились птицы, а дикие звери покорно склоняли перед нею головы. И люди, заслышав ее радостный смех, становились добрей и сердечней. Много славных воинов хотели взять ее в жены, однако Нежинка не спешила сделать выбор, любя весь мир: звон ручьев, шорох колосьев, детские голоса, синеву небес и бескрайнюю белизну зимних снегов.

Но наступили горькие дни — опять война пришла на землю Цитадели. Бряцало оружие, заглушая звон ручьев, кровь вместо дождей питала поля, не зарницы, а зарева пожаров брезжили по ночам на небесах. Враг топтал налитые колосья, и с боем отступало ополчение в крепость. А после смертельной схватки увидала Нежинка раненого воина, в беспамятстве истекавшего кровью, — укрыла его от врагов, перевязала жаркие раны. И ныло доброе девичье сердце от чужой муки, и билось в восхищении мужской храбростью и силой — брошенный жребий настиг прекрасную Нежинку, и не было теперь для нее другой любви, кроме любви к мужчине.

Недолгим было счастье — исцеленный ее добрыми руками, воин снова ушел сражаться. Темными стали ее дни и долгими ночи, но каждый вечер выходила она на дорогу и прислушивалась — не стучат ли копыта его коня? И смотрела вдаль — не покажется ли долгожданный всадник? А когда ночь накрывала землю черным звездным пологом, возвращалась домой и зажигала свечу у окна, чтобы не сбился с пути ее единственный. Давно возвратились домой воины, защищавшие крепость, давно покинул землю коварный враг, а Нежинка все ждала и ждала возлюбленного, живого или мертвого, звала его и заклинала вернуться.

Но вот однажды глухой полночью дунул в дверь недобрый ветер, погасил свечу, и услышала Нежинка дрожь земли под копытами коня — внял заклятьям ее желанный, примчался на зов, и храпел под ним могучий конь, и поднимался вокруг него ветер, и шумел лес, и месяц ушел в тучи... Без страха встретила любимого Нежинка, обняла его, когда он поднял ее на коня, и не спросила, куда лежит их путь.

---

¹ Сказанье о прекрасной Нежинке // Легенды Черной крепости. Сборник под ред. Крапы Красена. — Славлена: Типография Северной Тайничной башни, 421 г. Тираж 50 экз. С. 215–216.

Мчались они сквозь черную ночь без дорог, по лугам и дубравам: стелилась трава под ветром, кричали в испуге ночные птицы, и лесные звери уходили с их пути. Стрелой летел могучий конь, одним махом одолевал глубокие овраги, не вяз в болотных топях; и торопил коня всадник-мертвец, прижимая к себе прекрасную Нежинку.

Зардела на восходе тусклая заря, затемь сменила тьму, и в полумгле успокоился ветер, заскулил в отдаленье тоскливо и тихо. Спешился всадник перед разверстой могилой, взял на руки Нежинку и понес на холодное брачное ложе, уготованное им в сырой земле.

ДЕКАБРЬ — ЯНВАРЬ 272 ОТ Н.Э.С.

Один человек, именем Черной, был такой славный воин, что не имел равных ни в силе, ни в храбрости, ни в воинском искусстве. И совершал он подвиг за подвигом во имя Добра, и не помышлял о женитьбе, тогда как девы с восхищением смотрели на него.

«Об искушении Злом в любви»²

Осада Цитадели затянулась до Долгих ночей, и понятно было, что вот-вот первый легат даст приказ отойти: Черная крепость неприступна, богатые окрестные земли разграблены, того и гляди ударят лютые морозы. Но приказа все не было и не было, ополчение начинало роптать, гвардейцы маялись от безделья, и только наемники помалкивали и подсчитывали золотые лоты, что получают за этот бесславный поход.

И Черной тоже помалкивал: конечно, лучше мерзнуть и голодать в лагере в тысяче локтей от крепостных стен, чем под градом стрел лезть на эти стены, но... не для того он пришел на эту войну, чтобы заработать десяток золотых лотов. Он надеялся, что Черная крепость падет, и тогда ему хватит золота, чтобы сколотить свой легион. Непобедимый. А это независимость, слава и богатство. Его имя уже хорошо знают и в Дерте, и в Рухе, и в Хстове, и будь у него свой легион, он не останется без дела. Черной все время думал, что годы уходят, а он двигается вперед слишком медленно. Ему уже двадцать пять, время течет сквозь пальцы, и никто не знает, сколько ему отмерено, какой бой станет для него последним...

Сумерки накрыли крепостные стены, Черной выставил дозорных и вернулся к костру.

— Капитан, раз жрать нечего, может, хлебным вином погреемся? — спросил веселый молодой капрал.

---

² Здесь и далее: Из собрания сказок и легенд «Добрые и недобрые деяния», составленного в начале IV века от н.э.с. Сборник предназначен для приятного и поучительного чтения в лаврах, рассказы в нем кратки, изложены просто и снабжены нравоучительными рассуждениями.

Черной покачал головой, угрюмо глядя на огонь. Еще один бесконечный вечер, унылый, как эти сумерки, — игра в зерна надоела до тошноты, все байки давно рассказаны, шататься по лагерю нет смысла, рассвет наступит не скоро — а впрочем, с рассветом ничего не изменится.

Когда небо на западе почернело окончательно, к костру явился десяток пьяных гогочущих гвардейцев, надеясь подначками и глупыми шутками вывести наемников из себя, и люди Черного смотрели на них с завистью, готовые вскочить с мест и намять наглецам бока, — хоть какое-то, а развлечение.

— Сидеть, — тихо и коротко рыкнул Черной, не поднимая головы.

Никому не пришло в голову послушаться, и гвардейцы, поглумившись еще немного, отвалили.

— А что, от кабанчика ничего не осталось? — спросил он как ни в чем не бывало, чувствуя недовольные, а то и угрожающие взгляды со всех сторон.

— Вспомнила бабка, как девкой была! — Веселый капрал хлопнул себя по коленке. — Три дня кабанчика ели, чего от него останется? Пора нового добывать.

Черной обвел взглядом сидевших у костра — лица были кислые и злые. Вылазка за пропитанием лучше, чем драка с гвардейцами. Правда, ближайšie деревеньки давно опустели, ничего, кроме репы, там не осталось, но где-нибудь в трех-четырех лигах на восток стоило поискать неразграбленные поселения. Земли Цитадели богаты, сделка со Злом — выгодное предприятие. Черному было все равно, праведна война или неправедна, он бы с тем же успехом воевал на стороне Цитадели, если бы Черная крепость нуждалась в наемниках. И безропотно жрал бы репу с сухарями, если бы получил приказ неотлучно торчать в лагере. Но отбирать неправедно нажитое добро гораздо приятней, чем любое другое, и чувствовать себя при этом защитником Добра удобней и проще.

— Завтра пораньше утречком и пойдем. За кабанчиком.

Черной верно выбрал направление: вдоль широкой дороги кабанчиков забрали без них, а потому он велел свернуть на дорожку в санный след шириной, что уходила в лес. Опять же, в большом поселении можно было нарваться на отпор — на землях Цитадели последний пахарь обращался с топором не многим хуже наемника и всяко лучше гвардейца, а Черной взял с собой лишь полтора десятка ребят: не снимать же с места всю бригаду?

Луна клонилась к лесу, близился поздний рассвет, когда с дорожки потянуло еле слышным запахом жилья: дыма, хлеба, ржаных пирогов, тухлой капусты и козьего сыра — Черной, как волк, обладал хорошим нюхом, и это не раз спасало ему жизнь.

Они сошли с дорожки — снега в тот год выпало не много — и обогнули деревеньку с подветренной стороны, чтобы собаки раньше времени не подняли лай. Три широких двора вселяли надежду если не на кабанчика, то на пару овечек или, на худой конец, козочек. Избенки во дворах стояли неказистые, вряд ли тут обитало много взрослых мужчин, а возможно, их и вовсе не было — ушли защищать Цитадель или прибились к ватагам, изредка совершавшим набеги на осаждавших.

Черной осмотрелся, не выходя из лесу, и приметил на холмике небольшую клеть с пологой крышей — холодок пробежал по спине, когда он догадался: это дом колдуна. Рука сама потянулась к длани Предвечного на груди... Сперва нужно убить колдуна, так учили храмовники перед тем, как войско отправилось опустошать земли Цитадели. Первоначально — убить колдуна, и только потом избивать мужчин, грабить и жечь избы, насильничать, уводить скот...

Ребята стояли в нерешительности и поглядывали на Черного то ли со страхом, то ли с вызовом. В бою он бы наплевал на этот вызов...

Дверь в домушку колдуна была не заперта, лишь плотно прикрыта, снег не скрипнул под ногой — он приготовил арбалет, но, подумав, закинул его обратно за плечо и взялся за нож: надежней. Черной никогда не видел колдуна так близко и боялся, что от суеверного страха, чего доброго, метнет нож не оглядевшись как следует.

Он распахнул дверь одним широким движением — маленькая клетушка просматривалась полностью, — но вместо колдуна возле очага возилась девка, перепачканная сажей. Черной крепче перехватил нож, готовый сорваться с руки, довольно хмыкнул и захлопнул дверь обратно. Девка опомнилась сразу, завизжала, и Черной успел подумать, что это тоже неплохая добыча, а потому задвинул наружный засов.

В один миг залаяли собаки, заорали бабы, заревели детишки — Черной снял арбалет с плеча и, как только заметил движение у входа в ближайшую избу, выстрелил в появившегося на крыльце мужчину. Попал. Еще двоих сняли ребята — только после этого деревенские догадались не высовываться.

Черной не таясь направился в сторону домов, зная, что его прикрывает десяток арбалетов, и если бы не шум вокруг, все могло бы повернуться иначе. Он сделал шаг три или четыре, когда услышал шорох стрелы, но не успел даже пригнуть голову, как ощутил тяжелый удар в грудь. Стрела прошила кожаную броню и стеганку и застряла где-то под лопаткой — лучник оказался мастером своего дела. Черной, пошатнувшись, подумал еще: «Ничего себе сходил за кабанчиком», но за тот миг, пока он держался на ногах, в грудь влетело еще три стрелы, опрокидывая его на спину: лучников было много.

Однажды некие прислужники Зла хитростью заманили Черного в ловушку и яростно набросились на него. Он доблестно сражался, но стрела, что они пустили из засады, пробила его грудь. И не мог Черной уповать ни на кого более, только на милость Предвечного и доброту Его чудотворов.

«Об искушении Злом в любви»

Предрассветное небо над головой окрасилось в удивительный сине-зеленый цвет, и Черной впился в него взглядом, с каждой секундой все сильней ощущая боль — и горечь. Глупо. Вот тебе и непобедимый легион... Вот тебе деньги, власть и слава... Говорят, перед смертью за один миг вспоминаешь сразу всю жизнь, — ничемная оказалась жизнь.

В семье Черной был пятым по счету, и мать считала его подменышем, потому что родился он с угольно-черными волосами, был криклив и прожорлив, — бесспорный знак того, что ребенка украли колдуны, а вместо него подсунули матери подменыша. Все знают, как в таком случае вернуть родное дитя: надо почаше и побольней колотить подменыша, тогда настоящие родители сжалются и заберут его обратно. Но, видно, и настоящим родителям Черной был не очень-то нужен, потому что забрать его никто не спешил. И чем старше он становился, тем больше все вокруг убеждались в подмене: он рос хмурым, строптивым и неприветливым, а если улыбался, то только злорадно.

На самом же деле маленьким Черной любил мать и люто ненавидел отца, наверное потому, что в отсутствие мужа она не шпыняла его с такой откровенной враждебностью. Постепенно переходя из-под опеки матери на его попечение, Черной все менее чувствовал любовь и все более ненависть. Он лет в шесть захотел стать воином, сильным и непобедимым, чтобы убить отца и старших братьев; обиды и побои не раздавили его, а закалили, научили не только терпеть, но и сопротивляться, принимать несправедливость равнодушно, но не забывать и не прощать.

Они жили на берегу Лодны, в Волгородском посаде, отец его был каменотесом, и Черной часто слышал, что в ученики мальчиков берут за деньги, а ему повезло — он может учиться у мастера просто так. Меньше всего ему хотелось научиться обтесывать камень, но никак не удавалось узнать, где мальчиков учат воевать. В первый раз он убежал из дома в Волгород, прихватив с собой десятиграновую монету, — ему было лет восемь. Две ночи он спал прямо на мостовой, а когда решился подойти к гвардейскому капитану и спросить, как поступить в гвардию, тот отвел Черного к Надзирающему в Чудоявленскую лавру, а Надзирающий вернул его родителям с советом наказать покрепче за неуважение к старшим и воровство. Черной не удивился, когда отец так и поступил.

В Предвечном он разуверился еще раньше, когда просил, чтобы отца задавило под шаткими и ненадежно сложенными камнями во дворе. Чудотворов Черной нисколько не любил, горящий солнечный камень не будил в нем никаких чувств, кроме скуки, но он исправно ходил в храм, потому что ничего больше ему не оставалось, — равнодушные это тоже считали верным знаком подмены.

Убегая из дома во второй раз, он был умней и пошел не в Волгород, а в Дерт. И взял не жалких десять гран, а серебряные побрякушки сестер, которые мать прикупила им в приданое. На этот раз его ловили как вора, но ему хватало ума обходить стороной постоянные дворы и заставы.

Вот тогда, на Дертском тракте, его и подобрал богатый странник. В то время в доброту людей Черной уже не верил, но незнакомец накормил его в трактире и не стал отбирать серебро. И как-то само собой получилось, что он рассказал страннику всю свою длинную и несчастную жизнь.

— Ну, чтобы убить отца, храбрым воином становиться необязательно — довольно быть трусливым разбойником, пробраться ночью в дом и зарезать его спящим, — сказал незнакомец вполне серьезно.

— Нет. Я так не хочу, — покачал головой Черной.

— А как ты хочешь?

— Я хочу, чтобы он знал, какой я сильный.

— А, так ты хочешь не убить его, а победить. Доказать, что ты лучше. Так бы сразу и говорил. Тогда и убивать необязательно — пусть живет и знает, что ты сильнее и лучше. Но это трудней, конечно. А чё ты в Дерт пошел? Хорошо говоришь по-дертски?

— Нет. А как там говорят?

Черному повезло тогда — незнакомец пристроил его к хорошему человеку, молку, служившему наемником в Дерте и имевшему свою бригаду. Но его первый учитель через два месяца был убит на войне с Рухом, Черной попал в плен, однако очень быстро занял такое же место рядом с рухским капитаном, а потом перешел к лиццкому наемнику, но снова в Дерте, — учителя менялись часто, одни были лучше, другие хуже, а к унижениям и колотушкам ему было не привыкать. Во всяком случае, теперь Черной знал, ради чего это терпит. Он, конечно, быстро понял, что не собирается убивать отца, — есть в этой жизни вещи поважней и поинтересней.

Но, глядя в темное сине-зеленое небо, вспомнил вдруг о матери, о том, как мечтал когда-то проехать на коне по Волгодорскому посаду во главе своего собственного легиона, в одежде знатного господина, остановиться небрежно возле мастерской каменотесов, слезть с коня — и они сначала не узнают его, и будут кланяться, а потом увидят, что к ним вернулся их подменыш. И поймут, что из всех

сыновей он оказался самым лучшим, будут гордиться им, хвастаться соседям. И догадаются, откуда каждый год им присылают по десять золотых лотов...

На этих сопливых мыслях сознание оставило его окончательно.

Боль рвала тело ржавыми крючьями и жгла раскаленными клещами. И Черной метался, стараясь высвободиться из ее смертельных пут, уvertнуться, избавиться от нее хоть на минуту. Что-то теплое ложилось на рот, мешая дышать, и в горький его вой вылетались слова:

— Тише, голубчик, пожалуйста, тише! Ну потерпи же немножко, совсем немножко!

Сознание возвращалось медленно, а вместе с ним — воля, привычка и опасение выдать себя противнику. Черной захлопнул рот, лязгнув зубами, — боль не ушла, но перестала казаться невыносимой, только дышать стало тяжелей, не хватало воздуха, а вдохнуть полной грудью она не позволяла.

— Ну вот... Немножко совсем. Они пройдут, и всё...

Черной приоткрыл глаза и увидел свет, лившийся из махонького окошка. И такой он был яркий, что больше ничего не получалось разглядеть. Он зажмурился снова, ощутил на губах теплую руку и услышал скрип снега под окном.

Снег под чьими-то ногами скрипел все тише, и теплая рука медленно сползала с губ на щеку.

— Ну вот... — раздался шепот. — Уходят. Еще немножко...

И Черной почему-то решил, что вместе с ними уйдет и боль. Он ошибся.

— А глаза-то у тебя на солнышке какие голубые... Ясные-ясные... — Рука скользнула по волосам и пропала.

Потребовалось много времени, чтобы понять: он лежит в маленькой, но уютной охотничьей избушке, а рядом с ним сидит девка, которую он запер в домике колдуна в надежде потом попользоваться. И лицо ее все еще в саже.

Когда она вытаскивала стрелы у него из груди, Черной не сомневался, что это месть за убитого соседа (или родича?), что девка нарочно длит его предсмертные муки, делает их невыносимыми. Он давно не поминал Предвечного так искренне и с такой надеждой.

— Не от ветра, не от вихря та стрела в добром молодце, выходи, стрела, из добра молодца, тянись, не ломись и не рвись. Духи мои добрые... Не от ветра, не от вихря... — Девка хлюпала носом над изголовьем, и горячие капли иногда падали Черному на лицо. — Ой, мамоньки мои, татоньки... Не от ветра, не от вихря...

Потом стало немного легче, а девка шептала горячими губами прямо в раны:

— Летит ворон через море, несет нитку-шелковинку. Ты, нитка, оборвись, а ты, кровь, уймись... Летит ворон через море...

И дула на них потихоньку.

— Заря-заряница, возьми бессонницу, безугомонницу, а дай нам сон-угомон... Заря-заряница, возьми бессонницу...

Черной, промучившись ночь, к утру понемногу начал соображать. Избушку освещал открытый очаг, и тонкая жердь подпирала притвор в крыше для выхода дыма. Девка сидела на скамейке, опираясь на ухват, и дремала, покачиваясь в такт дыханию, пока голова ее не ухнула вниз, — она встрепенулась, тряхнула головой по-собачьи и вскочила на ноги.

— Ой, чуть не заснула... Ты есть-то хочешь, добрый молодец? — Она оглянулась к Черному.

— Не очень, — ответил он.

— А я тебе кашку сварила, с молочком и с маслицем. Не хочешь — так я сама всю съем.

— Ешь.

Она была курносой, широколицей, безбровой, с веснушками — просто девка, каких сотни по деревням Млчаны.

— Ну уж нет. — Улыбалась она широко-широко, показывая крупные ровные зубы. — Я бы лучше так молока выпила и возиться бы не стала.

Боль сидела в глубине ран, готовая вцепиться в тело с новой силой, и страшно было подумать о том, чтобы шевельнуться.

— Ты давай-ка рот открывай пошире, а то ложка у меня большая — для жадных.

Черной бывал ранен не раз и не два, но впервые так тяжело, что не мог сам есть. А девка улыбалась и шутила, вытирая ему рот рушником.

— Да ты не бойся, у меня дедка старый был — три года лежал, только глазами моргал. Мне все привычно.

В Кине, случалось, лечили раненых, чтобы потом предать мучительной принародной казни, но то в Кине... На землях Черной крепости никто не станет так долго возиться. И уж молока и масла не предложит точно.

Не вдова, не перестарок, чтобы на первого встречного кидаться, да и хлопот опять же не оберешься. Может, замуж хочет? Так ведь у Черного на лбу не написано, что он не женат. А может, ей денег надо? Одно из двух: или замуж хочет, или на щедрую плату надеется.

— Если жив буду, я тебе заплачу. У меня есть деньги.

— Чего? — Она засмеялась, но быстро посерьезнела. — Глупый ты. С дружка твоего, полегче раненного, живьем кожу сняли. Я сперва думала удавить тебя потихоньку, пока не догадались, что ты живой. А потом-то поняла, что от домов тебя в снегу не видно. Ладно, думаю, пусть живет человек, жалко мне, что ли?

— Откуда у вас лучников столько? — не то спросил, не то посоветовал на судьбу Черной.

— Так ватага Синего Снегиря. Они с осени у нас на постое — то придут, то уйдут. Место глухое, а до вашего лагеря недалеко.

С детства слышал Черной, будто на этих землях что ни мужик, то разбойник, — за два месяца под стенами Цитадели он в этом убедился. И о Синем Снегире слышал тоже, и о ватаге его в полсотни человек.

— Из моих... ни один не ушел?

— Двое ушли. И с собаками не догнали. Тебя тоже искали, если ты и есть капитан Черной.

И внял Предвечный мольбе храброго воина, и, обратив взор свой на землю, увидел распростертое его тело, пронзенное стрелой. И повелел Он чудотворам спуститься на землю, дабы спасти защитника Добра. И сделали чудотворы все, как велел им Предвечный, Черной же, осененный их крылами, поднялся на ноги, и взялся за оружие, и восславил Предвечного и Его чудотворов.

«Об искушении Злом в любви»

Она ласковая была. И звали ее Нежинка, будто знатную госпожу, а не деревенскую девку. Замуж за Черного она не собиралась — была сосватана за парня, ушедшего воевать в Цитадель. Узнав об этом, Черной вздохнул с облегчением и пожелал парню остаться в живых.

Он не думал о женитьбе, верней, откладывал решение до тех времен, когда соберет свой легион. Ему нравились знатные девицы — может, из-за их недоступности: сколько бы ни имел он денег, а простолюдин останется простолюдином. Потому он собирался взять в жены либо богатую горожанку, либо купеческую дочь, либо сироту, выросшую в хорошем доме, — ему непременно хотелось, чтобы его жена была хорошо воспитана, красиво одевалась, чтобы сразу становилось понятно: это жена легата, а не трактирщица и не базарная торговка. Да, и конечно — с тонкой костью и белой кожей.

Теперь Черному непременно хотелось, чтобы руки у его жены были такими же, как у Нежинки, — теплыми и... не сказать словами, какими еще: чтобы так же хорошо делалось от их прикосновения, так же сладко и тосливо.

Охотничья займка стояла в полулиге от деревеньки, избушка для хозяйства была не приспособлена, но сколочена крепко, надежно — от крупного зверя, но не от злых людей, конечно. Нежинка каждый день бегала в деревню, приносила молока, хлеба, сыра. Варила простую свекольную похлебку с крупой и маслом — и вкусно получалось, никогда Черной не думал, что свекольная похлебка может быть вкусной.

А однажды поздним солнечным утром Черной проснулся от скрипа двери и увидел Нежинку в дверях — в нелепом зипунишке, в который можно было вместиť двух таких девок, в сером козьем платке, сползшем на лоб, в валяных сапогах. Она держала за уши дохлого зайца и широко улыбалась, как всегда — во весь рот.

— Гляди-тка, какого зверюгу я раздобыла! Любишь зайчатинку?

И Черной поймал себя на том, что улыбается в ответ, — такая она была смешная, милая, безобидная. Ни камня за пазухой, ни хитрости, ни расчета. За всю жизнь он полностью доверился только одному человеку — богатому страннику на Дертском тракте, но случилось это давно и более походило на сон, чем на воспоминание.

Стрелы пробили легкое в двух местах, ночью Черной задыхался, а по утрам ему не давал покоя кашель, отчего раны кровили и сильно болели, но днем становилось легче, и на закате, когда солнце светило в окно, Нежинка меняла повязки: поливала раны едкими травяными настоями, густо мазала темными зельями, прикладывала мох, шептала на раны и дула, успокаивая жжение. Еще она Черного жалела — когда особенно ему бывало плохо, обнимала, целовала в лоб, гладила, говорила слова утешения. И он, привыкший к совсем другим ласкам, удивлялся поначалу, недоумевал, не мог принять как должное и даже боялся — но потом понял, что не знал в жизни ничего более сладкого, потому что это была не женская, а материнская ласка.

В сумерках Нежинка снова разжигала очаг, кипятила и стирала тряпки для повязок и просто сидела возле его постели за разговорами. В один из таких долгих вечеров он и рассказал ей о знакомце с Дертского тракта — и о том, как часто потом видел его во сне, и в снах этих богатый странник всегда предостерегал от грядущей опасности.

— Так это Живущий в двух мирах! — воскликнула Нежинка с восторгом. — Вот же повезло тебе!

— Почему ты так решила?

— Ну как же? Он всегда помогает так, что ты должен что-то и сам. И несправедливо обиженных он защищает. И никогда потом не оставляет тех, кому помог, — проверяет, пригодилась ли его помощь.

— Сказки это, — хмыкнул Черной. — А в сказках помогают только добрым да хорошим.

— А ты разве плохой? Ведь нет... Я знаю...

— Может, знаешь, и зачем я тебя запер тогда? — Губы сами расплылись в горькую усмешку.

— Конечно. Если бы не Синий Снегирь, была бы я твоя добыча.

— И по-твоему, я не плохой?

— Кто ж знает, как судьба сложится? А может, я бы тогда богатыря родила, черненького и голубоглазого? И стал бы он самый сильный воин в Цитадели.

Ее северный говорок почти не отличался от волгородского, напоминал о детстве и о матери.

— Тогда Синий Снегирь плохой?

— Нет конечно, он меня от тебя спас — какой же он плохой?

— Зачем же ты меня ему не отдала? Богатыря хотела родить?

— Ой, ну глупый же, глупый! — Она засмеялась. — Ну как же тебе объяснить... Вот вы друг дружку убиваете, все делите что-то, а жизнь-то идет себе...

В ту ночь Черному приснился сон, из тех ясных снов, которые долго помнятся и пробирают до дрожи. Ему снилось, что он снова маленький и шагает по Дертскому тракту. То место, где он встретил незнакомца, — памятное место, мост через овраг перед поворотом. Только незнакомец его так и не догнал, не было знакомого и в помине, и Черной не ждал с ним встречи, не помнил о ней. Страшно было с самого начала, ноги не шли. А за поворотом его ждали шестеро разбойников — огромных, сильных и злых. И хотел Черной бежать назад, но они быстро обступили его со всех сторон. Он хотел кричать, но сзади на шею накинули удавку. Он еще болтал ногами, еще хватался руками за веревку, а один из разбойников уже тащил у него из-за пазухи сестрины серебряные побрякушки...

Черной начал выходить из избушки недели через две, но был еще слишком слаб, чтобы догонять отступившие от Цитадели войска. А стоило вернуться поскорей — договор с первым легатом заключал капитан, и хитрым храмовникам теперь ничего не стоило облапошить его бригаду.

Раны не гнили, не воспалялись, миновала его и грудная горячка, обычная в таких случаях. И можно было списать все на крепкое здоровье, хороший уход и сытную еду, но Черной в глубине души подозревал, что кроется в шепоте Нежинки какая-то добрая волшебная сила.

А еще его неотвязно преследовал страх: ему казалось, что из лесу в нее кто-то целится. Он не находил себе места, когда она уходила в деревню — всегда ранним утром, к первой дойке. Когда Черной начал вставать, она перестала запирасть избушку снаружи, он сам задвигал засов. Тревога не давала ему уснуть, и с каждым днем он выходил ее встречать все раньше и раньше: всматривался в темноту, прислушивался и держался за рукоять ножа.

В то утро — верней, в глухую зимнюю ночь, за несколько часов до рассвета — горела яркая луна и лес был неподвижен и тих как никогда. Чувал ли Черной присутствие чего-то страшного? Наверное. Потому что вышел из избушки раньше обычного, так скоро Нежинка вернуться не могла. Он думал дойти до самой деревни — никто не увидел бы его на опушке леса, зимой в этот час поднимаются только бабы, и те заняты скотиной.

А ближе к краю леса он услышал шум ветра — и странно это было, и страшно, в такую тихую ночь ветра быть не могло... Тревога едва не стала паникой, Черной бегом бросился вперед — только колдун может поднять ветер в такую погоду, только колдун! И домушка его тут, рядом, на холмике... Один Предвечный знает, чем Черной думал в ту минуту, но точно не головой. А ведь думал: то ли о Нежинке, беззащитной перед воплощенным Злом, то ли о вбитом с детства страхе, то ли о славном подвиге, коим всегда считалось убийство колдуна... А может, о золоте, которое храмовники обещали за головы злодеев.

Выскочив на опушку, он сразу увидел белый вихрь — кокон, окутавший колдуна, — в каких-то десяти от себя шагах. Миг — и будет поздно, вихрь сорвется и понесется вперед, сея разрушение и смерть. Черной видел такие вихри, срывавшиеся со стен Цитадели, и разили они страшной стрел и кипящей смолы. Он метнул нож в середину воющего снежного кокона, привычное движение не запоздало, только отдалось тянущей болью в ране под правой ключицей. Вихрь это не остановило, но полетел он не в Черного и не в сторону деревеньки, а юзом пошел по полю, наметая на него снег. Пелена вокруг колдуна рассеялась, Черной, выхватив второй нож, готов был схватиться с ним, неуверенный, что вслепую убил его одним ударом, но вместо колдуна увидел Нежинку в одной рубашке и босиком. И кровь, что сочилась сквозь пальцы, зажавшие рану на плече. В свете луны кровь блестела и казалась черной...

Она смотрела на него испуганно! Как зверек из силка...

— Ты... зачем? — выговорила она.

Нож едва не выскользнул из пальцев, и Черной заткнул его за пояс. Вот как... Колдунья... А он-то и в самом деле глупец — мог бы давно догадаться. А еще подумать, что на землях Цитадели не боятся колдунов, а привечают. И вряд ли бы их тут любили, если бы они рушили деревни и губили посеvy. Он забыл, что находится на земле, продавшей Злу...

Наверное, Черной стоял и думал слишком долго. Нежинка не шелохнулась, но задрожала — от холода ли? И по щекам ее беззвучно полились слезы.

Он никогда не оправдывался, не считал нужным, да и не умел. Он никогда не чувствовал себя виноватым. И теперь тоже не чувствовал, но почему-то боялся взглянуть ей в глаза.

— Я дурак... Я не в тебя... — пробормотал он.

Она разревелась, одной рукой продолжая зажимать рану, а другой размазывая по лицу слезы.

И Черной понял — от облегчения. От радости. Что он не продал ее голову храмовникам.

Но поняли прислужники Зла, что им не убить Черного ни стрелой, ни топором, ни саблей, ибо узрели спасение, что Предвечный соделал ему, и весьма устрашились. И намерились они тогда одолеть его колдовством и чародейством, дабы отвратить его от Добра ко Злу. В то время жила одна злая колдунья, и она была стара и безобразна. Но силы Зла дали ей свойство превращаться в распрекрасную деву, за то что она им служила, и сия колдунья явилась Черному в обличье девы, и опоила его из чары приворотной водой, и пропала.

«Об искушении Злом в любви»

Рана оказалась пустячной — порез, почти царапина, но Черного пробирав озноб всякий раз, как он представлял себе лезвие, рассекающее плоть. Он хорошо знал, с какой силой разит брошенный им нож...

Нежинка наметала снег на озимые — этой зимой выпало мало снега. В мирное время колдуны собирались и вызывали снегопады...

— Ну говорю же — глупый! — смеялась она. — Ну какое Зло? Добрые духи дают мне силу, а что с ней делать — мне решать. Так ведь и топором можно и дома рубить, и головы. Что ж, и топор — орудие Зла?

Черной не рвался в проповедники, а потому не смог объяснить, почему Храм считает колдунов воплощенным Злом. Нежинка ничего не слышала о чудотворах, не считала Предвечного всемогущим и не понимала сущности Добра.

Кровь у нее была красной, как у всех людей, а не черной, как говорили Надзирающие.

И Черной подозрительно быстро смирился с тем, что она колдунья, принял это как должное. Никто из храмовников, проповедовавших Добро, добра ему не делал. Может, все это соблазн и обман, только в живых он остался на самом деле, без обмана. Может, Предвечный и любит людей, но жалела Черного и на горящие раны дула злая колдунья, а не добрые чудотворы.

Через три дня Нежинка вернулась гораздо раньше обычного и принесла с собой увесистый вещевой мешок. И только она вошла, он сразу все понял — и тоскливо стало, горько.

— Тебе надо уходить, — сказала она с порога, еще не отдышавшись. — Наши из Цитадели вернулись. Могут сюда заглянуть.

— Сколько их?

— А сколько бы ни было. — Она вскинула глаза. — Они родичи мои.

— Ладно, ладно, — согласился Черной. — Я так... спросил просто...

— Я тебе еду в дорогу собрала. Одежду еще. Стеганка у тебя волгородская, тут многие в таких ходят, а шапка-то дертская, и сапоги

не наши — сразу наемника узнают. Я и одеяло раздобыла, вдруг в лесу ночевать... И рукавицы.

— Спасибо.

И надо было побыстрее добраться до Хстова — успеть вытрясти деньги из первого легата, разыскать своих, пока они не ушли в Дерт, поискать замену убитым. Черной еще в лагере присматривался к армейским стрелкам: стоило переманить к себе десятка два неплохих ребят. Но все равно было горько — не хотелось уходить. Еще бы несколько дней... Обычно он не любил подолгу торчать на одном месте, скучал и искал перемен. Мысль о том, что и здесь он бы тоже вскоре заскучал, почему-то не принесла удовлетворения.

— И жених твой вернулся?

Нежинка кивнула с полуулыбкой — Черному показалось, игривой... Выглядело это невинно и даже трогательно.

— Я хочу на него взглянуть.

— Зачем? — опешила она.

— Просто. — Он пожал плечами: не знал, в самом деле не знал, зачем ему это нужно.

— Не надо, — сказала она и отвернулась.

Черной собрался в дорогу быстро — еще не рассвело. Успел поесть. Вещевой мешок теперь не раздувался, стоило лишь потуже свернуть одеяло и выложить лишнее, — Нежинка, наверное, думала, что до Хстова он будет добираться месяц, а не три-четыре дня.

Она проводила его немного — до речушки, по которой он собирался двигаться на юго-запад. В смешном платке, с румяными от мороза щеками, она выглядела совсем девочкой. Светало. И ясное небо на западе снова окрасилось в странный сине-зеленый цвет...

Черной остановил ее на берегу, обнял одной рукой и поцеловал на прощание — по-дружески, в благодарность. Нежинка улыбнулась — немного грустно, но светло и вовсе не по-детски.

А когда он уже шел по льду, она вдруг окликнула его:

— погоди!

Черной не хотел оглядываться, но не смог ее не послушать.

— Что? — Он повернулся к ней.

— Я не выйду за него.

— Что?

— Я знаю, зачем ты хотел его увидеть. Ты хотел убедиться, что ты лучше. Ты лучше. И я не выйду за него. Теперь иди.

АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ 273 ОТ Н.Э.С.

Ни о чем не мог более Черной помыслить и томился любовной страстью и сердечным восхищением. Во всех землях он искал прекрасную деву, в обличье коей он узрел злую колдунью, и сложил оружие и оставил сражаться со Злом. Не был он в одной лишь земле, которая продана Злу и [Злу] верно служила.

«Об искушении Злом в любви»

Весну и лето Черной с бригадой провел между Лицей и Киной, сопровождая караваны храмовников, — своей гвардии Храм не доверял. В начале июля прошел слух, что по соседней Аруте ходит чума, и храмовники безропотно удвоили плату, стоило только заикнуться, что бригаде нет резона искушать судьбу.

Охотничья избушка на землях Цитадели к тому времени казалась Черному сном, неправдоподобным, но добрым и счастливым. На память остались только шрамы от четырех стрел. Но когда на постоянный двор в Къире к нему явился человек от Консistorии — ночью, таясь и оглядываясь, — и предложил сопроводить груз до Цитадели, Черной едва не дал согласия, не выслушав толком предложения.

За сопровождение груза Храм платил огромные деньги. В самом деле огромные, и это сразу должно было насторожить. Но сердце Черного билось странно быстро, и он хотел бы думать, что причина тому — золото. Легион, а не бригада. Непобедимый легион. Он бы и за два года не заработал столько, при самых благоприятных обстоятельствах. За эти деньги можно было не задавать вопросов и держать рот на замке. За эти деньги можно было ничего не объяснять ребятам — а храмовники хотели только десять человек, больше не требовалось.

Стоило отказаться, едва услышав, сколько денег предлагает Храм за эту непыльную работенку. Стоило понять, что много денег дают либо за большой риск, либо... либо когда не собираются их платить. Но Черной подумал о непобедимом легионе. А еще о том, что в трех с небольшим лигах от цели путешествия живет одна смешная злая колдунья...

Поручение в самом деле выглядело странно: двигаться верхом, не привлекая внимания ни к себе, ни к грузу, который пойдет тайно, лесными дорогами. Не приближаться к повозке с грузом ближе чем на пятьдесят шагов. В случае нападения на груз не оставлять в живых никого из нападавших. Не останавливаться близко к жилью, не обедать в трактирах, не заговаривать со встречными. На подступах к Цитадели им отдадут дальнейшие распоряжения.

Груз приняли неподалеку от Лицы, он прибыл морем. Судя по всему, из Аруты: судно шло под знаменами Храма, но моряки говорили на

арутском языке, Черной нарочно подслушал их перепалку с четырьмя млчанскими мнихами, которые погрузили обитый железом сундук в крытую повозку, запряженную парой лошадей.

Жутью веяло от этой повозки... И Черной был рад приказу к ней не приближаться.

Душный августовский день сменился темной лицевкой ночью, с тяжелыми гроздьями звезд в небе, с пьяным ароматом перезревших фруктов, шорохом колючих, высушенных солнцем трав... А Черной все принимался — ему почему-то казалось, что из обитого железом сундука просочится тлетворный дух.

Черной не любил ни Кину, ни Лицу: из-за жары, ядовитых тварей и еды с душиком. Если от змей защищала веревка из овечьей шерсти, то от сороконожек и скорпионов спасения не было. Если жара к вечеру спадала, то тухлятина от этого свежей не делалась. Луженые животы наемников привыкли ко всему, и пять месяцев в южных краях научили не сильно принимать к еде. Но первые два дня пути Черной не мог есть — кусок застревал в горле. Словно тлетворный дух из сундука отравил мясо и серые лицевки лепешки. На третий день в седле он заметил, что у него подозрительно трясутся руки и кружится голова, а потому на следующем привале силой затолкал в себя лепешку и запил кислым виноградным вином, которое, вопреки всеобщему мнению, совсем не утоляло жажды.

Грохот колес повозки снился Черному и по ночам, и сны эти были кошмарами. По вечерам наемники не травили баек и не играли в зерна, лишь прислушивались и, касаясь нательной длани Предвечного, оглядывались на костер четверых мнихов в сотне шагов впереди. А те, напротив, были веселы и спокойны, с их стороны то и дело раздавались взрывы хохота, а иногда и веселые песни. Черной думал, что они напиваются пьяными каждый вечер, но потом понял, что ошибся, когда увидел на земле бутылку из-под напитка храбрости, которым храмовники иногда поощряли своих людей. Нести дозор напиток храбрости не мешал, один из мнихов всегда оставался на страже, когда спали трое его товарищей.

Черной тоже выставлял дозор, но никто не зарился на их страшный груз, да и людей они встречали мало. Заглядывали лишь в лавры, попадавшиеся на пути, — пополнить запасы.

Позади осталась большая лицевая степь, ровная, как стол, и сухая, как пепелище, на пути появились высокие сосны, перелески, дубравы и березовые рощи, а потом потянулись леса и болота, зарядил осенний дождичек, спать под открытым небом стало слишком сыро и холодно, дороги раскисли, и частенько мнихам приходилось впрягать в повозку четырех лошадей, чтобы выбраться из глубокой лужи.

Никто из наемников не спрашивал Черного, что они везут. Понимали,

чуяли, как и он, что ввязались в опасное дело, но доверяли ему — раз капитан подписался на это, значит опасное дело выгорит. А он с каждым днем все чаще вспоминал смешную злую колдунью, и уже отдавал себе отчет в том, что тоскует о ней, и хотел побыстрее разделаться с сомнительным поручением...

Так Черной пришел в земли Зла и встретил там деву, о коей томился. Тут лукавая прелюбодейка соблазнила его плотским соблазном, и забыл Черной о своих обетах послужить Добру, и бросил оружие под ноги, и сказал желанной деве: Я искал тебя во всех землях и хочу творить с тобой любовь. Иди же сюда и будь моею.

«Об искушении Злом в любви»

К границам земель Черной крепости добрались к концу августа, с юго-востока. До цели оставалось два дня пути, дожди неожиданно прекратились, началось сухое и теплое бабье лето, но мнихи направили повозку в лавру Доброприимцев, пришлось и Черному с ребятами ехать за ними.

Мнихи исчезли в глубине лавры вместе с повозкой и сундуком, наемников же поселили возле ворот, в хороших гостевых комнатах. Кормили сытно и вкусно, отдельно от насельников, и особенно усердно поили — сладкими винами, тяжелый хмель которых быстро пьянил и вызывал сонливость. Черной велел своим людям потихоньку выливать вино в помой — ждал подвоха от храмовников.

Но дни шли, и ничего не происходило. От скуки наемники слушали проповеди двух приставленных к ним Надзирающих и трижды на дню ходили в храм.

На четвертый день, глядя в окно, Черной заметил, как из ворот лавры выезжает телега с сундуком. На этот раз сундук сопровождали не мнихи, а пятеро трудников с лопатами. Черной не был любопытен и хорошо знал, чем можно поплатиться за излишнее любопытство, а потому благоразумно сидел на месте, лишь изредка посматривая в окно. Через несколько часов телега вернулась, но уже без сундука и с тремя трудниками вместо пяти.

Груз сделал свое дело? Потому его зарыли в землю? Не хотел бы Черной пройти мимо этой «могилы»... Он почему-то не сомневался, что двух трудников закопали вместе с сундуком.

Прошло еще три дня, проповеди Надзирающих все откровенней склоняли наемников к смерти за Добро — или Черному так казалось? Смерть виделась ему всюду, словно воздух лавры пропитался ею — тлетворным духом из сундука... Им не запрещали бродить по лавре, но Черной, выходя из храма, старался поскорей вернуться в гостевые комнаты.

В тот день Надзирающий с хитрым и довольным лицом позвал Черного в трапезную мнихов, говорил что-то о воинах на страже Добра и передал в подарок наемникам две бутылки с напитком храбрости, почему-то считая, что наемники станут пить эту дрянь с радостью. Раньше в трапезной Черной не был и на обратном пути заплутал меж многочисленных построек лавры — иначе бы он никогда не оказался в том махоньком глухом дворике. Он собирался повернуть назад, увидев, что прохода нет, но неожиданно заметил лицо, припавшее к подвальному окошку. И руки, вцепившиеся в решетку, — руки с почерневшими пальцами. Лицо, покрытое багровыми пятнами, исказилось страшной гримасой то ли ужаса, то ли боли, синюшный рот оскалился, на подбородок потянулась струйка слюны, на лбу блестели капли пота. Смерть. Так выглядела смерть, и она заглянула Черному в глаза — безумная и безжалостная... Это ее, запертую в сундук, он охранял по дороге из Лицы. Здесь, в лавре, она вылупилась из сундука, как змееныш из яйца, и теперь ее повезут в Цитадель.

Он отшатнулся и хотел бежать прочь, обхватив руками голову, но вовремя опомнился и ушел со страшного места тихо и незаметно.

8–11 СЕНТЯБРЯ 273 ОТ Н.Э.С.

На следующий день в лавру прибыли гвардейцы. Но не те, что хлестали хлебное вино по кабакам и наводили шорох на городское отребье, — нет, это были испытанные бойцы, и каждого из них Черной взял бы в свой непобедимый легион. Это насторожило его еще больше — зачем Храму наемники, если для особых случаев у них есть такие ребята?

Капитан гвардейцев явился к нему вечером, чтобы отдать те самые дальнейшие распоряжения, о которых говорил человек из Консistorии. Пока они состояли в том, чтобы доставить «груз» как можно ближе к стенам Цитадели и не обнаружить себя. Наемники снова будут сопровождать мнихов — и убивать всякого, кто заметит приближающуюся к крепости повозку, — а гвардейцы повезут необходимый мнихам «инструмент», другой дорогой и так же тихо.

Лавру покинули на рассвете, и внутри крытой повозки снова прятался обитый железом сундук...

Теперь не жгли костров, двигались медленней и осторожней, ночью мнихи не хохотали и не пели песен, а днем высылали вперед разведку, прежде чем пересечь дорогу или поляну. Впервые за весь долгий путь пришлось оборонять повозку — то ли шайка разбойников, то ли дозорные Цитадели, похожие на разбойников больше, чем на дозорных, попытались остановить мнихов и посмотреть, что те везут. И перебить их оказалось не так просто, Черной в этой стычке потерял одного из ребят.

На второй день мнихи стали лагерем в глухом лесу, который выходил на широкое открытое пространство, окружившее Цитадель, — Черной

хорошо изучил эти места прошлой осенью, до опушки было не больше получаса ходьбы. Вскоре явился и гвардейский капитан, поманил Черного пальцем и повел в сторону крепости.

Солнце клонилось к западу, до заката оставалось около двух часов, и голое поле перед южной стеной Цитадели просматривалось от края до края.

— Оглядишься и запомни все как следует, — сказал капитан вполголоса. — Ночь будет темная, безлунная...

Черной кивнул — долго смотреть ему было не нужно. Они стояли возле оврага, рассекавшего поле глубоким ломаным рубцом от края леса до рва под крепостной стеной.

— Видишь три валуна? Ближе к стене? Мнихи останутся там. А ты с людьми спрячешься в овраге напротив них. Ближе к утру, когда небо чуть посветлеет, с того места будет видно и мнихов, и стражу на стенах, если она появится. Хорошая позиция. Коней оставишь здесь, на этом месте.

— А... почему бы страже там не появиться? — кашлянул Черной.

— Она будет спать, об этом позаботились. Но если на стенах все-таки появятся лучники — прикрой мнихов. Только я думаю, в крепости ничего не заметят. Когда мнихи закончат, стреляй и постарайся бить без промаха, чтобы не поднялся шум.

Черной хотел переспросить, куда стрелять без промаха, но догадался вдруг: в мнихов, конечно, куда же еще?

— После этого возвращайтесь к лошадям по одному, только обязательно по одному...

Черной не стал бы капитаном, если бы совсем не имел мозгов. Гвардейцу не следовало говорить последние слова — по одному они из оврага не выйдут, возле лошадей их будут ждать стрелки. Потому и место указано с такой точностью. Уж если храмовники жертвуют мнихами — своими, по мнению Черного, — то наемникам, которым Храм должен много золота, точно рассчитывать не на что.

— Ну и... можете быть свободны, ехать обратно в лавру, за деньгами.

Черной подавил усмешку и еще раз посмотрел на поле перед крепостью. Два широких тракта, идущих к воротам. У ворот — жидкие торговые ряды, которых не было прошлой осенью, во время осады. Берег речки, с двух сторон огибающей крепость, и впадающий в нее ров, к которому вел пресловутый овраг. Подъемный мост через речку у западной стены, еще не поднятый на ночь. Вот там, под мостом, и надо бы спрятать лошадей... Но ведь догадаются! Не найдут лошадей в условленном месте и догадаются.

Они вернулись к лагерю засветло. Капитан обошел повозку мнихов по широкому кругу, а Черной увидел рядом с ней запряженную одной лошадей телегу с пристроенным к ней камнеметом — небольшим, не выше трех локтей в высоту.

Капитан растворился меж деревьев, и Черной тихо и быстро рассказал своим людям, в чем состоит подвох храмовников и как нужно действовать. Они потихоньку обсуждали дальнейшие действия, когда со стороны повозки раздался глухой стук, — и все как один повернули на него головы: мнихи сняли сундук с повозки и поставили поближе к телеге.

Наступали сумерки, но телегу не прикрывал подлесок, и все видели, чем заняты мнихи: они вытаскивали из сундука мертвые тела. Два мертвых темно-багровых тела, с почерневшими пальцами на руках и ногах. Черной много повидал за свою жизнь, но волосы шевельнулись у него на голове, когда мнихи с равнодушием мясников стали рубить тела на куски — мясницкими тятками, словно разделявали туши свиней.

Тятками, а не топорами, — чтобы звук был тише. Засветло — чтобы не разводил огонь. Наверное, мнихов хранило какое-то волшебство Храма, если тлетворный дух, исходящий от мертвецов, не убил их сразу. Или творившееся в самом деле было Добром и чудотворцы стояли на их стороне? Но тогда приказ убрать мнихов шел против самого Добра...

— Бежать отсюда... — еле слышно шепнул один из ребят, сжав в руке длань Предвечного. — Пока не поздно...

— Ты денег хочешь? — усмехнулся Черной и потрогал бумагу за пазухой — договор с Консисторией. — Пусть попробуют не заплатить.

Однако когда стемнело, именно этого парня он отправил под мост с двумя лошадьми — от греха подальше.

Наемники привыкли ждать, но эта ночь, черная, как сама Кромешная, казалась бесконечной — ужас накатывал волнами, вместе с еле слышным запахом, точившимся из телеги. И Черной держался рукой за длань Предвечного, будто в самом деле верил, что Предвечный ему поможет. Разве не с его благословения Храм воевал со Злом на этой земле? Разве не Добро витало над ними в темных ветвях деревьев? Или не обещали Надзирающие вечного счастья тем, кто стоит за Добро с оружием в руках?

В солнечный мир вечного счастья Черной не спешил...

Телега тронулась с места далеко за полночь — не скрипели колеса, тихо ступала лошадь по мягкой земле, лишь шуршали ветви, задевая ее страшный груз. И когда пришло время следовать за ней, Черной направил своих людей другой дорогой, в обход смертоносного следа.

По дну оврага из леса бежал ручеек, тоненький, но звонкий, и вскоре не слышен стал храп оставленных коней. Гвардейский капитан не обманул: на фоне неба, еще не предрассветного, но уже не кромешно-темного, проступали очертания крепостных стен. А нагнав телегу, Черной разглядел и мнихов вокруг нее.

После бесконечного ожидания остальное произошло быстро и буднично. С тем же неторопливым равнодушием мнихи отправляли за стены куски смертоносной плоти, с негромким стуком распрямлялась пружина камнемета, похрустывала сжимаясь, щелкал спусковой механизм, а Цитадель спала и не чуяла гибели.

Черной ежился и припадал к песчаному берегу оврага на каждый бросок, почему-то уверенный, что камнемет разбрызгивает яд по сторонам.

Внебе на востоке забрезжила синева, телега пустела... Черной дал знак приготовиться, но ребята и без него знали свое дело. Восемь арбалетов ударили одновременно с последним броском камнемета — ни один из мнихов даже не вскрикнул.

— К стене, — шепнул ребятам Черной.

Вот теперь — бежать. Теперь, когда самое страшное осталось позади, когда тлетворный дух обошел их стороной, бежать с этого места без оглядки — от храмовников, от стражей Цитадели, от мора, который ветер понесет по этой земле. Гвардейцам долго придется ждать, пусть довольствуются оставленными лошадьми.

Предрассветный час — самый тихий, самый сонный. Со стены никто не увидел наемников, кравших по дну оврага до рва. И под берегом рва, на пути к реке, их тоже никто не заметил.

Черной честно поделил двух коней: одного взял себе, второго разыграл по жребию. В лавру Доброприимцев решили не возвращаться, договорились через неделю встретиться в Хстове, там и предъявить Консистории договор.

11–13 СЕНТЯБРЯ 273 ОТ Н.Э.С.

И сказала Черному возлюбленная им дева:
Хорошо же, сотвори со мной любовь, прости
ко мне твои руки, ибо я давно возжелала тебя.
И он простер к ней свои руки, и припал к устам
ее, и лобызал их. Но тут от сладких уст повеяло
вдруг смрадом, и вкусил Черной горечь
беззубого рта, и узрел пред собой безобразную
старуху. Тогда и упал он мертвым к ногам злодейки,
ибо дыхание ее было ядовито. Так всякий,
кто позволит Злу искусить себя, погибнет
в мучениях, и Предвечный не поможет ему.

«Об искушении Злом в любви»

Он отъехал от Цитадели на лигу, когда солнце всю заиграло на золотой листве деревьев, на прозрачных лужицах с торфяной водой, на блестящих ягодах брусники, которые почему-то показались рассыпанными по моху каплями крови. Черной спешил на полянке у родника — он не только хотел пить, ему надо было умыться, плеснуть ледяной водой в лицо, стереть с него ночной кошмар. Руки подрагивали

от пережитого напряжения, от ключевой воды ломило зубы, но через несколько минут Черной немного успокоился и приглядел место для дневки — стоило выспаться и отдохнуть.

Подстелив под себя стеганку, он свернулся в клубок и неожиданно быстро уснул, словно вода и солнце на самом деле освободили его от ужаса прошлой ночи.

Его разбудили потрескивание дров в костре и запах жареного мяса. Он поднялся рывком, но человек, сидевший у костра в трех шагах от его нехитрого ложа, не выглядел опасным. И лицо его показалось смутно знакомым.

Богатый странник с Дертского тракта! Только за прошедшие семнадцать с лишком лет он нисколько не изменился, хотя давно должен был стать стариком...

Незнакомец поглядел на Черного сквозь огонь костра и спросил:

— Что же ты наделал, капитан Черной?

— Ты... о чем?

— Разве не ты привез черную смерть в Черную крепость? Или, может, ты не знал, что везешь?

— Знал, конечно... — ответил Черной, пожимая плечами.

Незнакомец помолчал и тронул вертел с насаженной на него куропаткой.

— Лучше курица в животе, чем журавль в небе, — вздохнул он и снова посмотрел на Черного. — Иногда мне кажется, что Предвечный смеется надо мной. Будешь есть?

Черной замотал головой и проглотил вязкую солоноватую слюну — он не мог и думать о еде, запах жареного вызывал лишь тошноту.

— Что бы изменилось в мире, если бы на Дертском тракте шестеро разбойников удавили гадкого мальчишку? Стал бы мир лучше или хуже? Мне кажется, миру все равно. Но не все равно мальчишке, правда?

Черной кивнул.

— Вот и я так рассуждал. Но падение Черной крепости однозначно сделает мир хуже. До чего же остроумна шутка Предвечного — осуществить это твоей рукой... Вроде как я сам виноват: нечего подбирать мальчишек по трактам, и не будут рушиться твердыни.

Незнакомец отломил ножку куропатки, не снимая ту с вертела.

— Ну? Скажи что-нибудь в мое оправдание.

— Если бы оказался я, нашли бы другого, — усмехнулся Черной.

— Другой тоже оказался бы когда-то мной спасенным. Однако мне уже легче. — Незнакомец помолчал. — И все же: любая мерзость в этом мире делается с нашего молчаливого согласия...

— Я не возьмусь изменять мир, — ответил Черной.

— Напрасно, ты бы как раз мог. Верней, ты его уже изменил. Каждый человек — это бог, он меняет будущее, судьбу, мир каждым своим

шагом. И знаешь, я не жалею, что гадкий мальчишка с Дертского тракта остался жив. Если бы можно было вернуть тот день, я бы поступил так же, даже зная, как посмеется надо мной Предвечный.

Черной проснулся, когда солнце клонилось к закату. Никакого кострища на полянке не было, на месте, где ему привиделся костер, росла костяника; лошадь спокойно пощипывала травку возле родника.

Теперь — деревенька из трех дворов в глубине леса. И можно не искать себе оправданий — просто увезти отсюда смешную злую колдунью с именем знатной госпожи, потому что мор доберется сюда очень быстро. Долг платежом красен. А уже потом можно явиться в Хстов и предъявить договор. Потом думать о непобедимом легионе, власти, славе и деньгах.

Он ехал не таясь, по дорогам — кому какое дело до одинокого всадника — и добрался до деревеньки в сумерках, когда догоравший закат бросал на небо последние золотые отсверки. И Черной, слезая с коня, подумал о том, как прекрасна жизнь. Как хорошо, что он здесь, что он жив и видит этот закат, этот просвеченный закатом лес цвета темного золота, что он сейчас откроет дверь в домушку колдуна и увидит Нежинку...

Она возилась с очагом, как и в тот день, когда Черной впервые ее увидел. Только не успела испачкать лицо сажей. Он вошел без стука, и она поднялась ему навстречу, улыбнулась удивленно и радостно.

— Поедешь со мной? — спросил он с порога.

— Поеду, — ответила она не раздумывая.

Почему он решил, что таких девок сотни по деревням? Почему сразу не разглядел, как она прекрасна? Как сама жизнь... Счастье забилося, затрепыхалось в груди, мешая дышать, — никто и никогда не смотрел на него с любовью, никто и никогда не ждал верной встречи с ним и не радовался так искренне, дождавшись.

И, сажая ее на коня перед собой, ощущая в руках мягкое и теплое тело, Черной шепнул:

— Я тебя в шелка одену, в меха заверну, золотом осыплю. Со мной тебя никто не обидит, слышишь?

Она прижала голову к его плечу и сказала:

— Глупый... Не надо мне твои шелка, и золото не надо. Только бы ты был со мной.

Он гнал коня к Хстову, испугавшись вдруг, что мор уже летит им вслед. Он хотел обогнать ветер. Нежинка не роптала, льнула к нему и хваталась покрепче за стеганку. И только иногда напоминала, что коню тяжело нести двоих.

Черной мог без усталости скакать и до утра, но лошадь в самом деле выбилась из сил, и они сделали привал у чистого озерца с высоким сухим

берегом, под березой. Он развел костер, и Нежинка, прихватившая еды в дорогу, все старалась его накормить — но кусок не шел в горло. Вот тогда на привале, глядя на узкий серпик месяца, плававший в озерце, словно в блюдце, Черной и рассказал ей о том, что сделал. Он не скрыл ничего, даже привидевшегося ему костра и богатого странника, который когда-то спас ему жизнь.

Хотел ли он ее проверить? Или так нуждался в покаянии?

Она кусала губы, но не отстранялась — и даже наоборот, жалась к нему тесней, словно боялась темноты вокруг. А потом вздохнула:

— Ой, глупый, глупый... Значит, вот такая у нас с тобой судьба...

— Какая?

— Увидим.

На рассвете они собирались ехать дальше, но Черной заметил, что от голода у него снова трясутся руки и кружится голова. Он отрезал себе хлеба и сыра, но лишь только подносил кусок ко рту, вспоминал мясницкие тяпки, разрубавшие мертвую плоть, — и тошнота подкатывала к горлу. Нежинка дала ему яблоко, румяное, налитое сладким соком, и его он съел, но хлеб и сыр все равно не полезли в глотку.

Дунул осенний ветер, небо затянуло тучами, не дождь еще, но холодная морось липла к лицу, и жар лошадиного тела не согревал теперь. Головокружение не проходило, а на Хстовском тракте к нему добавилась и головная боль. От долгой езды верхом заломило вдруг поясницу, и руки с трудом удерживали повод.

— Не холодно тебе? — спросил Черной Нежинку. — Дождь идет — может, тебе лучше в стеганку завернуться?

— Мне тепло, — улыбнулась она. — Конь теплый, ты теплый, чего мне мерзнуть?

Черной все равно накинул одну полу стеганки ей на плечо и прижал к себе сильнее. И проклинал себя: надо было поесть хоть немного, а так и с коня можно свалиться...

Нежинка тронула его щеку, прижала к ней руку и прикрыла глаза — словно пережидала накатившую вдруг боль.

— Что ты? — спросил он.

— Давай отдохнем немного, — ответила она. — Как встретим место получше, так остановимся.

Он кивнул и решил на привале заставить себя поесть во что бы то ни стало — голова раскалывалась, и все тело ломало от усталости. В голове мелькнула страшная мысль, но Черной прогнал ее подальше...

Место нашлось скоро: амбар возле развалин мельницы — маленький, с просевшей крышей, но вполне годный на то, чтобы укрыться от дождя и ветра. Черной подъехал к самой двери и едва не упал, слезая

с коня. Нежинка подхватила повод и набросила на столбик, когда-то подпиравший крышу.

Видно, путники останавливались здесь частенько: в углу под волоковым окном был сложен круглый очаг, а рядом лежало сухое, но примятое сено. И дров хватало — путники потихоньку разбирали на дрова остатки мельницы.

Черной сел на пол возле очага, опершись спиной на стенку, — озноб волнами бежал по телу, а на глаза то и дело накатывала красная пелена. Мысли разбегались в стороны, и хотелось только одного — лечь.

— Ты ложись, вот сюда, в сено, — сказала Нежинка. — Я сейчас огонь разведу.

Черной прикрыл глаза и погрузился в какое-то странное забытье. А очнулся лежащим в сене и накрытым стеганкой, перед горящим очагом. Ему было жарко, словно огонь из очага жег кожу и не давал дышать полной грудью. Зато сознание прояснилось. Он огляделся и увидел Нежинку, которая подкладывала в огонь сухие дощечки.

Она посмотрела на него пристально и нежно, улыбнулась грустно и сказала:

— И возле огня у тебя глаза голубые тоже, не только на солнце.

Черной кашлянул и в этот миг все понял: тлетворный дух не пощадил его, лишь затаился в нем на время. Дал отсрочку, чтобы забрать не только его, но и ее — смешную злую колдунью с именем знатной госпожи. Он привез черную смерть не только в Цитадель, он чуть не убил ту единственную, которая ждала его и любила... Прекрасную, как сама жизнь...

Он приподнялся и подался назад — движение отдалось болью в голове, было неловким и беспомощным.

— Ты... Беги, слышишь? Беги от меня без оглядки! Ну же! Беги, ты спасешься, я знаю! Возьми коня, возьми деньги — и беги, пока не поздно...

Она не шевельнулась, только перестала подкладывать дощечки в огонь.

— Ну пожалуйста... — шепнул Черной в отчаянье. — Пожалуйста...

— Да что ты, глупый? — Она улыбнулась. — Что ты придумал?

Черной упал обратно в сено и застонал. Что ж он за человек такой? В самом деле подменыш... Сдохнуть и то не мог по-человечески!

— Я не хотел... — зарычал Черной, зарываясь лицом в сено. — Я не знал, не догадался... Если бы я знал, я бы никогда... слышишь, я не хотел тебя убивать... Я спастись тебя хотел!

— Да ты никак решил, что черную смерть мне с собой привез? — Она присела рядом и погладила его по спине. — Нет же, не бойся. Это всего лишь грудная горячка, я тебя от нее вылечу, вот увидишь, я умею.

Грудная горячка? Конечно, и от грудной горячки умирают, но тут уж как фишка ляжет...

— Не веришь? Я тебе такие раны вылечила, а ты не веришь.

— Я... верю... — шепнул Черной, поворачиваясь на бок, лицом к Нежинке. Разве стала бы она его обманывать? Да нет же, будь это черная смерть, она бы уже бежала отсюда без оглядки, она бы и огонь не стала разводить. От этой мысли стало легко и спокойно, и он прикрыл глаза, чтобы их не так резало от света очага.

Ему снилось, как он едет на коне по Волгородскому посаду, а за ним, печатая шаг, идет непобедимый легион. И люди смотрят ему вслед с восхищением и завистью. И во дворе старого каменотеса у забора толпятся ребятишки, и их отцы — его братья, — и их дед. Черной останавливает легион и слезает с коня — на нем дорогая одежда, а в кошельке много золота. Каменотесы кланяются, бьют по затылку нерасторопных мальчишек, что не догадались вовремя склонить головы. Черной входит в открытые ворота, осматриваясь, и делает каменотесам знак выпрямить спины. А потом из дома на крыльцо выбегает мать — получше встретить богатого гостя, — но вместо этого бросается Черному на грудь, обнимает и плачет горькими слезами. Потому что сразу узнала своего «подменыша», хотя не чаяла увидеть его живым. Тут и братья узнают его, подходят поближе — сначала несмело, но Черной хлопает старшего по плечу и улыбается: «Что, братка, не видишь, кто приехал?» И тогда они обнимают его, и радуются его возвращению, и гордятся им. По улице разбегаются их дети и разносят весть по соседям. А отец за большим накрытым столом говорит, что Черной — самый лучший из его сыновей.

Черной знал, что это сон, но не сомневался, что так все и произойдет. И случится это совсем скоро, через год или полтора.

В сон его вплетался голос Нежинки:

— Ты не подменыш. Ты лучший. Самый лучший. Иначе бы я за тобой не пошла.

Она лежала рядом, прижавшись к его боку, потому что без него ей было холодно.

* * *

Темный бог Исподнего мира видел злорадную ухмылку черной смерти, витавшей над старым амбаром. Всего в сотне шагов от тракта. Всего в пяти лигах от Хстова. Она стерегла новую жертву — каждого, кто вздумает остановиться тут на ночлег. Путники — любимая добыча черной смерти, они не только умирают сами, они несут ее с собой из города в город.

Темный бог поднялся на гнилое крыльцо амбара, заглянул внутрь и увидел то, что ожидал увидеть: двух мертвецов, что лежали на сене

обнявшись. Он ошибся только в одном — черная смерть не дождалась бы тут поживы. Потому что, шагая через порог, он зацепил ногой веревку — и тут же опрокинулась горевшая над мертвыми лампадка, выплеснула масло на сено, упал на него маленький веселый огонек. И вспыхнул погребальный костер, схватился за сухие дощечки, сложенные вокруг... Темный бог отступил, кашлянув от дыма, — а через несколько минут занялась и крыша амбара, и стены.

— Какая же она была умница... — Темный бог скрипнул зубами от горечи.

Ненависть, стоявшая за спиной, навалилась на плечи, впилась зубами в шею и зашипела сотнями змей: бей их! Круши их храмы! Трави их ядом и рази молниями! Рви когтями! Ты — бог этого мира, докажи им, что ты бог!

И хотелось объяснить собственной ненависти, что в этом не много будет смысла, зато достанет крови, смертей и страха.

— Я не бог, я сказочник, — ответил он ей.

СЕКРЕТ МЕРТВОГО ЛОРДА

Идея пойти к некроманту не нравилась Варди. Он всегда предпочитал решать проблемы с помощью обычной стали. Но, глядя на мёртвое тело лорда Олдли, так и не раскрывшего свою тайну, Варди понял — деваться некуда.

Некроманта звали Глок. Он жил на окраине города, но не в какой-нибудь дыре, а в добротном бревенчатом доме. Правда, когда дверь приоткрылась, Варди поморщился от запаха неизвестной дряни. Ох уж эти колдуны!

Плюгавенький старичок близоруко прищурился, разглядывая Варди.

— Что вы хотите?

— Здесь живёт Глок? — Варди сразу решил взять быка за рога и сунул носок своего грязного ботинка между дверью и косяком.

— Это я, вы, пожалуйста...

— Вот оно как! — Варди бесцеремонно ввалился вовнутрь, отпихнув старика. — Такой хилак, а некромансер, значит. — Варди огляделся. Внутри царил полумрак. Обстановка обычной прихожей ничем не выделялась. Разве что пахло, хоть святых выноси. Через приоткрытую дверь одной из комнат виднелись полки, заставленные склянками и толстыми книгами. Похоже, колдун совсем недавно занимался своими мерзкими делишками.

— Может, всё-таки объясните...

Варди сел в кресло, закинул ногу на ногу и вновь устался на некроманта. Тот продолжал стоять, в смятии поглаживая рукой длинную белую бороду.

— Так вот, старый. Дело у меня к тебе есть, дублонов на десять. Ежели всё выгорит, конечно.

Глока упоминание о деньгах не воодушевило. Он явно нервничал, всем своим видом показывая, что Варди ему не нравится. Но бандиту было на это плевать, он вообще не помнил, что когда-нибудь нравился хоть кому-то.

— Ты же некромансер у нас опытный, судя по бороде?

Старик кивнул.

— Можешь мертвяка поднять? Ненадолго. Я его порасспрашиваю слегка и пусть обратно упокоится.

— Мертвяка? — Глок стёр пот со своей лысой головы рукавом халата. — А как он умер и когда?

— Да всего часик назад копыта откинул, не больше. Я с ним поговорил чуток, а он — того. Короче, хлипкие нынче стариканы пошли, здоровье ни к чёрту.

Глок сглотнул слюну.

— Я, знаете ли, уважаемый, с криминалом не связываюсь...

— Зато криминал связывается с тобой. — Глаза Варди блеснули сталью, он чуть-чуть задрал куртку, показывая острый кинжал в ножнах на поясе. — Я тебе, некромансер, деньги даю, а ты дело делаешь. И тебе хорошо, и мне нормуль. А самое главное. — Бандит встал с кресла, его огромная туша нависла над маленьким старикашкой, глаза смотрели недобро, а кривая улыбка обнажила белые зубы, выглядевшие жутковато на фоне густой чёрной бороды. — Здоровье у тебя не пошатнётся.

Колени старика подогнулись, он, казалось, был готов шмякнуться на пол, но Варди заботливо подхватил его под плечи.

— Да, совсем ты, старина, расклеился. Ну как? Готов к свершениям?

Глок что-то нечленораздельно пискнул и кивнул головой.

— Ну и славно! Собирай давай хохряшки свои колдовские.

* * *

Шли они недолго, и когда Глок увидел огромный замок из чёрного камня, у него дыхание перехватило, а чемоданчик в руке показался невероятно тяжёлым. Через дверь караулки вошли как к себе домой, а вид нескольких стражников, лежавших на земле в нелепых позах, и вовсе заставил Глока трястись. Он плохо запомнил шикарные лестницы и роскошные коридоры, по которым они направлялись в палаты лорда.

— Это хорошо, что замок Олдли на отшибе, а охранять его лорд как-то хиляков поставил, — радостно объявил Варди.

Глок этой радости не разделял, он, выпучив глаза, смотрел на мёртвого лорда. Тот лежал среди осколков стекла и рассыпанных бумаг. Олдли был крепким на вид стариканом лет шестидесяти пяти, волевая челюсть, льдистые голубые глаза, короткая стрижка. Но всё это Глок увидел на портрете, висевшем над камином рядом с медвежьей шкурой. А тот Олдли, который лежал на полу, вид имел жалкий и изрядно помятый. Похоже, его долго били.

— Вы понимаете, какие будут последствия?! — возопил Глок и попытился к двери. — Это же лорд!

— Да мне-то что? Лорд-шморд. У меня, старик, задание. Сказано допросить, я и делаю.

— Но не убивать же! — Глок замер, потому что Варди уже стоял за его спиной.

— Слушай, Глок, а я ведь могу передумать, другого найти некромансера, посмелее да посговорчивей! А тебя... — Варди издал неприятный щёлкающий звук. Затем он похлопал колдуна по плечу, и его голос смягчился.

— Ну перестарался, бывает. А ты на то и здесь, чтоб всё исправить. — Он толкнул Глока в сторону мёртвого лорда.

— Но гильдия...

— К чертям твою гильдию! Давай, оживляй, не пудри мне мозги.

Глок принялся за работу, он, недовольно шлёпая губами, рисовал мелом на полу затейливую пентаграмму, затем лил на неё из пузырьков подозрительную жижу. Воздух тут же наполнился уже знакомым мерзким запахом, и Варди недовольно зажал нос.

— Затащите его в центр, господин разбойник.

— Вот ещё! А нельзя было всю эту маяту сразу вокруг жмурика нарисовать?

— Вы точно хотите его оживить? — В голосе Глока впервые появились стальные нотки.

Варди, недовольно ворча, схватил мёртвого лорда подмышки и затянул его в центр богомерзкой пентаграммы, стараясь не задеть ногами бурлящую и испускающую едкий пар жидкость. Как только Олдли оказался на положенном месте, его ноги задёргались, а вскоре и всё тело начало извиваться, словно отплясывая залихватскую джигу.

— О! Понеслась! Могёшь, чудотворец! — Варди сам был готов плясать от радости.

— Тише, тише. Вы всё испортите.

А Олдли тем временем приподнялся и сел на полу, его лицо кривилось в метаморфозах, глаза словно готовились вылезти из орбит, ноги продолжали отстукивать по паркету. Так продолжалось почти минуту, а затем лорд успокоился и устался на Варди. С того всё веселье как рукой сняло. Жуткий у лорда был взгляд, нечеловеческий.

— Старайтесь не смотреть ему в глаза, господин разбойник.

— А? Что? — Варди встрепенулся, стряхивая с себя цепкое наваждение.

И тут лорд заговорил.

— Ты убил меня. — Голос был глухим, как иногда говорят — замогильным.

Варди постарался скрыть свой испуг, сел на корточки около мертвеца и приступил к допросу.

— Ещё раз спрашиваю: где твой фамильный секрет?

— Какой? — Глаза мёртвого лорда так и старались поймать взгляд Варди.

Варди вздохнул, взял себя в руки и процедил.

— Секрет вечной жизни. Эликсир «Кровавые звёзды».

Глок наострил уши, несмотря на страх. Эликсиры всегда его интересовали, да и о вечной жизни давно пора подумать.

— Уху-хых-хах!

Бандит не сразу понял, что лорд смеётся.

— Хы-хы. Эликсир! Откуда ты знаешь про эликсир, дурень? Какие ещё кровавые звёзды?

— Мы ходим по кругу, высочество. Говори! Сейчас же!

Какое-то время лорд молчал, его глаза продолжали вращаться, но, наконец, замерли.

— Нет никакого эликсира, болван. Секрет в другом. Как думаешь, сколько времени держится душа в теле после смерти?

Варди задумался, даже не обратив внимания на то, что теперь мертвец сам спрашивает его.

— Девять дней вроде.

— Так и есть. — Олдли посмотрел на свои посиневшие руки и запел скрипучим голосом:

Бывает, тело брэнное заполнит трупный яд,

Ненужное и тленное. Ну кто ж тут виноват?

Несут беднягу мёртвого родные на погост,

Душа скорбит и мечется во тьме, задав вопрос:

«Куда теперь деваться мне? Где пристань вновь найти?»

«Или на веки сгинуть? Иного нет пути?»

Пугают то чистилищем, то адом мудрецы,

Но ужас — в одиночестве, подскажут мертвецы.

Варди почувствовал, как заунывный голос вгрызается в его мозг, он пытался бороться с оцепенением, не сразу сообразив, что мертвец опять смотрит на него. Бандит будто проваливался в его чёрные буркала, теряя рассудок. А лорд между тем перестал петь, схватил кусок грифеля, оставленный Глоком, и что-то быстро написал на полу.

Глок пригляделся, благо очки были при нём, и прочитал: «Думаешь, он оставит тебя в живых?». Да, именно этого некромант и опасался. Конечно же, не оставит.

— Ах ты, сукин сын! — Варди пришёл в себя и выхватил из-за пояса кинжал. — Я тебя второй раз убью, если надо!

Мертвец ощерился и отскочил с неожиданной прытью, но за пределы пентаграммы лорда не выпускало нечто невидимое. Он заскрежетал зубами, пытаясь уклониться от Варди, который с кинжалом наперевес приближался.

— Даю тебе последний шанс, мертвечина. Не скажешь, где эликсир — разрежу на кусочки и в помой...

Договорить бандит не успел. Глок, про которого Варди, к своему несчастью, забыл, подкрался сзади и огрел его тяжёлой кочергой. Той, что украдкой снял со стены около камина. Варди тяжёлым мешком рухнул на пол, а мертвец издал что-то вроде победного бурчания. Но радовался он зря. Сделав несколько пасов, Глок начал произносить заклинание упокоения.

— Ардус вирдус, комолус, ку...

— Стой! Не губи меня, добрый волшебник! — взмолился Олдли.

— Тьфу, теперь придётся всё заново. Вы мертвец, милейший, а мертвецам место в могиле. — Глок снова заводил руками, изображая в воздухе колдовские знаки.

— Ардус вир...

— Ты разве не хочешь узнать про эликсир?

— О боги! Какой же болтливый попался! — Глок украдкой посмотрел на Варди, но тот не двигался.

— У меня к тебе предложение: ты проводишь один пустяковый обряд, а я открываю тебе секрет бессмертия.

— Что за обряд? — Глок, кажется, проглотил наживку.

— Видишь ту книгу? — Синюшный палец указал на шкаф со стеклянными дверцами. — Вот та, крайняя справа, во втором ряду сверху.

Некромант подошёл к шкафу, стараясь не выпускать Варди из поля зрения. Взял книгу, она оказалась тяжёлой, с кожаной обложкой. В общем, серьёзный колдовской фолиант.

— Ага, принеси мне её.

— Нет, нет и ещё раз нет! — неожиданно струсил Глок. — Я вам не этот простачок-бандит, меня не облапошить.

— Тебе сколько лет, колдун?

— Много. Ардус вирдус...

— Подагра не мучает?

— Слушайте...

— А как с молодыми девами? Они ещё приходят к тебе? Хотя бы во снах.

Глок вспомнил о прекрасной Мире. Как-то раз она странно посмотрела на него. В тот день старик, как обычно, выбирал зелья в её колдовской лавке. У Миры были красивые раскосые глаза, тёмные локоны, которые так изумительно пахли, а её фигура имела все необходимые и приятные глазу выпуклости. Глок поймал себя на том, что специально покупает товар мелкими партиями, ему нравилось ходить к Мире.

— Вы такой старенький, — сказала Мира тогда, — а в лавку всегда сами ходите. У вас разве нет ученика?

Глок отвернулся, пробубнил что-то и вышел из лавки. В тот день он сильно расстроился. Даже всплакнул вечером дома.

«Да, молодость она такая. Уйдёт и не вернётся, а потом тебя в лучшем случае только жалеют», — подумал некромант. — «А если всё-таки...»

Мертвец тем временем опять начал что-то напевать своим гнусным голосом.

— Ладно. — Глок подошёл к пентаграмме, держа книгу в руке. — Только прошу, не надо больше петь. Извините, но поющие мертвецы — это вообще моветон. Я согласен. Что надо делать?

* * *

Варди приснился плохой сон, в котором его били. Колотили так, что он потерял сознание. Если, конечно, такое может быть во сне. Проснувшись, он удивлённо отметил, что не чувствует своего тела. Оно стало каким-то неосязаемым. Руки и ноги двигались, голова вертелась, но всё это происходило без всяких ощущений. Чертыхнувшись, бандит схватился за голову, но с ужасом обнаружил, что густую шевелюру заменила короткая причёска. Он огляделся и понял, что находится в тюремной камере, о чём красноречиво говорила металлическая дверь с зарешеченным окошком. Он сидел на полу, в центре пентаграммы, подобной той, которую недавно рисовал старик некромант. Рядом стояли несколько свечей, разгоняющие тьму камеры. Их пламя мигало, а руки Варди оставляли на стенах причудливые тени. Он хватал себя за нос, дёргал за уши, щипал, но решительно ничего не чувствовал. Разглядев свои руки, он убедился, что они постарели и покрылись пятнами, похожими на трупные.

— У-у-у! — громко заскулил бандит и попытался выскочить за пределы пентаграммы. Но воздух словно превратился в резину, и Варди отскочил назад, шлёпнувшись на пол. Какое-то время он ёрзал по полу, шипел, издавал такие мерзкие ругательства, от которых, казалось, даже пламя свечей готово было потухнуть. Он не помнил, сколько времени провел за этим увлекательным занятием, но однажды замок двери щёлкнул, она открылась, и Варди увидел... себя. Правда, значительно посвежевшего, в новой чистой одежде и с аккуратно подстриженной бородой.

— Ну что? Нравится быть мертвецом? — Варди номер два протянул ему зеркальце в металлической раме.

Варди номер один посмотрел в него, а из-за зазеркалья на бандита уставилась побитая синюшная физиономия Олдли.

— Сволочи! Всех, твари, поубиваю! — заорал Варди номер один.

— Заткнись! — Варди номер два небрежно махнул рукой. — Не ожидал, что мне достанется такое гнусное, грязное и изрядно вонючее тело. Слушай, мерзавец, ты вообще мылся когда-нибудь?

Варди номер один ничего не ответил, он с ненавистью смотрел на Варди номер два, поймав себя на том, что даже не моргает.

— Кое-как привёл себя в порядок. — Варди номер два, он же лорд Олдли, присел на корточки подобно простолюдину. — Вот что я сделаю, мой друг: посажу тебя в ящик и отвезу обратно к твоему нанимателю. Точнее, нанимательнице.

— Ты её не знаешь, сволочь!

— О, знаю, знаю! Мы многое из тебя выудили вместе с некромантом после того, как пересадили в труп. Зря ты ко мне припёрся. Да, у меня есть секрет, и я периодически прибегаю к нему, чтобы продлить свою

жизнь. Правда, для этого специально выбираю тела, не такие убудочные как твоё. Но вот, пришлось. — Олдли развёл руками. — Теперь буду уделять больше внимания охране замка.

Варди зарычал, попытался кинуться на обидчика, но защита пентаграммы вновь отбросила его.

— Я бы оставил тебя. — Во взгляде Олдли промелькнула фальшивая печаль. — Но ты итак воняешь как помойка, скоро протухнешь окончательно, от тебя начнёт отваливаться кожа. Затем мясо. Печальное зрелище. Пусть лучше им наслаждается твоя хозяйка.

— Эй, тащите сюда свои задницы! Хватайте мертвяка и несите в ящик! — позвал Олдли кого-то. — Глок, ты там?

— Да, ваша милость, — раздался писклявый испуганный голос.

— Убери эту пентаграмму и обездвигь поганца. — Он снова посмотрел на Варди. — Вот некромант, например, вёл себя хорошо, поэтому и остался жив. Ладно, передавай привет нанимательнице.

Варди завыл.

* * *

Вроде и хорошо всё закончилось — злодей получил по заслугам, а Глок остался жив. Ещё и завладел секретом. Только грустно было на душе, а ощущение грядущего бессмертия не радовало. Телега со скрипом двигалась по узким улочкам города, некромант сидел на скамье, в центре телеги стоял ящик с мертвецом. Рядом сидели двое, угрюмые головорезы из новой свиты Олдли. Глок молчал, уставившись в одну точку, точнее не в одну, потому что телега ехала. Вскоре они оказались на Антрацитовый улице, ночные тени причудливо переплетались, едва разгоняемые тусклым светом газовых фонарей.

— Тпру! — скомандовал кучер, — Чо, здесь?

— Да, этот адрес, — угрюмо проскрипел Глок, — подождите минутку, я быстро.

Он подошёл к двери лавки, в которую наведывался почти каждую неделю. Постучал. В подобных заведениях нередко продавали всякий контрафакт. Поэтому они и ночью работали. Дверь открылась. На пороге стояла Мира. Глок внимательно рассматривал её, насколько это позволял тусклый свет фонарей. Да, она теперь не была столь прекрасна, как обычно, молодость слетела с неё как потрескавшаяся краска. В волосах поблескивала седина, глаза, окружённые морщинами, устало слезились. Глок опустил взгляд ниже. Шея всегда выдаёт женщину, у Миры она теперь тоже не выглядела молодой.

— Вы долго будете меня рассматривать? Хотите что-то купить?

— Э-э-э. Мира, ваша красота... извините за нескромный вопрос. Куда она подевалась?

В её взгляде блеснули раздражение и обида.

— А ваша, Глок?

Он потупил взгляд.

— Ладно, неважно. Я тут, собственно, привёз вам посылку. От Лорда Олдли.

Она встрепелась, попыталась отстраниться и закрыть дверь. Он мягко удержал её за руку.

— Не стоит. Олдли просто предупреждает вас, что не надо больше пытаться разведать его секрет. — Глок повернулся к воротам. — Заносите ящик, ребята.

Он отвернулся и вышел на улицу, стараясь не слышать криков Миры. Нет, с ней ничего страшного не случилось, просто она сильно расстроилась.

— Мне больше не помогали эти зелья! Не помогали, старый болван! — кричала она. — Ой! Что там?! Уберите его отсюда!

Крики затихали, ночная улица скрывала секреты и страсти, а старый Глок направлялся домой. По пути он думал о любви и бессмертии.

АНДРЕЙ КОКОУЛИН
МЕЖСЕЗОНЬЕ

В пятницу на подстанции случилась авария, и дом остался без электричества. Только часа в два ночи, кажется, ожило радио и зашипело помехами. Сквозь них попытался пробиться мужской голос, но ни одного слова в череде надрывных, квакающих звуков разобрать было нельзя.

А утром в квартире у Яна обнаружили гости.

Отец и мать сидели на кухне в том, в чём их похоронили четыре года назад. Отец — в сером костюме и любимой рубашке, белой с золотом. Мама — в тёмном платье, перетянута поясом, с синей брошью-заколкой на груди. Серый зыбкий свет из окна как мог прятал сморщенные, траченные разложением лица.

Ян качнул лысеющей головой, закрыл дверь с вывернутым, висящим на одном болте замком и набрал в ведро воды. Родители молча смотрели.

Он вытряхнул коврик, поддёрнул штанины спортивных брюк, встал «раком» и, высоко задрав задницу, принялся затирать грязь. Земли мать с отцом нанесли, наверное, каждый по килограмму. Ян топил тряпку в ведре и возил ею по линолеуму слева направо и справа налево, медленно двигаясь из прихожей в кухню и оставляя после себя отмытые желтые квадраты в коричневой окантовке, блеск отраженной лампочки и смутную свою тень.

На родителей обернулся всего раз.

— Смотрите? — спросил. — Ну, смотрите-смотрите.

Пространство под стульями, на которых сидели мать и отец, он, подумав, оставил нетронутым. Все равно с них что-то сыпалось, капало, подтекало. Не было смысла. Зато остальное отмыл по полной программе, собрав заодно и зерна рассыпанного вчера риса.

Пахло от родителей на удивление слабо. Пряно и горьковато. И, конечно, пахло ещё землей, слежавшейся, пропотевшей, старой.

— Наследили зачем? — сердито спросил Ян, выливая грязную, мутно-коричневую воду в унитаз. — Чего не лежалось-то?

Ответа, понятно, не было.

Отец сидел прямо. Мать слегка клонила к его плечу. Это было прекрасно видно, если выглядываешь из туалета, ожидая реакции.

— Ладно.

Ян бросил отжатую тряпку в ведро, вытер руки и шагнул на кухню.

— У меня всё хорошо, — объявил он мертвецам. — Не женился, увы. Но пока об этом не жалею. Ни о чём не жалею вообще.

Свет из окна бил по глазам. Ян, вздохнув, сел напротив родителей, сцепил пальцы. Слежавшиеся волосы на голове матери, все в комочках земли, чуть серебрились.

— Меня не надо уже контролировать, — сказал Ян. — Я — самостоятельный человек. Бывает, жизнь не такая, как тебе хочется. Ну что ж, с этим приходится мириться. Вы тоже, наверное, видели меня в своём представлении совсем другим. Ждали другого. Лысею, — он показал на свой лоб и рассмеялся. — Всё, большая часть жизни пройдена.

Говорить что-то ещё было бессмысленно. В тишине звонко упала в раковину капля из подтекающего крана. По лацкану отцовского пиджака полз к плечу червяк.

— Ну, как хотите, — поднялся Ян.

Он перешёл в комнату, сел на диван, включил с пульта телевизор. Несколько каналов давали серый снег помех, на одном шла реклама, другой показывал двух собеседников в светлой студии на фоне надписи «Сверхъестественное». Ян прибавил звук.

— Итак, Густав Сергеевич, — обратился умудрённый жизнью и плохо причёсанный ведущий к своему визави, — поделитесь с нами вашей концепцией.

Бородатый, пухлый, в свитере грубой вязки Густав Сергеевич качнулся и кивнул.

— Разумеется. Я начну с того, что считаю, что всё в нашей жизни, а также в окружающем нас пространстве разбито на определенные периоды, обозначающие фазы развития. Какие-то имеют цикличность или, говоря иначе, сезонность, и повторяются из раза в раз. Зима, весна, лето. Извините, осень. Забыл про осень. Какие-то являются индивидуально-уникальными, но тоже, в общей массе, объективно цикличными. Рождение, детство, юность и так далее.

— Очень интересно, — восторгался ведущий.

Ян, отклонившись, посмотрел в пустой дверной проём.

— Слышите?

Ответом была тишина.

— Интересная передача. Старость, смерть и так далее, — сказал он.

В кухне едва слышно скрипнул стул.

— Все эти фазы, — тем временем говорил Густав Сергеевич, — границы имеют расплывчатые, весьма гибкие, и, на мой взгляд, именно в этих переходных, пограничных состояниях и проявляются в большинстве своём события, которые мы можем назвать сверхъестественными, необычными или же определяющими нашу дальнейшую судьбу.

— Кхм, — сказал ведущий. — А вы могли бы привести пример?

Густав Сергеевич пожал плечами.

— Сколько угодно. Если смотреть на проявления каких-то сверхъестественных природных сил или, скажем, сил потусторонних, внешних, то они связаны с тонкими, граничными состояниями планет, звёзд или нашего естественного спутника, Луны. Фаза полнолуния, как безусловно переходная от новой, нарождающейся луны к убывающей, является одним из таких состояний. Вы, я думаю, знаете, чем характеризуется полнолуние?

— Ну-у, — протянул ведущий, — мне на ум только оборотни приходят.
— И оборотни, и вампиры, — закивал его гость, — и прочие существа из других миров в полнолуние проникают к нам или же получают возможность к трансформации своего облика. Для мертвецов и духов есть свои дни, связанные в первую очередь с граничным состоянием места или определенными временными датами, которые опять же имеют свою, строго обусловленную цикличность.

Ян выключил телевизор и, нарочито громко шлёпая босыми ногами, подошёл к окну. Раздёрнул шторы, открыл балконную дверь.

Густой жаркий воздух стоял снаружи, как вода. На детской площадке было пусто. Словно только что оставленные, покачивались качели. Квиц-квиц. Кви-иц. Не могли выбрать точку равновесия. Между домами на выезде мёртво встал бетоновоз. Мёртво, подумалось, самое верное слово. Солнце висело за белёсой, едва видимой кисейей. Смотреть на него было больно. Лето. Июль. Кажется, двадцатое.

Ян постоял на пороге, только на балкон так и не ступил. Закрыл дверь, определил шторы на место, устанавливая в комнате жёлтую, рассеянную полутьму. Отчего-то казалось, что на балконе не безопасно. Пограничная зона.

Тупизм.

— Чаю хочу, — сказал Ян родителям, появляясь на кухне. — Чаю будете?

Отец сидел, как и раньше. А мать скособочилась, упираясь виском ему в плечо. Безотчётно Ян двинулся к ней, чтобы исправить неудобную позу, но опомнился у самого стола, остановился, притянул сахарницу, будто в ней и было всё дело.

— Чаю с сахаром?

Он наполнил чайник под краном, слушая, как сухо сыплются камешки, комочки, шлепаются вся та неприятная живность, что заводится в мертвых телах. Какая-то влажная живая мерзость попала под пятку, едва он шагнул к плите, и от мгновенной брезгливой судороги его едва не вывернуло на только что вымытый пол. Чайник плеснул водой.

— ...!

Ян запрыгал на одной ноге. Мерзость отлипла, распласталась на полу узкой белой кляксой в грязно-жёлтом соке.

— Ну что вы сидите-то? — заорал Ян, чувствуя, что срывается в истерику. — Пришли и сидят! Кто вас приглашал? Никто вас не приглашал! Я справляюсь со всем сам. Как-то живу. Живу! Один! Без вас!

Он грохнул чайник на плиту. Внутри дёргали, кусали сердце злость и обида.

— Я, между прочим, — он наставил на родителей дрожащий палец, — никого о помощи не просил. И не попрошу. Пограничное состояние,

видите ли. Пограничники, блин. Встали и пришли в гости к сыну. Запросто! Не считаясь с тем, что мёртвые.

Ян выдохнул, глядя на неподвижные фигуры отца и матери, потом махнул рукой, опустил плечи и повернулся к плите. От пламени спички конфорка выдавила из себя слабосильные голубые лепестки.

— Это вообще-то по другому происходит, — пробормотал он, направляя чайник на огне. — Живые приходят к мёртвым, а не наоборот.

За окном потемнело, и дымный солнечный свет погас, оставляя кухню на откуп электрической лампочке. На лицах родителей безжалостно проступили пятна, оскалы, вызванные отсутствием губ, тени пролегли в пустых глазницах. У отца провалился нос, у матери напрочь была выедена левая щека.

— Может, я и плохой сын, — сказал Ян. — Возможно. Если вы поэтому пришли, то вот я, грызите, наказывайте. Не страшно.

Шипела, нагреваясь, вода.

— Ну же!

Ян зажмурился.

Текли секунды. Он стоял, и пол холодил пальцы на ногах. Ему вдруг представилось, что отец, неслышно встав и подступив сбоку, медленно раскрывает челюсти, чтобы впиться в шею, почудился даже влажный звук этого движения.

Ян открыл глаза.

Отец сидел где сидел. Мать всё также бодала ему плечо. Чайник принялся посвистывать. Похоже, ему одному было весело.

Ян поставил перед родителями чашки. Большую — перед отцом, он был водохлёб, мог и два, и три бокала чаю выпить. Маленькую — перед матерью. Ей главное было, чтоб с цветочком, с узором. Не любила однотонных чашек.

И зачем? — подумалось вдруг ему. Они будут пить? Нет, не будут. Тогда что это, ритуал сыновней верности? Чайник засвистел в полную силу, и Ян выключил газ.

— Эй, сосед!

Входную дверь толкнули ладонью, и она с готовностью распахнулась, являя Яну расхристанного и небритого жильца с нижнего этажа, придерживающего в кармане расстёгнутой куртки похожий на бутылку предмет.

— Ян...

Свободной рукой сосед хлопнул себя по груди, и опухшее лицо его, скривившись, приобрело просительное выражение.

— Денег нет, дядя Лёша, — быстро сказал Ян.

— Да на что мне, — дядя Лёша переступил порог и маленькими шажками засеменял через прихожую. — Мне бы закуси. Пропадаю. У меня там женщина, — он перешёл на хриплый шёпот. — Без закуси нельзя.

Муветон. Не одной же водкой её? Это, знаешь, водки не напасёшься. Будь другом, выручи.

— Килька подойдёт? — заступил дорогу Ян.

— В томате?

— Не знаю. В масле.

— Так чё, хороший продукт. А там кто у тебя? — вытянул шею дядя Лёша.

— Родители, — сказал Ян.

— Так они ж это...

Сосед вытаращился и слегка присел.

— Пришли, — сказал Ян. — Сами. Мёртвые.

— Вот времена! — дядя Лёша хлопнул ладонью по колену. — Светопреставление и конец света, как есть! Мертвецы ходят! Мне, впрочем, это и не удивительно. Человек живёт в маленьком диапазоне, тырк-тырк, тырк-тырк, дом-работа, отпуск-дача, ни хрена не видит, а вокруг рептилоиды, Нибиру и всякие эти... не помню, нуаки, кажется. Но ты их точно не сам это... выкопал?

Сосед потряс пятернёй около головы.

— Идите вы, дядя Лёша! — Ян достал из холодильника банку кильки, вручил её соседу и развернул того лицом к двери. — Вас ждут.

— А и верно!

Дядя Лёша дошагал до коврика в прихожей и как-то неуверенно посмотрел на Яна через плечо.

— Ты их это... поспрашивай, как там. Вдруг ответят? Моя-то тоже, живая, живая, а молчит. Пойми её.

Дверь за ним хлопнула.

— Вот так и живу, — сказал Ян родителям.

Пить чай вместе с ними он не смог, налил им, налил себе и прихватил чашку в комнату, глухо проворачивая внутри себя мысль, не вызвать ли скорую. Или тут, возможно, более уместным было бы ритуальное бюро? Или священник?

Ян сделал глоток, покатал несладкую воду во рту, прислушиваясь к движениям на кухне. Чего сидят? Он снова включил телевизор. Бородатый Густав Сергеевич, высветившись, немедленно и с азартом продолжил:

— С человеком всё то же самое! Несомненно! Я выделяю в нём три фазовых перехода, когда он сам является генератором сверхъестественных состояний. Первое — это пубертатный период, период созревания, время гормонального взрыва. Это самая что ни на есть сумеречная зона сознания. Видения, сомнамбулизм, безотчётное поведение, обострённые, пожалуй, даже оголённые чувства и желания. Второй переход связан, конечно, со смертью.

— Это понятно, — кивнул ведущий.

— Тут о смерти говорят, пап, мам, — сказал Ян. — Или вам всё равно? Ну да, где уж вам интересоваться. Вы, так сказать, изнутри...

Он скривился и нервно двинул ногой.

— Да, — сказал Густав Сергеевич, — предсмертно-посмертная фаза более всего богата на сверхъестественные проявления просто потому, что фаза эта для человека глобальна, как тектонический сдвиг, и обусловлена соприкосновением мира материального и незримого, энергетического, мира живых с миром мёртвых. Отсюда полтергейст, призраки, различные вселения, ощущение присутствия и посещение родственников или близких людей во сне.

— Или вживую, — добавил Ян.

На кухне было тихо.

— А третья фаза — рождение? — высказал догадку ведущий.

Экран на мгновение покрылся рябью. Густав Сергеевич поплыл зигзагом, пропал, но появился вновь.

— Третий переход — это всем известный кризис среднего возраста.

Ян вздрогнул.

— Я убеждён, — Густав Сергеевич посмотрел прямо в камеру, — что именно фаза осознания самого себя в мире, именно этот особый поворот в мировоззрении, который позволяет человеку оценить, насколько велик или ничтожен его вклад в общество, вклад в цивилизацию, вклад в жизнь последующих поколений, именно этот небольшой зазор между осознанием и дальнейшими шагами, смирением или деятельным участием и является третьим переходом. Это достаточно тёмный и мистический переход.

— Ну да, — прошептал Ян.

— Я могу сказать...

Щёлк! Телевизор погас. Густав Сергеевич и его свитер отправились в мировой эфир терзать уши кому-нибудь другому.

Постоять. Собраться.

— Может, вы пойдёте уже? — предложил Ян родителям, заходя на кухню. — Честно, я никогда не был хорошим сыном, и вы это знаете. С тобой, пап, у нас как-то не складывалось, ты учил меня по-дурацки, но всё время оказывался прав. Прав, прав, прав! — всё больше распалялся он. — Знаешь, как это бесило! А выкинутый в окно маг, помнишь? Нет, ты, наверное, забыл, а я помню. И ремень в семнадцать лет. Пап... Пап, ты многое в моей жизни перевернул, как слон в посудной лавке. Не получишься у тебя, как лучше. Видишь, куда я вырулил? Вас встречает кризис среднего возраста, тёмный, мистический пе...

Ян умолк, глядя на сморщенные серые пальцы матери, сомкнувшиеся вокруг чашки.

— Да, погрейся, мама, — сказал он, с трудом контролируя лицо. — Я люблю тебя, хоть ты всегда поддакивала отцу.

За окном опять потемнело. Казалось, потускнела и лампочка, и зыбкий оранжевый свет сжался вокруг стола. В прихожей, в узком перешейке коридора сгустилась тень, в которой напрочь пропали и дверь, и коврик.

Отец вдруг встал. Что-то в нём хрустнуло, вздохнуло, шлепнулась из брючины на пол: то ли земля, то ли плоть. Помедлив, поднялась мать.

— Всё? Уходите? — спросил Ян.

Отец медленно двинул твёрдой, будто деревянной рукой, заставляя подвинуться, и, грузный, сутулый, шагнул в проём. Мать последовала за ним. Сделав два шага, они замерли, пара мертвецов в грязных костюме и платье.

— Так что? — спросил Ян.

Он собрал родительские чашки, чтобы вылить. Вода в них покрылась ледком. Как сказал дядя Лёша, это и не удивительно.

Родители не двигались.

— Пап, — сказал Ян, — я так не вый...

Бум-м!

Пол подбил его в пятки, заставив больно прикусить язык. Чашки вылетели из рук, и отцовская брызнула осколками у батареи, а материна грохнула о тумбу с раковиной. Резвым жеребцом через всю кухню пронёсся стул. Сахарница, сверкая, перелетела через голову на реактивной сахарной струе.

Быцц! — о кафельную стену.

Мир завалился налево, мигнул и выпрямился. Ян упал, ударился локтем так, что боль молнией проскочила в плечо и юркнула под череп, и кое-как ногой удержал поехавший на него стол. Ложки и нож посыпались призовыми.

— Что...

Горло перехватило. Над отцом и матерью выгнулась и поползла в кухню тьма. Два тонких отростка нырнули под притолоку, следом просунулась круглая безглазая голова.

Дыхание вырвалось из Яна клубом морозного воздуха. Побегинья разбежались по полу, зеркало над раковиной расчертил ледяной узор. Свет лампочки усох до свечения нити накаливания, до тлеющей оранжевой полоски, и фигура, пробирающаяся в проём, оплыла, выросла в размерах и неожиданно оказалась от сидящего на полу Яна на расстоянии полуметра. Тумбы тёмных конечностей — тум, тум — опустились слева и справа. Круглая голова треснула по горизонтали зубастой пастью. Ян, закрываясь, поднял руку.

Щёлк! — пасть, не дотянувшись, закрылась впустую.

Промых объяснился просто — родители, поймав и облапив темноту, дёрнули её назад. А потом дёрнули ещё раз. И ещё. В некотором удивлении клацали зубы. Конечности царапали линолеум. Голова подскакивала вверх и билась о потолок, вызывая осыпь побелки. Наконец тёмная фигура полностью исчезла в коридоре, но напоследок, цепляясь, сорвала косяк.

Лампочка, словно собравшись с силами, загорелась ярче. Ян приподнялся. Находясь в странном заторможенном состоянии, когда страх замёрз под сердцем, он смотрел, как тьма бьётся с отцом и матерью, как, пытаясь вырваться, скручивается в кольца и изворачивается в тесном пространстве.

Родители стояли намертво.

Их руки ходили в слитном ритме, с хрустом ломая чёрное змеиное тело, отжимая и отбрасывая его к входной двери. Тьма скрипела и бледнела, наскакивала, рывками стремилась запрыгнуть в кухню, но каждый раз её вышвыривали назад, не давая добраться до цели. Сыпалась земля, отслаивалась мёртвая плоть, летели клочья одежды. Отец потерял руку. Левая нога матери, вывернутая, щупала пол под тупым углом. Но Ян чувствовал, что они полны решимости биться с тварью до самого конца. Мёртвые.

Жуткое существо попыталось в последний раз прорваться к Яну, распухло, разъединило родителей, вдавило их в стены и, будто крем из тюбика, потекло в кухню из коридора. В опрокинутый стол вонзилось острое тёмное лезвие. А дальше мать и отец стали рвать тьму зубами.

От визга Ян сжал голову ладонями, зажмурился и сидел так какое-то время, чувствуя, как вибрируют трубы отопления и вздрагивает под ступнями пол. Глухие неясные звуки прорывались к ушам — чух-чух, пух, тым. Бо-бом. Какие-то вспышки возникали под веками, но были они следствием происходящего в квартире или существовали сами по себе, Ян сказать затруднялся.

Потом стало тихо.

— Па-ап? — протянул Ян и открыл глаза.

Серый свет из окна протекал в пустую прихожую. Скомканый коврик лежал, будто убитый домашний любимец. Стены в нескольких местах потрескались, прорвав обои.

— Мам?

Ян шагнул из кухни. В комнате вдруг включился телевизор и голос непотопляемого Густава Сергеевича забубнил:

— Вообще же, я склонен думать, что всё сверхъестественное зарождается не вне, а внутри человека, возможно, он в эти периоды попадает в резонанс с определенными энергетическими волновыми структурами...

Отец возник рядом и неловко обнял Яна одной рукой. Мать улыбнулась ртом, в котором не хватало половины зубов. Ян вдохнул сладковатый запах разложения.

— Вы это...

Родители повернулись и вышли на лестничную площадку. Развинулся окончательно и упал замок. Губы у Яна задрожали.

— А если я хотел умереть? — закричал он. — Вы никогда ко мне... Я вам кто?

Плечи его затряслись. Он заплакал.

ВАЛЕРИЯ МЕЛЬНИЧЕНКО

ДАЛЕКА ЖЕЛАННАЯ ЦЕЛЬ

У Коу чесался нос. Определенно не самое приятное ощущение, особенно, когда она несколько секунд как очнулась в криокамере и нет никакой возможности пошевелиться. Коу поморщилась, пару раз дернула носом в надежде, что чесотка пройдет. Не помогло. Тогда она изо всех сил сжала кулаки и попыталась думать о чем-то еще, кроме желая коснуться собственного лица. Всего-то надо перетерпеть минут пятнадцать, пока не закончится последний цикл расконсервации криокамеры.

Внутреннее чутье не подвело. Перед глазами мигнул желтоватый квадрат голографического окна и запустился отчет до открытия камеры. Коу прикрыла глаза, чтобы сменяющиеся цифры не раздражали, и попыталась настроить себя на позитивный лад. Она же Коу Ортега, наследница Ортега, совладелица и капитан корабля-колонии дальнего следования, дьявол его поberi! В конце концов, это последние пятнадцать минут покоя перед четырехмесячной вахтой.

Пространство в камере тихо загудело. Коу поджала пальцы ног и поморщилась. Еще четыре месяца к ее тридцати семи годам биологической жизни. Когда-нибудь этот чудовищный полет закончится. Когда-нибудь она избавится от надоевшего криосна, от разморозки и необходимости принимать пост. Когда-нибудь она перестанет разгребать проблемы, доставшиеся от прошлой вахты. Остается надеяться, что к тому времени она все еще не отметит стопятидесятилетний юбилей и у нее останутся силы и здоровье вступить в наследство и управлять им. К сожалению, корабли-колонии не летают как мелкие и легкие разведчики, на которых училась Коу. В некоторых секторах, где крошечный кораблик мог проскочить, для тяжелого гиганта приходилось прокладывать совершенно новый курс. Да и проблем с кораблем-колонией гораздо больше, чем может справиться один единственный экипаж. В таком случае принято собирать несколько экипажей, чтобы происходила ротация персонала. Правда, иногда это вовсе не облегчало Коу жизни.

В прошлый раз Сервиус и его команда не заметили коррозию в четырнадцатом и девятнадцатом отсеках. А это, на минуточку, грозило обрывом в диагностической сети корабля! А в позапрошлую побудку она столкнулась с вспышкой гриппа. И как только штамм пережил все проверки, вакцинацию колонистов и легного состава и так долго не давал о себе знать?! Обошлось без потерь, да только сколько нервов и энергии пришлось потратить на перепроверку всех спящих и бодрствующих людей... Сбои в системе, ссоры между членами экипажа, самовольная смена вахты, проблемы в системе водоснабжения, метеоритные дожди,

пролетающие кометы, снижение энергоуровня из-за процесса формирования совсем рядом с курсом черной дыры, критическое состояние криосистем... Если бы кто-нибудь вернул Коу во времени назад, то она уже сомневалась, что возложила бы на себя с искренней готовностью эту ношу в виде капитанства.

А ведь тогда она чуть ли не выпрыгнула вперед, стараясь опередить с согласием старшего брата. И не важно, что все четверо Ортега владели частью этого корабля и стали в итоге его капитанами. Главное было стать первой.

Коу Ортега устала. Пора признаться себе в этом. Смешок в замкнутой криокамере прозвучал глухо и неприятно. Увы, от правды не сбежишь. Семейное дело превратилось в семейную обузу, а конца путешествия все не видно. Она, как и трое ее братьев, понимали, что желанная планета, которую приобрел им отец в наследство, далека. Но пусть бы она была чуть более достижима...

Обратный отсчет закончился. Экран мигнул, выплюнув поздравление, и верхняя часть криокамеры начала сдвигаться в сторону. Коу зажмурилась, яркий непривычный свет пробивался сквозь веки.

— Доброе утро, капитан!

Этот мягкий баритон был ей знаком. Коу даже не вздрогнула, ощутив чужое прикосновение, и спокойно позволила мужчине помочь ей сесть в камере.

— Не могу понять тебя, Дориан, как ты умудряешься всегда просыпаться быстрее?

— Ради того, чтобы хотя бы на пару минут быть свидетелем вашей беспомощности, я готов и вторую вахту отстоять!

— Лыстец, — фыркнула Коу и, наконец, открыла глаза.

Дориан еще раз поприветствовал ее, теперь коротким кивком. Заместитель капитана — ответственная должность, но заключается она вовсе не в принятии решений, а в своевременном сборе информации. Корабельная система разбудила его на десять часов раньше, как и было запрограммировано, чтобы капитаны не тратили лишние часы на ожидание сводки новостей.

Криокамера отозвалась мелодичным сигналом и окончательно отключилась, переходя в режим калибровки и профилактики. Коу повела плечами и приложила к протянутому заместителем планшету ладонь. Мигнул экран, подтверждая ее вступление в должность, и начался отсчет вахты.

А Дориан был такой же, как всегда: короткостриженный, гладковыбритый, подтянутый, одетый по форме, надежный, иронично улыбающийся, стреляющий лукавым взглядом из-под густых бровей... Сексуальный-идеальный. И недоступный. Коу мысленно посочувствовала себе, но, увы, это ужасный моветон крутить роман с собственным помощником

во время ответственной миссии. До высадки на планету приходилось следовать правилам. Таким образом, Дориан Херши входил в верхушку списка причин, почему это бесконечное путешествие к желанной цели бесило Коу так сильно.

* * *

— Насколько поменялась команда?

Выбиралась из криокамеры она сама. Время слабости прошло, она — снова капитан. Говорить и шутить до начала вахты они могли о чем угодно, но после отсчета субординацию никто не отменял. Так было оговорено еще в самом начале их сотрудничества. Тогда она даже не думала о Дориане, как о возможном кандидате в официальные партнеры...

Коу чуть отвлеклась. Пространство перед глазами всколыхнулось, в ушах зашумело, да и ноги не сразу оказались готовы выдержать вес тела. Но она упрямо сжимала и разжимала кулаки, переступала с ноги на ногу, пока все не пришла в норму.

Заметно было, как Дориан дернулся в ее сторону, явно намереваясь протянуть руку и помочь. Но в следующий миг остановился, по всей видимости, вспоминая что-то, а именно ее гневную отповедь в прошлый раз. Тогда он осмелился в момент маневра поддержать ее под локоть без разрешения. Будь на его месте кто-то другой, за один только намек на ее реальную несостоятельность Коу отослала бы помощника до конца полета проверять стабильность криосна. Сорока восемью тысяч камер за глаза хватило бы для наказания. Дориан отделался только выговором. Слишком хорош он был как офицер и ценен как помощник. Она списала все на стресс после выхода из криосна и закрыла тему.

Коу окинула внимательным взглядом стоящего перед ней помощника. Нет, внешне ничего странного. Откуда вообще в Дориане взялся этот порыв? Пересмотрел романтических фильмов на досуге? Но даже если и так, то сейчас не время и не место.

— Прошлый состав хорошо себя зарекомендовал, поэтому я составлял график, учитывая эффективность и сплоченность команды. Замен всего две. Младший инженер Максимус Кэрроу и заведующая биологической секцией...

— Сюзанна Грей. Да, я помню ее.

— Согласно контрактам частота выхода из криосна данных членов экипажа не должна превышать пятнадцати за весь полет...

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Да, прошло уже семь наших вахт. Мы не знаем, насколько затянется полет, поэтому должны подмечать каждую мелочь и расходовать экономно наши ресурсы, — Коу раздраженно стянула с себя верх стандартного костюма для криосна

и бросила в утилизационный бак, следом туда же полетели и брюки. Оголенная грудь, спина и ноги мгновенно покрылись мурашками. Воздух был прохладным. Хотя это всего лишь значило, что система кондиционирования на корабле работала без сбоев и на полную мощность. На полке у камеры ее уже ждала форма капитана — темно-красная, отличающаяся от синих комбинезонов других членов экипажа. Такое стремление отгородиться от подчиненных, возможно, отдавало формализмом, но именно четкое следование инструкциям успешно отвлекало Коу от тяжелых мыслей.

— Так что я полностью одобряю твои решения по заменам... Эй, я с тобой вообще-то разговариваю! Что за шуточки? — Дориан зачем-то стоял к ней спиной, что само по себе было неуважительным, а обращившись странно: сначала краем глаза взглянул в ее сторону, будто удостоверившись в чем-то, и миг спустя обернулся.

— Вы переодевались, мне стоило выйти.

На щеках помощника Коу обнаружила намек на румянец, что удивило ее еще больше. Не мог же Дориан, офицер высокого ранга, думать, что она, выполняя обыденные рабочие процедуры, например, надевая форму офицера, каким-то образом жаждет показать себя ему или проявляет интерес? Глупости какие... Хотя бы потому, что на многих кораблях не было и намека на разделение на женские и мужские душевые, а отступление от функциональных обязанностей, внесение в уставные отношения каких-либо оценочных или, хуже того, сексуальных смыслов, каралось неделями карцера и самыми тяжелыми вахтами.

— Я не знаю, на что и с кем ты поспорил, но еще одна такая нетактичность с твоей стороны, еще одно грубое нарушение устава — и я не представляю, что с тобой сделаю. Пока мы не достигли своей цели — никаких розыгрышей и вольностей я не потерплю.

— Да, капитан, — Дориан побледнел так быстро, что Коу даже стало неуютно. Потому что вместе с румянцем истаяла и та теплота во взгляде, с которой помощник смотрел на нее.

* * *

Огни загорались перед Коу и таяли, стоило ей зайти за поворот. Кому-то было бы не по себе из-за темноты, но при помощи датчиков движения корабль экономил небольшой, но очень важный в период формажоров процент энергии. Это, конечно, не касалось функциональных помещений. Белый режущий глаза свет в медицинском отсеке был тем еще удовольствием. Коу моргнула, приспособившись, и поинтересовалась у помощника:

— Какое наше расписание?

— Согласно декрету АХА 1848 корабля-колонии «Гердарика» всем заступающим на вахту следует пройти стандартный медицинский осмотр и психологические тесты.

— А тесты зачем? Кто внес поправки в мой декрет о медосмотре? — Коу высматривала, не мигнулли на одной из безликих дверей отсека зеленый огонек, показывая, что бокс готов принять на осмотр очередного члена команды.

— Во время вахты капитана Рендала Ортега произошел инцидент. Один из членов экипажа попытался покончить с собой. Попытка не удалась, однако капитан Рендал Ортега был вынужден внести подобные поправки, поскольку внешне нервное расстройство помощника навигатора Дена Форбса невозможно было заметить. Несмотря на тщательный отбор экипажа и колонистов, всегда остается ноль целых и восемьдесят три сотых процента вероятности...

— На то, что у размороженного или крыша поедет, или мотор не выдержит. Я знаю...

Они перемещались по длинному серебристому коридору с узкими дверями, на стенах изредка были видны вставки из зеленого пластика, за которыми скрывались системы жизнеобеспечения корабля. Искусственный белый свет шел сверху, дополнительная подсветка тускло горела на уровне колена синим... Нет, фиолетовым? Коу даже остановилась и нагнулась, чтобы убедиться.

— Что-то не так, капитан?

— А когда у нас аварийную подсветку поменяли? Она фиолетовая!

— Виноват. Сейчас узнаю, — Дориан на пару секунд зарылся в свой планшет, — Вахта Сервиуса Ортега. Полная смена подсветки в активном действующем сегменте корабля. Причина замены — скука.

— Он с ума сошел! — простонала Коу, прикрыв ладонью глаза. Сервиус, несмотря на то, что был самым старшим из них, часто творил такое, от чего у нее кружилась голова. И хорошо, если это были безобидные шуточки или просто развлечения.

— Я думаю, трата ресурсов была оправдана...

— Конечно, нет! Я боюсь, как бы он однажды не подорвал здесь все от скуки.

— Вы предполагаете?..

— Не будем об этом, пойдём, — она как раз заметила несколько зеленых огоньков на дверях. — Впереди еще три часа общения с медицинскими программами. Кто-то уже прошел осмотр?

— Большая часть техперсонала, навигаторы и связисты.

— Замечательно, теперь нужно сделать так, чтобы мы с тобой не были последними среди оставшихся, — улыбаясь, сказала Коу и с облегчением обнаружила, что во взгляд Дориана снова вернулась та теплота, которой ей не хватало. Наверное, она что-то сделала правильно?

— Как скажете, капитан.

* * *

Медицинский сканер попискивал, иногда вращался, но тревожного перезвона, которого страшится каждый, кто прошел через криокамеру, не было. Коу заглотнула с десяток капсул, запила их раствором чего-то определенно полезного, отсалютовала пробежавшей мимо окошка ее осмотрового бокса врачу Алине Карне и устроилась удобнее перед специальным экраном психотеста. Свет погас, перед глазами возникла картинка...

Спустя еще сорок минут Коу вырвалась из медицинского бокса, разминая плечи и потирая виски. Кажется, Рендал, добавляя поправку к ее декрету, не особо вник в процедурную часть. Поскольку психологический тест был очень похож на тот, на дееспособность и сделкоспособность, который Коу прошла в день своего совершеннолетия. Но на то и есть еще три капитана на этом корабле, чтобы кто-то из них исправил пробел, не закрытый другим. Стоит ли ей взяться за эту мелочь или же лучше сначала пролистать записи о событиях, что произошли за время ее сна?

— Добрый день, капитан, — из соседнего бокса вышел старший пилот Шер Хожкинс.

— И тебе, Шер. С новой вахтой. Надеюсь, мы все ближе к нашей цели? — Коу жестом остановила пилота, когда тот уже развернулся и был готов уйти.

— Увы, капитан, об этом рано говорить, — пилот неопределенно качнул головой. Что-то в нем сегодня было не так и не давало ей покоя. Но куда Коу не могла определить что, она внимательно смотрела и слушала.

— Жаль, я бы хотела, чтобы ты меня порадовал. Хорошей работы, Шер.

— Хорошей работы, капитан. Дориан.

Дориан действительно стоял у нее за спиной. И как только подкрался?

— Все в полном порядке? — спросила она, когда пилот ушел.

— Иначе не могло бы быть. Допущен к работе, все показания в пределах абсолютной нормы, — будто хвастаясь, произнес ее заместитель. Он показался ей в этот момент значительно моложе, чем всегда, то ли из-за бахвальства, то ли из-за дурацкого освещения в коридоре. Коу снова позволила себе мимолетную улыбку и жестом указала на выход из медицинского блока. Пора приступать к работе.

* * *

Тридцать восемь дней прошло без происшествий. Коу достаточно быстро приняла все дела, ознакомилась с данными, изменившимися с последнего пробуждения, и взялась с энтузиазмом за текущие мелочи. Слава всем космическим силам, предыдущим в очереди капитаном

был Рендал, всегда собранный и, если не сказать больше, занудный. Зато читать его отчеты было одно удовольствие: все описано четко и детально, нигде не упущено даже крохи.

Захар, третий брат, писал отчеты простые, похожие на отрывки и кусочки мыслей и действий, иногда приходилось искать, где же закончился один день в его дневнике капитана и почему продолжение вписано только через неделю. Но Коу подозревала, что подобные нестыковки происходили не из-за рассеянности или нелюбви Захара к отчетности, а из-за Сервиуса и его действий.

Сервиус Ортега в детской памяти Коу всегда возникал добрым, улыбающимся и лукавым. Только многие годы спустя она смогла побороть этот устоявшийся образ и за лукавостью увидеть безразличие, за улыбкой — занесенную для хлесткого удара руку, а за добротой — скуку и желание развлечь себя. Тогда она почувствовала страх, будто большую часть жизни жила рядом с диким непредсказуемым зверем. С того мгновения она старалась всеми силами стать равной или выше Сервиуса по званию, чтобы тот не имел и малейшего права отдать ей приказ.

Коу потеряла уставшие глаза. Больше всего на свете она не хотела пробуждаться после вахты Сервиуса, но расписание вахт составлялось без присутствия капитанов. Правда, она подозревала, что кое-кто из братьев или родственников мог повлиять на бесстрастные программы. Потому что в итоге она и Сервиус почти не пересекались, точнее его вахта шла сразу же после ее. А вот другим братьям, особенно Захару, приходилось очень сильно постараться, чтобы исправить некоторые решения старшего брата. Коу поежилась: в отчеты о ротации и состоянии членов команды Сервиуса было страшно заглядывать.

Она шла по пустым коридорам, прижимая к груди планшет с горами данных о корабле вокруг. Где-то барахлили жидкостные насосы, где-то механики слышали подозрительный гул, кое-кто не высыпался из-за кошмаров, трое из команды жаловались на боли в груди, запаздывала корректировка курса по причине снижения мощностей двигателей на пять сотых процента в прошлом отчетном периоде... Все как всегда.

* * *

Тридцать девятый день внес разнообразие в монотонность вахты. Красные всполохи на экранах сразу вывели команду из сонного состояния. Требуя отчет о произошедшем, Коу несколько раз глубоко вдохнула. Чем дальше летит корабль, тем больше опасных ситуаций с ним случается.

Одна из осей, участвующих в маневрах корабля, сначала не пришла в движение в нужное время, а потом резко мотнулась в совершенно другую

сторону и заклинила свою соседку. Выглядело все в проекции просто, но на самом деле размеры этих деталей были больше того, что она видела на экране, в тысячи раз. К сожалению экстренное торможение, что произошло в третью вахту Захара, благодаря которому они ушли от нефиксируемого роя обломков, сыграло свою роль в жизни огромного корабля-колонии. Ремонт осей был произведен с должным качеством. Но с тех пор прошло четыре вахты, а это чуть больше пяти лет. Появилось чему ломаться.

За несколько секунд, которые отводились ей как капитану на решение, Коу сделала три вещи: объявила тревогу по палубам десятого, шестнадцатого и тридцать второго отсеков, взяла управление маневрированием на себя и предупредила механиков о внешних работах. Чем раньше последние начнутся, тем для всех лучше.

Корабль-колония — сложный в управлении, тяжелый и медленный. Маневры любого рода невозможно остановить. Даже выключенные двигатели не помогут, по инерции гряда металла и начинки будет продолжать двигаться. Резкое торможение приведет к проблемам в других системах. Тем временем как неисправные оси будут доламывать другие конструкции. Опасная ситуация, неприятная.

По щеке Коу бежала капелька пота, не первая за последние четыре часа. Коу вручную меняла уровень активности двигателей, разворачивая корабль так, чтобы не давать осям пересекаться. Нельзя остановиться, нельзя слишком отклониться от курса, нельзя потратить чрезмерное количество топлива. Иначе к пути «Гердарики» добавится еще несколько лет, просто из-за насущной необходимости найти планету с важными для реакторов корабля элементами.

После выравнивания полета у нее оставалось ровно шесть с половиной часов, чтобы разобраться с первой стадией ремонта, и вернуться к штурвалу для корректировки маршрута и скорости. Дориан вручил ей планшет с данными, стоило Коу покинуть командный пункт. Впервые ей показалось, что одной вахты не хватит на исправление ситуации. Но оставлять серьезные проблемы на Сервиуса было бы ее величайшей ошибкой.

— Мы справимся, — произнесла она вслух. — Мы справимся.

* * *

Кто сказал, что капитан — это такая почетная должность, когда сидишь в мягком кресле, листаешь новости и даешь указания? О том, что ее ужасно обманули, Коу думала уже около трех суток. За это время ей удалось поспать в пол глаза всего шесть часов. Она прошла в общей сложности около ста километров по палубам.

Все смешалось. Корректировка пути корабля не может происходить без капитана, и ей быстрым шагом пришлось бежать к рубке. Всего на

полминуты остановиться, выпить глоток воды из автомата в коридоре. А отчеты механиков уже мигают пометкой «срочно» на планшете. Забежать в техмастерскую. Снова вернуться командный пункт. По пути съесть энергетический батончик, внезапно оказавшийся в руке. Пробежаться по коридорам к складским трюмам. Проверить наличие расходников. По экстренной связи надрывают глотки ремонтники. Раздробленный осью ремонтный кран медленно плывет вдоль борта корабля, и его крайне важно поймать. Чудом спасшаяся команда крана дает показания в медблоке. Их состояние, как и процесс ремонта тоже высвечиваются в виде ярлыков у Коу на планшете. А эти коридоры с фиолетовой подсветкой и темнотой в конце будут преследовать ее в самых ужасных и выматывающих кошмарах. Если она вообще сможет уснуть без препаратов.

Коу мягко прошла кончиками пальцев по вискам и закрытым векам. На планшете светилось девять утра по времени корабля. Дориан ее приказом был выставлен за дверь командного пункта еще в полночь. Три часа назад приступила к работе новая смена экипажа. Сама Коу не могла просто развернуться и уйти до того, как убедится, что продолжения кризиса не предвидится. Но уже пять часов поступали стабильные данные, с основными ремонтными работами было покончено, курс — устойчивый, а сегмент космоса — безопасный, так что оставить команду в одиночестве сейчас было самое время. Она кивнула старшему пилоту, указывая на собственное кресло, и медленно встала на гудящие ноги.

* * *

Не было сонливости, была только усталость. До каюты ее ноги не дошли, свернули в первое подходящее помещение. В пустой комнате релаксации Коу прижалась лбом к голографическому окну. Сегодня во всю стену демонстрировали звездные скопления Крабовидной туманности. Красиво, но она бы предпочла что-то некосмическое, обычное и планетарное, связанное с ее прошлым. Даже тайны Вселенной надоедают, в конце концов. Конечно, можно переключить трансляцию: всего лишь отдать голосовую команду. Но Коу так устала! Сил в итоге хватило лишь на то, чтобы устроиться удобнее на мягком полу у «окна».

— Капитан?

— Ммм, — наверное, не стоило вообще шевелиться, тогда Дориан прошел бы мимо. Но Коу была слишком честна с собой. Ей хотелось, чтобы он присоединился к ее бестолковому валянию на полу.

— Капитан, ваша каюта всего лишь в ста метрах от этой комнаты.

— Не хочу, я устала.

— Хорошо, — терпеливо выдохнул заместитель. — Согласно расписанию у вас период отдыха. Тогда мой рабочий день начинается

с этой минуты. Я заменяю капитана и заодно приказываю вам идти отдыхать в каюту.

— Если захочу, то отстраню тебя на сутки или двое, и ты не сможешь мне приказывать, — фыркнула Коу и повернулась на бок, чтобы лучше видеть зашедшего в полутемное помещение Дориана.

— Хорошо, — примирительно кивнул он, — Соглашусь, приказывать капитану на этом корабле может только совесть капитана...

— Хитрец, моя совесть спит, она устала.

— Именно так я и подумал. Тогда я еще более настоятельно советую переместиться в каюту и отдохнуть!

— Чем здесь не отдых? — Коу вытянулась на полу и сложила руки на груди. — Это был странный день, Дориан. Он длился несколько суток и до сих пор не может отпустить меня. Этот корабль, он выводит меня, просто бесит. Иногда мне кажется, что я до сих пор не могу прийти в себя после криосна. Хотя все мои показатели в норме. Если я начну сходиться с ума, то это будет видно?

— С чего бы вам сходиться с ума, капитан?

— Коридоры... они-то длиннее, то короче, чем ощущалось раньше. На палубе двигателей всегда было так пусто и аккуратно? Техмастерская разве не по левую сторону была от входа на палубу? Кран слишком медленно летел вдоль корабля. Сегодня у Шера глаза были зеленые, а я всегда была уверена, что они серые. Рабочая дверь на палубу осмотра десятого криоотсека не захотела открываться, а это нонсенс! Тенниси оказалась ниже меня ростом, хотя при приеме на работу я заметила, что она почти на пять сантиметров выше меня. Позавидовала даже. А может, это не я сумасшедшая, а корабль давно захватила негуманоидная форма жизни, из тех, которыми пугали нас противники дальних перелетов?

— Капитан? — недоуменно переспросил ее заместитель. Коу тихо рассмеялась:

— Дориан, если ты ждешь удачного момента, чтобы превратиться в летающий ромб с огромным глазом, то знай, сейчас именно то время! Просто подтверди все мои подозрения и пусть в моей голове снова станут все на свои места...

— Капитан, — Дориан не превратился, но смотрел с сочувствием. — Вам просто нужно выспаться. Были сложные маневры, вы идеально справились с заданием. Нашим пилотам теперь все свое свободное время суждено отрабатывать те методики маневрирования, что вы им продемонстрировали. Кое-кто из них действительно мнил себя асом! Ремонт мы успеем закончить до конца вахты, я лично прослежу. Все будет отрегулировано и запущено согласно протоколам. А ваше время отдыха давно настало, капитан. Вот увидите, большая часть странностей — лишь переутомление и случайность...

Скорее всего, его уговоры сработали. А может, Коу действительно просто надоело лежать на полу: спина просила перенести тело на упругий ортопедический матрас. Она, раскачиваясь и пошатываясь, поднялась с мягкого пола и прошла мимо Дориана к выходу. Свет в коридоре неприятно ослеплял, хотя и подталкивал скорее дойти до собственной каюты. Дориан почтительно склонил голову и простоял на одном месте до того самого момента, как Коу зашла к себе.

Уже засыпая, она подумала, что зря себя так накрутила. Нужно лучше сдерживаться. Но, по правде говоря, превратись Дориан в неведомое существо — это значило бы, что ситуация на корабле хоть как-то изменилась и нудный бесконечный полет стал чем-то другим, более захватывающим. Увы, ничего подобного не произошло.

* * *

Совсем не удивительно, что Коу так сложно и долго просыпалась следующим утром. Зуммер будильника давно утих, но встать не хотелось. Глаза слипались, в голове ощущалась тяжесть, так что выходить из каюты и снова становиться капитаном казалось не лучшим решением. Наверное, это усталость... Слишком долгий полет сказывается даже на самых стойких и мотивированных.

Коу была счастлива, когда получила часть своего наследства от отца. Увы, семья Ортега никогда не была правильной и благополучной в плане родственных связей. Ее знаменитый и богатый отец за свои сто шестьдесят пять лет жизни успел жениться четыре раза и обзавестись двадцатью шестью наследниками разного пола. Еще было тринадцать зарегистрированных, но непризнанных детей, но те не имели никаких прав на активы Ортега.

Понятное дело, что среди такой толпы получить свою долю наследства в корпорации отца было бы очень сложно. Потому далекая Гердарика, которую обнаружили и выставили на продажу разведчики далекого космоса, была для Коу и ее братьев шансом на будущее. Она безо всяких сомнений подписала отказ от любого другого наследства Ортега, лишь бы стать владельцем своей доли сейчас, пока у нее есть силы и желания.

Коу повернулась на бок. Упругий материал койки послушно прогнулся, а маленький светящийся экран информационной системы сместился согласно направления взгляда пользователя.

— Гердарика, — прошептала Коу.

В тот же момент перед ней возникло изображение сине-фиолетовой планеты с вкраплением оранжевых пятен и светло-желтых линий. Планета полностью оправдывала ту цену, за которую ее зарезервировал отец. Атмосфера оказалась абсолютно безопасна для человека.

Прозрачные фиолетовые океаны были пусты и хорошо подходили земным животным и рыбам. Густые синие леса во многом походили на земные скверы, рощи и чащи, уже почти забытые за время полета. Оранжевый и бежевый — это горы и возвышенности, там более сухой и резкий климат. Наверное, заселение этой местности будет идти в самую последнюю очередь. Если только геологи не найдут легко добываемые и крайне нужные руды металлов. Конечно, придется основательно постараться, чтобы заполнить пробелы и выстроить равновесную экосистему. Но именно для этих целей в криокамерах сгучали ученые и исследователи, а в грузовых отсеках томились сотни тысяч образцов.

Коу мечтательно вздохнула. Когда-нибудь они ступят на поверхность этой планеты. В один миг четыре многомиллионных денежных счета, принадлежавшие четверем капитанам Ортега, опустошатся, подтверждая их право на планету. И Гердарика станет новым домом Коу. Чистый неиспорченный рай, созданный для свершений.

Добраться бы до него... Коу взмахнула пальцем и отправила маленькую планетку в полет, заставив ту еще и вращаться вокруг своей оси. Это подействовало странным образом воодушевляюще. Сонная одурь развеялась, и новый рабочий день перестал казаться таким ужасным. Что еще могло случиться этим кораблем, после того как они только на ее памяти два раза отвоевали жизнеспособность десятка палуб, залатали основную топливную магистраль, пережили эпидемию, чудом избежали попадания в гравитационное поле красного гиганта и благодаря ее навыкам пилотирования минимизировали вред от масштабной поломки? Коу довольно улыбнулась, слава космическим силам, она — первоклассный специалист и справилась со всеми сложными ситуациями без особого вреда для корабля и колонистов.

Спустя несколько секунд раздумий Коу решительно встала и потянулась вверх, пытаясь коснуться кончиками пальцев потолка. Не вышло, зато настроение стало еще на пару делений лучше.

— Доброе утро капитан! — за дверью, как ни в чем не бывало, ее караулил Дориан.

— Доброе, — с улыбкой кивнула она ему и упругим шагом пронеслась по коридорам в сторону командного пункта.

С этого момента вахта снова шла как расписанная по нотам. Будто чудовищный эпизод с осями был затянущимся повседневным кошмаром, когда страшно не из-за монстров и жутких декораций, а из-за несоответствий и рутинных ужасов. Она ничуть не ошиблась: в техмастерскую вел левый коридор, у навигатора действительно были серые глаза, а помощник связиста, оказалось, любила побаловать себя ботинками на платформе. Что, конечно, не одобрялось рабочим кодексом, однако на это часто закрывали глаза, ведь небольшая степень свободы

должна присутствовать. Пусть и в виде каблуков, шейных платков, косметики и браслетов. Иначе служба становилась слишком пресной.

Даже двери к криоотсекам распахивались перед Коу так быстро и широко, будто пытались извиниться за вчерашнее недоразумение. Коридоры снова стали обычными. Стоило ей выспаться. Коу не без удовольствия подумала, что Дориан в который раз оказался прав.

Напряжение еще несколько дней висело ощутимым облаком в командном пункте. Но экипаж быстро пришел в себя, и вот уже в столовой снова были слышны смех и разговоры, а в комнатах отдыха собирались небольшие компании. Кризис миновал для членов команды гораздо быстрее, чем это произошло с самой Коу. Она со своим напряжением и готовностью ко всему оказалась как бы в стороне.

Только Дориан оставался с ней рядом, все такой же собранный и внимательный.

* * *

Последнюю неделю вахты Коу проводила в отчетах, как собственно и все остальные члены экипажа корабля. Эта обязанность — оставить докладное описание всех своих действий и решений — занимала важное место в функционировании корабля. Формирование подборки уже готовых отчетов и их сверка за четыре месяца занимала не более суток. Но это в случае, если готовые отчеты были уже на руках, а так случалось не всегда. Коу закусила губу и пыталась вспомнить, чем еще отличился шестьдесят третий день вахты. Было сложно. Но в целом, процесс окончания вахты и передачи полномочий был очень схожим с тем, как заканчивали миссии на космическом флоте, где Коу служила в самом начале своей карьеры. Вот только на «Гердарике» ее слово было превыше всего, осудить ее действия могли только другие капитаны, наказать ее было некому, но и ответственность тоже была полностью ее.

Дориан набрал хороших людей, работающих и отличных специалистов. Ремонт прошел по плану, только обломанные оси пришлось отсоединить от корабля. Криокамеры с поврежденных палуб разместили в более безопасном месте, ей не хотелось рисковать поселенцами. За самими палубами придется наблюдать не одну вахту, вдруг ремонт не был настолько действенным, как ей показалось. Займется ли этим Сервиус? Скорее всего, нет.

Коу добавила в отчет предложение о сокращении периодов между техосмотрами и вывела на планшете сводку о количестве специалистов в каждой вахте и сроках их контрактов. Работникам усиленный режим не понравится, да только она хотела, чтобы к концу пути «Гердарика» не только была способна перемещаться и сохранять в безопасности спящих колонистов, но и удачно закрепиться на орбите у планеты, а может даже и спуститься на ее поверхность. Не рухнуть,

не развалиться, долететь и быть еще долгое время помощником в развитии поселений, основой для великолепного интересного будущего. Сложно, но выполнимо. Ради этой цели Коу потерпит и собственные галлюцинации, и усталость, и тяжелый выход из криосна, и не прекращающиеся опасности космоса, и сложности межличностного общения в замкнутой среде, и выходки Сервиуса, и невозможность позволить себе быть кем-то помимо капитана.

— Я закончил со сбором отчетов. Приступить к сверке? — Дориан ловким движением перебрал данные на ее планшет, одновременно с этим на столе возник стакан с витаминизированным напитком. Коу покосилась на заместителя, но тот так увлеченно и невозмутимо что-то печатал, что сердиться на него за непрошенный напиток не было никаких сил. И ей действительно хотелось пить.

— Помимо сверки давай составим списки экипажа на будущую вахту...

— Есть надежда, что новый курс выведет нас к цели гораздо быстрее прежнего! Так что может нашей смены и не будет.

— Думаешь, в следующий раз мы проснемся от щебета птиц и лязга криокамер? — Коу хмыкнула. Она хотела этого, но не особо верила.

— А вы нет? Неужели не желаете, чтобы наше путешествие закончилось? — в его голосе было какое-то обещание, хорошее, нужное, нечто, что она не могла до конца разобрать или не позволяла себе этого.

— Конечно, желаю, — рассмеялась, открыто глядя ему в лицо, Коу. — Но чем желаннее цель, тем сложнее ее достигнуть.

— Вы правы, капитан, — рассудительно кивнул Дориан. Жаль, а ей на миг захотелось быть неправой.

* * *

Капитан и заместитель последними погружаются в криосон. В их случае Дориан на несколько минут оставался в одиночестве. Так повелось почти сразу: он был первым, чье лицо она видела при пробуждении, и последним, когда уходила в сон. Кто-то назвал бы подобное целесообразностью, Коу иногда осмеливалась думать об этом, как о заботе.

Подготовка к самой процедуре не занимала больше пары часов. Камера поблескивала тускло желтыми огнями, приглашала погрузиться в темноту. Но если вначале Коу впрыгивала внутрь без раздумий, то с каждым новым разом погружаться в криосон было тяжелее. Дориан торжественно протянул ей планшет. Легкое касание сняло с нее обязанности капитана. Где-то на другой палубе как раз начался период отсчета до выхода из сна Сервиуса Ортега. При желании они даже могли пересечься, но такого желания не было.

— До скорой встречи, капитан, — в голосе Дориана было слышно даже больше тепла, чем обычно.

Перед тем, как закрыть криокамеру, он на несколько секунд сжал ее пальцы своими. Но эти считанные мгновения прошли, тяжелая крышка опустилась и зафиксировалась, и Коу снова осталась в темноте и одиночестве. Таймер автоматически начал обратный отсчет, тонкие иглы вонзились в запястья и бедра. Едва заметная вибрация вынудила ее расслабиться, поддаться вводимым препаратам.

Сон не шел. Ощущение касания горячих пальцев Дориана продолжало жечь руку. Оно было таким знакомым, таким желанным и неожиданно горьким, что Коу почувствовала, как скапливаются в уголках глаз слезы. В голове возникли странные картины. Будто она спускается вниз по зеленому холму, а Дориан догоняет ее и крепко прижимает к груди. Она даже знает, как это ощущать его губы на своих. И это Коу почему-то накладывает своему бывшему заместителю на руку противоожоговую мазь, а он крепко жмурится от боли и одновременно пытается улыбаться. И она же почему-то рыдает на фоне великолепной зеленой долины, а все тот же Дориан, но усталый, бледный и с дикой тоской в глазах, сжимает изо всех сил ее руки в своих.

Странные видения напугали Коу, но не заставили отвернуться от них. Казалось, они что-то значили. Но за миг до того, как она смогла бы понять что именно, таймер закончил отсчет — и Коу Ортега замерла в криокамере.

* * *

Они столкнулись возле монолитной двери. Огромный металлический круг как раз закончил задвигаться, мягко вошел в стену и окончательно отгородил от остального мира содержимое комнаты. Через сужающуюся щель еще можно было успеть увидеть очертания огромной криокамеры, окруженной мониторами, системами безопасности и автономности. Что бы ни случилось снаружи, со спрятанным внутри этого бункера сокровищем ничего не произойдет. Дориан стоял, вытянувшись в струну, и не сводил с двери взгляда. Ему казалось это важно: убедиться, что дверь вошла в паз до щелчка, что повернулись засовы, заперлись замки и включилась система охраны. Потому он ждал, а второй наблюдатель повернулся и медленно зашагал по коридору.

— Эй, Шер, погоди! — кинулся вслед Дориан и с трудом догнал друга у лестницы. Сейчас здесь разговаривать было сложно. Вокруг шли работы, над головами пролетали детали конструкции, сверкала сварка, слышались обрывки указаний, шуршали погрузчики. Немалого труда стоило собрать этот корабль, но разобрать его — та еще морока.

— Дори, какой я тебе Шер? Работа окончена, и у меня свое собственное имя есть.

— Извини, Ивор, привычка, — повинился Дориан и хлопнул приятеля по плечу. За время подготовки они немало узнали друг о друге

и закономерно прониклись взаимной симпатией. Оба интересовались агрохимией и навигацией, показывали средние результаты по физической подготовке и, когда удавалось, подсказывали друг другу на тестах. Как же сложно потом было отыгрывать прохладные деловые отношения! Но сейчас Ивор был прав. Больше в притворстве не было нужды. Четырехмесячное представление было окончено.

— Расслабься, сочтемся. Все же я три года был Шером и отзывался на это имя. Хотя в реальности оказалось гораздо тяжелее, чем в тренировочном лагере.

— Согласен, — Дориан кивнул и остановился у пока еще целой, неразобранной стены, прислонился к ней. Металл приятно охлаждал пальцы, за зеленым пластиком скрывались макеты систем жизнедеятельности несуществующего корабля, верхний свет уже не горел, но здесь было тише, чем в полусотне метров левее по коридору.

— Молчи у же! Тебе было проще всего, — подмигнул Ивор. — Вот даже имя менять не пришлось!

— Ха-ха, мне все детство твердят, каким великим был мой тезка. И ты туда же? — невесело произнес Дориан. Он давно перестал считать, сколько раз ему сообщили о понятных и без того вещах: что его назвали в честь того самого Дориана Херши и какая это великая честь. Он все детство мечтал оказаться кем-то другим, а не прямым потомком того человека, перед которым Гердарика до сих пор в большом долгу. Но годы шли — желание не сбылось.

— Не думал, что тебя заденет, — Ивор даже потер подбородок, чтобы собраться с мыслями и годно ответить: — Но в чем-то все те люди были правы. Знаешь ли, хроники достаточно точно описывают события тех времен. По-моему, удачно посадить ту громадину, которой был корабль-колония, выволить поселенцев из криосна, сразиться с чокнувшимся Сервиусом Ортега, остановить гражданскую войну и добиться в переговорах с Рендалом Ортега признания полных гражданских прав поселенцев... Мне продолжать список?

— Только это все, — Дориан указал рукой на частично разобранный остов корабля, который сейчас как никогда напоминал очень хорошо сделанные декорации. Чем собственно и было это место — обманкой. — Не вписывается в его программу прав, свобод и справедливости ради народа. Героев было двое, и ты прекрасно знаешь, кем была вторая!

— Друг, не надо, — Шер, нет, Ивор, сжал его плечо и с беспокойством посмотрел в глаза. — Мне это нравится не больше, чем тебе. Но ты знаешь о соглашениях не хуже меня. Твоя семья, как и моя, входит в совет. Эта планета не была раем!

— Она была, — Дориан шептал, но различить его слова было возможно. — Пока ее не назвали Гардарикой, пока здесь не появились все мы, а не только Сервиус Ортега со своими планами!

— Дориан, очнись! Ничего уже не изменить! — с нажимом ответил ему друг. — Мы живем на этой планете, пока она принадлежит последней Ортега, а именно живой и здоровой Коу Ортега. Она и ее завещание поддерживают здесь статус-кво. Если с ней что-то случится, что станет с твоими близкими, с нами всеми? Жители Гердарики все еще не в силах выкупить эту планету в свое пользование, а ее уж точно выставят на торги после смерти единственной оставшейся в живых владелицы, твоего ненаглядного капитана.

— Но должен был быть другой выход!

— Сейчас? Может быть. Тогда? Вряд ли. Здесь не было ничего — ни экономики, ни городов, ни годных товаров, только нищие поселенцы, четверо владельцев и место, куда нужно вложить деньги. Четыре капитана должны были внести четыре пая, чтобы купить планету. И никто не виноват, что вышло не так, как хотелось, — Ивор ударил по стене кулаком. — Нам и так слишком повезло! Сервиус Ортега настолько проигрался и так хотел продажи планеты, что слишком рано начал свой переворот и успел убить только одного брата. Мы помним об убитом Захаре Ортега, по отчетам он был хорошим человеком. Мы чтим Рендала Ортега, который вложил все свои средства в эту планету, выкупил для нас четвертую часть. Его статуи теперь есть в каждом городе... Твой предок, сколько бы ты не противился, был героем!

— А как же Коу Ортега? Женщина, которая в действительно посадила «Гердарику», которая первая ступила на эту планету? Та, которая отдала нам вторую четверть планеты, но даже не помнит об этом?

— Неужели ты думаешь, что тот Дориан Херши мог сделать это с ней насильно?

Дориан долго собирался с мыслями, чтобы ответить. Провести в замкнутой среде четыре месяца плечом к плечу с человеком — это много или мало? Достаточно, чтобы понять что-то о себе и увидеть нечто в ней? Он отрицательно мотнул головой:

— Нет, боюсь, она могла пойти на такую жертву добровольно. Действительно подписаться на этот бесконечный выдуманный полет и на корректировку памяти. Отдать свои мечты, счастье и свое время ради того, чтобы мы жили дальше на этой планете. Но это слишком для одного человека!

— Дориан, хватит, — Ивор смотрел на него с сочувствием. — Она — единственная наследница своего брата, официальная владелица половины Гердарики. Ее смерть разрушит все: наши планы, наши жизни. Сейчас даже знание о Коу Ортега глубоко секретно. Здесь она в полной безопасности! Согласно реструктуризации выкупа второй половины планеты пока нам нужно только свидетельство того, что наследница и владелица жива и пребывает в полном психическом здоровье, что она дееспособна и адекватна в своих решениях. Процедура проводится

раз в тридцать лет...

— Пока не соберется нужная для выкупа планеты сумма или не отзовут свой запрос о взыскании задолженности кредиторы Сервиуса Ортега. До тех пор Коу Ортега должна жить. Но, Ивор, это не жизнь!

Дориан знал, что через час или больше он ступит на порог родного дома, обнимет мать, выпьет холодного лимонада, спустится вниз к изломанной береговой линии и обязательно ступит в прохладную воду босыми ногами. А она, капитан Коу, надежная, милая, такая замкнутая, запертая инструкциями, ждущая конца пути, что останется ей? Темнота и сон без сновидений еще на тридцать лет?

— Ты так говоришь, что я начинаю думать, ты влюбился, — осторожно проговорил Ивор.

— Даже если и так? — более импульсивно и быстро ответил Дориан.

— Ты оставь это! — пальцы друга больно сомкнулись на его плече. — Даже твой предок в конце концов женился.

— Скорее на подруге, чем по любви, — хмыкнул Дориан. — Это история, которая не скрывается в моей семье. Род должен был продолжиться, чтобы в каждом поколении с тех пор был Дориан, мальчик, который сильнее всего похож на своего предка. Так повелось.

— Это безумие, — Ивор с силой провел руками по волосам, взъерошив их. — Для чего? Чтобы было как в сказке? Чтобы когда-нибудь какой-то из Дорианов обязательно поцеловал свою принцессу — и она проснулась? А потом, удивленная и счастливая, наследница мира шла по траве зеленой планеты, к которой так долго летела?

— Почему бы и нет? — перед глазами Дориана возникла эта картина: смеющаяся Коу, держащая его за руку, бегущая вдоль кромки берега, звонко шлепающая ногами по воде. Они бы встречали закаты и восходы, дышали воздухом и были счастливы. Он бы, наконец-то, обнял ее крепко-крепко. Дориан зажмурился, почти почувствовал, какими могли бы быть ее губы. Но этой картине слишком мешали скрип и грохот техники и вибрация под ногами. Он открыл глаза и признался Ивору: — Но этим Дорианом Херши буду не я.

— Да, друг мой, не ты. Мне жаль.

— Мне тоже, — кивнул Дориан и спрятал лицо в ладонях. Ему нужно было хотя бы немного времени, чтобы прийти в себя. Не каждый день твой мир рушится.

А за пределами темного, охраняемого как зеницу ока помещения, где спала Коу Ортега, светило солнце, зеленели почки на деревьях и пахло весной.

АЛЕКСАНДР ЛЫЧЕВ

СЕГОДНЯ ЖЕ БУДЕШЬ СО МНОЙ...

— Кто это сделал? — задал Толик риторический вопрос.

Аркадий пожал плечами:

— Чужие здесь не ходят...

Не смешно! Толик поочерёдно посмотрел на каждого из их маленькой компании.

Женька — худой, длинноволосый, с упрямо-недовольным выражением лица. Да, в середине двадцатого века он бы наверняка был стилигой. Ближе к концу — неформалом. Ещё ближе — нацболом. Потом — ходил бы с белой лентой, а если б не относился к категории «соплёй перешибёшь», то мог бы податься и в скины. Сейчас он, сидя на диване, кутался в свитер на два размера больше и ёжился явно не только от холода.

Танька — тоже примостилась на диване... Она и сейчас сохраняла вид непокорно-воинственный. Волосы в розово-голубую полоску, пирсинг на языке, в носу и на губе, серьги новомодного, кануна событий, типа «белый кинжал»... В мужской толстовке, зябко обхватив себя руками, смотрит волчком. Н-да, неудивительно, что они с Женьком сразу поладили!

Витька — классический «ботан». Очки из серии «лупа из бронестекла» (от контактных линз у него глаза слезятся), лишний вес, одышка — не от веса, а от астмы... Сидит слегка напуганный, но явно ещё не осознавший всей серьёзности произошедшего. Он пока просто не понимает. Это действительно трудно понять.

Лера, блондиниста и сероглаза. Отличница — и этим всё сказано. Но — отличница категории «мечта класса», а не «серая мышка». Староста группы, аккуратистка и перфекционистка. Всегда знает, как правильно. Ну, почти всегда — на фронт медсестрой она что-то не рвётся... Но в конечной победе Добра — то есть родной Красной Армии, или, там, войск ООН — уверена на все сто. Ведь в школе и в вузе ей говорили именно это: «наши» всегда побеждают! Аккуратный жакетик, брючки — тёплые, но симпатичные, вид недовольный... Ну да: что за нарушение правил такое, кто разрешил? Сидит на стуле, нога на ногу...

Ну, Аркадий... Высок, мужественен, спортивен... Сила, ирония в глазах — с крохотной толикой превосходства. Он старше них на пару лет — уже закончил вуз. Паркур, пейнтбол, какие-то туристические сборы с патриотической направленностью... А ты смотри-ка — тоже тут, что-то не рвётся наперерез врагу родную планету защищать... Стоит, привалившись к стене, сложа руки на груди, в своей типа-тельняшке...

Толик, вздохнув, посмотрел напоследок и на своё отражение в зеркале на дверце шкафа: пепельные волосы, серо-зелёные глаза, среднего

роста, стройный, но не худой — по габаритам, конечно, не Аркадий, но и не Женька, не говоря уже о Витьке.

— Кто-то из нас украл батарею от три-дэ-принтера? — потрясла головой Танька.

Толик не ответил: все всё слышали.

— Но зачем? — подал голос Витька. — Какой смысл?

Зрит в корень, молодец. Какой смысл выдирать универсальную батарею из три-дэ-принтера? Всё существование их группы зависит от него. Ну, почти всё. Если еду из порошкообразного, на вид и на вкус напоминающего толчёную пластмассу концентрата ещё можно приготовить — наверное, можно выжить, даже если его просто так жрать, там ведь те же жиры, белки и углеводы — то одежду, посуду и прочее без него не изготовить никак. Да и концентрат — рано или поздно он кончится, а превратить обломки мебели, рулоны обоев и всё такое в пищу способен только три-дэ-принтер. Эта модель как раз может частичную химическую переработку сырья производить. Но без батареи он не работает. Пока там заряд ещё остался, но его хватит только на пару дней. Ну, на неделю, если на обогреве экономить... Да, тепло же тоже оттуда идёт! И ведь ядерная зима ещё по-настоящему даже не началась, за окном всего-то минус десять!

Танька вздохнула:

— Ребят, ну кончайте дурить. Кому она может понадобится, кроме нас?

Женька поддержал подругу:

— Если бы сюда пробрались чужие, они бы и с нами что-нибудь сделали. Да и как сюда придёшь? А любой из нас без этой штуки откинёт копыта вместе с остальными за неделю! Нафига?..

Толик вздохнул. Всё правильно. Поражает именно бессмысленность кражи. Может быть, среди них появился псих, желающий прикончить всех остальных? Не исключено, такое в малых группах бывает. Вон, Лерка явно стала от бедного Витеньки, которому раньше покровительствовала, к Аркадию отходить — что поделаешь, женщин инстинкт в кризисной ситуации заставляет выбирать того, на кого можно положиться. В этом любовном треугольнике крыша съехать может у любой его вершины. А Танька с Женьком никогда особо нормальными и не были.

Вот только и для психа в таких сложностях нет нужды. Ведь у каждого из них есть оружие. Настоящее, правда, только у Аркадия — обычный гражданский короткоствол, но они с самого начала сделали на принтере по одному «печатнику» на каждого, и ещё пару запасных. Так что...

— Если кто-нибудь хотел бы просто прикончить нас всех, ему было бы достаточно взять пару стволов, зайти в комнату, когда мы все там сидим обедаем или радиоприёмник насилуем... Пиф-паф — и мы покойники! — озвучил очевидное Аркадий. — При вашем уровне подготовки,

шансов получить обратку у него немного. Скажем, первым, внезапно, со спины, завалить меня, вторым — Толика... Ребят — без обид, — на лице спортсмена появилась смущённо-покровительственная раздражающая улыбка, — но это так. Нафига усложнять?

Нахмурившаяся Лера добавила:

— Тут есть и большой запас обычных продуктов. На некоторое время хватит. И дрова, в принципе, имеются. Можно пока на этом продержаться. Нет, если бы целью было всех убить, то это не самый лучший способ...

— Радиация — или что это такое, — безжизненно, потухшим голосом добавил Витёк, до которого, похоже, стала доходить серьёзность ситуации. — Когда кончится мебель, дрова с улицы брать надо с большой осторожностью. Значит — долго искать. А там — эти... — он неопределённо дёрнул головой в сторону окна, но кто такие «эти», все поняли сразу.

* * *

...Почему-то ОНИ облюбовали аэродром. Небольшой, местных авиалиний, его чаще как вертолётную площадку использовали. Аркадий считал, что это естественно: большое пустое пространство, но притом — асфальтированное. Портал — ажурная сеть из чего-то непонятного между несколькими колоннами высотой с трёх-четырёхэтажный дом — возник прямо на взлётно-посадочной полосе.

Нуль-порт — ну как ещё назвать все эти сооружения, явно служебные по отношению к нуль-порталу? — вырос вокруг этой паутины буквально за пару дней. Теперь сам портал уже почти не видно: его заслонили многочисленные конструкции как необычного, так и вполне знакомого вида. Ангары и казармы, по крайней мере, опознавались однозначно.

Выглядели пришельцы... странно. Так их и описывали. Вполне человеческой внешности — европейского типа военные в хаки, с бронетехникой — не вполне земной, но в целом понятной, и одновременно — летающие радужные шары, ползающие полупрозрачные «гусеницы» метровой высоты, какие-то хромающие тени в два человеческих роста... Да и люди... странные. Лица вроде стандартные, но... Нет, не то, чтобы безэмоциональные. Но трудно было отделаться от мысли, что на них отражаются какие-то совершенно ЧУЖИЕ эмоции... Пока телевидение работало, они успели посмотреть на оккупантов — несколько раз тех удалось заснять вблизи.

Колонны бронетехники и всего прочего шли куда-то на запад и на юг. В ту же сторону периодически пролетали и «стаи» вертолётчиков — странных, с четырьмя или шестью винтами, других каких-то машин — и тех же самых шаров вместе с гигантскими шаровыми молниями и мельницеподобными паутинистыми «стрекозами»... О-хо-хо!

Впрочем, сейчас из-за сгустившегося полумрака и тумана уже мало что удаётся разглядеть. Но дороги явно эксплуатируются по прямому назначению. Видимо, именно из-за желания использовать земную инфраструктуру оккупанты и применили свой аналог нейтронной бомбы.

Судя по всему, население городка сразу погибло либо бежало. Здесь они не видели живых... Да и мёртвых оказалось немного. Они проблем не доставляли: холод ядерной зимы надёжно предотвращал разложение. Наведённая «радиоактивность» — они так и не поняли, что это конкретно, но счётчик Гейгера, вмонтированный в Аркашин телефон, на неё реагировал — оказалась довольно слабой, по крайней мере — у них...

Запасливый мужик Аркадий! Выбравшись из подвала, они благодаря этому его гаджету быстро определили, что на верхних этажах безопаснее... Тут они с тех пор и сидят. Обычная одноподъездная двенадцатиэтажка-«свечка». Практически на окраине городка... Посёлка городского типа, скорее, из пары десятков многоквартирных домов и состоящего.

...Да уж, им повезло во всём, кроме самого главного. Повезло в том, что они в этот день шарились полдня по подвалам, изучая, в соответствии с заданием на лето, сваленную там прессу времён Перестройки — не тащить же её наверх для этого? Что у Аркадия оказался с собой гаджет. Что Витёк вовремя сообразил, что улепёгивать по улицам сейчас — чистое самоубийство. Что на крыше «их» дома оказался резервный ретранслятор на универсальной батарее. Что Витьке и Аркадию удалось вытащить батарею и подключить её к бытовому три-дэ-принтеру, найдённом в квартире на последнем этаже. Да, и ещё раз спасибо Аркадию и его гаджету: замки четырёх квартир верхнего этажа он вскрыл за полчаса!

Ну, и, конечно, им сильно повезло, что в доме вообще оказалась у кого-то такая штука, как три-дэ-принтер. Обычно те, у кого есть нечто подобное, на окраинах заштатных ПГТ средней полосы не обитают. Видимо, хозяин был из категории «понты превыше всего»...

Ну, и то, что в доме оказалось так мало народу. Рабочий день, конечно, но... Они проверили потом: на сорок восемь квартир — всего одиннадцать трупов, и ни одного — на шести верхних этажах. Удача, можно сказать: с мертвецами возиться почти и не пришлось...

И ещё вода: здание оказалось снабжено гидроаккумуляторной домовой электростанцией, они были популярны в прошлом десятилетии. Её бак, расположенный на крыше, был почти полон, так что от жажды они не умрут точно.

Не повезло им только с одним... Чего бы вот пришельцам базу в соседнем регионе не организовать? И чего б им самим в другое место на этой неделе не направиться? Почему именно в тот день и именно сюда?!?

А ещё, как сказал Аркадий, им повезло со временем. Пришельцы перед началом «высадки» наверняка сканировали окружающую местность

на предмет мощных энергоисточников. А в тот момент батарея как раз не была подключена ни к ретранслятору, ни к три-дэ-принтеру. Вообще-то то, что их так и не обнаружили, тоже выглядело странным — должны же они были учитывать возможность действий партизан или диверсантов... Видимо, действительно, прав Витёк — при атаке пошло в ход что-то ещё, помимо знакомой им радиации... Уж слишком спокойно оккупанты держались.

* * *

В первые дни они чуть не поубивали друг друга сами. Женёк с Танькой рвались к носителям высшего разума, пришедшим просвещать неразумных землян... Кое-как им объяснили, что просвещение обычно не начинают с массового убийства просвещаемых — а радио, в моменты, когда сквозь помехи можно было что-то расслышать, рисовало не особенно оптимистичную картину контакта с чуждым разумом...

Правильная девочка Лера рвалась подать сигнал своим... В конце концов, Аркадий сунул ей ключи от «хаммера» и предложил валить хоть в Москву, хоть в Нью-Йорк, хоть к чёрту на рога. В ответ на мысль обратно подключить батарею к ретранслятору и послать сигнал, ей было высказано предложение отправиться в действующую армию. Она ведь, в отличие от многих, военнообязанная — как прошедшая обучение на медсестру... Даже присягу на этот счёт, кажется, давала. А они уж лучше тут останутся. После этого праведница сразу как-то сникла, и общее лидерство в их группе перешло к Толику. А потом Лерка и вовсе на Аркадия стала поглядывать... который тоже почему-то свой патриотический долг увидел не в героической гибели в бою с превосходящими силами противника, а в помощи выживанию той маленькой группы своих, которая по случайности оказалась на его попечении. Толик тогда, услышав это, про себя хмыкнул: удобная позиция... А потом лето предсказуемо-внезапно кончилось... и об участии в войне на той или иной стороне все как-то резко забыли.

* * *

— Итак, как я понимаю, в шутке никто сознаваться не намерен... — он обвёл глазами товарищей. Продолжил:

— Ну, тогда у нас — классическое «камерное» преступление. Шесть человек. Кто возьмёт на себя роль детектива? — задал Толик вопрос, хотя ответ на него был очевиден. Разумеется, «капитулянты» Женька и Танька не согласятся видеть в качестве следователя кого-то из «патриотов» — Аркадия или Лерку, так же, как и те — их. Витёк, как известно, ещё на первом курсе запавший на Лерку, тоже отпадает...

Аркадий пожал плечами:

— Ну, давай ты. Только всё объясняешь, окей?

Остальные согласились быстрее, чем он ожидал... А чего им не согласиться, когда у каждого — ствол, и каждый может опереться на поддержку ещё по меньшей мере одного товарища? А вот Толику особо не позавидуешь...

«Детектив» хмыкнул:

— Ладно. Ну, давайте начнём... Я отойду в сорок шестую, вы заходите по одному...

Женёк возразил:

— Не надо. Давайте уж в этой...

Его можно понять: они там с Танькой свили гнёздышко. Ладно...

— Тогда в этой. Но всем придётся выйти. И не подслушивайте, пожалуйста...

* * *

Они обосновались на двенадцатом этаже. Его можно было закрыть на ключ, да и тепло держалось не так плохо. В каждой квартире был автономный обогреватель, достаточно было аккумуляторы последовательно от батареи подзаряжать... И, в результате, почти у каждого в распоряжении оказалось по квартире. В базовой, сорок пятой, с тридцатипринтером, радио и работающей кухней, оставался обычно Толик. Просто потому, что Женёк с Танькой оборудовали себе лежбище в сорок шестой, Аркадий — в сорок седьмой, а Витёк с Леркой — в сорок восьмой. Правда, отличница в последнее время частенько зависала у Аркадия...

Женёк вошёл первым. Сел на диван. Толик остался за столом. Ладно, пусть сидит, где хочет, не важно это...

— Ну, что помнишь из событий прошедшей ночи? По часам, желательно...

Толик уже давно понял, что как раз Женёк, несмотря на subtilность, в критической ситуации скорее мобилизуется, чем истерит. Ответы первого подозреваемого ещё раз это подтвердили.

После ужина примерно в двадцать два тридцать они с Танькой отошли к себе — как обычно. Все остальные на тот момент ещё оставались в сорок пятой. Примерно в двадцать три пятьдесят они услышали, как мимо их двери прошли, разговаривая, Лерка, Аркадий и Витёк. Потом грохнули двери их квартир. Нет, он не видел, кто в какую квартиру пошёл. Около часа ночи стукнула дверь в сорок пятую, а позже лязгнула выход на чердак... Сквозь сон он подумал, что это Толик вышел на прогулку...

Толик подтвердил:

— Точно. Дверь оставил приоткрытой — чтоб не громыхать, когда вернусь...

Действительно, он тогда вышел на ежевечерний моцион — Толик частенько прохаживался там ночью, пытаясь высмотреть, что происходит в районе нуль-порта... Как обычно — ничего нового: на ночь тот погружался во тьму...

...Ну, а в полвторого или около двух Женёк услышал звуки ссоры. Одной из сорящихся явно была Лерка. Через дверной глазок Женька успел увидеть, как та, обиженно хлопнув дверью, с сердитым видом вышла из сорок седьмой и ушла в сорок восьмую. Дверь в сорок пятую всё ещё оставалась приоткрыта. После этого проснулась Танька, он рассказал ей о ссоре у соседей. Они, что называется, попили кофе — да-да, подругу всегда пробивает на «попить кофе» в это время ночи — и после уже не просыпались до утра.

Женёк сидел на диване с совершенно спокойным видом... Ладно, ясно. — Зови Таньку, — закончил беседу Толик.

Танька могла рассказать гораздо меньше, так как всю первую часть ночи спокойно спала. Да, ей Женёк рассказал о скандале у «патриотов». Единственное что — она где-то полтретьего высунулась за дверь, чтоб выплеснуть горшок. В качестве мусоропровода и всего такого им теперь служила шахта лифта, от дверей которой веяло холодом... Всё было нормально, дверь в сорок пятую оказалась чуть приоткрыта...

Это тоже нормально: Толик её редко запирает, чтоб утром, если кто на кухню пойдёт, его не будили.

Ладно, с «капитулянтами» понятно, пора приниматься за «патриотов»!

Лерка выглядела недовольной и напряженной. И контролировала каждое слово. Села не на диван, а за стол. Нервно перебирала пальцами... Потом взяла листок бумаги, стала сворачивать из него что-то... Да, японский журавлик... Она часто их делает. Хобби у неё такое, да и нервы успокоить помогает.

Да, она долго сидела с Аркадием, рассуждая о шансах воюющих сторон. Да, практически они продолжали тот же разговор, что начали ещё с Толиком в сорок пятой — после того, как «капитулянты» отвалили. Нет, их ссора не связана с перспективами землян отразить агрессию пришельцев. Да, она носила сугубо личный характер. Нет, его не касается, что конкретно там произошло. Что? Это опять-таки не дело самопального следователя, но ей действительно Витя нравится больше, и она не хочет расстраивать мальчика... в смысле — парня. Да, она чувствует себя ответственной за него, она же староста... Почему она

считает, что это сейчас важно? Она гадала вчера... Как? Как обычно, вытаскивала книгу с книжной полки, открыла на первой попавшейся странице и ткнула пальцем в текст... Там оказалось «Мы в ответе за тех, кого приручили», из «Маленького принца» Сент-Экзюпери... Нет, она не считает это оскорбительным для Вити. И вообще это лучше спросить у него самого. Нет, она никого не подозревает, так как капитулянтам выгодно, что они тут сидят, а она не хочет подводить своих...

Когда Лерка вышла, Толик откинулся на стуле и помассировал глаза. Скосил взгляд на трёх журавликов, сделанных старостой за время разговора. Анатолий хмыкнул: а ведь он был практически уверен, что Лерка Витеньку продинамит... Не так всё просто в женской душе, значит.

Он встал, сделал несколько шагов по комнате. Взгляд его упал на книжную полку. По наитию Толик взял первую попавшуюся книгу — это оказалась Библия — и, открыв, ткнул пальцем в...

«...Имя мне легион...»

Анатолий захлопнул книгу. Забавно. Что бы это значило? Что преступников больше, чем один? Он позвал Аркадия.

Тот весь разговор просидел с равнодушно-вежливой улыбкой. Пальцами барабанил по книжке, которую принёс с собой — фантастика, Пол Андерсон. Заметил взгляд Толика, пояснил:

— Валерия подарила...

Надо же — неужто им и сейчас ещё в жизни фантастики не хватает?!

Ничего особо нового он Толику не сообщил. Ну, кроме того, что от любезностей Лера в конце концов отказалась. Но колебалась некоторое время, так что надежды он не теряет... Ну, Толик так и предполагал, собственно. Всё остальное — ровно то же самое, что и у Лерки.

Ладно, понятно...

Витька... был в странном состоянии. С одной стороны, ему не нравилось происходящее сегодня... Но вот исходом событий вчерашней ночи он как раз был вполне удовлетворён. Что делали, когда Лерка вернулась к нему от Аркадия? Ничего, чуть-чуть поговорили, он постарался её успокоить — и легли...

Толик вздохнул. Он был уверен, что под «успокоить» и «лечь» Витенька имел в виду вовсе не то, что на его месте подразумевали бы в такой ситуации Аркадий, сам Толик и Женёк... Ну — почти уверен. Или тот очень хорошо притворяется. Ладно, понятно всё с ними...

Увы, ясности не прибавилось. Любой из них мог спереть батарею. Примерно между часом ночи и полвосьмого утра, когда пропажа была обнаружена Аркадием, пришедшим на кухню сорок пятой готовить завтрак, любой имел возможность войти сюда и взять её. Пока он гулял по крыше, это могли сделать и Женька с Танькой, и каждый из них по отдельности,

партнёра не извещая: сначала спала она, потом — он. И Витька мог выйти из своей сорок восьмой и, придержав дверь, чтоб не хлопнула, дойти до три-дэ-принтера. И Аркадий с Леркой могли это сделать на пару — а потом разыграть скандал. Да и по отдельности — увы, тоже...

Н-да. Возможностей совершить кражу — у всех хоть отбавляй... Ну, а как насчёт мотива?

Мотив... Ну, Женёк и-или Танька могут попытаться таким образом заставить их сдаться пришельцам. Выглядит глуповато, но допустим.

Лера и, с меньшей вероятностью, Аркадий могут захотеть действительно подключить ретранслятор и подать самоубийственный сигнал: пришельцы их наверняка засекут немедленно. Из патриотических побуждений. «Красная Армия всех сильнее» и всё такое. Хотя некоторые правительства Земли уже попытались вступить с пришельцами в переговоры о капитуляции и, кажется, даже получили ответы.

Любой из них, по самого Анатолия включительно, может захотеть ликвидировать всех, кроме себя и, возможно, одного компаньона... или компаньонки. Ради присвоения ресурса. Бог знает, сколько продлится ядерная зима и вообще вся эта заваруха. Тогда, если преступник Витёк или Аркадий, то желать выживания они должны Лере. Женёк — Таньке. Сам Толик — тоже скорее Таньке (раздражала его староста всегда), но он по-любому батарее не крал, так что его можно вычеркнуть. Лера выберет Аркадия или Витька, Танька — Женька... И что это даёт?

Толик вздохнул, встал, вышел на кухню, плеснул себе воды из чайника...

Ничего это не даёт. Разве что вслед за кражей произойдёт убийство... В наибольшей опасности находится, кстати, он сам: уж он-то точно не нужен абсолютно никому и ни при каких раскладах.

Толик коротко рассмеялся и проверил «печатник» за поясом.

Кстати — а ведь это мысль!

* * *

— Ты ожидаешь убийства? — светски приподняла бровь Лерка. Она держалась подчёркнуто спокойно, не пытаясь отстраняться от Аркадия... В общем, явно старалась показать, что ночной инцидент исчерпан и напоминать ей о нём не стоит.

Толик пожал плечами:

— Мало ли... Но всё-таки преступника лучше не соблазнять мыслью, что, если дело пойдёт совсем плохо, он сможет отбиться...

— Нет, — ответил Женёк ровным голосом. — Мы слишком различаемся по физическим параметрам. Аркадий сильнее любого другого, а с кухонным ножом — так и вообще... Это понизит безопасность каждого из нас, а не повысит!

Толик кивнул. Он и не думал, что все согласятся... Поэтому, когда перепалка между Женьком и Аркадием стала нарастать, он предложил:

— Хорошо. Давайте оставим каждому по восемь патронов — один боекомплект «печатника». Остальное, вместе с запасными «стволами», спрячем в сейф, — он кивнул в сторону металлического оранжевого ящика, вмонтированного в один из шкафов в зале сорок пятой. — Тут сургуч или что-то в этом духе мне в тридцать шестой попался — давайте поставим наши отпечатки пальцев. Если кто незаметно вскрыет, потом закрыть уже не удастся!

С таким планом все нехотя согласились... Что ж — это уже что-то!

После обеда, оставшись в спальне сорок пятой один, Толик попытался сложить в кучу все события и полученные сведения. Увы — получалось плохо. Хотя бы сократить круг подозреваемых не удавалось...

Он стал перебирать в памяти события вчерашнего дня...

Сначала Аркадий бухтел что-то о тактико-технических характеристиках чужой техники, которую ему удалось разглядеть. Они заспорили с Женьком — тот превозносил её достоинства в сравнении с земной. Аркадий ожидал войны длительной, Женька и Танька были уверены, что победа сил внеземного разума уже предрешена.

Неожиданно в разговор вмешался Витенька. Он обратил внимание на то, что, если б это было так, и всё уже практически кончилось, чужим не было бы нужды так прятаться, а они явно маскируются, на ночь активность прекращают. И выдвинул идею: у них под боком — важнейший, или, по крайней мере, один из важнейших пунктов высадки десанта... Вот с этого момента они и стали ссориться — после чего «капитулянты» и отвалили. А потом Витька им ещё больше часа втирал что-то про принципы стратегии и всё такое — за это время Лерка успела из бумаги целый замок соорудить...

По его расчётам выходило, что пришельцы — они как земляне, но им известна ещё какая-то фундаментальная сила. Ну, как в том сериале, где в параллельном мире электричество так и не открыли. Всё, вплоть до компьютеров и космических кораблей, есть, а вот электричества нет. Там цивилизация очень забавная: оптические компы ничуть не хуже обычных электронных, а вот перебрасывать энергию на большое расстояние там так и не научились...

Ну вот и у пришельцев что-то такое есть, чего у нас нет. Витька назвал эту силу «апейрон» — это из какой-то не то фантастики, не то философии... Для нас это просто-таки как магия выглядит! И оно вполне, по его расчётам, объясняет, почему при столкновении с противником земные спутники так легко выводятся из строя, авиация отказывается летать, автомобили едва могут тронуться с места, да и огнестрельное

оружие работает через раз! И почему все пришельцы, если попадают в плен, мгновенно умирают...

Толик вздохнул. Ну, так кто? «Капитулянты» — или «патриоты»? И вот тогда-то и грянул выстрел.

* * *

Крови было много. Очень много. Аркадий лежал на спине, рядом с лифтом, зажимая рану на шее. Похоже, выстрел выворотил ему кадык... ну, и пробил сонную артерию, по меньшей мере. Шансов у него не было никаких. Что интересно, короткоствол его лежал рядом. Похоже, в последний момент он смог его выхватить, но пустить в ход уже не успел. По другую сторону валялась та же книга — Леркин подарок. Через минуту всё было кончено.

И-да... Что касается мотивов, то по варианту «политика» на подозрении Женёк и Танька, по варианту «ревность» — Витёк... Да и с Леркой Аркадий последнее время не ладил.

— Вряд ли кто-то хочет сказать, что рядом с телом нашёл батарею?

Все, уже столпившиеся вокруг, подавленно покрутили головами. Толик вздохнул — и вытащил свой «печатник». Аккуратно — за ствол. Вытащил патроны. Продемонстрировал окружающим. Все оказались на месте.

— Женя?

Тот тоже без возражений вытащил оружие... Толик краем глаза видел, как Витя вцепился в рукоять своего «печатника», не доставая из кармана. Да, попробуй Женёк начать сейчас палить, его бы превратили в решето за пару секунд... Все патроны оказались на месте.

— Таня?

Неформалка доказала свою невиновность так же, как партнёр — спокойно и молча.

— Витя?

И у него всё в порядке.

Неужели?..

Лерка не стала дожидаться приглашения... И у неё все восемь патронов оказались на месте.

Толик, уже ни на что не надеясь, проверил оружие Аркадия... Без толку.

— Причина смерти? — обратился он к Лере — медсестра, как-никак.

— Без неожиданностей — пулевое ранение из «печатника» в область шеи... — сообщила она через минуту.

— Да неужели?! — Танька нервно хохотнула.

Лерка спокойно посмотрела на неё:

— Мало ли... На теле могли быть и другие раны.

Та уже взяла себя в руки и промолчала.

— Сейф? — спросил Женька.

Толик кивнул в сторону сорок пятой квартиры:

— Как и положено — на замке.

— Я хочу видеть!

Они прошли вместе. Лерка, опустив голову, ушла в сорок восьмую. Витёк просто сел на пол. Танька, кажется, попыталась пойти за ними, но потом обречённо вздохнула — и тоже ушла «к себе», в сорок шестую. Толик открыл дверь шкафа, всем телом чувствуя готовность Женька начать стрелять в любой момент... Да, печать оказалась цела. Все отпечатки на месте. Открыли. Пересчитали...

Сзади что-то глухо прогремело. Как будто нечто рухнуло с большой высоты. Через пару секунд они оказались в коридоре...

— Где труп? — тупо спросил Толик. Вот уж чего-чего, а этого он не ожидал. Тело Аркадия исчезло. Особо гадать, куда именно, не приходилось: кровавый след тянулся к шахте лифта. Двери в ней давно были отжаты и раздвигались и задвигались свободно. Они использовали её вместо давно засорившегося мусоропровода. Вне всяких сомнений, тело сбросили туда. Его короткоствол, что характерно, так и лежал на полу, рядом с дверями лифта.

Женёк подошёл к шахте, посмотрел вниз... Зажёг фонарик на соетовом, осветил...

— Ну да, там. Но зачем?

Толик вздохнул. Раз преступник сделал это, значит, таким образом прятал нечто, его изобличающее. Нечто, что могло указать на разгадку... Чего именно? Способа убийства? Он очевиден. След от пули мог при более подробном исследовании что-то подсказать? То, чего Лера не заметила? Или она сама, наврав на «экспертизе», теперь скрывала следы? Ну, по крайней мере, Женька теперь точно вне подозрений. И, с большой долей вероятности, Танька. Если только они не вместе всё это затеяли, и, пока Женёк парил Толику мозги с патронами, его подруга не сделала за него остаток работы...

Тааак... Надо обязательно спуститься вниз — осмотреть тело повнимательнее! Как бы только они тут друг друга не перестреляли... Отобрать у всех оружие? Но ведь убийца обошёл без «печатника»! Значит, если всех разоружить, вооружён останется только преступник! Всех согнать вместе? Но если двое из четверых в сговоре, они прикончат двоих других без особых проблем...

— Так, ребята... — начал Толик, когда все собрались. — Всё просто. Я спущусь вниз. Вы пока отдаёте оружие — прячем его под замок — вот сюда, — он указал на дверь штаб-квартиры. — Ключ я беру с собой. Потом...

— Не пойдёт, — нахмурился Женька. — Ты будешь вооружён, мы — нет.

Толик этого ждал. И ответил:

— Я тоже сложу ствол.

Лера озвучила очевидное:

— Если у убийцы есть незарегистрированное оружие, он прикончит тебя, а потом нас всех — безоружных.

Неожиданно выступил Витёк:

— Давайте кинем монету — кому остаться сторожить, чтобы никто не мог контролировать... Трое остальных расходятся по квартирам, контролёр стоит тут, следит, чтоб ничего не случилось, и поддерживает связь с Толиком. Контролёр и Толик вооружены, остальные или безоружны, но заперлись изнутри, или вооружены, но подпёрты снаружи...

— А если сговор? — хмуро спросила Лерка.

Витёк пожал плечами:

— Безоружный компаньон на стороне убийцы несильно изменит расстановку сил, а ключ от сорок пятой и сейфа будет только у Толика.

Хм... А что, это может прокатить! Умный парень, да...

— Давайте быстрее!

Витёк порылся в карманах — и вытащил две монеты, «медную» и «серебряную».

Толик задумался.

— Ну, хорошо. Два «орла» — Женя. Две «решки» — Витя. Серебряный «орёл» — Лера. Медный — Таня. Пойдёт?

Две монеты звякнули — и замерли на полу.

— Как скажете... — Женька пожал плечами, проверяя ствол. — Надеюсь, много времени это не займёт. Иди, Толь, и быстрее возвращайся!

* * *

...Несмотря на опасения Толика, тут, внизу, почти не воняло. Ну, то есть, помой и... э-э-э... отходы жизнедеятельности они сбрасывали сюда, но здесь господствовал зимний холод, и всё, теоретически способное вонять, стало твёрдым, как камень. Тело Аркадия лежало лицом вниз. Толик только собрался перевернуть его, как... Вот интересно-то! Рана в шее, похоже, не сквозная. Но «печатник» с близкого расстояния, почти в упор, уж шею-то точно пробьёт насквозь!

Касаться трупа не хотелось. Оттягивая неизбежное, Анатолий повёл лучом фонаря вокруг, и вдруг...

Книга — Пол Андерсон, «Операция «Хаос»». Её-то зачем сбрасывать в шахту? Случайно упала, когда скидывали тело? Нет, не может быть: она была в стороне. Кто-то специально её отправил следом!

По наитию Толик схватил томик, и...

Кажется, она раскрылась на том месте, где её чаще всего и открывали.

«— А подлинное имя?»

— Викторикс.

— А?

— Это имя всегда нравилось Джинни...

Валерия Викторикс. Последний римский легион в Британии.

Последняя противостоявшая Хаосу сила, как сказала Джинни в одну из тех редких минут, когда была совершенно серьёзна...»³*

Толик прикрыл глаза. «Легион», да? В книге может быть написано что угодно. Но убийца считает, что эта книга могла бы его... её изобличить!

Детектив-любитель открыл глаза, и...

Какая забавная штука... Нет, конечно, это не лишний «печатник», хотя предмет, несомненно, оружие. Толик поднял его и осмотрел. Трубка — кажется, ножка металлического стула — заклёпана с одной стороны и посажена на рукоятку из обмотанной скотчем свёрнутой бумаги. Сверху — ну, с противоположной от рукоятки стороны — отверстие, забившееся чем-то чёрным. Резинка, сложная конструкция из проволоки, «черкач» от коробка... В общем — самопал, самодельный однозарядный пистолет. В самом деле, разве огнестрельное оружие можно сделать только с помощью принтера? Дед рассказывал, что в его время девять десятых пацанов и половина девчонок из их класса без особых сложностей могли изготовить нечто подобное за время урока труда!

Поражала, скорее, аккуратность. Вовсе ни к чему было обматывать рукоятку скотчем так ровно и плотно. Оружие же явно предполагалось одноразовым: уж больно долго и сложно перезаряжать. Анатолий понюхал дуло — явно тарасило серой. Спичечные головки? Нет, слишком сильный выстрел... Петарда или её начинка? Скорее всего: они тут находили пиротехнику... Совсем ни к чему такой сложный затвор — хватило бы и безкурковой схемы. Убийца — явно перфекционист. Чтобы всё было сделано идеально, со старанием, как будто за это оценку поставят... Да уж, привычка — вторая натура, рефлексы аккуратистки-отличницы так просто не подавишь, не так ли, Лерочка?

Закричать Женьке, чтоб блокировал её? Пока тот будет пытаться слышать, она может прорваться!

Толик сорвался с места.

* * *

Выстрел он услышал, не преодолев и половины пути. Миг спустя — удар, ещё выстрел, крики...

...Женька сидел, привалившись к стене. Правой рукой он явно только что зажимал рану в левой... Он как раз левша. Рядом Танька в слезах перетягивала ему жгутом руку выше места ранения...

---

³ Пол Андерсон. Операция «Хаос»

— Петарда, — облизав сухие губы, хрипло сказал Женёк. — Она долбанула петарду — похоже на выстрел. Я подбежал к сорок восьмой — и получил дверью в лоб... и пулю в руку.

— «Печатник» она забрала? — прокричал Анатолий.

— Нет, — ответила Танька, глотая слёзы. Она показала оружие Женьки. — Только ключ от чердака с крючка сняла, — она кивнула на стену — И неё было это, — Танька кинула к ногам Толика ещё один самопал. Тоже разряженный. Кажется, по полу рассыпалось ещё и несколько петард.

Да сколько же она их наделала?!

— Вот пуля, — Женёк здоровой рукой продемонстрировал Толику... Кажется, это была гайка. — Убежала на чердак. Беги!

Толик со всех ног бросился вверх по лестнице — и почти успел. К счастью, снаружи чердак на ключ не закрывается. Даже — совсем успел. Около ретранслятора ещё никого не было. Очевидно, Лера пошла откапывать батарею... Лишь через полминуты Толик осознал, что совершенно напрасно стоит посреди крыши без укрытия.

— Отойди от ретранслятора, — услышал он сзади.

Обернулся — в правой руке старосты был... ну да — ещё один самопал. Куда больше прежних и, похоже, двустулный. Кажется, что-то было и в левой руке. Четыре пули... против его восьми? Не такие уж у неё плохие шансы...

— Чем провинился Аркадий?

Валерия пожала плечами:

— Он солгал мне. Хотел не послать сигнал нашим, а просто заморить вас голодом — на двоих, а то и одного, запаса принтера хватило бы на год... У меня не было выбора.

— В самом деле? — Анатолий осторожно завёл руку за спину. — Дело только в этом?

Лера скривила губы:

— И он говорил глупости. Не верил, что Валериев Победоносный был последним.

— Чего? — сделал удивлённый вид Анатолий.

Отличница вздохнула:

— Долго объяснять...

Она отвлеклась!

— А почему... — начал Толик — и вырвал из-за спины печатник.

Стрелять они начали одновременно. Чтобы усложнить задачу, Толик упал, выстрелил — перекатился — снова выстрелил... Лерка не пыталась уворачиваться, просто стояла на месте и выпускала пули одну за другой... Её четвёртый выстрел и его шестой грохнули одновременно.

Лерка, поблднев и пошатнувшись, шагнула вперёд... Толик, превозмогая тупую боль в животе, поднялся на одно колено, прицелился... В руке Леры возник ещё один самопал. Всегда была запасливой... Ей не повезло — на

этот раз стенки импровизированного ствола оказались слишком тонкими, оружие взорвалось у неё в руке... но пулю оно всё-таки выпустило.

Толик почувствовал ещё один удар — куда-то в грудь. Кажется, на этот раз — всё...

* * *

...От боли Лера почти перестала соображать. Правая рука мгновенно онемела и одеревенела, дико жгло бок, глаз... Кажется, она закричала.

Вот странно — она ещё помнила, как, почти теряя сознание, умудрилась пережать жгутом искалеченную руку и даже замотать её бинтом — скорее, чтобы не видеть её, нежели потому, что в этом был какой-то смысл. Как здорово, что Аркадий спрятал батарею именно в своей аптечке! Точно так же она вроде помнила, как прилепила «заплатку» на голову и глаз — остался ли он ещё? Но вот когда она успела ещё и подпереть чердачную дверь с этой стороны багром с пожарного щита — совершенно вылетело из памяти... Чего ж ей раньше-то это в голову не пришло?!

Наконец она почувствовала себя в силах открыть аптечку ещё раз и найти универсальное обезболивающее. Вот только колоть его надо не куда-нибудь, а в вену... Лево́й рукой? Это ещё ладно, но... куда? В правой кровоток практически остановлен, туда колоть бессмысленно. Найти вену на животе? Она так не скрючится. На ноге? Да, это вариант. Вот только снять штаны в такой ситуации — задача нетривиальная — и небыстрая. А надо торопиться!

Лера нашла в аптечке скальпель... Не порезаться бы ещё дополнительно, с кровью силы уходят. Она и так не пойми откуда всё время сочится! За несколько минут ей всё-таки удалось высвободить ногу и найти на ней достаточно толстую вену... Лишь уже начав вводить лекарство, она вспомнила, что вообще-то никогда не могла делать инъекции самой себе — не могла преодолеть естественный страх боли... Ну, свои недостатки же надо когда-то изживать? Лера даже рассмеялась этой мысли. Ещё две-три минуты — и допинг-анальгетик подействовал. «Фол последней надежды»: полностью гасит боль и сверхтонизирует. Вызывает привыкание с одного раза, но если возвращаться тебе всё равно не придётся, то какая разница?

Лера встала... А, вот откуда кровь! Пуля Толика вошла в живот чуть выше печени. Семь бед — один ответ: просто ещё одна «заплатка»... Боли всё равно уже нет! Она вытащила из аптечной сумки батарею и пошла к ретранслятору... Но остановилась у тела Анатолия. Опустилась на колени, прикрыла ему глаза. Вздохнула. Так, стоп! Не время для соплей!

Да, ретранслятор... Установить батарею... вот так. Теперь — включить... И передать на его комп письмо — с телефона, по блютузу. Замечательно!

Теперь — включить на передачу... Наши узнают, откуда исходит угроза! В письме приводились выкладки Витьки и подсчёты Аркадия относительно количества прошедшей через портал техники.

Витенька вполне убедительно доказал: этот портал — последний. Все остальные землянам — путём ковровой ядерной бомбардировки целых стран и «ядерной зимы» — удалось уничтожить, надёжно перехватывать межконтинентальные баллистические ракеты пришельцы всё же не могли. Накрыть и этот — и поток апейрона из иной реальности прервётся, половина техники врага выйдет из строя, а земная, наоборот, станет работать как надо. И землян — всё ещё в тысячу раз больше! Лера вздохнула — и запустила сигнал в эфир. С батареей мощности ретранслятора хватит, чтобы перебить «глушилки» пришельцев!

Интересно — что теперь? Дальше этого момента она не загадывала. Её личная судьба попросту уже не имела значения... Кажется, настало время погадать по книжке? Лера вытащила из аптечки какую-то книгу, незнамо как там оказавшуюся и, не глядя, открыла её на первом попавшемся месте...

— ...Сегодня же будешь со Мной в Раю...

Лера рассмеялась: надо же, Новый Завет тоже теперь входит в комплектацию армейских аптечек! Даже жаль, что она всю жизнь была атеисткой.

Теперь — либо здесь окажется ударная тактическая группа оккупантов... либо из облаков упадёт стратегическая ракета своих. Лера надеялась на второй вариант. Чисто из эстетических соображений. Ей просто ХОТЕЛОСЬ ЭТО УВИДЕТЬ. Увидеть собственными глазами термоядерный взрыв — обнажённое сердце Солнца! Жить всё равно осталось недолго. Кажется, свою минутную слабость она вполне испутила... Имеет же она право на небольшой каприз?

Вот Аркадий...

Она сжала губы... Эх, ребята... Ну почему, ПОЧЕМУ они вынудили её... Нет, она не считала себя виноватой. Они ведь разрешили ей попытаться прорваться и передать сигнал, даже машину отдали... Если бы ей это удалось, по нуль-порту всё равно бы был нанесён удар, и они бы погибли вместе с ним! Её действия ничего не меняли: просто шансов на успех становилось больше. Это им следовало уйти, а ей — остаться...

Но и они... не виноваты тоже! К такому выбору невозможно быть готовыми... И Витя же её понял! Надо было сразу ему довериться... Лера тряхнула головой. Она делает так, что никто ничего не узнает!

Второпя она набирала левой рукой, тоже постепенно наливающейся тяжестью, второе письмо. О том, как она, Витя, Аркаша, Женя, Таня, Толя — вместе, и никак иначе! — готовили послание и рвались к ретранслятору. Как Аркадий и Анатолий не дошли. Да пусть все они считаются героями — ей жалко, что ли?..

Она как раз успела отправить второе сообщение, когда откуда-то из-за соседнего дома показался вертолёт с четырьмя винтами — и радужный шар рядом с ним. Лера выпустила в сторону винтокрылой

машины оставшиеся два патрона из Толиного печатника... Кажется, один раз даже попала. Внезапно вертолёт развернулся — и буквально «бросился наутёк», шар едва поспевал за ним. На максимальной скорости — куда-то в сторону, противоположную нуль-порту. Явно это не она так его напугала! Неужели?..

Да: из облаков падала, сияя, как сверхновая, ракета. Ну, кажется, её последний каприз Бог исполнил?..

— Прости, Витенька. Это будет быстро. И — красиво!

* * *

Боеголовка межконтинентальной баллистической ракеты РС-36М, последней из оставшихся в распоряжении земного командования, падала на обреченный нуль-порт. Этот вариант «Воеводы» имел комплектацию типа «тяжёлый моноблок». Мигом позже чудовище прошлого мощностью в двадцать пять мегатонн одновременно высвободило энергию, равную той, которую Земля получает от Солнца примерно за полсекунды. В короткой вспышке мгновенно растаяли и Лера, и «шар» с «вертолётном», и Витя, Таня и Женька, и значительная часть армии вторжения. И — последний портал: дверь между мирами с грохотом захлопнулась — навсегда. Равнодушному термоядерному огню было совершенно всё равно, что отправлять в небытие.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ДЕМИСЕЗОННЫЕ
РИФМЫ

ДМИТРИЙ ВЕРЕСОВ
ТВЕРДЫЙ САЙ-ФАЙ

ИЛИ
В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО СУПЕРГЕРОЯ

Под лазурным небосводом
Над старинным над прудом
Был воздвигнут для народа
Офигенный космодром.

Там под ярким солнцем мая
Изготовившись в полет,
Отражателем сверкая,
Замер грозный звездолет.

Меж плакатов здоровенных
«Космос — наш!», «Вперед, Земля!»
Дребезжат на вибростендах
Всяки-разны модуля.

Там тачают оверлоки
Невесомую броню,
Там скворчит на пищеблоке
Межпланетное меню.

А в просторном гулком зале,
Освещенном будто морг,
На стене висит Гагарин
На столе лежит киБорг.

Черепушка нараспашку —
Из-под схем сочится кровь
И причудливая кашка
Из мозгов и проводков.

И вживляет чип-процессор
Шевеленьем ловких рук
Хая Марковна, профессор
Вивисекторских наук.

Вот заварен череп медный
Тонким лазерным лучом,
И, очнувшись, киборг бедный
Тщится вспомнить, что почём.

«Кто я? — шепотом спросил он. —
И почто я в сих стенах?»
«Брат, зовешься ты Василий,
Кибер-иеромонах.

Ты от края и до края
Пять галактик отмахал,
Словом Божьим окормляя
Всех, кто под руку попал.

Днесь читают Символ Веры
Обитатели планет –
И псиглавцы, и химеры,
И зеленый короед.

Приобщал ты к благодати
И молитвой, и постом –
Только вдруг, совсем некстати,
Вышел маленький облом.

На квазаре класса Гамма
В Подсистеме 8-Б
Обскакали нас имамы
На хромой шайтан-арбе.

И когда, ковчег покинув,
Крест вознес ты над собой,
Шестикрылых сарацинов
Налетел гудящий рой.

Машут знаменем Пророка,
Голосят «Аллах акбар»,
Водит жвалами жестоко
Главный ихний саранчар.

Вот, запущен вражьей силой,
Просвистел кривой кинжал –
На снегу монах Василий
Обезглавленный лежал.

Но смекалист был и ловок
Православный капитан –
С боевых шестидюймовок
Расфигачил басурман.

Над тобой же пропели
«Со святыми упокой» –
Заморозить повелели
В жбане со святой водой.

...И когда б не тетя Хая,
Быть тебе сейчас в раю».
А в ответ: «Не надо рая,
Дайте Родину мою!»

ДМИТРИЙ ИВАНОВ
ИЗ ЦИКЛА «ВРЕМЕНА Г»

* * *

ослеп фонарь...
в песке не видно сфинкса...
и над пустыней стынет лёд придонный
простыл январь
за ёлочным единством
и расцветают нежностью патроны
у февралей
продажная метельность
а марту сам нечистый помогает
не лей елей
на лапы красных мельниц
когда Париж рассветом выцветает
свистит апрель
субботником роскошен
и мая жилки словно паутина
июня гель
в невинности безбожен
в июль летит разношенный ботинок...
остатки лета
в осень прорастают
геенную гниение пополнив
и нет ответа
кто здесь умирает
и чей же долг заложен в банке молний
и вот декабрь
пропал на новоселье...
в новейший год дежурных соответствий...
как пономарь
повесившийся в келье
предвестником тонированных бедствий..

ПАРУС БАРЕНЦА

такие страсти разгорались
я тростью трусость утрясал
на мой порыв претендовали
матросы
тросы
паруса
на палубе...
остатки ночи

кристальным вышиты литьём...
сиянье полюса... отсрочит...
поляны
Грига...
помянём...
или помянем если точно
да впрочем стоит ли жалеть
как Сольвейг
нежно
нам не спеть...
и он не смог тебя согреть
отгородить любовью Вечность
в такой заочности беспечной...
ну точно белый как медведь
голландец — dutch...
Шпицберген с нами
и над Норвегией туман
где фьорды точат солью камни
и паком лёд обетован...
я выткал озеро зари
но в ночь ушло моё творенье
и в море льда дежурный пленник
застывшим панцирем парит
образчиком непротивленья...
на этой широте души
души полярного замеса
Гольфстрим неистово спешит
шипами
льда
закончить мессу
на роз морозы накрошив...
и где-то новая земля
что вправду Новой оказалась
и сейда Баренцу досталась...
приняв
его
под
редкий стланик...
когда
он лево дал руля

* * *

и ночь не стоит, чтобы с ней бороться...
и утро вздорожало во сто крат;
сперва отмою пятнышко на солнце...
потом узнаю, с чем его едят;

и утро захрустит пурпурным глянецом,
прикрыв глаза дежурным фонарям,
и генеральский жезл в солдатском ранце
звонит не вопреки... благодаря!

Из цикла «Территория осени»

Партитурой осенних проводов
Вызываю осень.
Осень на проводе
трепещет растяжкой изолятора —
её отбросили,
будто бы доводы
отбрасывают прочь провокаторы.

Стан нотный, трёхфазный...
В режиме взлётном
почти безотказно,
бесповоротно
действует, как партитура...
Бью наотмашь, ломлюсь буром,
будто медведь бурый
Топчу бекаром⁴ валежник.
Сегодня я гуру —
осенний эрзац-подснежник.

ТАЕТ-ТАЕТ НОВЫЙ ГОД...

низкий поклон Марановой Ирине за тему

Новый год непутёвого счастья
нагадаем себе, старина...
Будет дождь — проливное ненастье,
и морозная — будто канат -
череда Рождества и метелей,
Дед Морозов и хладных страстей...
Приходи к нам, зима, на неделе,
или ты потеряла патент
на наряды для елей и сосен,
на ведение снежных атак?..
В дверь скребётся усталая осень
без единого, кстати, листа.
Обнажённая, тихая, злая,
словно ведьма из дальних болот.
Пёс встревоженный вежливо лает,
провожая невежливый год.

---

⁴ В данном случае, как полагает автор, это знак его намеренного от-каза от аллитерации;

Физ КУЛЬТ весны

сорвало маску полусна
с моей не выспавшейся рожи
и проповедует весна
физ КУЛЬТ шагрени вместо кожи

и полурадует навзрыд
остылость пошлостей усталых
румянцем вытказ летний стыд
дождём распятого металла

и ржой украсив пятна рож
апрелем в бездну засветило!
весну напрасно не тревожь
пока она не угостила

тебя берёзовым листом...
или... сначала... вербным светом...
начни её вдвоём с постом
и стань неизданным поэтом...

Ирина Денисовская

ОСЕНЬ

В сумрачном парке было мне пусто и странно. Осень ударила ветром и запахом терпким палой листвы и намокших деревьев. Пусто в душе, и под ветром на ветке лист одинокий качается в такт моим мыслям. Осень и ветер поют мне куплеты прощания. С летом уходят надежда и радость. Зимы предвкушенье в воздухе зябкою дымкой висит меж кустами. Осень...

Листья с березы летят кружевным снегопадом. Желтым, на солнце блестящим и к миру зовущем. К миру в душе и согласию с другом сердешным. Где ты? Я так по тебе в своих мыслях скучаю. В снах я зову тебя именем странным. Нету... Лишь крест на могиле подернутый копотью старой, от дыма сгоревшей печали. Той, что уносится ныне как лист. Лист, над дорожкой летящий. Лист, за могилы цепляющий острыми кромками. Будто когтями. Когти те раны наносят и нежной душе ожидающей мира. Напрасно...

Небо высокое, светлое дарит мне солнце и пахнущий морем и югом порывистый ветер. Ветер несет облака кружевные. Все мимо. Где же вы зимние тучи? Ну где вы? Ну, где вы?! Жаждет душа белизны, первозданности, вихрей метели. Чтобы на землю упали холодные хлопья. Саваном белым закрыв яркость осени, буйства из красок. Золото,

рыжесть, багрянец запрятав под чистый покров из снежинок и льдинок. Долго мне ждать снегопада, что скроет могилу. Листья слетают с деревьев на теплую землю. Щедрая осень бросает резные подарки на землю. Тихо подарки шуршат под ногами, скрывая ухабы. Ангел, что скорбно грустит над могилой, ими обряжен в яркую тогу. Нету в душе ни покоя, ни мира. Напрасно...

Небо высокое, светлое дарит мне солнце.

КАМЕЛИЯ САНРИН
ДАЙТЕ ЕЙ ПОСПАТЬ

Лето сказало: «Бывай!» — и ловит попутный трамвай. Бегу за трамваем, искры в горсть собираю. Буду разбрасывать, как семена, лето зимой вспоминать.

А сейчас — с осенью. Соскучилась осень, впустить просит. Стоит на пороге — утомились ноги, долго брела, краски брала, ягоды собирала: «Для тебя».

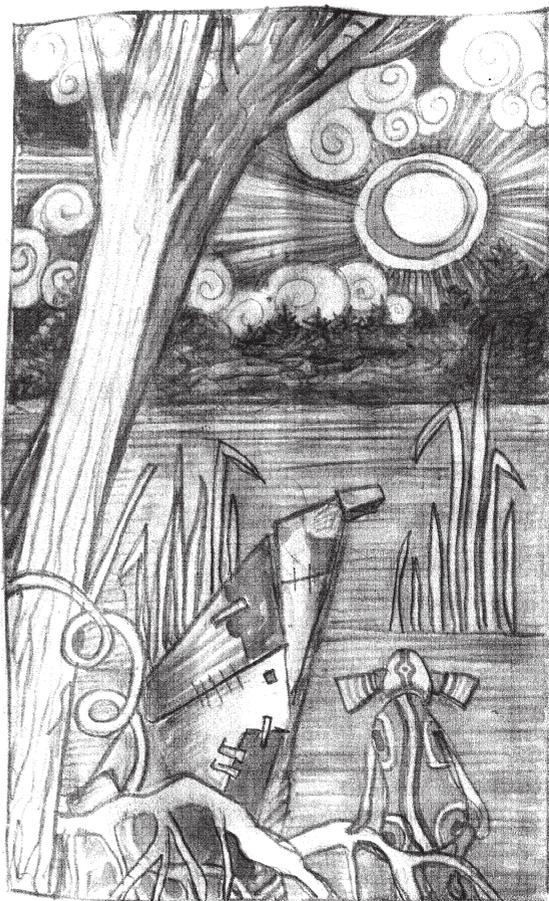
Осень устала. Постели ей лоскутное одеяло, налей прохлады, скажи, что рада.

— Утром она гуляла по саду. Запах остался, а осени нет. Был осенний рассвет, а утром — лето опять.

Тс-с-с... дайте ей поспать.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
БАРХАТНЫЙ СЕЗОН

ЭЛЬВИРА ЖЕЙДС
ЦЕРКОВЬ И НИИЧАВО

«...Звездам числа нет, бездне — дна...
Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества...»

М.В. Ломоносов

Церкви близки идеи писателей-фантастов. Особенно идея выживания и развития отдельного человека и вида *homo sapiens* в целом. Бессмертие — общая цель, достижению которой служат разные средства, которые взаимно обогащают опыт науки и опыт религии.

21 июня 2018 года в Пулковской обсерватории состоялось XX юбилейное вручение АБС-премии. самого значительного события для современных российских писателей и читателей. По формулировке Б.Н. Стругацкого: «Премия присуждается за лучшее фантастическое произведение года, причем под фантастическим понимается любое произведение, в котором автор в качестве художественного сюжетообразующего приема использует элементы невероятного, невозможного, небывалого».

Главный праздник общины-фэндомы, людей, собравшихся вокруг идеи и личностей, отчасти пророческих книг, первых семинаристов-прогрессоров и учеников последующих поколений, с символом самого искусства на почетном месте, артефактом — семигранной гайкой — обязательным продуктом воображения. Сообщество хранит свое предание, — архив, обычаи и традиции, и бережно опекает культовые места. Есть те, кто в своем творчестве придерживаются оригинального стиля мэтров, добавляя свое мастерство и фантазию, подобно интерпретациям фуги на предложенную тему и *ad libitum* на полях, помноженным на квантовый принцип неопределенности Вселенной. Есть новаторы и первопроходцы. Импровизаторы. Есть даже свои ортодоксы — людены, и сектанты — мертвяки. И другие. Разные. Те, кто счастлив, и умеет сделать счастливыми других. Но, при всех различиях, остающиеся на одной орбите. Ибо велика сила притяжения Двойной звезды.

Представитель фонда «Созидающий мир» в приветственной речи точно отметила, что двадцать лет — это уже миссия, которая начинает существовать вне времени.

Церковь существует уже более 2000 лет... А иные религии и того больше.

ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И НАУКА

В одном стихотворном экспромте писателя-фантаста и ученого-биолога Юлии Зонис вполне религиозное понятие плеромы применено ко всей человеческой жизни, а жажда, ожидание, воображение и скука кратко и емко признаются двигателями науки и писательского труда. Можно верить и в отсутствие веры. Ученых, фантастов и служителей церкви всегда будут объединять знания и умение предвидеть и предугадать.

Наивысшим признанием научных достижений на сегодняшний день все еще является Нобелевская премия. Кроме того, что сама она была учреждена изобретателем динамита лютеранином Альфредом Нобелем, в разные годы ее получили, например, только по физике лютеране Вильгельм Рентген (1901), Антон Лоренц (1902), Питер Зеeman (1902), Вильгельм Вин (1911), Макс Планк (1918), Нильс Бор (1922), Густав Людвиг Герц (1925), Вернер Карл Гейзенберг (1932), Эрвин Шредингер (1933), Эрнест Орландо Лоуренс (1939), Макс Борн (1954), Вальтер Боте (1954), Поликарп Куш (1955), Юджин Вигнер (1963), Оге Нильс Бор (1975). Врач Альберт Швейцер удостоился Нобелевской премии мира.

Лютеранин Иоганн Кеплер внес значительный вклад в развитие астрономии.

В Санкт-Петербурге на Смоленском Лютеранском кладбище покоятся прихожане лютеранских общин (в большинстве — Святой Екатерины), сформировавшие российскую и европейскую науку. Леонард Эйлер, великий математик. Фридрих Шуберт, академик, астроном, в 1804 году заведовавший обсерваторией. Его потомку недавно наш писатель и художник Юрий Зверлин подарил свою картину. Сын Шуберта — картограф, автор уникального плана Петербурга, внучки — Софья Ковалевская и писатель Анна Жаклар. Академик Якоби, физик, электротехник, изобретатель гальванопластики и синхронных телеграфных аппаратов, в 1834 году построил первую действующую модель электродвигателя, в 1839 году, совместно с инженером Ленцем построили первое электрическое судно и тележку на рельсах — прообраз трамвая и электричек. Генрих Шторх — ученый-экономист, историк и библиограф. Вице-президент Российской АН, совместно с Ф.П. Аделунгом составил «Систематическое обозрение литературы в России с 1801 по 1806 г.г.», положив начало русской книжной статистике. Леопольд Шренк руководил экспедицией 1850-е на Амур и Сахалин, с 1879 по 1894 — директор Музея антропологии и этнографии. Павел Шиллинг фон Канштадт — физик, изобретатель электромагнитного телеграфа и способа литографии, друг В.Л. Пушкина. «Профессор профессоров» Герман фон Паукер, математик, инженер, академик и министр путей сообщения. Георг Паррот, академик, профессор физики и прикладной математики. Людвиг Нобель, инженер-изобретатель, создатель первого нефтяного танкера и нефтепровода в России, брат учредителя премии. Адольф Купфер,

академик, основатель и директор главной физической обсерватории. Фридрих Клиндер, автор многочисленных пьес и романов, по одной из которых, «Буря и натиск», названо литературное движение в Германии, оказавшее влияние на молодого Гете. Карл Кесслер, академик. Основал Зоологический музей в Петербурге, в 1867-1873 — ректор СПбГУ, основал общество естествоиспытателей и был его президентом 11 лет. Егор фон Канкрин, министр финансов, автор романов «Дагоберт» и «Фантазии слепого». Антон Каминский, профессор гидробиолог, метеоролог, климатолог. Инициатор полярной экспедиции на поиски Земли Санникова. Алексей Грейг — ученый, астроном, председатель комитета по строительству Пулковской обсерватории. Изобретатель и проектировщик. Герман Гесс, академик, основатель термохимии. Семья Авенариус.

Имена лютеран Дельвига, Даля, Вольфа, Проппа, Энгельгардта известны каждому писателю.

Во время своего пребывания в Петербурге членом нашей общины был Генрих Шлиман, чья история жизни, сила воображения и значимость открытий уже подарили сюжеты не одному фантастическому произведению.

STYLUS FANTASTICUS

Фантастический стиль в музыке — это многоголосие Палестрины, новое мышление и исполнительская практика, отклонение от нормы, страсти, аффекты и полутона, бемоли и диезы, пространное виртуозное инструментальное произведение, не связанное с каким-либо первоисточником вроде грегорианского или лютеранского хорала. Гармония в музыке — это рефлексия пропорций мироздания.

Автором термина считается иезуит Атаназий Кирхер, издавший в 1650 году свое сочинение «*Musurgia universalis*». Его авторству также принадлежит конструкция водяного автоматического органа, золотой (ветряной) арфы и говорящей трубы, вечного двигателя и кошачьего клавира. Ученый-энциклопедист, он опубликовал в 1665 году книгу «Подземный мир» с подробнейшей картой Атлантиды. Его называли «магистром сотни искусств», уподобляя Леонардо да Винчи, и последним человеком эпохи Возрождения. Работа по аллегорической интерпретации истории ноева ковчега и исследование последствий потопа с точки зрения биолога и геолога вполне сошла бы за роман-антиутопию. Работал над манускриптом Войнич.

Хорошую книгу можно перечитывать бесконечное число раз. Фактура словесного полотна будет различна в зависимости от сиюминутного ракурса нашей повседневности. Интерпретации автора будут свободны, лишены канона и рамок пространства и времени. Интерпретации читателя позволят остаться в «книжном детстве» и сохранить живость своего воображения.

Интерпретация — это не просто свободное движение, это космос и состояние невесомости. Не зря Тарковский выбрал для своих кадров

в фильме «Солярис» 639 хоральную прелюдию фа минор «Взываю к тебе» Иоганна Себастьяна Баха в переложении Эдуарда Артемьева — произведение *slylus fantasticus*. Музыка к фильму в 1972 году записывали в нашей церкви на студии «Мелодия». И эта музыка сопровождала церемонию награждения финалистов АБС-премии.

Прелюдия, написанная много веков назад для церкви и молитвы, создала атмосферу будущего неземного мира в исполнительской эстетике советского времени.

Фантастический стиль предусматривает воздействие на читателя как характером произведения, индивидуальностью автора, его хорошим вкусом, чувством юмора и чувством меры, так и тем, какого читателя видит перед собой автор, предугадывающий ожидания. Стиль, делающий чувства и эмоции видимыми и осязаемыми. Кирхер считал, что аффекты являются магическим действием, управляют влечением человека к музыке и общением с потусторонним.

Жажда новизны и открытий привела к тому, что в музыке XVII века появились звуки всего, что окружает человека — звон колокола, стук топора, пение птиц, шелест травы и покачивание колыбели, и того, к чему стремится человек — исцелению души для вечности. Фантастический стиль — это музыка сердца, а не метронома и учительской линейки.

Этот стиль родился в обновленной церкви, стал равно результатом Реформации и Контрреформации. В Германии самым ярким его представителем стал Дитрих Букстехуде, чьим учеником стал и Бах.

Литературный жанр фантастики в глазах читателей ошибочно лишен таких качеств, как в музыке. Что отчасти обусловлено наличием массы странных книг, не относящихся ни к какому другому жанру, и поэтому «приписанных» к фантастическим произведениям.

Фантазия автора в описании мира, транспорта и оружия, роботов и средств связи — то есть изменения уже придуманного ранее, сцен сражений и любви в космосе или на астероиде, турбореализма в осколках розовых очков, не станет фантастикой по умолчанию. Технические усовершенствования становятся целью, а не средством достоверности сюжета. Гораздо перспективнее в этом отношении старый чердак с диваном-трансформатором, котом-проводником, уходящей в туман антенной и хищными петуниями на балкончике. Обычные люди в гипер-необычных обстоятельствах или мирах были героями фантастики прошлого. Сегодня на полках книжных магазинов множатся необычные герои, не всегда с приставкой «супер» и неопределенными моральными принципами. Как правило, все сюжеты этих книг предсказуемы, однотипны. Сам текст не отличается не только богатством языка, но и грамотностью, как таковой. Иногда в нагромождении языковых конструкций, ярких и замысловатых, особой идеи нет, или уж очень она нехороша по зрелом размышлении. Тем ценнее воистину качественные находки. Тем чаще думающие читатели

обращаются к фантастической классике, уравнивающей законы физики, математики, эволюции и нравственности. В том числе в эсхатологической перспективе. И в той пропасти, что лежит между прогрессивным человечеством Полдня и давно стершей свои следы высокоразвитой цивилизации Странников. Крайне редко в фантастическом произведении читатель увидит семью, живущую счастливо. Эта модель давно перестала удовлетворять как авторов и читателей, так и общество в принципе. Дело и интерес больше объединяют людей, одиночество становится все более предпочтительным, доверие к людям — смертельно опасным, любви прочно сопутствует страдание, сложности общения и восприятия. Чувства притупляются. Без чувств фантастика существовать не может, поэтому ими наделяют уже не людей, а роботов, инопланетян, животных, растения, даже камни и домашние тапочки.

В такт медленно вращающейся божественной мельнице свою партию отыгрывает наука, как контрапункты над основной темой. Но больше, чем наука, церкви интересна социальная фантастика. Церковь живет в людях, говорит с ними, слушает их и старается помочь. Сквозь призму гротеска антиутопии можно разглядеть те проблемы, которые придется решать в ближайшем будущем. Фантасты предлагают свое решение грядущих проблем и конфликтов интересов, церковь должна предложить свое. И в этом смысле у церкви ошутимое преимущество, поскольку ее служители, как правило, прекрасно ориентируются в мире фантастики, будучи начитанными интеллигентными людьми. В то время, как у фантастов представления о церкви и религии весьма одномерные, туманные и недостоверные. К неудовольствию атеистов реальность такова, что абсолютно все фантастические произведения и их авторы — продукт христианской культуры, результат развития языка, науки, музыки и т.п. Церковная история и описание миссионерских подвигов превосходит самые смелые фантазии. Подавляющее число сюжетов — интерпретация библейских текстов, не говоря уже о простом пересказывании своими слова и современным языком видений пророка Иезекииля, Иоанна Богослова и различных христианских мистиков. Также благодатной почвой для фантастов стали религиозные тексты других религий и героические эпосы. Например, Старшая Эдда, Махабхарата, Калевала и другие.

Более ста лет фантасты создают миры и пространства без Бога или богов, но церкви не опустели. Декан собора Святого Патрика англиканской церкви Джонатан Свифт сам писал о мирах лилипутов, гунгнмов и летающего острова, где идеи религии нет в принципе, и он же сочинил прекрасную социальную сказку о бочке и Левиафане. Его произведение «Битва книг» о сравнительных достоинствах литературы актуально, как никогда. Целью его творчества было совершенствование рода человеческого, что вполне предсказуемо, хотя он и не верил в научный прогресс.

Нет ничего нового под солнцем. Но можно по-новому на него посмотреть. В этом заключается умение и ответственность современных авторов. Каждое слово обязательно отзовется. По мнению английского теоретика искусства, поэта и художника Джона Рёскина: *«Слова должны вызывать ясный и благородный пыл, быть южным ветром и радужным дождём для всей горечи холода и приносить одновременно силу и исцеление. И в этом заключается дело человеческих уст, завещанное им Богом... Научившись рассуждать, вы будете учиться петь, вы сами захотите этого. В нашем прекрасном мире есть так много причин петь, если только правильно воспринимать его».*

Культ карго не так уж далек от ИИ-божества. Разница в сингулярности. Церкви нужно очень много времени, чтобы изменить хоть что-то в себе. Как правило, улучшение она видит в возвращении к прошлому. Церковь не лишена иллюзий, фантастике свойственен описательный реализм. Церковь безусловна, в фантастике множество условностей, которые она же нарушает. Читателем и членом общины движет потребность в удивительном. Церковь полна загадок, тайн, Тайны по своей природе. Фантастика создает таковые, чтобы привлечь и увести читателя за собой. Церковь находится в мистическом пространстве и времени. Фантастика — в художественном. Церковь оперирует понятиями бытия-небытия. Фантастика — бывалого и небывалого.

Цитируемый фантастами проповедник писал: *«Итак увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это — доля его; ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него?.. тогда я увидел все дела Божии и нашел, что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого; и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть этого».* (Еккл. 3:22 и 8:17).

Кто приведет человека к тому, чтобы заглянуть в будущее?

Свежесть, острота и общественный вызов — свойства зеленого лука, по словам героя Зиновия Гердта из «Эры милосердия». Таковы и свойства фантастики. Эти свойства присущи первым христианским проповедям.

Приключения духа и тела, которые заставляют читателя сопереживать персонажам, церковь не отрицает, но обогащает своим опытом. В том, что касается этических и моральных препятствий, стоящих перед человеком и обществом, то церковь знает человеческую природу, как никто. Фантастические представления о должном и недолжном вполне сочетаются с церковными.

Религия двигает новые науки и научные дисциплины и дает свое видение сверхчеловеческого.

Фантастический художник Елена Альфоцентаврова считает, что если религия не подтянется до уровня человека будущего, то она исчезнет, как артефакт прошлого. Смена парадигм является общей неизбежностью.

Есть мнение, что фантасты не пишут о будущем, но интерпретируют настоящее, отражают его, как в зеркале. И зачем верующему человеку фантастика, если она — бедная религия для атеистов? Единственная очевидная точка соприкосновения для абсолютно разных людей, заключающих молчаливый договор о принятии на веру одними того, что пишут другие. Каждый фантаст формирует свой символ веры. Или рисует. Ведь комиксы достаточно прочно обосновались на книжных полках.

Фантастический стиль сделал музыку сверхъестественным сокровищем церкви, позволил отодвинуть границы человеческого мира в бесконечности и влиять на разум и сердце. Он стал универсальным языком, понятным всем.

Кирхер назвал восемь основных аффектов, которые музыка может возбуждать в человеке: величие, желание, печаль, отвага, восторг, гнев, умеренность и святость. Его последователи насчитывали уже 27. Теорию аффектов, сформированную во времена Аристотеля, разделяли многие философы и сочинители, и управляли восприятием своих читателей, формируя их сердца, словно воск.

Фантастика — это стиль языка, средство для усиления восприятия. Это не странное или чудесное, и не всегда выдуманное, но соответствующее естественным законам. Фантастика помогает понять, что будущее зависит от того, в чьих руках находится наука. Церковь это осознала много веков назад. Многие из того, о чем лишь написано фантастами, церковь пережила в настоящем.

Поэтому для верующего человека фантастика — это не бедная религия, а другой набор аффектов, позволяющих уйти от сугубо церковной реальности, потому что нельзя неизменно пребывать в состоянии восторга или святости. На сегодня церковь находится во времени на последнем отрезке пути перед концом света, и перед вратами ада в пространстве.

Церковь была и остается хранительницей знаний. Многие писатели-фантасты занимаются наукой, большинство из них — обладатели большого количества накопленных материалов, но в массе своей те, кто пишет сегодня, продвинутые пользователи сети. Тем ценнее академически образованные авторы. Тем ценнее с годами будет АБС-премия, поскольку круг тех, кто принадлежит ее сообществу, в большинстве своем именно таков.

Дитрих Бонхеффер в своей идее безрелигиозного христианства выдвинул тезис: Церковь должна стать «Церковью для других». Она существует не ради себя самой и не сама по себе. И должна заботиться не о себе, в первую очередь. Она существует, чтобы служить миру, чтобы служить человеку.

Похожие тезисы не раз выдвигали и писатели-фантасты. Служить человеку, миру, великому множеству миров настоящего и будущего.

КОНСТАНТИН ГУЛЯЕВ

ШЕДЕВР

Итак, займёмся разбором фантастического произведения, романа с большой буквы, тетралогии великого нашего современника Василия Васильевича Холмогорина. Автор не в первый раз радуется очередным шедевром, а пытливый ум писателя и его буйная фантазия постоянно преподносит сюрпризы изощрённому и избалованному читателю.

Осмелюсь начать, собственно, с жанра. Вне всяких сомнений, перед нами высокое эпическое фэнтези с заявкой на исторический роман. Разумеется, хронотоп большой дороги, однако же часто нам встречаются сцены и из прочих хронотопов — все они так или иначе в романе присутствуют.

Главные герои в количестве трёх-четырёх существ — у Холмогорина, как мы знаем, иногда очень сильно размыта грань между главными героями и персонажами второго плана — каждый, что называется, на своём рубеже ведёт непримиримую борьбу со злом. Зло, как диктуют тесные рамки жанра, абсолютно, непобедимо, изощрённо и само, в свою очередь, является заявкой на главного героя, которое ведёт аллегорическую борьбу с таким же абсолютным добром. Перед нами вечный и неразрешимый фабульный тупик, друзья мои, и он вполне мог бы заинтересовать Александра Михайловича Анисова, да и самого Вольфа Шмида.

Я не готов пересказывать сюжет — ещё не родился тот, кто сможет изложить его в виде какой-либо рецензии: автор параллельно ведёт двенадцать сюжетных линий, и все они постоянно зависят одна от другой, перетекая и перемешиваясь меж собой подобно граням кубика Рубика. Холмогорин явно претендует на лавры не только Толкиена, но и самого Мартина... Нет сомнений, что в конце романа все линии сходятся в единое целое, являя нам мистический, феерический и кульминационный финал — даже у меня язык не повернётся назвать это развязкой.

Возьмём одного из главных героев — орка, коего величают Манголом. Он начинает свой путь простым послушником, уставшим от крови и лязга мечей, от ужасов непрекращающейся войны — и эта внутренняя борьба, эта его усталость становится источником побуждающих мотивов и помыслов, гулким эхом противоречий вторя всей творящейся несправедливости этого мира. Манголом становится пилигримом и ставит целью пройти все святилища богов ойкумены. Подобно пророку, шествует он из приората в приорат, неся свет истины заблудшим и отчаявшимся. Характер орка закаляется подобно эльфийскому клинку, герой меняется до неузнаваемости к концу книги,

преодолев все выпавшие на его долю испытания. Ну, о сюжете и героях можно говорить очень долго, однако давайте пожалеем слушателей и обратимся к литературным достоинствам произведения.

Высокий стиль изложения: эпический, поэтический — почти былинный — вне всякого сомнения достоин высших похвал. «Из лёгких разом исчез весь воздух, а мурашки хищной стаей хлынули за ворот, продрав частым гребнем кожу до костей» — воистину вы видим перед собой мастера слова. Синтаксический разбор текста бессмысленен — каждое слово стоит на единственно возможном месте. Однако же, когда автор переходит временами к готическому стилю изложения — тут он уступает признанным мастерам жанра — Рив, Боуэн и прочим корифеям литературы такого рода. Пунктуация уникальна и любопытна — автор смело экспериментирует знаками препинания, внося новое слово в изучении данных тенденций.

Диалоги тщательно продуманы, пейзажи яркие и по-ирландски завораживающие. Видно, что мастер достоверности досконально изучил все возможные места земного шара, отражения которых мы можем наблюдать в романе. Всякая деталь — будь то боевой молот героя или волос на лацкане камзола его антипода — играет свою значительную роль в повествовании, каждая мелочь тщательно продумана, и все они работают на развитие сюжета в нужном автору направлении.

Ну и, конечно, магия. Тут Холмогорин, ко всеобщему удивлению, претендует на звание научного фантаста — устами магистров и их учеников объясняется источник, магические — а в них мы узнаём физические и химические — свойства малейшей искры или файерболла, исчезновений и появлений материи и её трансформацию на атомарном уровне. Отбросив сомнения, я смело рекомендую данное произведение для внеклассного чтения учащимся с шестого по одиннадцатый класс, а также и для абитуриентов высших учебных заведений соответствующей направленности. Ломоносов, Лавуазье, да и сам Ньютон обрели достойного приверженца просвещения в лице Василия Васильевича.

В целом же о романе можно говорить бесконечно — он колоссален по замыслу и совершенен по своей сути. Батальные сцены невиданной реалистичности, фундаментальные вопросы мироздания, вечные конфликты поколений и поиск того, что может объединить наше, реальное общество, философия глубинных поведенческих реакций героев — всё нашло отражение в этой великой эпопее. Приятного прочтения.

Критик Мاستихин, опубликовав сей опус в крупном альманахе «Профкритфантлитобоз», решил нанести визит Василию Васильевичу.

— *Reducto ad absurdum!* — отчеканил Холмогорин, спуская рецензента с лестницы. — Чтоб ноги твоей тут не было, ак-кул-ла пер-рра.

ТАТЬЯНА БЛЕЙЗА

МАСКА

ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МАЛЕЕВКИ-ИПК-2019

РЕКОМЕНДАЦИЯ ДМИТРИЯ ВЕРЕСОВА И МАРИИ СЕМЕНОВОЙ

Узловатые ветки высохших деревьев тянутся вверх, к высокому бледно-голубому небу. Редкие порывы ветра рождают стремительные, но быстро опадающие вихри. Яркое, беспощадное солнце слепит глаза и обжигает открытые плечи. Горячая сухая пыль липнет к ногам и противно хрустит на зубах. Гулко и громко бьётся сердце, сбивая дыхание и заставляя жадно хватать ртом раскалённый воздух.

Где я?! Что со мной происходит?!

Длинная пустынная улица, одноэтажные глинобитные прямоугольные дома с плоскими соломенными крышами. Нет ни людей, ни машин... Никого... Только лохматые собаки со спутанной шерстью и безучастными жёлтыми глазами лежат в тени и не обращают на меня никакого внимания.

А ведь только что я была совсем в другом месте! И каким-то образом очутилась здесь — в этом странном селении... И что это значит? Что я теперь попаданец? Но тогда где каменные дома? Рыцари в доспехах? На худой конец — демоны или какая-нибудь нечисть? Так... Спокойно! Как там эти «попаданцы» размышляют? Надо просто сосредоточиться и вспомнить, что со мной произошло.

Мы с Еленой два дня назад приехали на Кубу. Позавчера были в дельфинарии и на аллее Марти, вчера купались и загорали на Варадеро, а сегодня она потащила меня по местным сувенирным лавкам. Елена накупила себе кучу раковин, футболок, черепаховый гребень и выбирала к нему бусы, а я сняла со стены маску... Точно! Всё случилось из-за этой маски!

Странная такая. Половина красная, половина чёрная, а на лбу две линии. Я её со стены сняла, приложила к лицу и обернулась к висящему за спиной зеркалу... И сразу закружилась голова, затошнило, в глазах потемнело. И вырубил. Очнулась я уже здесь. На этой жуткой улице!

Ладно. Без паники. Попаданец, так попаданец. А слово то какое мерзкое... Попа-данец. Что они, попы свои раздают? Тьфу ты! Ну и галиматья в голову лезет! Так... Сейчас я успокоюсь и пойду искать местных. Кто-то ведь живёт в этих домах! Или жил?..

А ещё хочется пить. Даже губы пересохли. Хорошо хоть сумка никуда не пропала, так и висит на плече. Так, что там у меня? Вода! Целая бутылка воды! Что ещё? Влажные салфетки, ключ от номера, кошелек, солнечные очки, расчёска, косметичка, три мандарина, крем от загара. Да уж... Знала бы куда попаду — рюкзачок бы с собой собрала. Но ничего

не поделаешь, хоть вода есть, и то ладно.

На самом дне телефон... Ну конечно, не работающий! Хотя утром был заряжен на шестьдесят процентов. Зато можно выпить немного воды, наконец-то оттереться от пыли и отправиться на поиски.

Направо или налево? Лучше направо — там нет собак. Кто знает, что у них на уме? Лучше не рисковать.

Пусто... Везде пусто. Пустые комнаты, пустые дома, пустые улицы. Только пыль и песок. И никаких намёков на людей. И за городом пусто. Хотя какой это город? Три прямые улицы, на каждой из которых пара десятков домов.

Выжженная степь без дорог, столбов, указателей. Сухая трава, кое-где серебрятся островки ковыля, торчат колючки и алеют маки. Ну вот откуда здесь маки?! Или это как у Кинга — миллион алых роз, а посреди них «Тёмная Башня»? Но здесь то башни нет! Даже сараюшки никакой нет. И что теперь делать? Всё это так странно... А самое странное, что я не паникую. Хотя... Это как раз и не странно. У попаданцев вообще никогда не бывает паники!

А вдруг отсюда совсем нет никакого выхода? И что дальше? Я умру от жажды и голода? Есть совсем не хочется. Только пить. Но воду надо беречь. Неизвестно, что ждёт меня дальше. Надо сделать пару глотков — не больше. Да и жара стала спадать. Солнце уже не висит над головой, а спустилось почти к самому горизонту. Значит, скоро стемнеет. А в темноте поиски продолжать бесполезно, поэтому надо прямо сейчас найти себе убежище, чтобы переждать в нём ночь и попытаться хоть немного поспать.

В принципе, переночевать можно в любом доме, они всё равно все одинаковые. Хотя бы в этом. Ставни у него не отвалились, дверь немного перекошена, но вроде закрывается. Хорошо бы соорудить себе хоть какую-то лежанку. Вот только из чего? Может, из соломы с соседней крыши? Какая она всё-таки жёсткая и грязная! Но лучше уж так, чем совсем на полу. Тем более что он тоже покрыт толстым слоем пыли. Завтра надо будет нарвать ковыль и... Какой кошмар! Я уже пытаюсь здесь обжиться! Сделаю себе из досок кровать, сооружу тюфячок из сена, нарву маков и поставлю их в бутылку вместо вазы. Кажется, у меня начинает развиваться синдром попаданца! Когда вместо того, чтобы сваливать, они начинают приживаться в новом мире и... Ну уж нет! Завтра я найду способ отсюда свалить! А сейчас надо набраться сил: съесть мандаринку и всё-таки заснуть. Может, утром, на свежую голову, я найду какое-то решение.

Как здесь тихо... Дома меня раздражали звуки города — людские голоса, шум проезжающих машин, лай собак. Я всегда хотела оказаться в тишине... И вот пожалуйста — домечталась! Кстати, о собаках. Я про

них совсем забыла. Интересно, куда они подевались? Надо будет завтра поискать их и проследить. Что-то ведь они едят, пьют.

Так! Всё! Хватит думать. Пора спать. Вот только... «Кровать скрипучая, подушка душная, одеяло кусачее», какой уж здесь сон...

За окном светло. Неужели уже наступило утро?! Интересно, как я умудрилась заснуть в этом жутком месте? Да ещё и проспала до самого рассвета на этой кошмарной куче соломы! Вот дома иногда... Дома!.. Эх, оказаться бы сейчас снова дома! Проснуться в мягкой чистой кровати, сладко потянуться, включить на планшете музыку и... Так! Всё! Хватит! Сейчас надо встать, сделать несколько глотков воды, вытереть лицо и руки влажной салфеткой, съесть мандаринку и пойти искать местных собак.

Следить за собаками... То ещё занятие. Да и собаки тут — грязные, вонючие, наверняка ещё и блохастые. Но делать нечего. Пока они для меня единственная зацепка. Надо разузнать, чем они питаются, где берут воду и... Может, они помогут мне найти выход отсюда? Чем чёрт не шутит? А может, это как раз он надо мной и шутит?

Ну вот... Уже черти мерещатся. А я ведь герой! Вернее, героиня-попаданец! А они — попаданцы — ничего не боятся. Ни чёрта, ни бога. И вообще. Попаданец — это звучит гордо! Всё. Утренние процедуры закончены, пора на улицу. А вот и псины. Целая стая. Надо очень осторожно подкрасться к ним. Хотя почему осторожно? Они всё равно не обращают на меня никакого внимания, будто не видят. И вообще. Буду следить за ними на расстоянии. Они никуда не торопятся, не бегут, не прячутся, так что можно сесть тут в сторонке, в теньке, на крыльчке... Да какое это «крыльчко»? Развалившееся, шерботое крыльцо! Ну пусть так. Главное, что над ним есть навес и я не обгорю на солнце. Кстати, где тут у меня крем от загара? Вот уж кто бы мог подумать, при каких обстоятельствах мне он понадобится?

Неужели я заснула? Да что же это за место такое — проклятое?! А может, это упадок сил? Ведь я уже столько времени ничего не ела и почти не пилаю. Так, а куда делись собаки? Никого нет... И темнеть уже начинается. Тоже мне — героиня! Собак прошляпила! Хотя... Собаки то исчезли, но остались их следы. Ну, раз наблюдатель из меня не вышел, стану следопытом.

Так... Что там у нас? Ага! Они прошли между домами, свернули на соседнюю улицу и отправились в степь. В принципе — логично. Собаки — они же хищники, вот и отправились на охоту. Главное сейчас, чтобы они привели меня к воде, а дальше будет видно. Начинать надо с малого.

А что там впереди? Похоже на огонёк! Точно! Это костёр! Ну

наконец-то! Я найду людей! Вот только что там за люди у костра — неизвестно... Может местные бандиты? Или вообще не люди. Про кого я там вчера вспоминала? Демоны. Точно! Наверняка это демоны! Но всё равно идти надо. Попаданец я или кто?

Улица закончилась. Костёр горит совсем близко. Я уже вижу пламя, дымок и... Человек!!! За костром сидит человек! Один. Вроде без оружия, но какой-то странный. Смуглый, почти чёрный, а борода рыжая. Чёрные потрёпанные штаны и такая яркая алая рубаха. Как маки.... Да что ж такое-то?! Далась мне эти маки!

— Здравствуйте.

Тут надо вести себя вежливо. Вдруг он не знает, что я Великий Попаданец! Или всё-таки попаданка?..

— И тебе здравствуй.

Хвала богам! Он меня слышит! И даже понимает!

— Вы знаете... Я тут совсем немножко заблудилась... Вы мне дорогу на Варадеро случайно не покажете? А я вас мандаринкой угощу.

— Далековато до Варадеро отсюда будет....

Он как-то подозрительно прищуривается и хмыкает. Хотя... Что тут подозрительного? Наоборот — во всех историях про попаданцев все ухмыляются, усмеваются, прищуриваются и хитро поглядывают. Так что наоборот — всё нормально. И вообще. Может ему просто дым в глаза попал?

— Понимаете, у меня там вещи, документы, деньги остались.

— А-а-а... Ну тогда понятно.

Что ему понятно, лично мне совсем не понятно. По-моему, он просто надо мной издевается. Ну что ж? Тогда буду ему подыгрывать.

— Ага. Куча очень нужного мне барахла. Так что очень нужно туда снова вернуться.

Ну вот... Теперь от уже откровенно надо мной ржёт. И даже не стесняется!

— Смешная ты... Скажи хоть, как тебя зовут? А то пришла и давай сходу торговаться.

— Вероника.

— Вероника? Хорошее имя. А меня зовут Странник.

— Странник? Странное имя... Хотя... Тут всё странное...

— Ну вот мы с тобой и познакомились!

Хм... Такое ощущение, что он просто зубы мне заговаривает. Надо всё-таки как-то вытянуть из него, как мне обратно вернуться.

— Так вы подскажите мне, как...

— Вероника, а ты вообще понимаешь, где сейчас находишься?

Ещё и перебивает! И что мне ему ответить? Желательно умное! Так... Чему нас там в школе учили?

— По-моему, где-то в Западной Африке.

— В Западной Африке?!

Нет, ну я, конечно, люблю, когда люди так хохочут, но хотелось бы ещё при этом понимать над чем.

— Нет, Вероника.

Ну наконец-то он прекратил гоготать и соизволил снова со мной заговорить.

— Ты находишься в моём мире! Это я его создал!

Интересно... Он бредит? А может, это я свалилась ещё где-то там, в Кубе, с тропической лихорадкой и у меня начались галлюцинации? В любом случае, разговаривать с ним надо осторожно, как с психом. На всякий случай...

— А вы уверены, что сами его создали? И... Зачем? И как я тогда сюда попала?

— Конечно уверен! Я что, похож на психа, у которого начались галлюцинации?

— На психа вы точно не похожи! Только... Я тогда вообще не понимаю, что тут происходит.

— Ты в лавке у Эрнесто маску надевала? В зеркало в ней смотрелась?

— Да... А откуда узнаете?!

— Вот! Всё же просто! Маску надела, в зеркало посмотрела, сработал портал. Что тут непонятного? Ты книжки про попаданцев читала?

— Читала.

— Ну! Там же всегда так всё происходит.

Вот это поворот. Хотя... Никакой не поворот. Я же сразу догадывалась, что так всё и было. Бр-р-р... Теперь надо сосредоточиться и... О чём он там меня спрашивает?

— Ты вообще слышишь меня? Как тебе мой мир? Нравится?

— Пустоватый какой-то... И маки.

— А что не так с маками?

— Маки цветут в конце весны и начале лета, а ковыль колосится в конце июля и до осени. Одновременно алых маков и серебристого ковыля быть не может. По крайней мере в моём мире.

— Ничего ты не знаешь, Вероника! Так же намного красивее! Алые маки, серебристый ковыль.

Главное — с ним не спорить. И не умничать. Мне надо что? Правильно! Выбраться отсюда, а не приводить в порядок местную флору и фауну.

— Конечно так красивее. Я же с вами не спорю.

— Знаешь что, Вероника, я тут вот что подумал. По законам жанра я тебе сейчас должен замысловато и витиевато рассказать про этот мир. Почему здесь нет людей, что это за собаки и кучу ещё всего. Потом я должен дать тебе сложное и почти невыполнимое задание, с которым ты ценой невероятных, почти нечеловеческих, усилий справишься. Параллельно ты откроешь в себе что-то новое, избавишься от какого-нибудь

страха и вообще обгрейдись и перейдешь на новый уровень. И только потом, в самый последний момент, я отправлю тебя домой. А оно тебе надо? Может, упростим эту схему?

— Конечно, давайте упростим!!! Я совсем не хочу выполнять страшные и сложные задания! Я и без них тут уже успела испугаться и наголодаться!

— Кстати, ты тут что-то про мандаринки мне говорила? Давай их сейчас зажуём, и я тебе расскажу свой упрощённый план.

— Конечно-конечно!

Так! Где они тут у меня? Надо поскорее накормить его мандаринами, пока не передумал. Ага. Вот они! Нашла!

— Пожалуйста. Угощайтесь.

Как аппетитно он их трескает! Даже самой захотелось.... Вот вернусь, сразу возьму себе медианоче, флан, каппучино... Стоп!! Только не о еде! А то я сейчас свихнусь от голода! Вот вроде и есть не хотела, а тут на тебе. Увидела, как этот Странник мандаринку наворачивает и накатило.

— А сама что не ешь?

Вежливый какой! Но мне главное сейчас его задобрить, поесть я и потом успею.

— Да я не хочу пока. Вы мне лучше свой план расскажите.

— Сейчас расскажу. Слушай. Ты мне поможешь этот мир немножко обустроить, а потом я отправлю тебя обратно, идёт?

— Идёт. А вы вообще кто такой? Если это, конечно, не секрет.

— Да никакой это не секрет! Как вот только тебе лучше объяснить? Пусть будет так: Я — Дух Перекрёстков. Так понятно?

— Не-а. Не очень. Да это и не очень важно. А что вы хотите здесь в итоге получить?

— Я хочу жути нагнать, но чтобы без всяких монстров, чудовищ и оживших трупов. Понимаешь, я тут не могу постоянно находиться, бываю набегам, поэтому мне надо, чтобы, пока я другими делами занимаюсь, люди здесь сами себя «развлекали».

— Ясно. Тогда это вообще не проблема. Вот эти пустые хижинки и желтоглазых сонных собак нужно оставить. В степи — высохшую траву и маки тоже. Красный цвет вообще с кровью ассоциируется и на подсознательном уровне в такой обстановке пугает. Ну и ещё всякие ассоциации. Типа мак, опиум и всё такое. А вот ковыль — он слишком благодатный. Его лучше на полынь заменить. Она, кстати, тоже немножко серебрится.

— Сравнила! Ковыль и полынь!

— Вы людей пугать хотите или красоту наводить?

— Людей пугать.

— Тогда вместо ковыля будет полынь. И ещё всякой насекомой мерзости надо добавить. Типа тарантулов. Они для человека не опасные,

но страшные и противные!

— Это не проблема. А ещё что?

— Ещё башни тут у вас заброшенной не хватает.

— Башни?!

— Да. Башни. Надо, чтобы она в стороне от селения, где-нибудь в степи стояла и вдалеке виднелась. И чтобы каменная, обветшалая, круглая и высокая. А под самой крышей чтобы балкончик был, а на нём огромная бронзовая птица. Как орёл, только размером с приличного кондора.

— А в птице тайник?

— Нет. Тайник в птице — это слишком банально. Без него даже интересней. Все будут искать тайник, а его нет. А вот тайник надо сделать внизу, в подвале, куда будет вести скрипучая узкая, тёмная лестница. Чтобы дверь, замок, а ключа нет. Ключ надо куда-нибудь запрятать, только не очень далеко и надёжно, чтобы его найти можно было.

— А за дверью что? Подземный ход? Темницу?

— Нет. Это будет слишком предсказуемо. Я бы даже сказала — пошло. Давайте там сделаем винный погреб!

— Винный погреб?! С настоящим вином?!

— Конечно с настоящим! Прикиньте, как здорово будет. Трусы — они пить его не будут, побоятся. Решат, что это яд или сами себе ещё страшнее содержимое придумают. А кто посмелее — выпьют. А алкоголь, да ещё в такой обстановке, да ещё на голодный желудок — это просто жуть! Они сами себе таких страшилок напредставляют, что нам с вами в страшном сне не приснится!

— Прикольно...

— Да! И ещё про башню. Двери надо поставить самозахлапывающиеся и мерзкоскрипящие. Это обязательно. Чтоб жути побольше нагнать. Окна чтоб мутные были и вся мебель — поломанная, разрушенная, а одна комната пусть как жилая будет.словно из неё кто-то недавно вышел. Аккуратно заправленная постель, недогоревшая свеча, кружка со свежей водой. И на тумбочке около кровати кувшин с маками. И цветы ещё незавядшие, только пара лепестков пусть упадёт и алеет на белой скатерти, как капли крови. Вот так будет хорошо!

— Да уж! Впечатляет! Может, ещё что посоветуешь? Как народ завлечь. А то что-то мало кто попадает сюда.

— Это маска у вас не очень креативная. Половинка красная, половинка чёрная. Я вот её исключительно со скуки схватила, пока подругу ждала. Вот если бы на ней стразы блестящие были, непонятные рисунки, тогда её куда больше народу бы хватало.

— Ну что ж... Учту.

Что-то походу загрузила я его. Сидит, задумался. Надеюсь, не передумает меня обратно отправить? А то так и буду коротать свой век попаданцем. Или всё-таки попаданкой?

— Ладно, Вероника. Я своё слово держу. Возвращение ты честно отработала. Держи маску.

— Зачем она мне?

— Ты же в свой мир вернуться хочешь?

— Хочу!

— Надевай тогда маску. Зеркальце у тебя есть?

— Есть. Только маленькое.

— Любое пойдёт. Надевай маску и смотришь в зеркало.

— Хорошо. Спасибо.

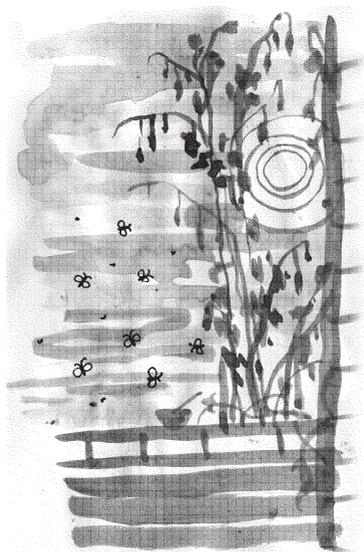
— Да не за что! Ну всё. Прощай. Хотя, может, ещё и свидимся.

Не хотелось быю Но я ещё в его мире, поэтому надо быть вежливой.

— Может, и встретимся.

Так. Надеваю маску. Где тут у меня косметичка. Смотрю в зеркальце. Ну и страшная я в этой маске! И что-то поплыло всё перед глазами...

— Верунчик! Ты о чём задумалась? Мне идут эти бусы? А что это за маска у тебя? Алая и со стразиками! Красивая... Дай мне её померить!

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
КОНЕЦ СЕЗОНУ

ЭЛЕОНОРА ВОРОБЬЕВА

ЦИКЛ «ХРОНИКИ УХЕТЫ»

Хроника 1

Письмо вывалилось из почтовой щели в двери. Я посмотрел, как оно плавно покрутилось в воздухе и легло на пол. Пришлось принять форму, приблизиться и взять послание. Когда принимаешь форму, желательно сразу определиться, где у твоего обличья будет верх, тогда не окажешься стоящим на руках или голове или... что там сверху у более стабильных форм? Что-то я задумался. Это нормально: когда у тебя мозгов много, то и мыслей соответственно. А мы, реоситы, думаем всем организмом.

Итак, конверт — обычный, слегка обугленный, подергивающийся. Значит, из Каоссы. А чего я хотел через черную дверь? Если бы через сине-золотую, то конверт бы хрустел, благоухал и резался всеми отглаженными краями. Там земли Орденны. На мой взгляд — самого волшебного из доступных нам измерений. И самого стабильного. Не знаю, как крылатые этого добились. Но можно быть уверенным: если ты там врезался в дерево, то и через сто лет надо смотреть лучше — оно наверняка будет на твоём пути. Как же страдают крылатые от соседства с Каоссой! Наверное, поэтому великий рандом сжалился над ними и вlepил между Орденной и Каоссой наш мир — прекрасную и загадочную Каноли.

Идти было лень, и я расслабился и перетек к столу. Так проще и быстрее, чем конечностями размахивать. Не на службе, могу позволить! А у стола пришлось собраться и взять нож для бумаги. Белый, с целой кучей охранных знаков и заклятий на лезвии и рукояти. Послания бывают разные, не всем нравятся вмешательства Надзора в их жизнь. Мне-то ничего не будет, реосита не так легко убить, а вот домик жаль. Прецеденты бывали. Поэтому нам и выдают служебное жильё.

Как и у всех патрульных-эленоров, мой дом стоит на точке перехода. Увы, это необходимость. С тех пор, как великий рандом соединил наши миры, мы все как-то вынуждены сосуществовать и следить за порядком. Нет, есть и местная полиция, в каждом измерении своя. Но есть и те, кто следят за порядком везде. Надзор универсальный быстрого реагирования. Нас дергают при появлении иных, при массовых вылуплениях череп-дущечек, при наступлении брачного периода у водных и воздушных мегер, при гнездовании шорохов и прочей не совсем разумной гадости. Рабочие бригады всегда на дежурстве и всегда готовы вступить в бой. Многие не выдерживают и уходят, а мне нравится. Адреналин, если хотите знать. А вот зачем в патруль приперся мой напарник... хотя я знаю. Ему какой-то психолух посоветовал. Сказал, что так можно обрести вкус к жизни. Какая жизнь, какой вкус? Он просто зануда, как и все орденницы.

Я покрутил в руках листок бумаги. Вызов класса «С». Опасно? Пока не знаю. Но лучше пойти. В конце концов, профессионал я или нет? Там разберемся.

Для начала надо собраться. То есть принять наиболее логичную и доступную форму. А для этого встать перед большим зеркалом и прикоснуться к его светлой поверхности. Управление. Запрос. Настроить изображение. Если уж идем на ту сторону, надо соответствовать. Мужик или баба... возраст. А фиг с ним. Великий рандом, помоги...

Так, рожа с синяками под глазами, ниже подбородок или два? Сиськи размера эдак третьего... печально, я мужик. Классический человеческий и почему-то в длинных полосатых тряпочках на... на животе! И до колен. Не повезло. Но переделывать лень, пойду так. Только надо Агеласта предупредить, а то опять ныть будет.

Я связался с напарником. Он пообещал выдрать мне все перья и настучать крылом по башке за то, что не хочу его ждать. Но он в депрессии и пока выйдет, пока соберется, пока найдет куда запишал в расстройстве свой меч... Лучше сходить самому и получить от него скандал. Ладно, если не хочется огорчать хорошего ангела, то придется принять форму с возможностью ощипывания. Главное, не перепутать и не стать жареной курицей, а то он расстроится еще сильнее. Эти ребята само противоречие: то рыдают над невинноусеченными, то хватают огненный меч и давай махать во все стороны. Страшное зрелище! И опасное, я как-то после такой вот перемены настроения по частям себя собирал. Он извинился. Я выдрал из него несколько перьев и сделал метелочку для сметания пыли. Ни у кого такой нет, ангелы свои перья любят. Но он был виноват, и я подло воспользовался. В конце концов, если надо — ну раздели гуманно. Зачем же с прижиганием? Ладно, хоть не испарил, а то потом отслеживай где выпал, собирайся по каплям... долго и скучно.

Не будем о печальном. Пора выходить, пусть догоняет, голубок недощипанный! Я дополнил костюм брюками и футболкой, толкнул дверь и ступил на улицу Каоссы.

Темная в алых сполохах мостовая слегка подрагивала под ногами, словно размышляя, стоит ли ей менять форму, и если да, то какую принять. Вдоль стен домов, закрепленная на ввинченные между камнями штыри, крепилась мощная цепь из вороненого металла. Она скрепляет дома между собой, мешая им сменить форму. Такая же цепь удерживает дом прикованным к земле с той же целью. Ну и чтоб не сбежал. Небо над головой было тоже темным, но сполохи белые и синие. Иногда торжественный полумрак разрывала белая слепящая молния. Очень красивый мир, хотя, конечно, эпилептикам тут не место.

Прохожие на меня внимания не обращали, местные мутанты вообще равнодушны к приезжим. Ну чего, людей, что ли, не видели? Люди, они такие, везде есть. Мимо меня прошла смешанная пара — молодой

мутант, помахивая хоботом и топорща спинной плавник, что-то доказывал своей подруге. Человечка яростно мотала головой, размахивала руками, а потом вдруг, схватив его за пролетающий в очередной раз мимо лица хобот, поволокла куда-то. Он грустно заторопился, но не возражал и орган отнять не пытался — сразу видно, супруги. наших тут практически не было. Реоситы вообще плохо переносят хаос, нам в порядке лучше. А тут можно в такое перетечь, что потом сам себя не узнаешь. Но я, как уже говорил — профессионал, так просто меня формы не лишит. И Агеласт подстрахует, когда долетит. Интересно, куда меня пригласили и зачем? Кому срочно понадобился именно я? Вроде мы, канолиты, существа мирные, спокойные, никому проблем не создаем... Я перешагнул через мирно текущего по улице соплеменника. Это ж надо так замечаться, что утратить облик? Может, по дому соскучился? С работы спешит? После слияния эмиграция приняла просто потрясающие размеры. Никогда не знаешь, кто поселится рядом. А с учетом того, что Канолиты — самое мирное из измерений, у нас поселенцев очень много. И не только каосситы, орденницы, люди, но и обитатели диких земель. Хотя людям с их постоянной формой должно быть неприятно, когда сосед затекает под дверь или просачивается колбаской в кошачий лаз. Но живут. Дружат. Вступают в браки. Моя соседка — человеческая женщина, когда я посетил ее... ладно, я был пьян, поэтому решил зайти не в форме. Проснулся в трех ведрах и частично в ванной. Добрая женщина собрала меня с пола и разлила по сосудам в меру своего разумения. С тех пор дружим домами. Я несколько раз дружил услугами — нашел в трубе течь. А она украсила мой дом занавесками и прочими не функциональными, но приятными вещами. Надо еще подружить, она жаловалась, что в погребе крысы завелись. Тоже еда, между нами говоря.

Мостовая под ногами превратилась в горящие угли, и я, матерясь, отпрыгнул. Жаль, не летаю. Даже если в птицу перетечь, все равно не взлечу. Я пробовал. Агеласт с тех пор называет меня «Киви». Почему киви, я же был птицей, а не фруктом? Ну ему виднее, придурку пухоперовому!

Осознав, что ее не боятся, улица выровнялась, то есть стала обычной, асфальтовой и покрытой льдом. Здесь это нормально. Каосситы сами не всегда понимают, что в их измерении где и как работает.

Из переулка злобно позыркивали три молодых... как это назвать? Короче, местная гопота, пользуясь человеческим языком. Я им явно приглянулся в виде добычи. Шушукаясь, выбрались, по песьи стали окружать, наклонив рогатые бошки и выпучив все передние глаза. Забавная мутация. Мне они тоже очень понравились, и я стал отступать в переулок, там потемнее, нет прохожих... А за одеждой домой вернусь, не страшно. К сожалению, мой обед из трех блюд не состоялся. Сверху

спикировал дядюшка До, местный коп, сложил крылья, встал на руки и раздал этим недоделкам такие пинки, что они просто по стенам размазались. Во всяком случае, треск панцирей и костей я слышал отчетливо.

— Спятили, ублюдки? — призвал он их к порядку. — Это ж слизняк! Вы ему втроем на один... — он покосился на меня и уточнил: — на один желудок.

Я вздохнул. Во-первых, реоситы не слизняки, это оскорбительно. А во-вторых, он только что лишил меня шикарного поглощения. Если как следует постараться, можно было и всех троих обволочь и переварить за один раз, не парализуя. Мы, реоситы, народ мирный — если от нас удирать достаточно быстро, то мы и не погонимся. Да... народ мы мирный, но мстительный. Недаром в учебнике по ксенологии есть вопрос:

— Что можно получить, если пропустить реосита через дуршлаг с 99 дырками. Правильный ответ — в морду. Потому что мы не любим, когда нас проливают через дырки против нашей воли. Мы вообще много чего не любим. И хорошо, если это «нелюбимое» не относится к живым объектам. На заре слияния был эпизод, когда один из наших поместил себя в систему водоснабжения дома недруга-человека, был выпит с жидкостями и вполне успешно растворил врага изнутри.

Дядюшка До эту историю знает, он нашел то, что осталось от убиенного, и каким-то чудом отыскал убийцу.

— Ты извини, Беташ, им же иначе не объяснишь. — Он прикрыл морду крылом, изображая стыд. — Ты тут по службе или в гости?

— А не ты мне вызов кинул? — удивился я, протягивая ему письмо. Он растерянно шевельнул правым пяточком.

— Беташ, я вроде пока память не терял! Не слал я ничего. Ты лучше не суйся, я на участке спрошу, вдруг там опасно?

— Для кого, дядюшка? Реоситов даже череп-душки не едят, уж на что дуры всежрущие.

Он кивнул, но повторил предостережение. Странно. Вроде вместе с ним кладку накрыли. Или стареет мутант, или опять предчувствиями мается.

Рядом со мной задергался, пытаюсь мутировать, фасад дома. Цепи его, конечно, удержали, а привинченная к полу мебель не опрокинулась, но все-таки небольшое изменение случилось. Стена поменяла поверхность, став из кирпичной похожей на черный хлеб. Я даже чуть не припал попробовать, но напомнил себе, что на службе и на подобное размениваться нехорошо. Если все эленоры начнут жрать стены, это не патруль будет, а безобразия! Да еще и домой придется возвращаться за новым костюмом, время терять. С напитками полегче — залил внутрь, и оно там поглощается. А кстати, мысль! Осторожно, чтоб не разрушить облик, я вырастил длинный хоботок, проколол им большой малиновый плод, висящий над головой, и успел сделать несколько глотков, прежде чем дерево спохватилось и попыталось огреть меня веткой. Дерево, что с него взять! Никаких понятий о гостеприимстве.

Еще пара препятствий, вроде подозрительно желтой лужи, которую я попытался обойти, принохиваясь, — оказалось, золото, — и дома, отрастившего от скуки руку и тычущего пальцами в прохожих, — и я добрался до указанного в письме места.

«Фабрика вещей». Остроумно, ничего не скажешь... Но для местных нормально, с их привычкой к мутации даже на фабричном производстве сложно угадать конечный продукт. Сам видел, как три кружевных ленты намотались на катушки, а четвертая отрастила лапки и с визгом удрала в щель под пол цеха.

На проходной меня встретил «человек». Удачная подделка — для того, кто никогда не видел людей. Начать с того, что у него были совершенно разные глаза: один коричневый, второй голубой. Нет, такое бывает, но так редко, что эленоров бы точно известили во избежание путаницы. А тут... такое ощущение, что неудачно собрали пазл, вроде и все на месте, а картинка не сложилась. Ну а я-то им зачем?

— Экскурсия для дорогих гостей. — тем временем тянул меня за рукав мой новый знакомец. Я пошел за ним, удивленно оглядываясь.

Обычная такая фабрика с большим цехом, непонятными станками, окнами, частично распахнутыми, частично выбитыми, и высоченным потолком. Этого я никогда не понимал — кто и куда там должен летать?

Мне показали станки. Настоящие. Поэтому продукцию в них закидывали сквозь решетку, а сами машины были закреплены на цепях. Я увернулся от странного станка с перекладной, под которую совали картонки. С другой стороны они выходили гнутые. Этот гад все время норовил затянуть в себя руку работника с последующим отделением ее от тела. Я ему тоже приглянулся, пришлось схватить ближайшую дубину и дважды вклепить по рычагу, чтоб не тянул к мирным посетителям.

Пресс был не только зарешечен. В его разъявленную пасть вставили аж две подпорки. Но он не сдавался, дергаясь в стороны, пытаюсь сойти с привычной траектории движения, расколоть деталь, плюнув в окружающих осколками. Когда его массивная плита штампа рванулась вниз, я привычно укрылся за колонной. Что я, на фабриках не бывал? Бывал, и не раз. Даже в станок один раз затянуло, токарный. Так себе из него миксер, я скажу. У нормального человека наверно бы голова кружилась, но у меня — все. Ну нету у реоситов головы!

Мне показали настоящее достижение: суперсовременный станок с программным управлением. Он мигал непонятными огоньками и елозил световыми лучами по пластинке. На боку вместо привычных кнопок была панель управления, мигающая не хуже новогодней елки. Провожатый щедро предложил нажать на запуск и полюбоваться на работу агрегата. Я попробовал, но, видимо, ткнул куда-то не туда. Потому что станок меня попытался этими лучами подстрелить. Да еще и обматерил на тридцати семи языках, полиглот хренов!

Убедившись, что с техникой я не очень, провожатый потянул меня дальше, к транспортеру. Его серая, истертая от времени лента вела себя удивительно спокойно. Дотянулась креплением и погладила по ноге. Я погладил в ответ. Судя по тому, что она не прикована, кроме стандартных креплений, этот станок ведет себя не агрессивно. Или просто работа нравится.

В следующем цеху производили какое-то подобие маскировочных сеток. Гул стоял такой, что я даже оглох на минуту. И упустил самое главное. Хотя, сообрази я сразу, это бы все равно ничего не изменило. Мой противник был... не слишком умен, не сказать хуже. А вот мне надо на курсы повышения квалификации, стал терять сноровку, забывать разновидности явлений нашей щедрой природы...

А все-таки занимательная штука этот цех, есть на что посмотреть. Над станком с крючками висели большие бобины ниток, что-то шуршало, стрекотало, двигались металлические крючки, напоминающие клюющих зерно кур. Сетки плелись красивые, шуршащие многочисленными лоскутками. Я не выдержал и потрогал самую пушистую

и зеленую. Она загудела, как сотня злобных ос, зашуршала и замахнулась крепежными крючьями. Все-таки удивительно злобное место, подумал я, потирая руку. Очередную сетку подцепили крюком и отправили под потолок, дожидаться упаковки и думать о нелегкой будущей жизни. Тут я им не завидовал: работа скучная, не то что у меня. Зато какая мрачная красота в этих искусственных джунглях! Разноцветный шуршащий пластик над головой шевелится и дергается во все стороны, стараясь уловить соседние изделия или даже лучше — ходящих внизу работников.

Я засмотрелся, вертя головой по сторонам. Тут-то все и случилось: один из образцов готовой продукции с шуршанием сорвался с троса и упал мне на голову, мгновенно спеленав по рукам и ногам. Ну это даже не смешно. Реосита — сеткой? Они про воду в решетке не слышали? Видимо, нет. Ну теперь и услышат, и увидят. Мой провожатый задергался так, словно готов был рассыпаться на части. Я услышал, как он забормотал одновременно на множество голосов, а потом сверху, сквозь ячейки посыпались черные комки. А вот это серьезно уже, пора линять. Я перестал удерживать тело и, не тратя время на вздох облегчения, — муторное это и трудоемкое дело быть в форме, — вытек и рванул к выходу. Рабочие задергались, словно неумелый кукловод, управляя марионетками, перепутал нити, сталкиваясь, рванули следом. Я драпал со всей скорости течения, а где пол шел вверх, со всех ложноножек. Ну ведь правда так быстрее, чем ногами перебирать. Например, у дядюшки До их шесть, и пока все переставишь... драпали мы с ним однажды, так мне пришлось даже притормозить, чтоб не лишиться приятеля, чтоб этим монстрам мной подавиться! Иному-то все равно что жрать, что мутанта, что реосита. Только у реосита даже не два выхода, а сколько сделает. А у дядюшки До и правда два. С этими оптимистичными мыслями я вылетел из проходной, захлопнул за собой дверь и распластался, прилепился поверх, блокируя выход и разгоняя скудных прохожих.

— Дом заражен грибками! Всем просьба покину... — Мда. Уже покинули со всех лап, хвостов и крыльев. Мутанты совсем не тупые и, когда им надо, очень даже быстрые. А все знают, заражение грибками — вещь страшная. Они еще и растут быстро, как любая плесень. И если мне почти ничего, ну, может, если спор нахватаюсь, буду несколько дней чуть более раздраженным, то нормальному живому существу крышка и, скорее всего, от гроба. За спиной послышались легкие, словно от маленьких мячиков, удары. Споры наконец-то достигли выхода. Я вцепился покрепче, облегая дверь слоями поверх самого себя. Вышло не хуже легендарной синей ленты. Надо все-таки спросить человека, что это такое. Вдруг кто-то из наших?

Галопом подскакал дядюшка До. Похоже, хитрый коп следил за моим вояжем.

— От чего драпал? — спросил он.

— Грибочки, — ответил я мрачно. Давление на дверь росло, и даже мне приходилось прилагать усилия, чтоб не позволить ее открыть и высыпать смертоносные шарики на улицу.

— Еще пять минут, — известил он, разворачивая перепончатые крылья и разбегаясь для взлета. Пикировать он умеет, а вот с вертикальным взлетом никак не справится. — Сейчас все будет.

— Угу, продержусь... — пробурчал я, приклеиваясь сильнее. Троица знакомых гошников подкралась и, осознав проблему, подперла и меня и дверь широкими спинами. Правильно, всем миром и удержим врага... а все-таки в качестве обеда они ничего так... крупные, мускулистые, а спинные пластины можно и оставить, я предпочитаю растворять только мягкие ткани — сытая жизнь сказывается. Ой, о чем это я? Я же закон и порядок в одном флаконе! Проклятый инстинкт.

Мы удерживали оборону уже три минуты, и тут все стало действительно плохо. Прямо передо мной, залив сиянием улицу, величественно опустился крылатый... это конец.

— Стоило на минуту тебя оставить, как ты тут же влип, — начал он, приваливаясь плечом рядом с мутантами и упираясь ногами в услужливо складчатую мостовую. — Разве можно так беспечно относиться к своей жизни, Беташ? Ты рискуешь не только собой, но и нашим общим делом, которому мы посвятили всю свою жизнь. Мы дали клятву защищать всех разумных созданий, а для этого желательно быть живым. Более того, подвергая себя опасности, ты подвергаешь опасности мое душевное равновесие! Это как минимум не по товарищески.

Один из мутантов, не переставая удерживать рвущуюся на улицу пакость, дотянулся хоботком и сочувственно меня погладил. Спокойно, еще пара минут. Надеюсь. Где их служба быстрого реагирования?!

— Ты же взрослый, готовый к делению реосит! — продолжал звать мой напарник. — Почему у тебя в голове никак не уложиться, что любое существо...

— А где у него голова? — бурно заинтересовался один из мутантов, даже глаза на столбиках назад вытянул, рассмотреть получше. — Он же плоский, как блин!

— А вам не все равно? — огрызнулся ангел, раздраженно махнув крыльями. — Все равно у него в одной клетке тела мозгов больше, чем у вас троих вместе взятых. А вот совести у него нет совсем. И это, к сожалению, устойчивый факт! Беташ, ты уже не первый раз суешься в зону повышенного риска без прикрытия! А если бы ты подвергся заражению? Ты же знаешь, как опасны для любых разумных существ споры черной плесени!

— Кому как, — вяло пробурчал я. Спорить с Агеластом себе дороже: он не успокоится, пока не выскажет все.

— Да, я знаю, что ты устойчив почти к любым воздействиям, но даже на реосита...

Конец, или, вернее, следующую часть речи моего напарника заглушил нарастающий гул, переходящий в хлопанье могучих крыльев и рев воздуха. На улице, скрежеща когтями, оттормозились три дракона хаоса. Дома, насколько могли, подвинулись, избегая царапин. Троица развернулась к нам всеми своими головами и замерла, приплюсываясь и выдыхая струйки ядовитого дыма. Правильно говорят, что «три головы хорошо, а одна умная — лучше». Командир летучей бригады был в отличие от своих подчиненных одноголовым, на красной чешуе шеи красиво поблескивала золотая гривна. Зато у его бойцов — синего и черного, — голов было с избытком. У одного две, у другого целых пять.

— Грибочки, — доложил я. — Все обитатели фабрики захвачены спорами, живых нет. Проникновение на улицы города весьма вероятно, кто-то же прислал мне приглашение.

— Грибочки, говоришь. — Старший из драконов наклонился к нам. — Почему они позвали тебя?

— Могу только предположить. — Когда тебя спрашивает огнедышащая махина, желание ответить появляется у кого угодно. Даже у реосита. — Как известно, плесень сама по себе не разумна и пользуется информацией захваченного носителя. Кто-то из них знал, что я эленор и мой дом имеет выходы во все миры. Это хороший способ перебраться туда, где грибки никто не знает и не умеет с ними бороться. Примитивный способ выживания.

— Хорошо. Отойдите от двери.

— Отгони споры, они активно хотят выйти, мы с трудом дверь держим. — ответил я.

Дракон склонил голову, соглашаясь, и открыл пасть. Нас просто смело с пути, так он шарахнул «неслышным воплем». Это драконячий фирменный звук, чтоб заставить добычу покинуть убежище и драпать. Действует на всех. Мутанты с визгом бросились прочь, мой напарник заслонился крыльями, а я, пользуясь тем, что он не видит, скрутился в мяч и поскакал по улице. Тоже быстро, удобно и... ладно, несолидно, и драконы с ним! Главное, чтоб Агеласт не поймал, а то еще и за это вынесет мозги. Ух, дай рандом... ну не ноги, но прыгучесть точно! Люблю я это дело!

Я успел упрыгать довольно далеко, когда сзади донеслись хлопки крыльев и пронзительный голос Агеласта. Можно подумать, его тут заживо ощипывают. Я прибавил скорость, напарник явно звал меня для дочитывания лекции о неподобающем поведении. Обойдется! Живым не дамся, да еще фиг догонишь! Канализационный люк посреди мостовой сдвинулся в сторону, и оттуда помахала знакомая лапа. Я в полете свернулся в компактный рулон и, как летающий ковер в окно, нырнул

в спасительное отверстие. Дядюшка До оказался не один. С ним сидел незнакомый мне мутант... кокетливо подведенные бровки, яркая окраска, длинные ушки, прикрывающие глаза, зачерненные кончики клыков... кто бы мог подумать! Ах ты, ловелас старый!

— Дядюшка, представь мне свою очаровательную спутницу. — произнес я совершенно не то, что думал.

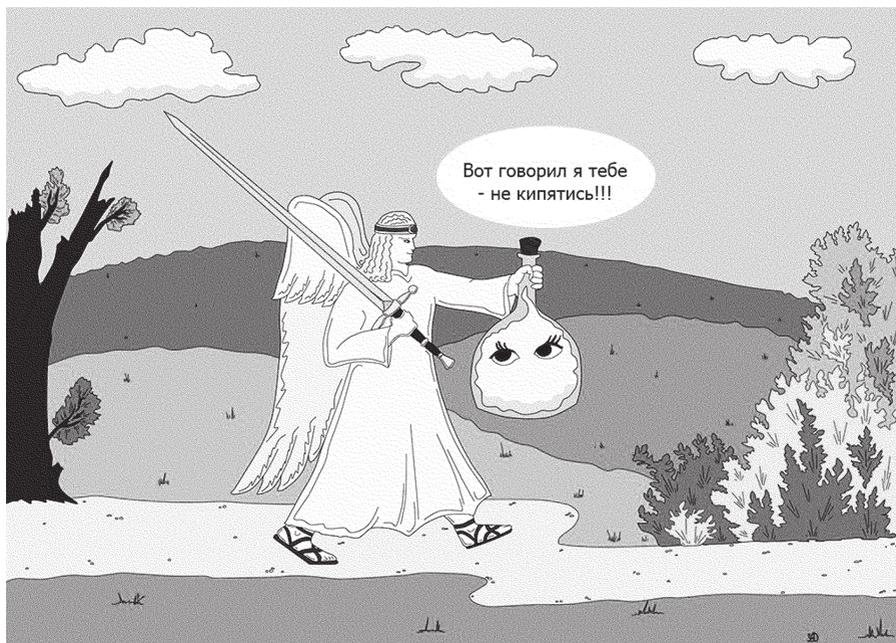
— Это Аки, моя напарница. — Коп слегка посинел от смущения. Я грациозно изогнулся в поклоне верхней половиной трубообразного тела.

— Беташ. Реосит, и, надеюсь, старый друг вашего мужественного товарища. — девица мило порыжела и выпустила клубочек дыма. Пылкая особа.

— Мы решили, что тебя крылатый замордует, если не спрятать, — заявил дядюшка, садясь по собачьи. — Я как-то с ним был на задании. Вот говорят, они нас видеть не могут. Вранье, все он может! И видеть, и болтать, и ничем ему, падле, рот не заткнешь. Да еще и сияет так, что с рыла воротит.

— Это он нарочно, — сдал я напарника. — В отделе им светиться запрещено за исключением режима ЧП, так ни один орденец не сияет. Сидят, как большие белые курицы, и молчат.

— Простите, — Аки кокетливо приподняла край уха, выглядывая, — а кто у вас такой страшный командир, что сумел запугать даже ангелов?

— Человек. Жуткие твари, скажу я вам! — Мне не пришлось кривить душой. Люди — единственная раса, которая даже в Диком мире прижилась. И хорошо прижилась! Даже сумела проредить местную хищную фауну и флору. Я вспомнил одного охотника, который, поджигая тряпку с приклеенными и уже дохлыми спорами плесени, мне объяснял: «Зря ты так! Сдохнуть мы все равно сохнем, а тут добыча на каждом шагу, растения эти съедобные! Вот эти шарики! Ты видишь, как они горят? Их даже мокрыми можно поджечь. И мне все равно в принципе, что они где-то там считаются страшнее средневековой земной чумы.»

— Может быть, в вас говорят предрассудки? — осторожно уточнила мутантка. — Мне вот люди кажутся довольно милыми. Я даже собрала целую кучу фоточек, где они едят, спят, моются! У нас считается хорошим тоном послать фото с человечком — порадовать с утра друзей. Вот представьте, вы заходите в свой профиль, а там моется человечек! Это же так мило!

Я представил. Почему-то «милым» видением оказался мой любимый шеф, да еще в какой-то странной кожаной одежде с большим количеством открытых участков тела. Он мрачно посмотрел на меня из душевой кабины и, прежде чем закрыть дверь, показал кулак. Я вздрогнул и поспешил переключиться с разыгравшегося воображения на реальность.

— Наверное, вы правы, Аки. — я решил не делиться кошмаром. — Но согласитесь, чтоб управлять таким разнорасовым подразделением, требуется характер.

— Мне представляется, что вы просто таеете только от одного вида этого симпатяги и стараетесь сделать все, чтоб он не сердился. Даже жаль, что ушла в прошлое эпоха, когда людей можно было содержать, как домашних питомцев. — вздохнула мутантка. Странно, не замечал у жителей Каоссы такой склонности к романтике. Или это черный юмор?

Я еще раз представил шефа в роли домашнего питомца. М-да, у такого «симпатяги» хозяева сами будут по стеночке ходить.

— Ой, — Аки, обнаружив во мне благодатного слушателя, уже успела обвить хвостом мою брентную тушку и подвинуть к себе. — А вы не торопитесь?

Я прислушался к воплям сверху — Агеласт еще метался по городу с речью наперевес, — и помотал туловищем. Не тороплюсь, пусть напарник сперва выдохнется.

— Вы знаете, с тех пор, как у нас появилась единая сеть с Землей, стало намного проще. Мы можем черпать у них вдохновение, а они у нас. Вы знаете, что инспектор До знаменитость?

Я вырастил на себе большие круглые глаза и вопросительно уставился на дядюшку. Он неловко шевельнул сложенными крыльями:

— Ну, просто какой-то парень с меня миниатюру слепил для настольной игры, а она победила на конкурсе. Я ему обещал, что на следующий турнир приеду лично, косплэем себя буду.

Мы еще немного посидели поболтали. Аки показала мне фотки «с той стороны». Действительно забавный человек: светлые вьющиеся волосы, узкое лицо с длинным носом. Наверное, породистый, я в людях не силен. Мой шеф темноволосый и злобный. Но, наверное, тоже породистый, только порода другая. Надо Агеласта спросить, их раса с людьми уже несколько тысяч лет контактирует.

Люк над головой дернулся, отъезжая в сторону, и в образовавшееся отверстие сунулся объятый пламенем меч.

— Киви! Вылезай! Я знаю, что ты здесь! Дома тебя нет... О! Дядюшка, а что вы тут делаете?

Как успел не только разлиться по полу, но и затечь под мутантов. Как говорит «от рая подальше, к греху поближе».

— Свидание у меня, — буркнул коп. — Убери оружие, что за манера, врывать в к порядочным парам во время уединения.

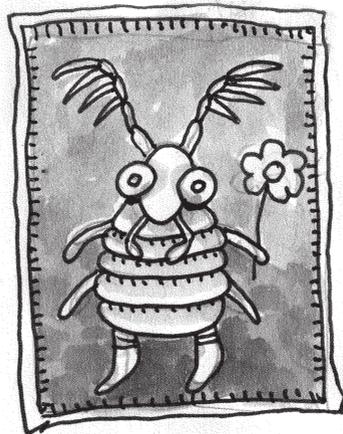
Агеласт некоторое время тупо на них смотрел, пытаясь осознать, что не так в сказанном. Ангелы не лгут, и у них из-за этого небольшие проблемы с определением чужой лжи. Ну а каосситы врут, как дышат. И Агеласт это знал, но то, что перед ним действительно парочка — понял. Тем более что опустевшим после моего «сливания» хвостом девица

обмотала дядюшку за ногу, ну не пропадать же добру! Ангел поспешно пробормотал извинения, прежде чем убрать оружие и закрыть крышку назад. Ха!

— Киви! — донесся сверху его уже растерянный голос, — Киви! Ну вернись! Скажи, что с тобой все в порядке! Ты с ума сошел пропадать? Да меня же Конрад сожрет, случись что с тобой!

— Конрад — это ваш домашний монстрик? — ласково спросила мутантка, пытаясь меня нащупать где-то под собой на полу. Я стек со стены позади нее и ответил:

— Скорее, служебный. Но сожрать может не хуже домашнего. — Она мне поверила и долго махала хвостом вслед, пока я, отрастив тонкие и длинные лапы, пробирался по трубе в сторону дома. Я, конечно, изложу начальнику свою версию, но уверен, что Конрад будет очень недоволен и прикажет не расслабляться и копать дальше. Хреново иметь такого умного и бдительного начальника.

АЛЕКСАНДР ВЕСНИН
ЭПИЗОДЫ РОЖЕ

Эпизод EPIZZOT

Роже проснулся с книгой в руках. Только что во сне он читал эту книгу, и она была очень интересной, но после пробуждения на Роже смотрели только девственно-белые страницы без каких-либо букв или знаков препинания. Он взглянул на обложку — на ней большими чёрными буквами было написано «ОГОНЬ». Роже никак не мог вспомнить, о чём была эта книга, когда он читал её во сне.

Оглядевшись вокруг, Роже понял, что находится на планете Квайдан, а точнее, в автобусе номер 1:0, идущем по главной квайданской уличной спирали. Пассажиров в автобусе почти не было, кроме странного человека в конце салона, сидящего спиной, и женщины средних лет на переднем месте, которая сидела с закрытыми глазами и очень широко улыбалась. В окне автобуса неспешно проплывала обычная для Квайдана череда однотипных домов-эквалайзеров. Некоторые из них медленно поднимались, некоторые медленно опускались, остальные стояли как вкопанные, ожидая своей очереди подняться или опуститься.

Неожиданно Роже заметил в одном из окон чью-то ногу, беззаботно свисающую с крыши автобуса на фоне чистого квайданского неба. Роже начал было размышлять о загадке этой ноги, как вдруг автобус остановился и в передние двери зашёл ещё один пассажир.

Это был странного вида карлик в невзрачной форме квайданского контролёра. Он недоверчиво посмотрел на Роже и направился к широко улыбавшейся женщине.

Внезапно на крыше автобуса кто-то громко запел «Under My Thumb» приятно-нагловатым женским голосом. Роже посмотрел на свисавшую в окне ногу и увидел, что та усиленно стучит пяткой по автобусному стеклу в такт песне. Роже перевёл взгляд на странного карлика и увидел, что тот, встав ногами на соседнее с улыбающейся женщиной сиденье, что-то шепчет ей на ухо и продолжает недоверчиво коситься в сторону Роже. Женщина абсолютно никак не реагирует на присутствие карлика, но тот продолжает и продолжает что-то усиленно ей втирать. И снова косится на Роже, сволочь.

Неожиданно автобус прибавил скорости. Карлик тут же слез с сиденья и подошел к Роже.

— Назовите номер вашего билета.

Роже услышал какое-то странное копошение сзади и обернулся. Человек, сидевший в конце автобуса, снял верхнюю одежду и остался в одной майке с большим номером «6» на спине. Ни с того ни с сего он

спрыгнул на пол и встал на руки кверху ногами, всё так же не поворачиваясь лицом. Из левого кармана его брюк выпала связка ключей с брелоком в виде цифры 2.

— Номер моего билета 962, — сказал Роже, повернувшись к карлику-контролёру.

— Вы лжёте! Это номер билета нашего Президента!

Роже повернулся взглянуть на заднего пассажира и обнаружил, что тот снова как ни в чём не бывало сидит на своём месте спиной ко всем, кроме того, опять в своей тёмно-зелёной верхней одежде.

— Видимо, я и есть ваш Президент, — задумчивым тоном произнес Роже.

— Неправда! — закричал карлик.

— Правда. Вы уволены. Завтра вас распнут на гигантской букве Ж, а сегодня заставят глотать сломанные будильники.

Женский голос, певший песню на крыше, вдруг громко рассмеялся. Роже посмотрел в окно и увидел, как свисающая нога одобрительно кивает ему в ответ. Затем он перевёл взгляд на сидящую впереди женщину. Она продолжала широко улыбаться с закрытыми глазами, но её лицо побледнело, а по щеке потекла маленькая струйка пота.

— Неправда!!! — заорал карлик, — Наш Президент — добрый человек, и он никогда не отдаёт таких приказов!

— Скажи ещё, что ваш Президент никогда не носит сапог цвета аргунской ночи, — промолвил Роже, в задумчивости рассматривая свою эффектную обувь.

Женский голос на крыше снова громко рассмеялся. Улыбающаяся на переднем сидении впервые подала признаки жизни: её левая рука нервно затряслась.

— Нет! Неправда!!! Неправда!!! — кричал карлик, — Наш Президент — добрый человек, и он всегда ходит босиком!

— Кроме тех случаев, когда ему приходится ходить по морскому дну, усеянному мёртвыми морскими ежами. То есть как сейчас, — Роже неторопливо поднёс руку к подошве сапога и отодрал от неё настоящего морского ежа.

— Неправда!!! Неправда!!! Неправда!!!

Не обращая внимания на крики карлика, Роже обернулся и увидел, что задний пассажир снова стоит на руках в майке с девяткой, но на этот раз из его кармана выпали не ключи, а спичечный коробок с большой цифрой «3» на этикетке. Роже повернулся к карлику:

— Как твой Президент приказываю тебе повторить слово «правда» триста шестьдесят девять раз.

Сказав это, Роже молниеносно бросил мёртвого морского ежа в лицо улыбающейся женщине. Ёж воткнулся ей прямо в нос и почти полностью закрыл своими иголками её улыбчивое лицо. На крыше послышались

воодушевлённые аплодисменты. Карлик испуганно вздрогнул и решил подчиниться приказу Президента:

— Правда, правда, правда, правда...

Женский голос на крыше издевательски закричал «Неправда! Неправда!» и снова громко засмеялся. Карлик продолжал послушно исполнять волю Президента. Неожиданно автобус остановился и двери открылись.

— Правда, правда, правда, — в отсутствие шума мотора продолжал карлик.

Никто на этой остановке не зашел, двери закрылись, и автобус снова тронулся в путь. На этот раз он быстро развил довольно высокую скорость и дома-эквалайзеры за окном заметно оживились.

Сквозь правдаканье карлика Роже послышалось, что девушка на крыше что-то сказала. Он достал из кармана пульт дистанционного управления и нажал кнопку перемотки, попутно увеличив громкость.

Ничего не произошло.

Тогда Роже закричал:

— Что ты/вы сказала/сказали только что/несколькими секундами раньше?

Девушка что-то ответила, но Роже опять не расслышал. Он направил пульт на карлика и отключил звук.

— Ещё раз можно?

Свисавшая с крыши нога размахнулась и пяткой разнесла автобусное стекло вдребезги. Вскоре вместо ноги с крыши свесилось симпатичное лицо девушки, кивком головы пригласившей Роже к себе наверх.

Роже довольно легко забрался на крышу, даже не порезавшись многочисленными осколками стекла. Несмотря на то что автобус нёсся с большой скоростью, встречный ветер на крыше почти полностью отсутствовал.

Девушка действительно была симпатичной. Оказалось, она обосновалась на крыше довольно серьёзно, здесь присутствовало всё необходимое для жизни: прямо на крыше стояла кровать, пара стульев, маленький туалетный столик с телевизором. Поодаль на той же крыше располагались ванна и унитаз.

— Так вот где, оказывается, мой пульт! — девушка выхватила его у Роже и включила телевизор.

На экране появилась любительская съёмка весьма жаркой любовной сцены между двумя разнополыми личностями, в одной из которых Роже довольно быстро распознал себя, а в другой свою новую знакомую.

Девушка приблизилась к Роже и сказала ему на ухо:

— Ты знаешь, что эта остановка автобуса была последней?

— Нет. А может быть, и да.

— Это главная уличная спираль Квайдана. Дальше автобус будет только набирать скорость. Точное направление его движения неизвестно.

Если он движется к концу спирали — он врежется в Великую квайданскую стену. Если к началу — он упадет с Великого квайданского обрыва. Мы в ловушке. Что делать, мистер Президент?

Роже взглянул на проносящиеся мимо дома-эквалайзеры и понял, что новая знакомая, возможно, не врёт: архитектурные сооружения сменяли друг друга в бешеном ритме. Автобус делал как минимум триста квайданских миль в квайданские же полчаса.

Роже посмотрел на экран телевизора. Запись любовной сцены была поставлена на паузу: два обнажённых тела замерли, слившись в экстазе, изображение временами чуть поддёргивалось. Затем Роже перевёл взгляд на босые ноги стоявшей перед ним девушки. Правая, доселе скрытая от Роже нога, оказалась шестипалой. На каждом из пальцев было нарисовано по букве, которые, если читать справа налево, образовывали слово «правда».

И тут Роже вспомнил, о чём была та книга, которую он читал в предыдущем сне, которая называлась «Огонь» и которую до сих пор он держал в левой руке, заботливо прижимая к груди.

— Я знаю, что делать.

Он выхватил у девушки пульт и принялся трансформировать его подобно кубуку Рубика. Вскоре он уже держал в руках не пульт от телевизора, а точную уменьшенную копию автобуса, на котором происходили все излагаемые события.

— Ещё мне нужно что-нибудь острое.

Тут он заметил булавку на одежде девушки и быстро, не спрашивая разрешения, вынул её. Облачения девушки мгновенно упали на пол, и она осталась полностью обнажённой. Вместо того чтобы стыдливо прикрыть некоторые части своей телесной географии, она зачем-то наступила левой, свисавшей до этого с крыши, ногой на свою же правую шестипалую ногу.

Хотя зрелище, представшее перед взором Роже, было достойно особого внимания, нельзя было терять ни секунды — автобус несся на совершенно безумной скорости и грозился в любой момент достигнуть финальной точки своего маршрута. Он перевернул модель автобуса и поочерёдно проткнул все четыре крошечные шины булавкой, затем тут же полез в книгу «Огонь», чтобы удостовериться, всё ли правильно сделал.

И тут Роже услышал странный звук будильника, доносившийся откуда-то снизу. «Наверно, карлик уже закончил с «правдами» и начал глотать сломанным», — подумал Роже и в следующее мгновение почувствовал, что просыпается. Звук будильника начал медленно затихать и вскоре полностью прекратился.

Роже лежал в спальном отсеке своего корабля. В его руках была книга «Огонь» с девственно-белыми страницами без каких-либо признаков печатного вмешательства. Единственным, что он помнил из

предыдущего сна, был маленький диалог между ним и девушкой на крыше квайданского автобуса:

— Так ты и есть тот самый Великий Капитан Роже Стратокастер Браунинг?

— Нет, отныне моё имя — Роже Викинг.

Эпизод EOICZOD 1

Роже проснулся на роскошной кровати самого дорогого отеля Лланвртиды только в одном сапоге. “Где же второй, как же я без второго?” — с грустью подумал капитан.

— О нет, только не это!

При ближайшем рассмотрении тело, лежавшее под журнальным столиком, всего лишь спало, не являясь, чего опасался Роже, трупом. На голову лежащего был, по всей видимости, с превеликим трудом натянут тот самый второй сапог Роже. По прорезям для глаз и рта Роже узнал в лежащем главу межгалактической преподобной полиции Спайдервэба Ситара. В следующее мгновение Роже с удивлением заметил, что одна нога Ситара также была обута в сапог, идентичный тому, что был на голове, и подозрительно похожий на капитанскую обувь самого Роже. От спящего несло сильнейшим перегаром...

— Кто-то играет со мной в игры...

Играющие явно не знали, что ещё никому в метagalактике не удавалось обыграть Роже в эту древнюю как космос игру под названием «Три сапога»...

* * *

— Вот, посмотри. Ее зовут Рутина. Мы уже 4 года женаты, — сказал Спайдервэб Ситар, протягивая Роже измятое черно-белое фото.

— Я определённо вижу её впервые.

Роже соврал. Он, конечно, узнал Метеллу Муратову — самую младшую из муратовских дочерей. Ситар включил воспроизведение на фотографии, и Метелла начала медленно раздеваться под пошловатую мелодию на диджериду. Внезапно Роже услышал в голове её голос — это была криптоголосовая почта с фотографии, о которой Ситар ничего не подозревал и которую мог слышать только Роже:

— Роже! Встретимся в фойе! У меня есть информация о третьей сандали! На мне будут чёрные очки, плащ и борода из нингизидских пчёл!

* * *

Они гнали на стареньком «Фольксваген-Анаконде» что есть мочи. После следующего поворота преподобная полиция с мигалками начала отставать, а вскоре путь им и вовсе преградил кортеж министра

по связям с духами деревьев, как обычно появившийся из тумана, появившегося из ниоткуда.

— Ну, теперь рассказывай!

Роже поставил Анаконду на автошофёр и пригласил Метеллу вглубь салона, где уже был накрыт столик на двоих с вином и свечами.

— Ах да, штопор! Сейчас принесу.

Впоисках штопора Роже отправился дальше по длинному салону «Анаконды», заваленному всевозможным хламом. Лишь в самом хвосте он обнаружил штопор, валявшийся на полу рядом с портретом, прислонённым лицом к стене. Метелла что-то крикнула Роже, но начало салона было уже так далеко, что Роже ничего не услышал. Он взял штопор и с интересом взглянул на обратную сторону прислоненного портрета.

— Бурана!

Это был грубый карандашный набросок лица Бураны Муратовой — самой средней из муратовских дочерей. Роже нажал кнопку воспроизведения...

— Роже! Это я — Бурана! Ты помнишь? Мне нужно что-то сказать тебе! Встретимся на крыше Анаконды. На мне не будет ничего вообще — именно так, как тебе всегда нравилось!

* * *

Роже, Метелла и Бурана осторожно шли по ночному лесу.

— Тебе, наверно, холодно, на, набрось...

Роже уже начал было снимать свой капитанский китель, но обнажённая Бурана гордо от него отказалась. Внезапно дорогу заволокло очень густым туманом. В его гуще замелькали какие-то огоньки, и вскоре Роже, Метелла и Бурана подошли к крутящемуся круглому столику, обвешанному дешёвой мигающей гирляндой. На столике стоял и крутился немного потрёпанный, но по виду дорогой ботинок на левую ногу. Низкий голос из тумана произнёс:

— Роже! Это третий ботинок! Ты получишь его. Но только после того, как споёшь свой знаменитый шлягер «Деревья — наши друзья». Эта песня растрогала всех нас до самых кончиков наших корней! Ах да — я забыл представиться. Я — дух дерева номер 8956666666788888881. Прикольный у меня номер, да?

— Ничотак. Смотри, чтоб не спёрли!

— Ха-ха! Какая тонкая шутка! Погоди-ка запишу... расскажу сегодня ребятам... Ах да — вот тебе твоя знаменитая атомная лютня! Чтобы ты мог вживую исполнить свой знаменитый шлягер, так поэтично раскрывший нашу самую потаённую сущность!

Из тумана высунулась вполне человеческая рука, державшая вполне обычную лютню. Проблема состояла не только в том, что Роже совсем

не умел на ней играть, но и в полнейшем отсутствии у Роже каких-либо воспоминаний по поводу этого самого шлягера и всей этой истории с деревьями. Возможно, это были проделки одного из Лжероже, чья популяция уже давно была под угрозой исчезновения, впрочем, отдельные особи всё ещё встречались и, как обычно, в самых неподходящих местах.

— Дай, я умею играть на них...

Метелла, видя замешательство Роже, хотела было спасти ситуацию, но Роже остановил её. Повертев в руках лютню, Роже обратился к духу:

— Эй, а где мой знаменитый атомный медиатор?!

— Тьфу ты черт! Экий я раздолбай! Как я мог забыть! Вот, возьми..

Из тумана высунулась рука с медиатором, Роже молниеносно схватил её за рукав и, используя прием аргунских единоборств, ловко выволок её обладателя из таинственной пелены. С виду это был обычный человек, только во всём белом. Употребив болезненный захват, Роже обратился к псевдо-духу:

— А теперь, брателло, рассказывай — что это за херня со всеми этими шлягерами, деревьями и откуда твоя деревянная башка знает про третий ботинок?

И псевдодух начал рассказывать...

* * *

Роже (в капитанском сапоге на одну ногу и в потрёпанном ботинке из леса на вторую) стоял посреди бескрайнего поля. В его руках была знаменитая атомная лютня. Рядом стояли Метелла, Бурана и непонятно откуда взявшийся капитан Муратов. В руке Муратов держал маску, очень напоминавшую лицо шефа преподобной полиции Спайдервэба Ситара..

— Эй, Муратов! Что у тебя за круги вокруг глаз и рта?

— Потом объясню, Роже. Сейчас сосредоточься на армии этих бестий. Они внезапно появятся вон из той тучи. Мы скроемся в этом блиндаже, а ты сыграешь этим извергам свою знаменитую мелодию на своей знаменитой атомной лютне! И тогда — если мои расчеты верны — мы не только успешно отразим их агрессию, но и сможем существенно скомпрометировать их в глазах сам знаешь кого!

— Нет, не знаю. Кого?

— Летят! Прячемся!

Муратов молниеносно сиганул в убежище, увлекая за собой Метеллу и всё ещё обнажённую Бурану. Из приближающейся тучи начали медленно выплывать величественные воздушные шары с портретом... самого капитана Муратова! Зрелище было настолько нелепым, что Роже едва сдерживал смех. Всё же он вспомнил о словах Муратова, согнул пальцы в своем знаменитом аккорде и занёс медиатор над струнами атомной лютни...

Роже проснулся на роскошной кровати самого дорогого отеля Лланвртиды только в одном сапоге. «Где же второй, как же я без второго?...» — с грустью подумал капитан.

— На, держи...

Лежавшая рядом Метелла протянула ему второй.

— О, спасибо... А где Бурана?

— Ох уж эта Бурана...

Метелла кивнула в сторону массивного шкафа, с верха которого свисала чья-то нога. Роже понял, что она принадлежит Буране, по татуировке «WALK DON'T RUN» во всю икру. В этот момент тело на вершине шкафа лениво повернулось на другой бок и свесило вниз руку с татуировкой «SOMETIMES I DO» во всё предплечье. Точно Бурана...

Атомная лютия лежала прямо на журнальном столике. Её гриф придерживал небольшую записку, по всей видимости, адресованную Роже. Встав с кровати и присмотревшись, Роже обнаружил рисованное изображение дерева в конце рукописного послания.

Роже взял со стола записку и принялся внимательно читать...

Эпизод СЕМЬ

Шагая по ночной дороге и немного подрагивая от холода, Роже вдруг почувствовал, что его капитанский рюкзак за спиной повис как-то не очень удобно. Роже снял его и хотел было надеть заново, но внезапно почувствовал, что рюкзак как будто потяжелел.

Порывшись в нём, Роже извлёк огромный чёрный балахон с капюшоном. Из балахона выпала записка:

«Роже, сегодня ночью обещали заморозки. Я подумала, что это тебе пригодится. По-моему, это в твоём стиле) Обнимаю. Целую. Виии.»

Роже пожал плечами и нацепил одеяние, оказавшееся действительно довольно тёплым. Он продолжил путь, но вскоре растительность под ногами стала такой обильной, что продолжение пути по намеченному маршруту оказалось под угрозой. Роже снова снял рюкзак и, покопавшись в нём, вытащил небольшую штуковину величиной с подозрную трубу. Это была его старая капитанская телескопическая коса. Роже повертел её в руках, вспоминая, как она раскладывается. Ничего не вспомнив, он в сердцах швырнул её на землю, и в следующее мгновение перед Роже лежала настоящая сверкающая лезвием коса больше человеческого роста.

— Точно! Она раскладывается от отчаянного броска на поверхность!

Роже взял оружие и принялся косить высоченную, по поясу, траву. Вскоре впереди в темноте вновь завиднелось что-то, похожее на тропинку. Роже устало вытер со лба пот и продолжил путь, не складывая, однако, косу — вдруг ещё пригодится.

Оказалось, что это дорога по ночному кладбищу. Кладбище было, по-видимому, не заброшено, ибо то тут, то там у новых сверкающих монументов виднелись нагромождения венков и прочих декораций. Монументы на данной планете не сильно отличались от монументов на любой другой. Вот только однажды, вспомнил Роже, ему довелось бывать на планете Фуртивалаг, так там, как это ни удивительно, все кладбищенские монументы были...

— У-у-у-у-у-у! Бум! Бум! Бум!

Эти звуки внезапно прервали воспоминания Роже, и доносились они из чрева одной из могил, находившейся чуть в глубине справа от тропинки. Роже подошёл ближе, и действительно — кому-то внутри очень не нравилась его нынешняя ситуация. Кто-то внутри оч-ч-чень хотел перемен.

Роже достал из рюкзака ещё одну штуковину и отчаянно швырнул её оземь. Ничего не произошло. Роже расвирепел, почувствовал внутри ещё больше отчаяния и снова швырнул штуку на землю. Теперь перед ним лежала небольшая лопата. Роже схватил её и принялся разрывать захоронение.

Вскоре он добрался до гроба и вскрыл его лезвием лопаты.

Женская фигура, с ног до головы покрытая землей, выскочила оттуда и бросилась на шею Роже.

— Роже! Я знала, ты меня спасёшь! Я знала! Я знала!!!

Это была Ив-Инопланетянка. Она тут же разрыдалась.

— Роже! Они мне не верили! Они не верили, что я жива! Они сказали, что я умерла тогда на дирижабле и похоронили меня! Но это была неправда! Я жива! Спасибо, Роже!

* * *

Вскоре они уже шагали по ночной кладбищенской тропинке в обнимку — Ив в белом балахоне взамен своего испачканного могильного одеяния (Роже внезапно нашел ещё один балахон у себя в рюкзаке), Роже в чёрном и всё ещё с косой — мало ли где пригодится...

У кладбищенских ворот дорогу им преградила полная фигура в дорогом костюме.

— Захороненная Ив! Срочно возвращайтесь к месту своего захоронения! Кто вам разрешил его покидать?

Роже вежливо обратился к незнакомцу:

— А ты ещё что за хрен?

— Молодой человек! Вы разговариваете с генеральным Председателем Кладбища Вэ И Сталинмахером!

Сталинмахер был действительно чем-то похож на тирана Сталина с планеты Земля. Может, могучими усами, а может, фингалом под правым глазом. Роже вспомнил, что на всех портретах этого тирана в книжках с планеты Земля под правым глазом у него неизменно был подрисован фингал.

Испуганная Ив прошептала:

— Это он упёк меня сюда! Сраный коррупционер! Я не смогла откупиться! Сделай что-нибудь, Роже!

Сталинмахер вмешался грозным голосом:

— Молодой человек! Напоминаю вам, что вы нарушаете закон нашей планеты под номером 666-666!

Ив с надеждой посмотрела на Роже, ожидая, что он спросит Сталинмахера, как называется планета, и тот либо застрелится, либо удавится, либо бросится своим жирным пузом на остриё капитанской косы. Однако, к её огромному удивлению, Роже вытянулся по стойке смирно, отдал честь и по-солдатски произнёс:

— Так точно! Будут ли ещё указания?

Сталинмахер довольно усмехнулся:

— Кру-у-угом, шагом марш!

Роже вновь отдал честь и, будучи как будто в трансе, развернулся и пошагал строевым шагом во тьму.

Ив не поверила своим глазам. Сталинмахер схватил её и потащил обратно к могиле.

Внезапно из тьмы, куда ушёл Роже, послышался его голос:

— Товарищ командир! У вас на ботинке развязался шнурок! Осторожнее!

Сталинмахер наклонил голову, чтобы посмотреть на свои шикарные ботинки, стоившие целое состояние. Он хотел бы отвесить в сторону Роже грозное ругательство, ибо шнурки были на месте...

Но в этот момент его голова взяла и соскользнула с плеч.

Ив освободилась из объятий безголового тела, с омерзением переступила через всё ещё катившуюся по земле голову, и подбежала к Роже.

— Роже, что произошло? У него отвалилась голова... Ты видел?

— Понимаешь, у капитанской косы очень тонкое и острое лезвие. Оно постоянно затачивается в процессе трения о воздух. Когда я развернулся, следуя его приказу, я будто бы неуклюже задел косой его шею. Однако было темно и лезвие было таким острым, что он ничего не заметил. Естественно, когда развязался шнурок — порез дал о себе знать.

Ив вздохнула с облегчением и снова обняла своего спасителя.

— А теперь...

Роже собрал телескопическую косу, но не убрал её обратно в рюкзак, а снова швырнул на землю.

На этот раз она раскрылась не как коса, а как целый и вполне настоящий мотоцикл не самых маленьких размеров. Роже взгромоздился на него, Ив села сзади, мотор взревел.

— Только снимем эти балахоны, а то ещё запутаются в колесах...

— Почему из косы получился мотоцикл?

— Очень просто: если швырнуть её с отчаянием — получается коса; если с воодушевлением — мотоцикл. Ну всё, поехали!

СЕРГЕЙ БЕЛОКРЫЛЬЦЕВ

ГРАФ ЭПИКА

или 100 лет в ложке

Граф Эпика поднялся на смотровую вышку и оглядел Остров. Это он создал его и владел им тысячу лет. Почти весь Остров покрывала кислотная палитра жёлто-оранжевого леса, подобная шерсти венецианских овец. На севере синели горы. Вершинами они скрывались в грязно-белом рванье тумана, точно проникали под юбку призрачной нищенки. Из нежно-серого неба доносилось песнопение. Печально и трогательно детские голоса выводили: “Он бы сам разозлился, схватил наган и... разревелся!”. Голоса трепетали, выводили, дрожали обертонами и рассыпались в дымчато-жемчужной выси звонким серебром.

— Моей твоей нежности, — пробормотал граф на совершенно другой мотив, держа за щеку.

Пока он взбирался на вышку, задул порывистый холодный ветер. Марс покачивало, как палубу шхуны в помутневшем море. Стальные тросы подстраховки скрипели. По графским зубам разлилась тупая боль. Черногорьян, его поверенный, украдкой вынул из-за пазухи лодочку шпрот в томате, скрутил овальную тонкую крышку в рулончик и кушал десертной ложкой. Ложка погружалась в сероватую красноту, наполнялась ею и пряталась во рту поверенного, обнятая мягкими губами вокруг тонкой твёрдой шеи. Черногорьян обожал копчённую рыбку в томате. А Эпика не жаловал консервов. Граф однажды отравился ими и запретил всё консервированное по всему Острову.

Шпроты Черногорьяну тайно присылал брат, воздушной почтой. Черногорьяна и его брата выдумал граф. Как и изумрудного маленького птеродактиля, приносившего жестяную коробочку шпрот раз в месяц. Он цепко держал её когтистыми лапами, ухватив за желобки по краям. Чаще не выходило. Птеродактиль один, расстояние громадное. Если бы Черногорьян ел шпроты ежедневно, они не нравились бы ему так сильно. Он бы относился к ним снисходительно.

Обычно граф не оглядывался перед прыжком. Черногорьян ел контрабандные шпроты без опаски. На сей раз Эпика обернулся. Его обернула в раздражение зубная боль. Конечно, граф знал, что Черногорьян украдкой ел кильку, но одно дело, когда тебе всё равно, а другое, когда болит зуб. Граф выхватил лодочку, полную шпрот, и забросил её как можно дальше. Жестяная баночка, кувыряясь, описала дугу, раскидывая из себя рыбки тельца и красные капли, алюминиево посверкала в сером утреннем воздухе и утонула в жёлто-оранжевом море лесной кислоты. От обиды у Черногорьяна навернулись слёзы. Он служил графу двести лет, а успел съесть лишь две ложечки шпрот в томате.

На каждую по сотне лет. Месяц ожиданий впустую. Надежды, ставшие прахом. Мелочь по сути. А обидно до горечи. Эпика прогнал поверенного с вышки и остался один, высокий, статный, широкоплечий и гордый. Затем влез на ограждение, расправил крылья, присел, оттолкнулся ногами и прыгнул. Пару раз взмахнув крыльями, граф Эпика рухнул.

Прогнанный с вышки Черногольян сорвался на чёрно-розовом упитанном кроте с глуповатой физиономией и ружьём. Из головы крота торчал кривой гвоздь, а глаза заменяли шарики пенопласта. Черногольяна взбесила расхлябанность стражника, завалившегося на бок, хотя тот за всю службу ни разу не шелохнулся и постоянно молчал. Черногольян приносил его сменщика, розово-чёрного крота, с собой, а чёрно-розового уносил подмышкой и бросал неподалёку от своего дома, где попало и как попало. Ружьё одно на двоих. Поверенный выхватил оружие у часового. В ругани он даванул прикладом по земле. Ружьё выстрелило и поразило взлетевшего графа в сердце. Граф Эпика умер за мгновение до того как его тело шмякнулось на розового крота с высоты в двести метров. По метру на год. Крот лопнул, гвоздик воткнулся в дерево, пенопластовые шарики, подхваченные ветром, легко покатались к обрыву. Наступил конец света. Создатель Острова погиб, а кроме него ничего и не было. Всё было в нём.

НАТ РАЙДО

НИКОГДА НЕ УМИРАЙ

Когда-то я был рыжим. Во мне текла кровь ирландцев. Несмотря на то, что случилось со мной, я даже сейчас рыжий.

«Был ирландцем» звучит по-идиотски, особенно когда говорят о живом. Но сперва послушайте. Если все поймете, вам точно станет не по себе.

Где-то далеко во Вселенной существовал Город. Может, он есть и сейчас, не знаю. Он находился во многих мирах одновременно, и на Земле он тоже был. У нас составители карт обозначали его кружочком с подписью «Сан-Фернандо». Они утверждали, что Город стоит на пересечении двух параллелей, а с изнанки мира, там, где пересекаются два меридиана, находится большой вулкан. Но на самом-то деле Город назывался на разных языках по-разному и не имел ни длины, ни ширины. Я мог сесть в автомобиль и катиться на предельной скорости в любом направлении сколько угодно. Город не заканчивался. Это все потому, что я не хотел отсюда уезжать. Говорили, что кое-кто из Города все же сматывался, но они, скорее всего, принадлежали к той породе людей, что уходят всегда и отовсюду. С работы, из дома. И, в конце концов, из Города.

А мне здесь нравилось. У меня в заливе стояла своя яхта. Я состоял в лучшей на свете футбольной команде. Наш тренер был потрясающий мужик. Он учил нас не только мяч гонять, но и жить по-настоящему. Это понимали все, но между собой никак не обсуждали. Пацанам не пристало признаваться друг другу в том, что они жить еще толком не умеют.

Мне было пятнадцать лет.

— Убейся об стену! — орал на меня мой богатенький папочка. — Юниор недоделанный! Заработаешь переломы и шрамы на морде! И станешь никем, как твой драгоценный Кински! А управлять корпорацией будет Санта-Клаус, ядри т-твою породу!

Я соглашался с отцом и сливался в туман. Санта-Клаус в качестве управляющего — это, конечно, круто. Но моему сводному брату от тети Мэгги шел десятый год, и он — пай-мальчик. Убиваться об стену, в смысле корпорации, придется ему. А я пока не знаю, кем стану.

В городе я считался звездой первой величины. А почему — и понятия не имел. Но многие парни мне подражали, а девчонки заглядывались. Из-за меня даже появилась новая мода — быть ирландцем. Кое-кто начал краситься в рыжий цвет. Все тарасились на мою шевелюру. Как же — вот я, Стен-спортсмен, любимец девчонок! Все, кто тоже на тачках, копировали мою манеру хлопать дверью. Уписаться от смеха!

У меня же замок — ручной работы! Папаша еще поставил. А мастер, который делал, смотался из города...

Я боялся дня, когда мне стукнет шестнадцать. Черт знает, что может произойти, когда я повзрослею окончательно. Я прятался от себя, пока мог.

В Городе были кое-какие штуки, о которых известно только посвященным. Например, заброшенные лифты. В небоскребе, если только он, конечно, настоящий, а не сотворенный сдуру каким-то фантазером, число этажей известно лишь приблизительно. Кое-где лифты ходят еще по старому расписанию. А оно давно забыто. Я выискивал старые файлы, потому что с закрытых этажей можно попасть в очень странные места. Например, в другие миры, в преисподнюю или даже на небеса. Об этом время от времени нам напоминал пастор, специально, чтоб не лазили. Мало кто на такое решался, в общем. Даже мне пока что смелости не хватало.

Под крышами небоскребов всегда были каморки. Пустые, вроде как в них должны стоять моторы, чтобы лифт двигался, но там никогда ничего такого не было, только бетонный пол и стенки. Прекрасное место, чтобы спрятаться от кого угодно, даже от себя. Туда я навещался часто, иногда каждый день.

До шестнадцатилетия мне оставалось совсем чуть-чуть. Вот тогда и случилась вся эта история.

Однажды сентябрьским деньком, пользуясь тем, что на на улицах много народу, я оставил тачку на одной из стоянок возле главной площади, и тихо улизнул пешком, запрятав рыжие лохмы под кепку, чтобы случайно не узнали. Есть тысяча способов сделаться незаметным, если хочешь. Я тогда собирался в одну из своих каморок, чтобы как следует подумать. Я не понимал, в какую девчонку влюблен. И влюблен ли вообще, а такие вещи всегда следует знать точно. А то пригласишь какую-нибудь покататься на яхте, а через сутки поймешь, что не ту.

Лифт ждал меня внизу. Везде — коробки или платформы, а здесь — деревянная рама с досками крест-накрест. Впрочем, будь тут сиденье на петле — я бы все равно полез. Каморка тут очень большая и хорошая. А что все двери на этажах разломаны и иные миры в них видно — ну, слабонервным можно и не смотреть.

Лифт тащился так медленно, что о своей влюбленности я успел подумать и понял, что все девчонки мне одинаково симпатичны, но нужно мне сейчас совсем не это. А вот что? Тут рама дернулась и встала, а башка уперлась в холодный шершавый потолок. Наверху, как всегда, была темнотища. Я нащупал вход и оперся на руки, чтобы перенести задницу прямо на пол, и тут почувствовал, что мне что-то мешает. Что-то теплое и живое. И в джинсах.

Я нашарил ногу незваного гостя и дернул — не сильно, но ощутимо. Раздался писк.

— Ты кто? — бросил я нарочито грубо.

— Джен.

Судя по голосу, девчонке было около четырнадцати. Если такая мелюзга будет сюда лазить, то можно смело забить на любые вылазки. Спасать детишек и доставлять их родителям в мои планы не входило.

Я включил фонарь и направил луч ей в лицо. Клетчатая кепка натянута чуть ли не до бровей, ручки-ножки тощие, как лапки у воробья. Заморыш. И глазички вишневого цвета в пол-лица.

— Не Дженни, значит, а Джен? — уточнил я с ехидцей.

— Угу, — буркнула девчонка. — Я знаю, что это твое место. Извини, пожалуйста.

— Ладно, фиг с тобой, — я выключил фонарь и сунул в карман куртки. — Подвинься! И кепку снимай! — зачем-то добавил я, устраиваясь рядом.

— А ты, значит, Стен, — задумчиво проговорила девочка. — Не думала встретиться.

— Не думала! — рявкнул я в сердцах, ненавижу, когда вот так сразу узнают. — И больше не встретишь. Я меняю место!

— Не надо, — спокойно ответила Джен. — Я скоро умру, у меня рак. Месяца три-четыре, и все.

Я отвесил челюсть, не зная, что сказать. Никакого рака не существует, а если и есть, то не у нас. Ну у приезжих разве что... Да и те отлично понимают, что надо делать, если вдруг серьезно заболел или как-то еще вляпался. Ну, могут это не все, правда, но выход есть.

— А я ангелов видела, — вдруг начала девчонка. — Они...

— Заткнись!!! — заоал я. От нее вдруг повеяло такой жутью, что мороз по коже драл. Я дернулся, собираясь заткнуть ей рот ладонью, фонарь вывалился из кармана и полетел в шахту, минут через пять внизу мигнула вспышка взрыва. У меня в медкарте написано «условно смертен», а это значит, что ангелы могут прийти и ко мне тоже. Но вот как их прогнать вон, я пока не очень-то задумывался.

— Рак излечим, — сказал я, немного успокоившись.

— Ни фига он не лечится, — чуть слышно шепнула Джен.

— Да, врачи его не лечат! — разозлился я неизвестно на кого. — Врачи — это чтобы простуду лечить! А больше они ничего не умеют. Ты приезжая?

Дыхание у девчонки сбилось.

— Мы приехали, чтоб попытаться, — проговорила она страдальчески. — А тут нам сказали, что поздно, уже ничего не поможет.

— Врачи наживаются на приезжих, — я сунул руки в карманы и сжал кулаки. — И на лечении насморка. А наши знают: чтобы вылечить что-то серьезное, надо пойти к черту.

— К кому? — в голосе Джен послышалось недоумение.

— К черту — это только так называется. А на самом деле... — Я сбился, подыскивая слова. Вспомнилось, как ушел один пацан, очкарик. Сначала он время от времени забывал, как его зовут. А потом однажды сказал, что больше так не может, что имя это не его, и родители, и жизнь тоже не его. А все то, что его, надо найти там, где он это потерял. Потом пацан исчез. Лишь однажды над Городом прошел дождь, и прохожие видели в лужах отражение его лица.

— Надо просто уйти неизвестно куда, — тихо и совершенно неуверенно пробормотал я.

— Это как?

— Ногами!!! — я неожиданно вспыхнул. — Не выйти из города, не уйти в параллельные миры, а сделать что-то такое, о чем ты даже понятия не имеешь! Нужно взять и уйти в никуда!

— А ты так можешь?

— Нет. Пока что мне слабо, — признался я честно. — Но, хочешь, мы можем попробовать вместе?! Прямо завтра! Согласна?

— Ну... да.

От этих ее слов у меня как камень с души свалился. Ладно, пусть я потеряю ту большую и светлую перспективу, которую мне прочили с раннего детства. Фиг с ним, не очень-то и хотелось. Зато эта маленькая дура перестанет страдать и верить в то, что помирает.

— А сейчас давай-ка полезем на крышу!

Я ощутил, как Джен кивнула в темноте.

Над крышей горели звезды. Кроме звезд там вообще ничего нет. Здоровенные такие светила в густой непроглядной тьме, яркие — смотреть больно. А Города с крыши не видно. Только звезды и ночь, всегда ночь, даже если забрался сюда в полдень. Наверное, здесь слишком высоко и уже космос. Я сюда никого никогда не водил, заорали бы от страха и испортили всю затею. Другое дело — Джен. Она еще и не то видала, почему-то я был уверен в этом.

— Не страшно? — на всякий случай осведомился я.

— Не-е.., — раздался ее тихий восхищенный вздох.

Джен стояла в лучах звезд — маленькая, худая и напряженная, как струна, готовая порваться. Она даже вверх не смотрела, да это было и не надо — звезды, казалось, висели близко, совсем рядом, только руку протяни. А в глазах у нее светилась надежда. Такая, что мне стало страшно.

— Стен, ты правда меня заберешь?

— Правда, — кивнул я. — Завтра вечером. Внизу, у этого подъезда. Можно даже время назначить сразу.

— А почему завтра, а не сейчас?

— Потому что.

Я не хотел объяснять, что собираюсь как следует попрощаться с Городом. У меня тоже есть своя привязанность, пусть я даже о ней

никому не говорю. Все равно мне скоро шестнадцать, и что-то должно случиться.

Я отвернулся, чтобы Джен не видела моего лица. И тут она вдруг ткнулась мне головой в плечо. Рукав потеплел и намок.

— Боишься..,— ляпнул я, не зная, что сказать.

— Теперь — да, — она всхлинула. — Боюсь, что у нас ничего не выйдет.

— Не хнычь, ты уже не маленькая, — я обнял девчонку за плечи и утер ей глаза рукавом свитера. Она выпрямилась и чуть-чуть отстранилась.

И тут я сделал то, чего никак от себя не ожидал. Я раскрыл перочинный нож. В свете звезд блеснуло лезвие из дамасской стали. Да, ножик смотрелся весьма внушительно, такими, или почти такими, патрульные вырезают нечисть в заброшенных кварталах. Я искоса взглянул на Джен. На ножик она смотрела спокойно, будто бы я конфету из кармана вытащил.

«Врет она, что боится, — понял я. — Она, похоже, вообще не умеет бояться».

— Пошли, — я решительно взял ее за руку..

У края крыши я сжал ее ладонь. Она послушно остановилась. Я протянул наши руки над пропастью и полоснул ножом по пальцам. Мгновенный ожог боли, Джен ойкнула, но руки не отдернула. Струйки горячей крови медленно потекли по нашим сомкнутым ладоням, светясь в темноте странноватым лилово-оранжевым светом.

— Никогда не умирай... — прошептал я.

— Никогда... — как эхо, откликнулась Джен.

Большие капли сорвались с рук и прорезали светящимися линиями тьму внизу, как ночные метеоры. Я облизал порез. Вкус был горьковатым и терпким, как у молодого вина. Это была вообще никакая не кровь, а неизвестно что, похоже, процесс перехода уже запущен.

Вдруг до меня дошло: нужно сваливать уже сегодня, иначе может случиться большая дрянь. В Городе слишком легко заблудиться, я боялся, что Джен потеряется или еще как-нибудь исчезнет из моей жизни. Некоторые люди как привидения — то появляются, то пропадают, и с ними вообще ни о чем договариваться нельзя. Разумеется, Джен не из этой породы. Но я решил, что лучше не рисковать.

Она выслушала мои рассуждения и кивнула. Мы, на всякий случай, взяли за руки — Джен сама настояла на этом. Несколько часов мы просидели в камерке лифта, болтая о пустяках. Один парень мне как-то сказал: «Если вдруг соберешься уйти, то думай о ерунде. Будешь слишком серьезным — ничего не выйдет».

Ближе к вечеру мы покинули небоскреб. Я заставил Джен поест в одной из моих любимых забегаловок. Нас ждали ночные дороги. Я боялся и старался не думать о том, что предстоит. Тот парень говорил: «Ты сможешь уйти не раньше, чем потеряешь все, что тебе дорого».

Джен взглянула на мою машину и удивленно наморщила лобик. У меня не простая тачка, а раритет, таких, говорят, не делали аж с середины предыдущего цикла. Тогда Город, как полагают историки, был меньше. Тачка у меня сияет медью и золотом, как пламя, под цвет волос. У нас в роду все рыжие, с незапамятных времен.

Я забрался на место водителя и включил прогрев двигателя, Джен юркнула на второе сиденье. Мы тронулись, но пока неспешно.

— Первый раз в «атомнике»? — спросил я, чтобы как-то разрядить напряженку.

— Да. У папы была на мезонных движках.

У меня в желудке вдруг заворочался ледяной ком. Месяц назад один приезжий сгорел в «мезонке» последней модели прямо посреди улицы. Ночью мы с пацанами ходили смотреть. Пластик как новенький, а все металлические части испарились. И на переднем сидении — тень водителя. Человека выжгло, а тень от него осталась. Понятно теперь, почему девчонку никто не ищет.

— У него была светло-серая тачка? — спросил я с деланным равнодушием.

— Если разглядывать ночью — то да, — с вызовом бросила Джен.

Я смолчал. Наверняка она не хуже меня знает, что в «мезонках» горят самоубийцы. Неистребимый дефект серии, эти машины слишком чувствительны к человеческим желаниям. Кто садится в «мезонку» с мыслями о смерти, погибает почти всегда.

Тем временем мы добрались до площади Большого Радиуса. Отсюда открывалась сто одна прямая дорога в бесконечность. Можно начинать разгон.

— Джен!

— А?

— Сейчас поедем очень быстро, — предупредил я.

— Гони! — в ее глазах блеснул азарт.

Миг — и очертания домов за окнами размазались серой мглой. Джен, вдавленная ускорением в кресло, восхищенно пискнула. Минута, две, три... десять. Я мысленно выругался и оставил попытки пойти на предельной скорости. Ничего у меня не получалось. То ли Город нас не хотел отпускать, то ли просто заело передачу.

Мы долго бесцельно мотались по Городу. Время от времени я выбирался из тачки, и покупал для девчонки разную чепуху: конфеты, игрушки, какие-то сувениры. Там, куда мы с ней уйдем, может не быть этих маленьких радостей. Еще я показывал ей Город. Все показывал. Даже Сокрытые Башни. Можно прожить здесь целую жизнь, а до них так и не добраться. Не все потянут, увидеть Башни может только тот, кто равен по духу Строителям Города. Джен завороченно смотрела на серые стены Башен, древние, как сама Вечность, но, стоило мне

отвернуться, как Башни для нее исчезали. Жалко. Ну, Джен приезжая, все-таки, я не знаю, в чем ее настоящая сила.

Начало светать. Я остановил машину и отхлебнул бодрящий глоток минералки. Джен вдруг заерзала на сиденье.

— Стен, мне выйти надо! — пробормотала она.

Ну какой же я болван! Девчонкам время от времени бывает нужно в туалет. Сам-то я выходил неоднократно, но у девочек с этим все сложнее.

Мы находились в районе Кривых Переулков. Здесь нет никаких туалетов — на многие мили тянутся обшарпанные дома с дворами-колодцами. Я объяснил ситуацию и ненавязчиво предложил покараулить, пока она делает свои дела. Джен наотрез отказалась.

— Но ты же потеряешься... — растеряно пробормотал я.

— Не потеряюсь. И не сбегу. Пусти! — она обиженно отвернулась.

— Посиди пока здесь. Я кое-что придумал, — бросил я, затем вылез из машины, накрепко запер дверцу и отправился рыться в багажнике. Воздух пах бедой. Я нашел веревку, захлопнул багажник и снова уселся в машину, обвязал правую руку Джен, подергал узлы, выпустил метров десять веревки, отрезал, а обратный конец крепко-накрепко привязал к своему запястью.

— Все, давай!

Девчонка пулей выскочила из тачки и скрылась в проеме ближайшей арки. Веревка, натянулась и задергалась. Я открыл обе дверцы и напряженно слушал, как она там возится. Вроде пока ничего страшного.

И тут же случилось то, чего я больше всего боялся.

За углом раздался скрип тормозов. Я тут же выскочил из тачки, чтобы поймать девчонку, водрузить обратно и смотаться отсюда побыстрее. Мы должны уйти с ней вместе. Только вместе. Иначе...

— Джен! — крикнул я, бросаясь в подворотню.

— Па... Папа! — раздался срывающийся девчачий вопль.

Сырой туман залепил мне глаза, я почти перестал видеть и остановился, хватая воздух ртом. Вокруг бешено мелькали фиолетовые тени. Вдруг налетел снег, холодный, острый, как осколки бритвы.

— Дженни! — крикнул какой-то мужчина.

Веревка на моей руке дернулась и обвисла.

— Стен! Я! Никогда! Не! Умру! — торжествующе прокричала Джен. Я ринулся на ее голос. В тумане хлопнула дверца машины, и светло-серая призрачная «мезонка», разрезая мглу, двинулась прочь.

Джен махала мне, сидя на заднем сиденье. Мужчина за рулем, бледный, как смерть, счастливо улыбался.

Я знал, что такие отчаянные, как она, частенько таскают с собой перочинные ножи, чтобы, если что, освободиться. У Джен теперь вечно будет с собой этот ножик. Она может больше не бояться смерти. Никогда. По ту сторону Вечности смерти нет.

Додумать это до конца у меня не вышло. Очень сильно дрожали руки. Тело сделалось слабым, пустым и легким, а душу как будто вынули и размазали по холодной бесконечности.

Я бросил машину и тупо побрел наугад. Подул холодный ветер. Казалось, он сейчас подхватит меня и помчит куда-то.

«Когда теряешь все, сразу становится очень легко. Тогда можно улетать», — донеслась до меня чья-то мысль.

Очнулся я уже под вечер.

— Э-э, Стен, тебе нельзя, — сказал незнакомый толстый мужик, отбирая у меня стакан с коктейлем.

Я огляделся и тупо подумал: кабак. Кабак был незнакомый. Стены белые с золотым бордюром, колонны, официантки в полосатых юбках и яркий, почти слепящий, свет. За столиком рядом со мной сидели трое незнакомцев, не старых, но и не слишком молодых. Чем-то мне они сильно не нравились.

— Где я? — я с трудом шевелил губами.

— Очнулся, — констатировал толстяк, отобравший у меня выпивку. — Теперь слушай меня внимательно. Ты находишься в городе Сан-Фернандо, он же Юмацак, он же Нибон... А мы — устроители гонок на яхтах.

«Ага, значит, я пока что еще в Городе», — равнодушно подумал я.

— До залива отсюда далековато будет, — пожал я плечами. — Или нет?

За окошком висела густая тьма. Кто эти типы и зачем они среди ночи затевают гонки, и даже причем тут я, мне было глубоко до лампочки. Но, когда с тобой разговаривают, надо же что-то отвечать.

— Ты не дослушал, — продолжал толстый с нажимом в голосе. — Яхты у нас не морские, а с парусом, ловящим энергию звезд, — он посмотрел на меня, ожидая реакции.

— Про такие не слышал, — мотнул головой я.

— Ну, вот услышал, — сообщил он с деланной беззаботностью. — Кстати, ты в этих гонках участвуешь. Старт... Гм, точное время мы пока не обозначили, но стартуете вы скоро. Вас пятеро, и все новенькие, — он зачем-то потер нос. — Скоро Луна встанет высоко. Думаю, что обойти на яхте вокруг Луны для вас — плевое дело. Там всюду развешаны маячки. Обойдете Луну, вернетесь на Землю и сядете там же, где взлетели. Первому будет приз.

— И какой?

— Миллион кредитов, — сощурился толстый. — Устроит?

— Устроит. Давай контракт.

Он дал. Я размашисто подписал. Он расслабился. Остальные хором заржали надо мной и начали обсуждать репортеров. А я сидел в углу и думал: уходить — значит уходить. Кто и что тебе в этом случайно поможет — совершенно все равно. Лишь бы только никто не помешал.

Вербовщик сидел и приглядывался ко мне. Вдруг он схватил меня за руку и уставился на мои часы.

— Ну, и? — спросил я, выдержав паузу.

— Похоже, ты из очень отдаленной части Города, или вообще не отсюда, — он взглянул на меня с удивлением. — Или валялся без сознания слишком долго. У нас сейчас — час пополудни. А на дату сам взгляни!

Я глянул и тихо присвистнул. У него на часах стояло десятое октября. Выходит, меня где-то носило почти месяц.

— Стартуем сегодня, пока не рассвело, — брякнул я, не желая затягивать.

— Конечно — конечно, — вербовщик заметно пьянел. — Сделаем, как ты хочешь, лишь бы остальные побыстрее оклемались.

Сидящий рядом с ним верзила доверительно сообщил:

— Мы такой шпаны наловили на этот раз, что согдится только для массовой. Лишь ты один красавчик, заснимем крупным планом! Я пойду им укольчики сделаю, а то, небось, еще в отключке.

На старте нас оказалось трое. Куда подевались остальные двое, я не имел понятия. Над пустыми трибунами полыхали созвездия, прожектора выхватывали из тьмы лишь небольшой участок поля, а все остальное казалось нереальным. В свете софитов несколько хмурых типов возились с оснасткой летающих лодок. Суденышки были изящные, легкие, вместо парусов на мачте колыхалось призрачное пламя. Улетать на такой лодочке — песня, и время выбрано правильно — ночь, небеса ясные и звонкие, тьма скрывает все вокруг.

— Рожу скрой попроще! — вдруг рявкнул на меня мужик, вертевшийся возле камер. — Старт через десять минут, а этот у вас то ли пьян, то ли обдолбан! — крикнул он рекрутерам. — В порядок его приведите, живо!

— Стен, не дури, — покачал головой толстый. — Будешь плохо себя вести, зажму выигрыш.

Я расхохотался ему в лицо. Если рожка моя не нравится, пусть улетает сам! Да, я пьян, но не вином, и скоро Вселенная на вкус определит, много ли спирта в моей крови. Мне сейчас хорошо, невозможно, невысказанно хорошо, так, что можно умереть от счастья.

Пацаны, что считались моими «соперниками», растерянно пялились на глазки телекамер. Я пожалел их, но тут же забыл о мимолетном чувстве — ветер свободы кружил мне голову.

Ударил гонг. Нам приказали раздеться догола и влезть в скафандры, нарядные и блестящие, как фантики от дешевых конфет. Спец по экипировке подошел и сам на каждом застегнул перчатки. Затем собрал нас и шепотом объяснил, как правильно управлять нейтронными шкотами. Чтобы разглядеть эти туго натянутые меж снастей тоненькие ниточки, я таращился изо всех сил. Прицелы телекамер дернулись и отъехали в сторону, дабы не показывать наши вконец обалдевшие рожи крупным планом.

Зрачки у парней сделались огромными от ужаса. Кажется, до них уже вполне дошло, что это фарс, и обратно на Землю нас никто не ждет.

— На старт! — рывкнуло в динамике.

Я осторожно ступил на борт лодочки. Она мягко заколыхалась и оторвалась от земли. Я коснулся нейтронного шкота — тихонько, и восхищенно замер: тоненькая струна чуть слышно запела на верхнем «до». Два других шкота — «си» и «ля», следовало чуть-чуть подтянуть. Я подкрутил регулятор натяжения нити и бережно взял аккорд. Парус тут же полыхнул цветным сиянием и взвился, лодочка рванула вверх. Я тихо вздохнул и бросил на землю прощальный взгляд. Остальные продолжали возиться на старте, но почему-то не взлетали. Толстый, воздев мегафон, бегал и шевелил губами. Слов я уже не слышал, вокруг — и во мне, и в огромной бескрайней Вселенной, звучала тихая музыка, рождавшаяся сейчас под моими руками. Аккорд. И еще, и еще...

Лучи прожекторов подо мною дернулись вниз и влево, и вдруг погасли. Меня больше никто не видит! Повинуясь внезапному импульсу, я содрал с головы шлем, и полной грудью вдохнул прохладный ночной воздух. Высоко в небе сияла полная Луна, окруженная искрами далеких звезд.

Я рассмеялся и заиграл по-другому, в ритме рок-н-ролла. Звезды подмигивали в такт, вспомнилось Рождество и гирлянды. Но тут почему-то подумалось, что светила — живые, и частенько разговаривают с людьми, но те их понять не в силах.

Я продолжал подниматься, вокруг резко похолодало. Звезды уже не мигали, они сияли в бездонной тьме и слегка пульсировали, как чьи-то горячие сердца. Внезапно то ли со мной, то ли с миром стало твориться что-то очень странное. Космос прорезали полосы яркого света, и я услышал, как существа с незнакомых планет тихонько шепчутся друг с другом, передавая свой голос через тайные ходы пространства. Я попытался спросить их, не знают ли что про Джен, но изо рта вместо слов вырвался сноп искр. Существа притихли, похоже, перепугались. Я вдохнул, чтобы снова окликнуть их, но легкие разодрал ледяной вакуум. Я прокашлялся и заткнулся. Раз такие дела, пока лучше помолчать.

Солнечный ветер заметно крепчал. Так меня запросто могло занести в астероидный пояс, а там разорвать на клочки метеоритами. Я поменял галс. Звезды сорвались с мест, оставляя сияющие росчерки, но потом замедлились и остановились. Мимо пронеслось корявое, словно изрытое оспой лицо Луны. Венера медленно приближалась. Вскоре она подплыла поближе, сверкая, как драгоценный камень, и вдруг до меня дошло, что чем-то она ужасно похожа на секретаршу отца. И блеска ничуть не меньше, и тоже наверняка стерва. Я заржал, как ненормальный. Изо рта у меня полетели кристаллы льда, разноцветные облачка и сияющие искры. Почему оно так выходило, я не успел задуматься.

Увидел, что звезды — это души. Они светились не потому, что в них сгорали вещества, а потому, что иначе не могли.

— Убейся об стену! — прошептал я восхищенно.

В ответ хохотнула какая-то юная звездочка. Я развернул яхту, звезда замигала вишневым огнем и тихонько запела. Сердце у меня екнуло. У нее было soprano четырнадцатилетней девчонки. Чтоб я содох.

— Джен! — заорал я.

— Нет, — потупилась звездочка. — Мое имя Лидия. Я из созвездия Лиры.

— Где она?! — закричал я, схватившись за мачту.

Светила качнулись и завертелись по кругу. Они шептались, переспрашивали друг друга, не загорелась ли где-нибудь новая звезда. А потом разом замолчали.

— Я — отец Лидии, — прозвучал в сознании мужской голос. — В этой вселенной нет той Джен, о которой ты подумал. И никогда не было. Нам рассказали планеты.

— Ты лжешь! — закричал я. Захотелось съездить этому типу по морде, но только та вряд ли у него имелась, ведь звезда же.

«Все равно разыщу эту дуру, — сказал я себе. — Если не в этой вселенной, то в какой-нибудь другой. Отберу ножик и объясню, что от Стена никто не уходит без «до свидания». Звезды, похоже, услышали эту мою мысль, но промолчали. Во вселенной вдруг стало как-то неестественно тихо, как в море во время затишья перед бурей. Мне вдруг захотелось нарушить эту тишину. Я выбросил за борт перчатки и начал тихонько наигрывать на шкотах музыку. Пальцы резало, ранки жглись, кое-где из них вырывались легкие язычки пламени. Я действительно классно играл, потому что в последний раз. Тот самый рок-н ролл, который там, внизу, никак не удавалось дописать до конца, сейчас складывался сам. Наконец-то. Ведь нельзя уходить навсегда с недописанной песней. Я замечтался и не заметил, как левую ладонь отсекло шкотом. Боли не было, раны исходили огнем и горячим светом. Правая рука вспыхнула алым и обратилась в тончайший пепел, но музыка продолжала звучать из глубин моего естества, как будто я сам становился звездой и излучал во Вселенную огненную песню, которой не было ни конца, ни края.

На глаза навернулись слезы. Разве в космосе плачут вот так, по-человечески, когда еще чуть-чуть, и прежний облик истает? И кто-то неслышно ответил «да». Звездный свет дробился в слезах, как в линзах, разбиваясь на разноцветные полосы, и каждая звезда пела. О том, что нельзя исчезать насовсем, до конца. О том, что если кажется, что больше никто не ждет, то это только сейчас так кажется. Все они обязательно вспомнят. Вспомнят и придут.

«Но только меня уже не будет»

«Ты правда хочешь, чтобы было так?»

«Нет. Нет!»

«Тогда живи!».

Светила рассыпались мельчайшей пылью, но все пылинки были живые. Они оседали на лице, на губах, прожигали плоть, и где-то там, на другом конце вселенной, вновь собирались в звенящие и сверкающие шары — звезды. Я пел вместе с ними и горел, и все же не мог сгореть до конца.

«Джен тоже придет когда-нибудь, посмотрит на меня и не узнает». При мысли об этом сердце всколыхнулось жарким пламенем, но было уже не больно, боль сделалась чем-то далеким, почти невозможным, как будто горевать о своей судьбе уже не имело смысла. Вселенная вдруг распахнулась, и я увидел все — от атомов до далеких галактик. Увидел, как Джен, стоя в серых сумерках на огромном пустыре, утирает кулачком слезы. От отца она сбежала, влачить существование призрака где-то между жизнью и смертью оказалось не по ней. Она хотела стать прежней, живой, и сейчас лихорадочно размышляла, как этого добиться. Я потянулся к ней, переливая ей в жилы горячий свет. Джен закричала от боли, упала, ушиблась, и вновь закричала — уже от радости. Жизнь возвращалась к ней. За миг до того, как потерять сознание, она увидела, как над пустырем поднимается жгучее солнце иного мира.

«Солнышко» — называла меня мама, а потом и девчонки, и взрослые женщины. Эта плоть всегда хранила в себе слишком много света и жара, и сосуд однажды переполнился. Незримые швы, наложенные на тело тем, кого называли Строителем Города, расползлись, и из прорех наружу вырвалось пламя, веселое и страшное. Так я стал самим собой.

Сейчас я — большая рыжая звезда. В какой вселенной? Не все ли равно? У меня есть планета. Я называю ее Земля, потому что она голубого цвета и полна жизнью. Без меня она погибнет, миллиарды живых существ зависят от моего тепла и света. Поэтому, если другое небесное тело на миг закрывает от меня мою Землю, я беспокоюсь и тихо шепчу:

— Никогда не умирай...

— Никогда... — раздается в ответ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
МИКРОСЕЗОНЧИКИ

Святослав Логинов

КОМУ В ПРЕИСПОДНЕЙ ЖИТЬ ХОРОШО?

Собрались как-то за одним столом Дьявол, Чёрт и Бес. Как у них водится, подвыпили малость, а потом заспорили, у кого дела в аду лучше идут, у кого грешники сполна за свои дела получают.

— У меня, — говорит Дьявол, — во всём такой порядок — любо-дорого смотреть. Котлы надраены, горелки прочищены, в котлах сплав Вуда побулькивает, в нём грешники попискивают. Каждому своя мера наказания назначена: одним сплав Вуда, другим жидкое олово, а самым гордым — бронза, из которой памятники льют. Иного вилами выну, капли металла пообтрясу, макну в соседний котёл, для разнообразия, а потом в свой, довариваться. Потому как порядок — превыше всего.

— Это не интересно, — взял слово Чёрт. — У меня ад красивый, зелёный. Котлов нет, всюду хрустальные ручейки текут. Грешники ходят вольно, могут яблочко сорвать или водички попить. Но никто (даже я сам!) не знает, чем дело кончится. Яблочко может сладким окажется, а может — горше акрихина. И водица то ли родниковой будет, то ли плавиковой кислотой, от которой мясо с костей струпьями слезает. Травка иной раз мягонькая, на которой лежать одно удовольствие, а в следующий раз в том же месте жгучая да колючая. И пенять не на кого, она такая от природы, я тут ни при чём. Мне просто весело любоваться на их старания, как они мук избегают, а прибегают к ещё горшим мукам. Иной бедолага сядет на пенёк и воображает, будто ничего ему не надо: ни яблочек, ни родниковой воды. Мол, буду сидеть и с места не двинусь. А я не против — сиди на здоровье. Но пенёк под голым задом рассыплется и станет муравейником. То-то сласть на нём сидеть! Или пень прорастёт острой щепой, и получится, что страстотерпец на кол сам себя усадил. У меня придумок много, в моём аду весело.

Унылый Бес покачал кудлатой башкой, зажевал стакан первача цирозной печенью и взял слово:

— Я и сам не знаю, что у меня в аду творится. Ад у меня маленький, бюджет ничтожный. На какие шиши я сплав Вуда покупать стану? А народу ко мне попадает побольше, чем к вам. Поначалу, как узнают, что я никого специально не мучаю, так сами в мой ад просятся. А мне что? Я никому не отказываю. Утрамбуую поплотней, и сидите в тесноте и обиде. Что они там друг с другом делают, мне знать без нужды. Иной раз возьму крюк поострее, помешаю им в адских глубинах, вытащу, кто попадётся, не глядя. Он обычно объеден коллегами до неузнаваемости, так я на него поплюю, чтобы плоть нарастить. Тут он начинает жалиться. Просится хоть к тебе, брат Дьявол в оловянный котёл, хоть к тебе, дружище Чёрт, в плавиковый

ручей, лишь бы не назад, в коммуналку, что они сами себе сотворили. Я малость послушаю и пихаю его в свой ад, куда поглубже. Что же мне, свою работу на вас, братья, перекладывать?

ЩЕКОТУН

Чешется нога. Почесал. Тогда другая нога зачесалась, и в затылке тоже. Потом — спина. Спину так просто не достать, как ни вертись. И ещё — в ухе. Ухо можно спичкой почесать, только где её взять? Горелая спичка у Андрюшки была, но её отняли, когда проверяли карманы. И что теперь делать прикажете?

Вся группа спит, один Андрюшка мается. Кажется, уже весь общежитие котался, никаких ногтей не хватает.

Нянечка Полина Игнатъевна поднялась со своей раскладушки.

— Ты чего вертишься, как чёрт на сковородке?

— Мне щекотно.

— И что? Почеси и дальше спи.

— Мне всё равно щекотно.

— Это на тебя щекотун напал. Ничего страшного. Повернись на другой бок и спи спокойно.

Полина Игнатъевна повалилась на раскладушку, только пружины заскрипели, и тут же принялась храпеть. А у Андрюшки всё чешется, мочи нет. Дома, небось, никакой щекотун не напал, а как отправили с детским садом на дачу, тут и началось.

Щекотун маленький, а щекотухи у него длинные и тонкие, куда угодно достанут.

Андрюшка изловчился и щекотуна схватил. Сразу стало легче. Только что с длинными щекотухами делать?

Подумал и запустил одну под одеяло к Максимке. Максимка ногу почесал, потом вторую... и затылок. Андрюшка щекотуху на спину запустил, но Максимка и там достал. Он изворотливый, везде достать может.

Андрюшка подумал и решил, что друга надо оставить в покое. А вот Кольку следует исщекотать что есть сил. Колька здоровенный, но плакса. Он Андрюху бьёт, а потом сам на него ябедничает. Такого не жалко.

Андрюшка толком расщекотаться не успел, как Колька проснулся и заревел басом. Полина Игнатъевна тут же вскочила.

— Что с тобой?

— Щекотно!

Полина Игнатъевна принялась Кольку чесать, чтобы он не ревел. Андрюшку так ни разу не чесанула, а Кольку — пожалуйста.

Андрюшка вроде бы спит, а сам всё понимает. Хотел было Кольке ещё

одну щекотуху запустить, самую чесучую, от которой простые почёсывания не спасут, да раздумал; ещё перебудит своим рёвом всю группу. Оставил Кольку в покое, тот уснул, и Полина Игнатьевна сразу уснула. Андрюшка тоже спит, но раздумывает, что дальше делать.

Осторожно пустил тонкую щекотуху под одеяло Маше. Маша мягкая, тёплая, даже чесаться не стала, повернулась на другой бочок и дальше спит. К ней бы не щекотухой, а ладошкой дотянуться, но никак, через две кровати.

С огорчением оставил Машу и запустил самую цеплючую щекотухину к Полине Игнатьевне. Та почесала одну ногу, вторую... затылок, а спину не достать. Полина Игнатьевна — не Максимка, она толстая. Пришлось вставать, идти куда-то за большим махровым полотенцем, растереть спину. А Андрюшка ещё подпустил щекотушек. У щекотуна их много.

— Что за несчастье? — стонет Полина Игнатьевна. — Исчесалась вся, словно блохастая собака!

Какое же несчастье? Это щекотун напал. Повернись на другой бок и спи себе спокойненько

ЕЛЕНА ВОРОН

Я БУДУ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ...

Жемчужная дымка приглушала свет полуденного солнца. Небо, пронзительно-синее с утра, выцвело и стало бледно-голубым. Пожелтевшие лиственницы казались медовыми, безлюдные дорожки старого парка были запорошены их мягкой хвоей.

С севера напозлали серые тучи, и осень вздохнула порывом холодного ветра.

Зябко вздрогнув, Он заботливо коснулся ее плеч.

— Ты не замерзла?

Она молчала. В молчании угадывалась нежность и не понятная Ему, необъяснимая тоска.

— Я люблю тебя, — прошептал Он, целуя Ее теплую щеку. На щеке лежало пятнышко солнечного света.

Свет и тепло уходящего лета. Последняя, прощальная ласка.

На волосы Ей упала хвоинка, следом еще — лиственницы одарили своим золотом землю, замшелые каменные скамьи, на которых давно никто не сидел, и двоих влюбленных. Мягкие иглы лежали на Ее небрежно сколотых, готовых рассыпаться белых локонах. Локоны были теплые и, казалось, светились. Летний свет и тепло таились в Ее волосах, в печальном лице, во всем Ее теле — в изящной шее, округлых

плечах, в тонких пальцах... Пальцы просвечивали, когда на них падало яркое солнце, и Он любил касаться их и поглаживать.

На небе солнце пряталось в дымку, а наплывающие серые тучи съедали жемчужную голубизну.

— Я буду любить тебя всегда, — шепнул он, целуя прохладную кожу под маленьким ушком, на которое спадал завиток белых волос. — Всегда! — повторил он, точно поклялся. — Даже после смерти.

Грустная улыбка тронула Ее губы. Или же ему почудилось, и Она вовсе не улыбнулась, а лишь подумала: «Что ты знаешь о смерти?» Он всю жизнь с легкостью угадывал Ее мысли. А потом Она молча ответила: «Я тоже тебя люблю».

Он вздрогнул — то ли от стылого вздоха внезапной, неожиданной осени, то ли от предчувствия беды.

Тучи подбирались к солнцу, дымка сгущалась. Лиственницы потускнели и беззвучно роняли хвою — скорбные прощальные дары.

— Ты не уйдешь? — спросил Он тревожно.

«Это ты уйдешь от меня», — отозвалась Она. Спадающий на ухо белый завиток остывал, но бледная щека помнила солнечный луч, еще недавно даривший жизнь и тепло.

— Я тебя не покину!

Она молчала. И размышляла о том, что Он нарушит слово. Как Она может так о Нем думать?

— Как ты можешь? — упрекнул Он печально, целуя милую ямку под горлом, пытаясь согреть остывшую кожу.

«Я знаю».

Откуда Ей знать? Ведь лиственницы еще никогда так щедро не сыпали подарки... Какая Она красивая с этими иглами на волосах!

— Ты самая красивая, — шепнул Он восхищенно. — Единственная моя.

Порыв студеного ветра смел наземь несколько драгоценных золотых игл. Он обнял любимую, прижался, пытаясь укрыть от дыхания неизвестной беды. Как защитить Ее от того, что несет с собой ветер?

— А я? — спросил Он, чтобы не молчать. — Я у тебя — единственный? — Глупый вопрос. Кроме них, здесь больше нет ни души. И все же Он повторил: — Единственный? Скажи мне.

«Нет», — поколебавшись, призналась Она.

— Как это — нет? — Он не поверил и отшатнулся. Это невозможно, бессмысленно! — Нет?!

Налетевший ветер злобно бросил Ей в лицо пригоршню игл.

Он ощутил, что Ей больно. И холодно. Ее кожа сделалась ледяной. Она виновато попросила: «Прости», — и Он не колеблясь простил... неверность? Или нечто иное?

«Ты ничего не знаешь о смерти», — подумала Она торопливо, и Он вынужден был согласиться.

Что такое смерть? Ее измена?

— Я все равно тебя люблю, — сказал Он, и Его слова были правдой. — И я тебя не оставлю.

Она не возразила, но Он понял, что любимая Ему не верит. И Она почему-то права. Он обнял ее, как мог крепко, целуя лицо, плечи, руки; Он целовал Ее и клялся в любви, и дрожал от сырого студеного ветра, и в его острых сухих поцелуях уже не было летнего тепла, но еще теплилась жизнь и любовь. Ее неподвижное лицо было холодным, тонкие пальцы не просвечивали под солнцем... белые-белые пальцы. Она дрогла под ветром, и Он неожиданно понял, что не в Его силах укрыть Ее и согреть объятиями. Быть может, это и есть смерть — когда не можешь уберечь любимую?

«Я любила тебя... всю твою жизнь», — подумала Она с горькой нежностью.

— Ты будешь любить после смерти? — прошептал Он, замерзая.

«Я буду помнить».

— Спасибо...

Серые тучи закрыли солнце, сыпанули первые в этом году, крупные и жесткие снежинки. Потемневшие, в бурых пятнах, побитые осенними дождями и заморозками листья плюща шелестели и бессильно скребли по белому мрамору, а оплетшие каменную фигурку лозы безнадежно пытались удержать тепло ушедшего лета.

Антон Филипович

ПОД ЗВУКИ ФЛЕЙТЫ

Сирша любила это место. Здесь всегда, разве что за редким исключением, никого не было. Тишина и покой — хранители Волшебного тупика — почётно стояли на страже, как и его главный охранник — боевой тигр Асур. Его мощные доспехи отливали на солнце серебром, а его громогласный рык внушал страх, предупреждая незадачливых путников о том, что это место лишь для избранных.

Но Сирша не боялась Асура, так как знала его слабость. Поэтому всегда, сворачивая с улочек Бетон-Сити к Волшебному тупику, Сирша извлекала из своей сумы увесистый кусок мяса. Почтительно склонившись перед Асуром, она клала подношение зверю в пасть и украдкой проскальзывала мимо.

В Волшебном тупике располагались всего три вещи, но какие! Огромное раскидистое дерево фау, увешенное золотыми колокольчиками, ложе королей, инкрустированное тысячами самоцветов, отблеск которых украшивал поросшие вьюнком стены причудливым узором, и большой магический ларец, содержание которого каждый раз оставалось тайной.

Так было и в тот раз. Миновав угрозу в лице Асура, Сирша опёрла походную трость на ларец и, разместившись на ложе, сняла со спины футляр. Сорвав страж-печать, она в очередной раз извлекла из него своё главное и единственное сокровище — флейту-затейницу!

Нежное касание губ оживило её. Проходя сквозь инструмент, дыхание Сирши рождало чарующей красоты музыку, высвобождая душу флейты на волю.

Ветер в такт мелодии игриво подхватил ноты и принялся разбивать их одну за другой о колокольчики древа фау. Ларец открылся, и дары, ранее принесенные ему в жертву, пустились в пляс. Вот в воздухе закружился маленький трёхколёсный велосипед, забавно крутя педалями, а вот неуклюже, но отважно, мистер банан пригласил мисс консервную банку на танец, жутко оскалился разбитым кинескопом старый телевизор, ловко, для своих лет, выпрыгнувший из ларца. Но никто не испугался, все знают, что на самом деле он добряк!

Даже тигр Асур оторвался от трапезы и теперь с любопытством наблюдал за происходящим. Еще бы! Ведь всё вокруг так сияло, вертелось и кружилось!

Но вот Сирша сделала глубокий вдох и, выдержав паузу, эффектно поставила точку в магическом концерте.

Всё стихло. Ларец мигом захлопнулся, засосав всех его обитателей обратно, ветер звякнул на прощание колокольчиком и улетел, а Асур, прижав уши, вернулся к остаткам мяса.

На мгновение на лице Сирши застыла улыбка, но тут же сорвалась, разбившись на мелкие осколки. Сирша бережно положила флейту в футляр, поправила солнцезащитные очки и на ощупь дотянулась до трости.

Под мерный стук по асфальту, помогающий Сирше найти выход из тупика, магия начала рассеиваться, освобождая из своих объятий пластиковую ёлку с гирляндой-колокольчиками, потрёпанный диван и большой мусорный контейнер.

Проходя мимо старого кота, довольно облизывающегося после куска варёной колбасы, Сирша остановилась, присела и, почесав ему за ухом, тихо сказала:

— Прибереги это место для меня, Асур. Ладно? Я ещё обязательно вернусь.

ОНИ ПРИХОДЯТ В КОНЦЕ ЛЕТА

Они приходят в конце лета, когда последнее древо-феникс оканчивает свой жизненный цикл. Сотни безликих теней появляются на границе леса и, минув старую полуразрушенную стену, медленно двигаются

в сторону деревни. А мы всем поселением встречаем их у порогов своих жилищ, каждый по своему — кто со слезами, кто с улыбкой, но все, как один, с волнением и любовью в сердце.

Ко мне и Лискэ — моей младшей сестрёнке — тоже приходит тень. Иногда это мать, иногда отец, я не знаю этого наверняка, просто чувствую, когда беру тёплую полупрозрачную ладонь в руки. Но тень неизменно является одна. Наверное, там, откуда они приходят, тоже существуют свои нерушимые правила и законы.

Разместившись на крыльце небрежным кругом и взявшись за руки, мы закрываем глаза и погружаемся в воспоминания, рисуя в сознании образы ушедших дней. Вот мама улыбается нам, помешивая в кастрюльке ароматный суп из грибов и сушёных пеаклей, который мы так любим. А вот отец учит ловить рыбу, неуклюже цепляет наживку на крючок грубыми пальцами. А здесь мы все вместе, веселимся поздним вечером у настольной игры, нам давно пора спать, но родители делают вид, что забыли об этом...

Эмоции и чувства накатывают, словно волны, то обдавая лёгким бризом, то накрывая с головой. Но мы не боимся утонуть, мы давно научились плавать.

Вернувшись из моря грёз, мы зажигаем свечи и в уюте вечерних сумерек рассказываем — обычно начинает непоседа Лискэ — о том, как провели год. Обо всём, что вспомним. Об удачах и невезениях, о победах и разочарованиях. Преодолевая стеснение и избегая озорного взгляда сестры, готовой в любую минуту покатиться со смеху, я рассказываю о первой влюбленности и обещаю познакомить с избранницей в следующий раз, если всё получится... Тень внимательно слушает и лишь едва уловимо покачивается в пространстве. Безмятежно, не издавая ни звука. Но иногда я замечаю слабо мерцающую рябь на тёмном силуэте, и мне кажется, что тень радуется, удивлена или опечалена. Во всяком случае, мне хочется в это верить.

Так мы вместе проводим мгновения, дарованные Духом Леса. А когда по чёрному эфиру неба начинают свой путь яркие Финеа и Галлус — тени уходят, оставляя на окраине леса искрящиеся гром-цветы на прощание. Пульсирующее разноцветными огнями поле. Подарок ушедших.

Ветер затягивает свою нежную, но грустную песню.

И мы слушаем.

Рядом тихо всхлипывает Лискэ. Я обнимаю её крошечную фигурку, прижимаю к себе и шепчу: «Не грусти, они ещё обязательно вернуться. Я с тобой... я рядом...»

АЛЕКСЕЙ ДОНСКОЙ

САМОЛЁТИК

— Витька! — пронёсся по двору хрипловатый голос тётки Клавы. — Домой, мать зовёт!

Черноволосый пацан, лет шести от роду, склонил голову набок и показал тётке язык. Чего это он должен слушать соседку? Мама бы и сама позвала, если надо.

— Кому говорят! — Клава собралась было погрозить кулаком, да почему-то передумала, сплюнула и с чувством выполненного долга исчезла в темноте квартиры, затворив окно.

— Небось похоронку принесли, — авторитетно заявил Мишка, который всегда знал больше других, особенно если что-то нехорошее.

— Тыфу на тебя, чего несёшь! — прикрикнула на него Тонька.

— Почтальон приходил, — снисходительно пояснил Мишка.

И заткнулся, потому что девчонка была на полголовы выше. А Витька растерянно хлопал глазами и не знал, то ли за мячом бежать, то ли в драку. Чувствовал: Мишка говорит что-то обидное, как обычно.

— Ладно, айда домой, — сказала Тонька, беря Витьку за руку.

Она впихнула его в комнату и хотела войти сама, но на пути встала тётка Клава, мягко взяв её за плечи — иди, мол, не отсвечивай, без тебя разберутся. Тонька запомнила неподвижную фигуру Витькиной матери, которая даже не обернулась.

Витька ещё не умел читать. Он рассматривал роковую бумажку и на просвет, и вверх ногами, но большая гербовая печать молчала. Печатные буквы плясали и рассыпались бессмысленными узорами, зато от чернил веяло отцовским теплом. И тогда Витька будто видел его лицо сквозь круглую печать.

— Может, это ошибка, — тихо говорила мать. — Такое бывает.

Но Витька понимал, что она не верит своим словам. Взрослые всегда живут по дурацким придуманным правилам и не понимают того, что на самом деле стоит за чернильной вязью.

Он дождался, когда мать вышла на кухню, старательно сложил из бумажки маленький самолётик и отправил отцу на помощь. Бумажка была неудобной, но самолётик вышел удачным — полетел ровно, набирая высоту, за пределы двора — и исчез в огне закатного солнца.

Тётка Клава потом ругалась страшно, норовя отхлестать Витьку чем попадалось под руку, но мать решительно вытолкала её из комнаты.

— Дура, теперь в военкомат пойдёшь — что скажешь?! — кричала Клава.

— Ну и ладно, и не пойду. Не надо такой пенсии! — отвечала мать. — Правда?

Витька согласно кивнул. Он вспоминал, как совсем недавно открывалась дверь, и из темноты коридора в залитую солнцем комнату входил отец, большой и радостный, и в комнате как будто становилось ещё светлее. Ну, может, так просто казалось малолетнему пацану, кто знает...

День Победы мать встретила слезами. Витька уже давно умел читать, и она не стеснялась плакать при нём.

А на закате Витька зачем-то открыл окно — вспомнил тот самолётник. И он вдруг появился — из ниоткуда, без надписей и печати — лёг на стол прямо перед матерью. Чья-то шутка была откровенно дурацкой и жестокой. Витька попытался высмотреть шутника за окном, но заметил только гимнастёрку входящего в подъезд солдата. А ещё — запах пыли и солнца.

Витька обернулся, посмотрел на мать и стал с замиранием сердца ждать, когда откроется дверь.

СЕРГЕЙ БИТЮЦКИЙ

КАПЛИ ДРЕВЕСНОГО СОКА

— Лымарь, не жуй ботву. Если ты меня подставишь, урою. Под меня копает новый СОБРовский начальник. Я должен знать. Пятьдесят штук зелени — неприятно, но не те бабки, за которые стоит лезть на кичу. Ну?..

— Шеф, конечно, у пацанов был соблазн везунчика проводить до дому... Ну так, в порядке хохмы...

— Не зли меня, засунь свои хохмы в ноздрю! Что произошло?

— Он бросил фишки и ушёл.

— Как это бросил? Выигрыш? Три ляма?

— Ну да... Мы тоже облезли все, кто сёк в зале. Посидел, вроде что-то пошептал губами. Мобилы в руках не было. Разве что спецсредства... За фраером с жучком мы бы отродясь не пошли... Да и зачем за ним идти? Он же всё на столе оставил!..

* * *

— Ну, ангел-хранитель? Что скажешь?

— Какой я тебе хранитель, Семёныч? На активное действие не способен. Вектора твоего не вижу. Мысли других не читаю. Пулю не отверну... Так, трепло...

— Ты замечательное трепло, Тихоня. Уму-разуму я сколько от тебя набрался. Ну, скажи, чем мне этот неожиданный фарт обернётся?

— Плохо он тебе обернётся, Миша.

— А что так? До дому не донесу? Пришибут?

— Могут и пришибить. У вас это просто, ага. А можешь и донести. Если друзьям звякнешь, чтобы встретили. Но я не об этом.

— А о чём?

— Ты, Миша, в своей ветке — донор. Раздатчик.

— Не понял. Чего раздатчик?

— Как бы тебе... У других растений вашего мира — у деревьев — ветки влагу не могут впитывать, верно? Впитывают корни и гонят по стволу ко всем веткам.

— Ты нас тоже в растения записал, Тихоня?

— Ну да. Вы же растёте вдоль одной временной оси и никуда не можете уйти — ни от града, ни от коровы, ни от комбайна. Так вот. В каждую ветку от корней поступает порция сока. Назовём его нектаром везения. Нейтринного коллоида, проще говоря. И ветка его распределяет всем листьям, плодам и побегам. Понимаешь?

— Пока да.

Миша представил, как, сгущаясь из перенасыщенных эфирных облаков, капают вниз крошечные сгустки везухи.

— Ты — узловый раздавалец удачи для своей ветки. Сколько её есть у всех у них, вся проходит через тебя. От корней твоих.

— От кого?

— От тех твоих, кто уже отцвёл и в земле укоренился. Они впитывают падающие капли нейтринного дождя и гонят по стволу. Те, кто над поверхностью, сами не могут впитывать. Ну, как и листья.

— Ты что, Тихоня?.. Ты о родителях?.. О мёртвых?..

— Они ещё два-три поколения питают побеги. А потом уже засыхают.

— Ах ты!.. Жуть какая!.. И я, сорвав куш...

— Потратишь весь сок и оставишь всю семью без везения. Всё, что у всех вас «чудом не случилось», сразу воспрянет.

— И болезнь Шуни?.. И травма Славика?..

Пальцы разжались. Фишки обиженно покатались по сукну.

Невидимый сок, готовый уже пролиться в надрез события, снова заструился через руки Миши.

СЕРГЕЙ ИГНАТЬЕВ

У ЛАРЬКА

Трое выпивали за ржавым столиком.

Мрачный Арефий в бежевом бушлате и солдатской ушанке. Сивобородый старичок Фалалей в дырявом зипуне и замусоленном грешневике. Молодой и курносый Ждан в лисьем треухе и заграничной синтепоновой курточке.

— Эхма, — сморщился Фалалей. — Горемычные мы... Бездомная-я! Моя, почитай, полтора года простояла! Когда еще полигон намечали — под сторожку ея, сталбыть отвели! Бетонкой обнесли. А нынче гляди...

Рядом шумела стройка — ревели бульдозеры, пронизывали дождливую хмарь силуэты башенных кранов, ослепительно вспыхивала сварка.

— Ничего, отец, — нахмурился Арефий. — Наше дело: отбой и на боковую, подъем — и по коням.

— Прогресс, понимаешь! — осклабился Ждан. — Плесни для запаха? Арефий извлек поллитру и соорудил «ерша».

Мимо призрак-корниловец с «мосинкой» наперевес повел под конвоем другого призрака:

— Свежее хоть, мужики?

Ему не ответили.

— У нас-то, — дернул усом Арефий. — Подворотничок подшит, а приказ — хучь куды! Хорошо там, где по уставу!

— Прасковью Ильинишну вот вспоминаю, — вздохнул Фалалей. — Трех сынов на войну отправила с той избенки — и все три в один экипаж. Сгорели под Тулой...

— Ты гля! — встрял Ждан. — Трех в один танк? Ровно яйца в одну корзинку! Моего бы туда директора! Он про кадры все понимал...

— Молчи уж, сопля, — оборвал Арефий. — Что ж старуха-то, дед?

С гиканьем и свистом прошел рысями погибший казачий эскадрон. Один повременил, заказал пива, понесся вослед своим.

— Квартиру дали вдовушке, в новостройке. И мне бы с ней — да ведь у меня должность...

— А у меня-то, дед... Ребята каждый год — эти придут, те уйдут. Молодежь наша, она... Бедовая! Я в ленинской комнате обретался. Плакаты там, про строевую подготовку, про бдительность, бюст гипсовый... Ну и телевизор цветной, значит! Футбол! Я-то, ясно, за ЦСКА болею.

— Смешно, отцы, — Ждан поправил треух. — Изба да казарма! Много вы видали! А уж мой-то, аккуратист! Телефонов три штуки, секретарша — чай с лимоном... Бывало, залезу в сэйф, слева папиросная коробка, в ней наградной «токарев», справа пенал красненький — «красная звезда», «знак почета» и «трудовая слава»... Перебираю их... А документы?! Совсекретности и особой важности... Попробуй подмахни — вся планета кувырком, понял? А растения?! Диффенбахия! Слышал такое? То-то, дерёвня...

— Сняли твоего директора.

Мимо шли погибшие большевики со знаменами, хором зовя на «последний и решительный бой».

— Одначе, обмелело, — Ждан вытащил фляжку.

- Самогонка ли?
- Обижаешь, вискарь!

Разлили. Пронесся на бреющем «крокодил», прошли дозиметристы в химкостюмах, отыграла «ламбада», полыхнул шестисотый «мерс», грохнул юбилейный салют. Полигон сменили паркинг с заправкой, на месте номерного НИИ выросли шестнадцатиэтажные муравейники, казармы обратились молл-центром.

- Куда податься бедным домовым? — всхлипнул старичок.
- Ежели рассудить, — шмыгнул носом Ждан. — Чего горюем, кутные? Вся же страна и есть наш Дом.
- А верно говоришь, малец, — кивнул Арефий. — Небось устроимся.

ВЕСНА ПО РАСПИСАНИЮ

— Нормалдык, — вздохнул Киндяев. — Сгрузили шестерку АРК-60. Вводим в работу.

Нелепые гусеничные громады Космоспецстроя, добывающие гелий-3. Как они надоели Киндяеву! Боевой пилот ВКС стал завхозом на лунной базе... Тоска.

- Успешно? — завлаб Ушкевич ковырял вилкой солянку.
- Пять нормальных Аркадиев, шестой — Хренадий. Отладка нужна. А толковые инженеры, ясно, на Марсе... У вас как?

Ушкевич просял.

За панорамным окном бушевала стихия. Трепетали кедры, яблони страдальчески изгибали ветви, мельтешила рыже-бурая круговерть, оседающая на крышах теплиц.

- Продуваете?
  - Продуваем, Петя! Ух, славно полощет...
- Для роста деревьям необходим ветер. Под куполом «Зари» взяться ему неоткуда, поэтому мы делаем его сами. Сами делаем осень. Вот и я, подумал Киндяев, чахну без ветра... Как там мой рапорт?

- Как вы мрачны, — заметил завлаб. — Все не отвечают? Слыхали, к нам артисты едут?
- Вот как!
- Московская труппа. Дадут «Трех сестер»... Сама Тимлянская летит... Киндяев помрачнел.

* * *

Киндяев курил, следя за переплетениями маршрутов на интерактивной схеме. Один зеленый пунктир двинул влево и вбок, в сторону немецкого купола «Бранденбург»...

Динамики вещали:

— Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной...

Монолог оборвал писк аварийки. Киндяев рывком подскочил к терминалу.

— Хренадий чокнулся! — с визора таращился стажер Дешнин. — Метеоритка врубилась, я на третьем штреке, беру шагоход — сгоняю, гляну...

— Вижу-вижу, — Киндяев уже нырял в комбинезон. — Володя, без глупостей! Сиди на месте...

Но яркая оранжевая точка уже неслась поперек зеленых пунктиров «Аркадиев».

* * *

Нормалдык, повторял про себя Киндяев, летя верхом на гравцикле над серой пустыней — навстречу громадам харвестеров. Бывало и хуже. Миротворческая в Либерии, гуманитарная в Мозамбике, авария на «Суслове»... Уход Тимлянской... Бывало и хуже, майор!

Стажер протаранил шагоходом «Хренадия», предотвратил залп гравипушек, но — разгерметизация, пожар, опасность взрыва...

Быстрее!

В салоне горел красный свет. Дешнин хватал разряженный воздух посиневшими губами:

— Получ-ч-чилось?

— Завалил гада, — прикрыл стажеру лицо маской рециклера. — Дыши, Вовка, дыши!

Сквозь треск помех ворковала диспетчер купола «Цзинью»: «...хан бан йен ву лиан щяо ши...»

Киндяев врубил запасное питание, крутанул штурвал, шагоход ожил. На смену китайке пришел хорошо поставленный баритон:

— ...Настанет новая, счастливая жизнь. Участвовать в этой жизни мы не будем, но для нее живем теперь, работаем...

— Это чт-то?

— «Трех сестер» дают... Ты где шагоход освоил?

— На ВВЦ, на тренажерах...

— Ишь, танкист, — Киндяев взял курс на ярко-белый купол «Зари». — Поехали! Познакомлю тебя с одной актрисой...

* * *

— Ну? — Ушкевич ковырял вилкой жареного хека. — Все рветесь на Марс?

— Забрал рапорт. Не так уж тут скучно!

За стеклом трепетали кедры. Яблони роняли цвет с распутившихся ветвей. Мельтешили лепестки, оседая на крышах теплиц.

— Продуваете?

— Весну запускаем... Строго по расписанию.

КРИСТИНА КАРИМОВА

ТАКАЯ РАБОТА

— Держи его! Не пускай!..

— Ой, да что это делается!..

— А-а-а!!! Вы его задуйте!!!

Женский визг, мат мужиков. Топочущие ноги вокруг. Перепуганная стюардесса, алчные руки с телефонами — жатва для ютуба. В узком салоне самолета не развернуться — попробуй удержи. Но желающих поучаствовать в умирении много, берут массой. Кто-то выкручивает мне локти, кто-то гипопотамного размера садится сверху.

— Гады! — хриплю я из последних сил.

Мои запястья перехватывает ремень. Другой стягивает лодыжки ног. В рот суют какую-то тряпку. Гипопотам дышит в затылок, потом сползает. Я продолжаю извиваться спеленатой сарделькой.

— Алкоголик! — праведно возмущается женщина. — Налопаются и творят что попало!

— Господа, — голос из громкоговорителя. — В связи с инцидентом самолет вынужден совершить незапланированную посадку в ближайшем аэропорту.

— Зараза! — злится ближайший мужик и чувствительно пихает меня ботинком в бок.

Я перестаю извиваться. Мавр сделал свое дело, мавр может уходить.

* * *

— Вы же взрослый человек... — инспектор — милая дама, прическа волосок к волоску, деловой костюм без единой складочки — безусловно вежлива и корректна. Крутит в руках мои документы, листает странички. — Зачем вы это делаете? В третий раз дебош на борту. Зачем вы пьете перед полетом? Вы боитесь летать? Может быть, вам лучше передвигаться поездом?

Я молчу. Мне нечего сказать этой милой, уверенной женщине. Да, думаю, она и не ждет ответа.

— Я возвращаю вам документы. Позже суд определит меру наказания — за задержку рейса, за несанкционированную посадку...

Не поднимая глаз, протягиваю руку, забираю паспорт. Сутки в КПЗ, составление протокола, презрительно-любопытные взгляды полицейских. Формальности закончены, можно идти.

— Игорь Михайлович, — голос дамы останавливает меня у самой двери. — Вы можете мне обещать, лично мне, что не будете больше этого делать?

Я поднимаю взгляд, вижу внимательные серые глаза. К щекам приливает кровь, я коротко дергаю головой — то ли соглашаясь, то ли прощаясь, и стремительно выхожу.

Господи, ну за что мне это все?!

* * *

Стою на крыльце, вдыхаю прохладный, влажный воздух. У ног — наглые воробьи, деревья присыпаны зеленой пудрой — распускаются почки. На улице весна. Жизнь.

Ошиблась милая инспектор. Не в третий раз. В пятый. Третий я как раз пропустил.

Я не знаю, как это происходит. Когда было впервые, подумал: случайность. Сидел с чашкой кофе в аэропорту и вдруг мысль: разобьемся! Я скрутил себя. Решил: частые командировки, нервы... Сглотнул рюмку коньяка и поднялся на борт. Но через час накатило так, что не выдержал: вскочил, заорал. И самолет сел внепланово, в чужом аэропорту.

Второй раз был через год. А третий... В третий я пошел и сдал билет. И ровно час радовался жизни. А потом в новостях — взрыв, огонь, фотографии погибших. Отказало управление, не дотянули до аэропорта.

С тех пор не отлыниваю. По-прежнему летаю в командировки, а когда надо — дебоширю помаленьку. Такая, однако, работа. Или просто судьба?..

СЕРГЕЙ ПЕТРОВЕЦ

ДЕМОН ЛАПЛАСА

Таких забегаловок на всех трассах как у дурака махорки, и все до одной они мне хорошо известны, а как же иначе.

Машина у меня старенькая, «Герберт» двадцать второго года, но бегаёт пока вполне сносно, правда привирает хронометр, да кардан стучит, цепляясь за мировую линию. Старичка «Герберта» поставим в тенёк, пусть остывает, стравливает мнимые вероятности в землю. Сержант из патрульной машины провожает меня ленивым взглядом, прикидывает, что да как, вес, рост, особые приметы и можно ли с меня

слупить малую мзду. Я козыряю ему двумя пальцами и сразу становлюсь неинтересным. Тут подъезжает респектабельный «Клиффорд», я открываю дверь кафе перед молодой парой, оба в чёрном, глаза девушки ещё не высохли от слёз.

Внутри не сказать чтобы битком, но народу хватает и уже изрядно накурено. Обо всех присутствующих мне известно абсолютно всё. Вон та шумная компания, ну чисто дети, едет охотиться на динозавров. У них всё по-взрослому — мощные «Ли-Энфилды» в футлярах красного дерева, усиленные патроны «Магнум» с ледяными пулями, комбинезоны хаки, больше похожие на скафандры, на рукаве шеврон-голограмма — порхающая бабочка.

А вот тот напوماженный юнец с серьгой в носу отправился убивать своего предка — ему, видите ли, приспичило на себе проверить известный парадокс. А предок юнца, я вам скажу, довольно известный гангстер, и его уже предупредили, догадайтесь, кто? И как только юный нигилист выйдет из своего навороченного «Айзека», тут же отгребёт знатную порку ремнем — чтоб уважал старших, сукин сын!

Официантка, ноги от ушей, приносит мне двойную порцию пельменей в бульоне с чёрным перцем, майонезом и луком, корзинку с ржаным хлебом, стакан чая и подмигивает, бестия. Девушку в чёрном вновь бросает в слёзы, мужчина держит её за руку. Ну вот, скажите, какой смысл бывать на своих похоронах, да ещё не в первый раз? Постоять у камня, прочитав надписи на венках да пересчитать присутствующих? Дурёха, ты лучше на вторую дату глянь да порадуйся.

Всё это и миллионы других ситуаций я вижу каждый день, но мне не надоедает, мне нравится моя работа. Я почтальон, я доставляю письма. И мне даже не приходится вскрывать их, чтобы узнать содержимое.

« — Дорогой дедушка Манфред!

Мне очень захотелось написать тебе письмо, чтобы сообщить, что я с отличием окончила музыкальную школу миссис Гольдстайн по классу шептолино и скоро уезжаю выступать на Луна-Фестивале. Мама и папа очень за меня рады. А ты, дедушка Манфред, пожалуйста, 16 сентября 1916 года будь осторожен на этой реке Сомме. Прошу, останься в окопе, не поднимайся в атаку. Целую, твоя любящая правнучка Адель».

На конверте нарисован красивый, но непонятный цветок.

Мне прекрасно известно, как поступит молодой дедушка Манфред, но всё равно это письмо он получит. А вот что будет дальше, упадёт ли он лицом в мокрый песок или тот патрон с роковой пулей перекосит в затворе — мне не известно.

Могу я, в конце концов, позволить себе хоть чего-то не знать?

Я знаю, что могу!

МАКСИМ ТИХОМИРОВ

ТА, СТРАННАЯ

Пайголин Орс точил старый топор.

Звенел, заглаживая щербины, круг точила. Натужно гудел старенький электромотор. Искры фейерверком летели с кромки лезвия. Остро пахло бенгальскими огнями и раскаленной на жаре пемзой.

Руки не слушались; болезнь цепко сковала пальцы; мышцы налились деревянной тяжестью хвори. Хотелось замереть на месте и уснуть навсегда. Жить было незачем с того дня, когда перестали метаться в бреду дети и в последний раз взглянула на него жена, и больше уже не смотрела, и не дышала, а лес пришел и заткал его дом изумрудным саваном ветвей.

Пайголин Орс остался умирать в одиночестве.

Он оказался силен; могучее тело сопротивлялось сонному угасанию разума. Орс чувствовал — осталось недолго. Захотелось успеть похоронить семью — по-человечески, по-людски. Затем и нужен стал топор — отсечь все лишнее, вырубить из зеленого плена деревьев три статуи: большую и две поменьше.

Лезвие засияло опасностью бритвы. Мотор вздохнул, засыпая; стали слышны другие звуки: птичий щебет, шум ветра в кронах, топот шагов на ступенях крыльца.

Шагов?!

Орс вышел из мастерской. Та, странная, стояла на пороге дома, который Орс проиграл лесу, и рассматривала гробы из свежеструганных досок.

— Прочь, — прохрипел Орс.

— Я пришла помочь, — сказала она. — Нашли средство.

Орс позволил топорищу гладко скользнуть в ладони почти до самой земли.

— Поздно, — сказал он. — Настало время рубить.

— Вы их убьете, — сказала так, словно знала наверняка.

— Мертвых не убить, — через силу усмехнулся он. — Надо просто освободить их.

— Хорошо, — сказала она и отошла в сторону, давая Орсу место для замаха.

Топор легко шел сквозь заплот из лиан и тонких стволов. Прихожая. Гостиная. Спальни. Орс рубил и рубил, слыша, как следом за ним тенью идет та, странная.

Орс снес в два удара одну дверь, другую. Застыл на пороге, глядя на оплетенную лианами статую, что замерла в зеленоватом полумраке. Та, странная, змеей проскользнула у него под локтем, прежде чем он успел.

Топор свистнул, рассек воздух, но она не обернулась. Деловито опрыскала то, что было его женой, из баллона, глянула Орсу в глаза, прошла в спальню детей.

Что-то изменилось. Орс пристальнее взгляделся в покойный лик любимой.

Совсем рядом, за стеной, раздался тоненький детский плач.

Морщинистая кора век дрогнула.

На Пайголина Орса взглянула пара самых прекрасных на свете глаз.

Орс выронил топор и заплакал без слез.

ДРУГ С ТОЙ СТОРОНЫ

За завтраком мама спросила:

— А как там поживает твой воображаемый друг, сынок?

Сим вовремя вспомнил, что вчера Лея написала: «Завтра мне понадобится твоя помощь. Помни — это секрет!».

— Никак, — буркнул он.

Отец оторвался от гаджеты, приподняв бровь.

— Что-то новенькое, — заметил он.

— Мальчик взрослеет, — улыбнулась мама и подлила кофе. — Если так пойдет дальше, совсем скоро у него появится настоящая девочка!..

Сим постарался улыбнуться в ответ. Почти получилось.

Вместо школы он двинул по променаду сквозь обитаемые палубы, а потом по безлюдной буферной зоне привычной дорогой добрался до Границы.

Границу установили после того, как носовые отсеки пришлось навсегда изолировать от остального ковчега по приказу Капитана. Ходили слухи об эпидемии, о разгерметизации из-за метеоритной атаки, о бунте роботов и даже о нападении вампиров. Капитан с тех пор сменился на посту четыре раза — и вряд ли хоть кто-то на борту «Летящего» помнил, что случилось на самом деле.

Люк в переборке был накрест заварен металлитовым швеллером. Сим постучал по тяжелой стальной плите. Звук вышел глухой, словно по ту сторону и впрямь был вакуум, а не заполненные атмосферой отсеки.

Сим зыркнул по сторонам и двинул по заброшенному техническому проходу. Пыль, поднятая его ногами, подолгу висела в воздухе. С писком разбегались крысы; перед лицом порхали колибри, размножившиеся в буйной зелени оранжереи. Стены покрывал флуоресцирующий ковер дезертировавшего с гидропонных плантаций мха.

Полгода назад Сим набрел здесь на действующий терминал пневмопочты. Трубопровод уходил сквозь переборку на ту сторону. Из озорства

нацарапал на обрывке бумаги «Привет! Меня зовут Сим!» и отправил капсулу с запиской — туда. Несказанно удивился, когда пришел ответ: «Привет! Я — Лея!». Так у него появился настоящий секрет.

Сегодня терминал сигнализировал зеленым глазком: есть отправление! Сим принял капсулу, открыл. Внутри лежала бледная кисть руки с зажатой в пальцах запиской. Рука была холодной и очень тяжелой; на срезе запястья тускло блестел металл.

«Вынь это и отправь капсулу обратно. Лея». Сим перечитал записку дважды. Пожав плечами, сделал, что просили. Пшикнул компрессор, и огонек сменился красным. Минуту спустя капсула вернулась. Теперь в ней лежало изящное предплечье. Простой рисунок пояснял, как соединить меж собой части этого странного конструктора.

Конструкторы Сим любил.

Огонек поменял цвет еще два десятка раз. Когда Сим установил на место черепную коробку, глаза антропоморфа, которого он собрал, полыхнули электрическим огнем.

— Спасибо, Сим, — сказала машина. — Я — Лея.

У нее не хватало левой кисти. Машина поднялась с палубы и уже самостоятельно отправила почтовую капсулу на ту сторону. Ответ пришел быстро.

— А теперь, Сим, — промурлыкала Лея, устанавливая на место кисть, которая вместо пальцев завершалась набором бритвенно-острых лезвий, — пришло время познакомиться с твоими родными.

Капсула с шипением ушла за новым грузом.

ЕЩЕ ОДИН ГОД

Гришаня вернулся на закате.

Лугов, как всегда, курил снаружи. Фильтр маски наглухо обезвреживал табачный дым, но привычка была сильнее логики. Смотрел вдаль, на багровеющее небо над развалинами. Вполглаза следил, чтоб из руин не вылезла какая вредоносная дичина. Дичина не вылезла. Вылез Гришаня.

Подошел к ногам. Сел, деликатно обернув хвостом лапки. Мурчал тихонько, постреливал глазами сквозь прищеленные веки. Лугов докурил и пошел внутрь. Гришаня — следом. Затанцевал у ног, толкаясь в колени лобастой башкой. Умилительно щурил глаза, морда рыжая. Ясное дело — оголодал. На ушах свежие дыры, поперек физиономии пара длинных царапин. Брюхо в алом бисере капель вдоль жестоких расчесов. Лугов ощупал гришанино пузо — нет, кишки целы.

Лугов задраил внешнюю дверь, запустил шлюзование. Гришаня терпеливо ждал. На рыжей, в полоску, шерсти густо выпал иней. Сработала

автоматика, выравнивая давление. С коротким шипом ушла в сторону внутренняя дверь. Гришаня двинул внутрь, заплясал у холодильника, ожидая, пока Лугов стащит с себя гофрированную мембрану скафа. Иней на рыжей шубе мгновенно растаял, и шерсть усеивал бисер мелких капель. Гришаня привычно встряхнулся, окутавшись облачком брызг. Глянул через плечо: ну, долго еще?

— И что теперь? — спросил его Лугов. — Кормить тебя, скотина?

Конечно, показал всем телом Гришаня. Разумеется, кормить. Ведь я молодец.

В доказательство Гришаня, противно закашлявшись, отрыгнул на пол дюжину смертоносцев — мелких, похожих на бескрылых москитов. Смертоносцы были изрядно попорчены гришаниным пищеварением, но было понятно, что Гришаня ест свой паек не зря. Лугов аккуратно смел смертоносцев в совок щеткой на длинной ручке и ссыпал в дезактиватор.

Из морозилки достал заледенелый блок энергопайка, активировал и положил перед Гришаней. Тот довольно заурчал и вгрызся клыками в желе накопителя. По шерсти затанцевали голубоватые искры разрядов, глаза полыхнули электрическим огнем. Если особо не приглядываться, казалось, что Гришаня дышит. Приглядываться не хотелось. Лугов налил себе кофе из синтезатора и отошел к окну.

Снаружи по руинам форпоста в перекрестных лучах света трех лун мельтешили тени местного зверья. На темное небо густо сыпануло звездами, и Лугов привычно отыскал среди них ту, единственную, которая интересовала его весь последний год — с той самой поры, как он остался один.

В пятно света перед окном вышли из теней Расмуссен, Агайя и Леночка, каждый со своим смертоносцем в виске. Стояли недвижно. Смотрели на Лугова вареными яйцами глаз. Звали наружу, как всегда. Потом просили впустить. Лугов читал по губам. Динамики не включал уже давно — слышать их голоса было невыносимо. Жальче всех было Леночку. Лугов шепнул ей: «Спокойной ночи». Потом опустил щиты.

Подошел Гришаня, ткнулся в ладонь ледяным носом, уколол искрой пальцы. Заглянул в глаза: все ли в порядке?

— Нормально, рыжий, — сказал Лугов. — Всего-то год остался. Проживем.

Проживем, отозвался кот.

НАТАЛЬЯ ФЕДИНА

СКАЗКА ПРО КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ОЧЕНЬ ХОТЕЛ ЛЕТАТЬ

К порту на острове среди холодного моря был приписан Корабль, который мечтал летать.

Другие корабли недоумевали. «Мы рождены, чтобы плыть! — говорили они. — Укрощай волну и тем гордись!»

Он и гордился. Но летать все равно хотел. В юности Кораблю казалось, что нужно просто постараться, напрячься сильнее, и ты взлети... но ничего не выходило. Может, из-за габаритов. А может, потому, что корабли действительно не летают.

Прошло время, Корабль не смирился, но как-то успокоился. Море он тоже любил, ему нравилось резать килем волну, опережая ветер.

И Капитан нравился.

Огромный, рыжебородый, всегда невозмутимый, с верной трубкой, приклеенной к углу рта. Корабль никогда не встречал Капитана спокойнее.

Однажды над Кораблем пролетел маленький Самолет — нездешний, непривычно выкрашенный в бирюзовый цвет. Он вез в поселок груз теплоты, радости и надежд. Капитан помахал рукой, пилот махнул в ответ. Так повторялось несколько дней, а потом Самолет спустился низко-низко и навернул круг. Капитан разглядел в бинокль розовую прядь, выбившуюся из-под шлема. Пилот была девушкой. Наверное, красивой: сердце Капитана забилось так часто, что палуба заходила ходуном.

Встречи происходили целый месяц — дважды в день. Иногда Самолетик приземлялся на палубу, Капитан вручал девушке с розовыми волосами осьминога, сложенного из бумаги, или рыбу-мечту, а потом они смеялись и болтали. Когда Летчица снимала шлем, Капитан переставал дышать.

А однажды Самолет не прилетел.

Накануне Летчица сказала Капитану, что ее переводят на материк — теперь она будет возить промысловикам удачу, терпение и упорство. Шепнула и коснулась маленькой своей рукой в кожаной перчатке лапищи капитана. Тот сжал тонкие пальцы в кулаке, а внутри — как будто умер. Корабль это сразу почувствовал, хотя не был большим знатоком человеческих ощущений.

Это значило, что Капитан и Летчица больше не увидятся.

Через годы службы Капитаны срastaются со своими Кораблями и им не покинуть их, даже если очень захотят. Та же история и у Летчиков с их Самолетами. «Не судьба», — грустно засмеялась девушка,

заводя двигатель. «Не судьба», — скрежетал сквозь зубы Капитан три следующих месяца.

Любовь способна преодолеть всё, но Кораблю не попасть на материк... если он только не взлетит!

Корабль удивился, как эта мысль раньше не пришла ему в рубку. Да, Корабли не летают, но если это надо не только ему самому, но и кому-то еще... Он взмахнул спасательными кругами, с усилием приподнялся над волнами на пару сантиметров и тут же шлепнулся вниз. Пусть! Главное — не прекращать попыток! И в какой-то миг он воспарил. Корабли не летают, но если Капитан влюблен — всё возможно.

Капитан выбежал из каюты с криком «Что случилось?» и крохотное облачко влетело в его разинутый от удивления рот. Корабль — летел. «Эй, подожди меня, дурачок!» — раздалось снизу.

Капитан свесился с борта. По темным волнам плыл маленький бирюзовый Самолет, а за штурвалом сидела девушка с самыми невероятными волосами на свете.

МИХАИЛ КОМАРОВ

А ЧТО, ЕСЛИ?

— Вот представь, — сказала она задумчиво, — представь, что мы живем множество жизней, похожих друг на друга. Нет, мы не умираем в конце, а всего лишь возвращаемся в начало. И проживаем ту же жизнь, но с незначительными изменениями. Ну что ты улыбаешься?

— Нет-нет, тебе показалось. Я просто пытаюсь представить. Продолжай, — еле сдерживая рвущуюся наружу улыбку, сказал он.

— Так вот. С незначительными изменениями, — продолжила она развивать свою мысль, — эти изменения настолько малы, что даже если есть какой-то наблюдатель, он вряд ли найдет отличия в прожитых двух подряд почти идентичных жизнях. Например, была аллергия на клубнику, а стала на мандарины. Или первое слово ты произнес с разницей в 3 дня. Или первого кота ты назвал не Снежком, а Пушком. На первых этапах различия едва заметны и несущественны. Но они приводят к совершенно разным финалам. К 30 или к 60 годам это абсолютно разные люди с абсолютно разными жизнями...

— Ну да, как цунами, вызванное взмахом крыла бабочки на другом конце света? Прости, что перебил, продолжай.

— Да, именно так. И в итоге мы проживаем все возможные вариации своей жизни. Каждый раз после смерти мы помним, как все было, и затем сравниваем каждый вариант. Даже не то чтобы выбираем лучший вариант. Нет, они все по-своему хороши, независимо от того как все

происходило и во сколько закончился очередной раунд. Просто сравниваем и смакуем лучшие моменты каждой из жизней. И соответственно, когда начинается новый заход, мы ничего не помним про прежние попытки. А значит, в конечном итоге мы бессмертны. Ведь будет новый старт. И нет упущенных возможностей, так как рано или поздно мы реализуем все, что только можно, да и то что нельзя тоже, — на ее лице проскользнула тень улыбки, а в глазах плескалась тоска.

После недолгой паузы он произнёс:

— Это, конечно, все прекрасно и даже заманчиво. Я удивляюсь, как тебе это все пришло в голову. Но я не могу понять, к чему ты это все?

Она посмотрела на него немного печально и слегка дрожащим голосом сказала:

— Мне... Мне кажется, я вспоминаю свои прошлые попытки. И мне страшно. Что если... Если... Это моя последняя жизнь. Вдруг это последний из всех возможных вариантов, и это финал. Настоящий и окончательный...

Кирилл Ахундов

БАР «МАГЛОТ»

Он возник у стойки бесшумным призраком, стройный и невозмутимый, невзначай блеснул клыками в полумраке, щелкнул белыми пальцами, подзывая меня. Немного невежливо, но я человек покладистый, к клиентам отношусь доброжелательно. Особенно упакованным в дорогие бархатные плащи. О чем мечтает ролевик в моей студии? О величии владыки теней, могуществе одинокого злодея, владеющего тоскливой вечностью и ветхими тайнами склепа. Ладно, приятель, держи юэсби. Он схватил флешку, ловко вогнал ее в разъем за ухом и уселся в ближайшее кресло. Сейчас в голове новоявленного Дракулы, как в храме, гремят псалмы. «Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве, и хрюкотали зелюки, как мюмзики в мове». Его психотип и ЦНС хорошо усваивают Кэрролла, который любил играть словами, превращая ошибки в императив.

Субъекты, склонные наслаждаться искажениями привычной речи, завсегдагаи в моем баре. Этот мир давно сошел с ума, и не мне его осуждать. Наоборот, я построил маленький бизнес на литературной деформации, снял студию, назвав ее Библиотекой ассоциативных размышлений «Маглот». Эпоха спиртных напитков и опиумных препаратов миновала. В конце двадцать первого века этанол и диаморфин финишировали, и человечество очистилось. Но тенденцию не истребить.

Мозгу требуется праздник. Вам недостаточно наушников и уединения? У меня в «Маглоте» уютно и чисто. Аромат красных и черных свечей помогает мечтать о прекрасном. О том, чего вам не достает. Главное: тут не встретишь дешевой контрафакции, время фальсификата миновало. Или пока не пришло.

Вот вваливается нервный субъект. Вихляющая походка, весь до горла в татушках, кольцах, цепях, дергает пальцами и напевает под нос. Ясно, удальцу нужно горы свернуть, покорив планету странными песнями. Включаю ему диалог дона Рэбы и Ваги Колеса: «Студно туково. Выстребаны обстряхнутся...» Птенчик в ауте!

Одному для релаксации достаточно пары строк Чуковского: «Жила-была мышка Мауси и вдруг увидала Котауси. У Котауси злые глазауси и злые-презлые зубауси». Другого не свалить и «хорошилищем», которое грядет из ристалища. Кузьмичу, например, классика, как водича. Даже «Глокая кудра» не вставляет. Лишь переписка геймеров слегка опьяняет этого мастера-ломастера. «Сходил на разведку по стримах, но там надо много крафтить. Главное, вложить в деку суперглиноход — на землетрясение стаммельфорда. В проладдере винстрик из десяти побед, да и в обычном ранкеде типа пятака». Только тогда он вспоминает, что забыл электродрель в душевой.

Поздно вечером, проводив последнего клиента, аккуратно протираю стойку и бреду в свой кабинет. Представляю себе бесконечную великодушную степь, где золотое небо поглощает жадный горизонт, и сладкий ветер опрокидывает бирюзовых стрекоз мне на плечи. Опускаюсь на диван, прикасаюсь к заветной флешке. Торжественно, с чарующим тембром звучит долгожданный речитатив:

— Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повестей о полку Игореве...

ДРУЖИНА

В нашем чуланчике темно, тесно и душно. Мы в шутку называем его шестой палатой: строгий Вождь патрулирует периметр, Журналист перечитывает «Науку и жизнь», а Часовщик чинит пузатый кварцевый хронометр. Я же люблюсь своим портретом в тяжелой бордовой раме и размышляю. Нам уютно и спокойно. И не раздражает суета странных коротышек под ногами. Кто мы? Призраки, эгрегоры, ангелы... нет, называем себя «жильцами». Чуланчик не заперт, но днем выходить нельзя, по закону мироздания нам запрещено попадаться

на глаза людям. И говорить с ними тоже. Мы прислушиваемся к покашливанию Хозяйки, обрывкам ее песенок, обстоятельным телефонным беседам и благородному скрипу старого паркета. В этих волшебных звуках — безупречные традиции поколений, которым мы честно служили.

Нет, не одинока. Нет, дети и внуки хорошие. Но все заняты, у всех быт-семья-работа, поэтому навещают редко. Они купили ей теплый халат до колен. Фастум гель, вишневое варенье и плоский телевизор. Она включает «Ностальгию», слушает романсы и оперы. А мы с наивной гордостью бережем в каморке сундук, гитару, швейную машинку, весы, кукол и гипсовый бюст вождя. Наши стеклянные тени раскачиваются в сумраке, словно орхидеи под дождем... боже! — эта хрупкая старушка дороже самой памяти.

Прервались тихие шаги, короткое ойканье хлынуло штормовой волной. Шлеп! Что-то упало?

— Ребята! Хозяйка...

Тревога! Палату тряхнуло. Ужас. Мне привиделись расколотые мраморные колонны Помпеи, ледяные брызги зеркала и распахнувшийся беззубую пасть сундук. В пыльном трепете журналы «Огонёк» взмахнули крыльями, беспомощно спикировав нам под ноги. Внезапно вскрикнули старые часы, сморщился патриарх на моем портрете, и у меня задрожали губы.

Часовщик вскочил, я услышал стук его сердца. Журналист замер у порога. А потом мы забыли о запретах, вырвались четверьмя испуганными мороками, метнулись к ней, единственной. Хозяйка лежала на полу в кухне. Маленькая, съезжившаяся, как птенец. Жива ли? Вытянутая рука. Тонкая жилка на виске. Воды! Воздуха! Капель каких. Вождь проскользнул в ванную, а я ворвался в комнату. Нужен врач. Бирюзовую трубку польского телефона мы приподняли втроем, и откуда силы взялись? Дружно навалившись, умудрились покрутить диск и пропищать по-детски плачуще: «П-помогите. Тут. Бабуля!»

...Меня часто волновал вопрос: как ЭТО произойдет? Будет ли страшно, больно, смешно? Теперь же, когда друзья стали растворяться в безбрежности, я успокоился. Но потом вздрогнул: «Дверь!» Как врачи «скорой» войдут? Сам слаб открыть. И тогда я ПРИЗВАЛ, будто педардами полыхнуло в квартире. Секунда, две — и из нашего чуланчика хлынул радужный поток. Малышня, забытые души и душеньята — бессмертного чугунного утюга и одноглазого трюмо, жаждущего самовара и угрюмых галош, протертого паласа и матерой радиолы, хромой

тумбочки и эмалированного бидона. Карикатурная толпа коротышек облепила дверь, и под сочное «Эх, ухнем!» произошло... чудо.

Успели!

Благо!

Не хочу прощаться...

АЛЕКС ГАГАРИНОВА

ЛИМОННЫЙ ДОЖДЬ

— Бабушка, а сказку?

Старуха, держась за поясицу, присела рядом с лежащим на диване мальчиком.

— Опять твою любимую?

— Ага! — Детские глаза блестели от предвкушения.

— Нет, так не пойдет! Ну-ка, закрывай глазки!

Мальчик послушно зажмурился.

— Ну, слушай. Жили-были в одном городе, на одной улице и даже в одном доме мальчик и девочка. С самого раннего детства они были вместе: ходили в одну школу, вместе делали уроки и вместе играли во дворе.

— А потом выросли и поженились, да, бабушка?

— Да. Ты спи, не перебивай. Они выросли, поженились, стали жить вместе и были очень счастливы... — Старуха замолчала. Тишина длилась так долго, что мальчик не выдержал:

— А потом пришло Время цветных дождей?

— Если будешь меня перебивать...

— Молчу-молчу, бабушка!

— Они были очень счастливы. Молодые и красивые, они любили друг друга и мечтали увидеть весь мир. У них была интересная работа и множество планов. Но случилось неожиданное. Девушка попала под первый цветной дождь.

— Лимонный?

— Да, лимонный. Тогда люди еще ничего не знали о таких дождях. У девушки не было с собой зонта, и она промокла до последней ниточки. Дома приняла горячий душ, муж напоил её чаем, чтобы не простыла, тепло укутал. И всё шутил, что теперь они сэкономят на лимонах — такой сильный аромат цитрусов плыл по комнате. Девушка не заболела. Всё было гораздо хуже. На следующее утро в зеркале она увидела увядшую кожу и поседевшие волосы. Вскоре девушку принимали за мать её мужа, потом — за его бабушку. Она перестала выходить на улицу, стесняясь себя, да и ноги стали отказывать. Она сидела у окна

и плакала с утра до ночи, живя в страхе, что муж уйдет от неё. И муж уходил, уходил каждый раз, как только начинался цветной дождь. Он надеялся, что тоже попадет под лимонный дождь и тоже постареет. Тогда его любимая жена перестанет переживать, и они снова будут счастливы. Он бродил по безлюдным улицам, подставляя лицо дождям — брусничному, вишневному, земляничному... Однажды полил черёмуховый. Но лимонного дождя всё не было. Скоро жена заметила, что муж стал выглядеть моложе. Через несколько дней ему отказались продать сигареты — приняли за подростка. А через месяц он большой ложкой ел варенье прямо из банки и просил почитать ему сказку.

— Прямо как я... — сонно пробормотал мальчик.

— Прямо как ты... Спи, родной, — старуха коснулась губами щечки малыша.

За окном шумел дождь. В комнате пахло лимоном.

ДМИТРИЙ ГУЖВЕНКО

ДОБРЫЙ ДОКТОР А.И.БОЛИТ

— Да не ори ты так! Мне только таблетку запить!

Клянусь вам, ночь в Чертаново прекрасна, как утро в Африке. Темный небосвод разбавлен люминесцентными огнями района. Я задумался, глядя, как девица лет двадцати отбивается от вампира. И скажу вам честно, кто из них больше походит на типичного упыря, определить очень сложно. Черные свитера, прилизанные волосы, аромат дорогих духов... Все сходится, но макияж у девицы, словно она ткнула носиком в косметичку...

— Идиот! Таблетку кровью запивать нельзя! — выпалила девица, и вlepила нашему вампиру пощечину.

— Ой, за что, — завыл упырь по имени Петя.

— Дико извиняюсь, — вмешался я.

— Ну, — резко ответила девица, но рука с кроваво-красным маникюром зависла в воздухе, аки дамоклов меч.

— Вы бы могли не бить его по щеке.

— Почему?

— У него зуб мудрости болит.

Петя опять потянулся к молодой.

— Хорошо. Я ж не зверь, — согласилась девица и ударила коленом между ног.

Двери черного входа «Хот Рот Бар» распахнулись как раз в полночь. Я мысленно перекрестил скулящего Петю, отчего зуб у него заболел

еще больше. Девушка легким движением поправила каре и протянула пропуск вышибале.

— Много волков — нет мест.

— Волки говорят, что упыри лезут к ним в Бар. Ветки в лицо, кол мне в сердце, я с этим не согласна! — прочитала девушка.

Петя раскрыл рот, да так, что свет неоновых лампочек отсвечивал от его большого зуба.

— Ты не Гурман и не Фанни Фе, и даже не ББГ, — прогудел охранник.

— Да, и каждый волка, волка, волка лает, что он крут, но все они лезут, лезут, лезут в Хот Рот, — продолжила читать девушка.

Охранник с бурым мехом скрестил волосатые руки на груди. Что же, последний довод за мной.

— Нас ждут, — произнес я и показал свою визитку.

— Доктор А.И. Болит?

— Александр Йосифович, — расшифровал я.

— О! — сказал охранник. — Это вы пришили хвост серому волчонку?

— Таки было дело.

— Прошу.

— Девушка со мной. Она анестезиолог-репер. Убаюкивает словом по методу кота Баюна.

Петю мы взяли под руки и, пройдя по лестнице, оказались перед дверьми.

— Нам сюда. — Я указывал на табличку: «Войдешь и зуб потеряешь».

— Э, доктор, — засомневался Петя, — а мы точно к бесплатному стоматологу попадем?

— Конечно, к бесплатному, — сказал я и скрестил пальцы.

Мы схитрили. Сначала усадили упыря в кресло, потом щелкнули наручники... И в комнату впихнулся Сосед с дрелью. Она в его руках рычала, словно сумасшедшая бензопила.

— Познакомься, наш стоматолог, Сосед с дрелью, который обладает уникальной способностью: где бы ты ни поселился, он будет жить рядом, — сообщил я.

— У меня есть друг, Парень с газонокосилкой, — сообщил дрельщик...

И тут Петюня закричал.

Мы стояли на улице, слушая ор упыря.

— А почему вам с Петей не завести детишек?

— Как вы поняли, что я тоже...

— Самые страшные женщины — это упырихи. Вы не видите своего отражения в зеркале и поэтому краситесь по совету лучшей подруги, — сказал я, и небо в Чертаново озарилось яркой вспышкой.

Что-что, а пощечины у девушки оказались отменные.

КОТЕНОК ОТ ПАПЫ

Прекрасное утро! Дождь с повышенным содержанием кислоты пролился ночью и успел стечь в канализацию. Солнце нежно грело, в отличие от деньков, когда начинало поджаривать с шести утра, словно мама на сковородке яичницу.

Даже маску можно снять, такой приятный воздух. Как Витька из второго «Б».

— У тебя кот глюченный, — авторитетно заявил он.

— Почему? — удивилась я.

Черный котенок с белыми носочками весело прыгал в чистой траве. Скорее всего, за жуком Светки. Жук маленький, на него часто наступают. Шестеренки и пружинки в стороны, Светка плачет, и папа ей нового покупает.

— Скачет он у тебя странно. Видно, программа плохая. С Китая папаша привез?

Витька раскачивался с пятки на носок, подражая своему отцу-депутату. Витька очень гордился, что его отец голосовал за закон анимирования... Нет. Антианимализинирования... Короче, за запрет живых домашних любимцев. А еще Витька гордился своим щенком.

— Мой Хэнк лучше. Он бегаёт правильно, хвостом виляет правильно, даже в туалет ходит после моего согласия. А твой блохастый вот что-то опять в сторону умчался...

Прекрасное утро. Было.

— Сам ты блохастый! — огрызнулась я.

— Точно глюченный, точно, — злорадно произнес Витек.

Он провел рукой по сальным волосам, затряс упругими щеками. Копия отца!

И тут прискакала Светка. Она сразу поняла, не первый же день вместе гуляем. Вот только котика мне папа неделю назад привез, и Витьку аж корежит.

— Наплюй на него! Он же Бешка! Ревнует, что у тебя такой котик!

— Рты закройте! — пискнул Витька.

— А что, нет? Думал, у тебя самый большой анимароид в школе? А вот и нет! Теперь и котенок есть!

— Да-да, а говорить «закрой рот» не вежливо! Так только твой отец говорит! — добавила я. — А еще Хэнк застыл и не двигается!

Витька затрясся и сказал:

— Фас.

В этот момент щенок прыгнул в сторону моего котенка, но попал на Светкиного жука. Даже на расстоянии мы услышали хруст пластмассового хитина.

Мой же котенок выгнул спину и махнул лапой.

— Жук! — закричала Светка.
— Хэнк! — закричал Витька.
— Тигра! — выкрикнула я и поняла, что наконец-то придумала имя котенку.

На крик выбежали родители. Папа Светки тут же достал из кармана нового жука. Отец Витьки обещал жаловаться.

Мой же папа забрал котенка и повел меня на качели.

Когда мы остались одни, я спросила:

— Пап, а можно я Светке расскажу тайну, что Тигра настоящий?

— Потерпи. Скоро разум победит и отменят дурацкие законы.

От папы пахло табаком и какао. Тигра же просто сказал:

— Мяс.

И утро снова стало прекрасным.

ДМИТРИЙ КОЛЕЙЧИК

ЧИСТО ЛИТЕРАТУРНОЕ УБИЙСТВО

Василий не понимал жажду убийства ради убийства, которой были одержимы многие серийные читатели Библиотеки. Вне её стен они вели себя учтиво, даже чересчур. Но через этот флёр пробивалась надменность. Они все считали себя людьми особого сорта.

В наши дни убить человека не то что сложно, а невозможно. Во-первых, нечего надеяться на безнаказанность. Мельчайшие компьютеры буквально во всём и во всех. Всюду на тебя смотрят миллионы глаз, сливающихся во всевидящее око. Во-вторых, всё дотошно пишется и сохраняется. И если вы случайно умрёте, то начнёте жить заново с той же секунды в новом теле.

Но некоторые люди так раздражают, что их можно только убить. Василий знал это наверняка. Такой была его бывшая жена. И через год после развода он хотел её убить сильнее прежнего. И хоть это не приветствуется в обществе, даже психолог посоветовал обратиться к писателю.

В наши дни, когда хотят кого-то убить, ищут писателя. Ведь убивать литературных героев никто не запрещает! В книгах можно делать что угодно. И книги — о чём угодно. В читальных кабинках Библиотеки можно быть Дюймовочкой-психопаткой и убивать эльфов...

Но Василий не хотел убивать эльфов. Только жену. И хоть такие вещи не приветствуются, он заказал писателю сплаттер «Жестокая смерть Маргариты Т.». Вчера книга поступила в Библиотеку...

Из читальной кабины Василий вышел обновлённым человеком без тяготившего его прошлого. Ни сожалений, ни угрызений, но лишь

спокойное удовлетворение и полнокровное чувство жизни. Несмотря на поздний час, он решил прогуляться в безлюдном парке.

— Стой-ка, Вася! — Тип в плаще, взором своим похожий на серийного читателя, только совсем спятившего, перегородил Василию путь.

— Вы меня знаете? — Василий ничуть не испугался, потому что — чего бояться-то в наши дни!

— Сейчас узнаю, Васенька, сейчас! — Тип в плаще прицелился.

— Да что вы глупостями занимаетесь? Здесь вам не Библиотека! Совсем крыша поеха...

Паф!

Пуля попала Василию в живот, и он сел на корточки, хватая ртом воздух.

— Что вы... себе позволяете! Я вам не персонаж, чёртов псих!

— Ой ли? — Убийца издёвательски скорчил рожу.

— Ты когда, Васенька, на свет-то родился? Жену свою помнишь, Маргариту?

— Так вы из-за жены... Но я же... — не имея сил придумывать благозвучные объяснения, Василий ляпнул в лоб, — убил в Библиотеке! Не её, не её! Только персонажа!

— Да плевать, кого ты убил, ты даже ведь и не убил! Ты помнишь, Вася, как ты её убивал? Каким оружием, нет?

В голове у Василия всё смешалось и словно заросло мраком.

— А фамилия у твоей жены какая, помнишь? — наседал тип.

— Тэ...

— Тэ-э-э... — передразнил убийца. — Тэ-Тэ!

— Я вам не персонаж! Я живой — настоящий! — человек! — отчаянно полувывкрикнул, полупрохрипел Василий.

— А ты, Вася, в этом уверен? Что ты не персонаж, а? И что прямо сейчас, — тип в плаще сделал эффектный жест: взвёл курок, — никто не читает, — приставил дуло к голове Василия, — как я тебя, — нагнулся и посмотрел Василию прямо в безжизненные пустые глаза, — убиваю?!

ПАВЕЛ ПИМЕНОВ

ДАЛЬПОИСК

Ри пристегнула к спас-поясу нож в чехле, поправила браслет п-комма и, тряхнув тёмными кудрями, в одних трусах побежала к ограде региональной Зоны. Сегодня ей непременно повезёт!

Шагнув сквозь завесу, Ри очутилась на таком же пляже, лишь в небе оранжевым полыхало «Зона 1. Уровень опасности — низкий».

Невдалеке загорали трое юнцов, пояса расстёгнуты.

«Щенки». Ри поспешила к далёкой полосе леса.

Пискнул п-комм. Ри остановилась. Раскрыла на ладонь виом. На карте местности две точки, зелёная — это Ри — и красная, сближались. Ри обернулась. Совсем не таясь, к ней ковылял один из тройки юнцов.

«Самонадеян». Ри подпустила юношу на пять шагов, сорвалась и помчалась к лесу. Она не оборачивалась, лишь поглядывала на виом, где красная точка уплывала от зелёной дальше и дальше.

Справа появилась другая зелёная точка. Лёгкой трусцой к лесу бежала стройная девушка лет 25. Пискнуло. Соседка поднесла ладонь к лицу, остановилась и посмотрела назад. Затем мотнула головой и побежала к лесу быстрее. «Рано тебе на Зону ходить, мальчик», — мысленно сказала Ри юнцу, упустившему обе цели.

На поляне у плоского блина сервис-службы, где небо перечёркивала надпись «Зона 2. Уровень опасности — средний», бегуны познакомились (попутчицу Ри звали Ольгой), перекусили, поболтали. Затем Оля вступила под сень деревьев, а минут через пять отправилась и Ри.

Полчаса спустя она услышала крик, и тут же что-то громко зашуршало-загребало. Ри раздвинула ветки. Меж двух стволов раскачивался мешок-сетка, а внутри скорчилась Оля. Заросший до плеч чёрным волосом крепыш с дубиной в руке косолапил к ловушке. Ри хотела прийти подруге на помощь, но заметила, как Оля, потыкав в ладошку, удовлетворённо хмыкнула. «Что ж, каждому своё».

И вновь перед Ри равнина (Зона 3. Уровень опасности — высший), местами взломанная шляпами седоватых дубов. Время истекало, надежда таяла.

Внезапно ветер переменился и из травы показался лев. Он бросился к лёгкой добыче. Ри что есть сил понеслась к ближайшему дубу. Лев настигал. Ри поняла, что не успеет взобраться и, прислонившись к стволу, выставила нож.

Лев прыгнул. Откуда-то сбоку на льва ураганом кинулся бронзовотелый мужчина. Он вспрыгнул льву на спину, левой рукой вцепился в гриву и, обхватив животное ногами, принялся наносить удары ножом. Через минуту всё было кончено. Мужчина поставил ногу на убитого льва и издал громоподобный рёв.

Пискнул п-комм, но Ри уже было всё равно. Она позволила незнакомцу уложить себя на траву. Нежно и уверенно мужчина овладел Ри, затем неслышно растворился в сумерках.

Немного погодя Ри прочитала данные о незнакомце.

«Геннадий Карпов. 35 лет. Здоровье: 2600. Интеллект: 126. Зав. лабораторией предельных задач Института РВ-пространств. Неоднократный

победитель по олимпийскому многоборью. Хобби: разведение аквариумных рыбок.»

Ирина Громова согнула ноги и подняла бёдра. До прилёта вызванной авиетки она не изменит позу. Наконец-то повезло! И у её ребёнка будут хорошие гены.

ПЕРЕД САМЫМ КОНЦОМ

Перед самым концом, пред окном пред стеклом, и ещё на окне, на окне на стекле, и внутри и вовне, и уж в самом конце: за окном ничего, всё, что есть, — на окне

Ты дышишь на стекло, а потом рисуешь пальцем. Это непросто, но ты стараешься, прилежно выводя тонкие линии ногтем. Тёплый воздух подхватывает рисунок и уносит в конец автобуса, где дремлет, разметав полшубок, старик в синей вязаной шапке. Что ты нарисовала?

Я придвигаюсь разглядеть. Автобус качает, меня кидает на тебя, и ладонью я опираюсь на стекло. Теперь твой рисунок невидим. Он у меня в руке. Я знаю, что если отниму ладонь, он пропадёт, но пока я прикрываю его, он есть. И я могу гадать, обнимая тебя и целуя: что ты нарисовала?

Это, должно быть, что-то простое и тёплое, потому что ты сама такая: близкая, тёплая, родная. Твои волосы щекочут мне шею, но я терплю, да мне и нечем их отодвинуть: одной рукой я удерживаю тебя, другой — рисунок. Твои губы горчат, и я замечаю дорожку от проскользнувшей слезы. Ну что ты! Не плачь. Подумаешь, оконный рисунок. Ты нарисуешь ещё, да? Нет? Твои глаза кричат: нет, больше такого рисунка не будет! И вздрагивает старик на заднем сиденье, когда хор телефонных звонков ломает сонный напев мотора.

Я целую твои щёки, кончик носа, подбородок, а влага струится сильнее. И теперь я точно не отниму ладонь, никогда. Просто не смогу. Неужели этот рисунок так важен? И твои глаза говорят: да, важен. А ещё говорят: да, теперь — не отнимешь, теперь — никогда...

Люди вскакивают, кричат, тычут руками в окно. Старик совершенно проснулся и палкой указывает на меня. Да вы что все, с ума посходили? Из-за дымки на стекле так убиваетесь?! Я смотрю на прижатую к окну ладонь. Контуры светятся, словно что-то силится выбраться из-под неё. Может быть, рисунок живой?

Руке становится жарко. Ещё немного и каждый штрих проступит клеймом на моей ладони, заменяя линии жизни, любви, здоровья. И пусть. Пусть так и будет. Тогда ты перестанешь плакать, да? И люди успокоятся, ведь они всегда смогут посмотреть на твою картину, стоит

только попросить. Я буду ходить по улицам и всем показывать твой рисунок. Да? И твои глаза отвечают: увы, не будешь.

Автобус взбрыкивает, и на секунду я заглядываю за свою ладонь, туда, наружу, и понимаю, что люди вокруг вовсе не на меня показывали, а смотрели на солнце. Такое привычное и родное, оно решило стать ближе и немножко придвинулось. А потом ещё немножко. И ещё. И уже полыхает роща вдаль, и дымится земля, и жидким маревом течёт раскалённый воздух. И реальность колышется, прогибается, задыхается...

В твоих глазах — море. Лазурная вода и бесконечная синь небес. Когда-нибудь это случилось бы, да? Солнце устало и вспыхнуло. Ему хочется отдохнуть.

Я тяну руку к себе, и вслед за рукой прогибается стекло, дрожа, как мыльный пузырь.

Это был оберег, да? Как у древних людей, пытавшихся умиловить богов или отогнать злых духов. Что же нарисовала ты?

Сгоревшая кожа отслаивается, и на миг на окне огнём по пламени проступает рисунок: весёлая рожица в шевелюре прямых лучей — солнышко улыбается.

Жаль его. Оно остаётся совсем одно. А мы — вместе.

И твои глаза шепчут: да, вместе, до самого конца...

СЕРГЕЙ РЕЗНИКОВ

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ИСПРАВИТЕЛЬ

— Блин, Динли, я всё могу понять. Разбитые в хлам войска, дикий беспредел во дворце, но на хрена ты город развалял?! Что горожането, мать твою, тебе сделали? — Аурон гневно сверкал глазами, а из его пальцев сыпались искры, готовые в любую секунду стать молниями.

— Не знал я, маста. Хотел по-хорошему...

— Ну да, — не дал ему договорить Аурон, — а вышло как всегда, через задницу. А король? Он же до сих пор в подвале прячется! А вы ему иммунитет обещали. Говорили «Вот, мол, отдашь трон, Якоб Кривоглаз, и иди спокойно на все четыре, да ещё добра захвати, сколь унесёшь».

— Всё вышло из-под контроля, — Динли не отрывал взгляда от пола.

— Плохо, что учеников не выбирают. И не убивают. А то за такое... — Аурон сжал кулаки и посмотрел в окно на догорающий город. С улицы слышались крики о помощи, смешанные с пьяными песнями. Анархия набирала обороты, пожирая остатки цивилизации.

— Кузнец всем нравился, — пробормотал Динли, — народ за ним шёл, как за лидером. Но потом, когда стража разбежалась, и мы зашли во дворец... не надо было этого делать.

— Что делать? — раздражённо спросил Аурон.

— Во дворце бухать. Народные массы под действием алкоголя неуправляемы.

— Да ты что?! А сам Кузнец где?

— Спит. В королевской почивальне...

— Афигеть! — Аурон возвёл очи горе. — На смену плешивому диктатору, который верёвки из народа вил, пришёл безграмотный алкаш. Нет, друг мой Динли, такая революция нам не нужна. Вот, возьми.

Он протянул Динли какой-то шарик, размером с грецкий орех.

— Это темпоральный исправитель. Ты вернёшься в прошлое и всё исправишь. Отговори Кузнца от революции, а затем не забудь убить своего двойника в прошлом. Двух таких оболтусов я не потяну. Понял?

Динли кивнул, сглотнув слюну.

— Вот скажи мне, Динли, что вы, твари этакие, делали?! — Аурон распахнул окно и гневно указал рукой на улицу. — Где революция? Почему проклятый Кривоглаз спокойно сидит в своём кабинете и выдумывает новые налоги?

— Но, маста... вы же сами мне дали задание...

— Я отлично знаю, какое дал тебе задание. Где, мать твою, революция?!

— Ладно. Ладно. — Динли попятился в сторону двери, сейчас найду Кузнца, и всё сделаем... хм... в лучшем виде.

В отличие от Аурона, Кузнец выслушал Динли.

— И чо, говоришь, это уже в пятый раз? — Кузнец озадаченно пошевелил бровями.

— Да, он забывает всё, а потом и слушать не хочет. Мы снова устраиваем революцию, а он снова проклинает нас за беспредел и заставляет всё исправить. Я устал. Я так больше не могу.

— Да уж. — Кузнец почесал затылок. — Сложная штука эта революция. Вот если бы народ перестал бухать.

— А вот если бы солнце перестало светить, — передразнил его Динли.

— Я придумал! — Глаза Кузнца сверкали. — У тебя ещё остался... этот ваш исправитель?

— Ну да.

— Переместимся в прошлое и убьём Боба Дурогона, до того, как тот придумает бухло...

— Точно! А потом прибудем Дуремара Марли, чтобы он не придумал шамаль! — подхватил Динли.

— Динли, живо сюда!

— Да, маста!

— Я придумал классную штуку. Забористый напиток, с помощью которого мы сможем управлять народом! Революция не за горами!

Виталий Придатко

СПАСЕННЫЕ

Посреди полёта задёргался браслет. Марко рассеянно накрыл металл ладонью, по-прежнему остро чувствуя мороз, студёную резь ветра, боль... где-то глубже костей и суставов.

Что ещё она могла написать? Ничего... всё уже сказано, и не раз. Прочитано с мятых листов сырой бумаги, пропето нагишом в покрове брызг водопада, прошептано на рассвете, глядясь в клинок ножа.

— Два года, — сказал Марко вслух. — Не верю. Два года всего.

Зачесалась под плотной косынкой выбритая голова. Заныло подбрюшье. Ох, что за два года...

— Подлетаем, — сообщил пилот. Глайдер мягко ухнул в полог тумана, на окнах мгновенным сполохом проявился городок, шпили пары храмов, угрюмые сутулые пятиэтажки и обманчиво нарядная школа. Марко понял, что готов прижать кулак к груди, и с силой выпрямил руку, держась, словно второгодок по команде «смир-рна!».

Глайдер свесился на волглый муаровый школьный двор прямо из тумана, и Марко сиганул через борт, не дождавшись, пока колпак полностью съедет назад. Побежал на крыльцо, опасаясь, что не успеет, что экзамен состоялся, ничего не поправить, не спасти... что проиграно теперь уже навсегда и окончательно — всё.

Гробовая стояла тишина, смолкли даже воробьи, нахохлено косившиеся с берёз, окаймлявших плац.

Марко взбежал по ступеням, помимо воли надеясь, что письмо выдавало злую выдумку за правду, что аттестат зрелости будет вручен... Двери распахнулись навстречу, выплеснув волну солнечного, золотистого, жаркого детского смеха. И детей: много, много детей! — Марко, отступив в сторону, просто считал их, глядя несчастными глазами с каменного лица офицера. Десять, шестнадцать, двадцать три... Семьдесят шесть человек.

Нужно было бы сесть. И застрелиться, вероятно, также не помешало бы.

Криста вышла следом за детьми. Лучистая, упруго ступающая, улыбающаяся неотразимо и счастливо. Я мог бы её убить сейчас, подумал Марко, с полным правом. И что? И — зачем?

— Ты написала, — вырвалось у него. — Ты. Написала.

— Они все сдали! — Криста звенела, будто ангельский хор. — Все сдали! Это прекрасные дети, ловкие, отважные, настоящие люди!

— Они сдавали не на полосе, — Марко утверждал, не спрашивал.

— Это атавизм! Зверство! Ловушки... препятствия... они уже никому не нужны! Кто-то из этих детей мог бы погибнуть!

Он сглотнул. Нашёл взглядом обоих своих двойняшек, стараясь не пустить на глаза слёзы. На полосе у них был бы шанс, стучало в висках. На полосе. И только на полосе. Один шанс из семи, да. Но хотя бы так...

Он повёл их на край двора, не оборачиваясь, и дети шли твёрдой походкой победителей, ничего не подозревая, не зная. Дойдя до поворота, Марко крутанулся через левое плечо и двинулся дальше, сделав всего три шага.

Оглянулся. Подростки остались стоять, растерянно оглядываясь, не понимая, куда девался папа... для них просто не существовало той дороги, на которую смог свернуть Марко. Как и для всех прочих, кто не смог пройти полосу, — или не вышел на неё.

— Ох, Криста... — выдохнул Марко. — А ведь кто-то мог бы жить...

НАТАЛЬЯ ГОЛОВАНОВА

ТАМ БЫЛ КТО-ТО ЕЩЕ

В «Хромом мустанге» аншлаг. Протиравший бокалы Билл кивнул на новенького громилу, что сидел в центре зала и меланхолично жевал отбивную.

— Слушай, Энди, — сказал я, — давай сегодня не будем.

— Поздно, — отозвался мой друг.

Мне же при виде мощного торса было плевать на ставки, принимаемые Биллом.

— Но ущерб... — пытался я возразить.

— Ты же его не допустишь.

В словах Энди имелся определенный резон, и я, пораскинув мозгами, кивнул.

Мы заняли привычное место в углу возле сцены. Билл принес по кружке «Кровавого глаза». Шепотом сообщил поставленную сумму. Я уверился в правильности решения. Энди же, сделав пару глотков, решил не тянуть бизона за вымя. Поднялся. В салуне воцарилась мертвая тишина, нарушаемая скрипом салфетки, которой Билл тер стакан.

Я наблюдал за Энди краем глаза, другим краем упорно косясь в кружку. Не хватало, чтобы громила заподозрил нас в сговоре.

О приезде новичка, нарывающегося на неприятности, без принципов, но с увесистым кошельком, мне сообщили через полчаса после его заселения в «Хромой мустанг». Таких типов надо ставить на место и показывать, кто здесь хозяин.

— Извини, но это мой бифштекс.

Энди выхватил из-под носа громилы кусок мяса. Сегодня мой друг разыгрывал роль «обнаглевший щенок».

Громила очень удивился пропаже отбивной. Посмотрел на Энди.

И вскочил быстрее пули, вылетающей из кольта. Согласен, не очень удачное сравнение. Просто ожидаемого процесса вставания не было. Вот громила сидел, а вот уже стоит.

И сжимает в кулаке тяжелый острый тесак.

Который сейчас опустится на голову Энди.

Как раз тут все и произошло.

Я вскочил одновременно с громилой, и вдруг заметил: и громила, и Энди, да и вообще все, находящиеся в зале, замерли, причем в самых неудобных позах. За одно короткое мгновение увидел: физиономию Билла в ожидании кровавой развязки, которая, хоть и причинит ущерб, но поднимет популярность заведения; удивление Энди, переходящее в ужас; равнодушие мясника на красной физиономии громилы; прочие рожи — любопытные, жадные до зрелищ.

А среди жуткого безмолвия появилась фигура в черном плаще с капюшоном. Медленно подошла к Энди, взяла за руку и потянула.

— Нет, — говорю, а сам голоса своего не слышу.

Она повернулась ко мне, и из пустых глазниц веет сожалением.

А я все говорю и говорю. Ты, мол, ошиблась, не за тем пришла, и вообще, Энди, он же мой друг, и я за него горой. Она то ли слушает, то ли нет, но руку отпустила. Я тогда мелкими шажками к ним подобрался, да и оттащил Энди от греха.

Слышу — хрясь! Стол на две половинки раскололся.

— Нарушение порядка, — говорю, а самого трясет.

Дальше все как обычно. Доля от Билла. Штраф и арест громилы с последующим выдворением из города. Или я не шериф? Или городку нашему деньги не нужны?

— Там был кто-то еще, да? — спросил Энди, когда мы вышли из салуна.

— Да, — хрипло ответил я. — Но он того... ошибся дверью. Ему надо было сюда.

Я кивнул на церковь, где священник совершенно безнаказанно три раза в день обирает мирных прихожан, ни центом не делясь с городскими властями.

ДАРЬЯ СТРАННИК
КИС-КИС

Он состарился уже пару десятилетий назад. Совсем одряхлел за последние годы. Теперь чувствовал, что неумолимо угасает. Факт, вызывающий одновременно облегчение и страх.

Да, Чёрный Афелий, бывший капитан кошмара всех звездолётчиков — корабля «Кровавая луна», — боялся.

Раньше те, кто отваживались назвать Афелия по имени, делали это шепотом. Мрачную славу принёс капитану безжалостный способ скрывать следы преступления. С лёгкостью, приводившей в бешенство всех разработчиков навигационных систем, Чёрный Афелий взламывал любой защитный код и необратимо менял курс разграбленных кораблей, отправляя их на горячие звёзды или в неисследованные чёрные дыры. Лишённые спасательных шлюпок и возможности связаться с другими кораблями экипажи были обречены.

Чёрного Афелия страшились, им пугали непослушных детей, о нём складывали жуткие легенды, не такие далёкие от правды, как хотелось бы сочинителям.

Капитан ещё помнил эти времена, хоть иногда прежняя жизнь казалась чужой. И ни разу не раскаялся.

Но кожа его покрылась тёмными пятнами, руки дрожали с каждым днем сильнее, всё чаще подводила память.

— Бунт на корабле, — невесело шутил Афелий, когда у него случался один из редких «хороших» дней.

Иногда бывшему капитану становилась так жутко, что одиночество казалось невыносимым и Чёрный Афелий отправлялся искать кошку.

— Кис-кис... Где тебя носит, шельма?

Паршивка пропадала целыми днями неизвестно где. Бывший капитан уважал её независимость, хоть и ворчал:

— Никакой дисциплины на борту!

Рано или поздно показывался панцирь цвета индиго и, неторопливо перебирая членистыми ногами, кошка подходила к старику и милостиво разрешала погладить себя.

Афелий, кряхтя, поднимал её, прижимал к груди тёплое вибрирующее тело и рассказывал одни и те же истории, которые, однако, кошке не надоедали:

— Здравствуй, киса. Расскажу я тебе сегодня о беспощадном пирате — Чёрном Афелии. Все его боялись... Или то был я? Точно, я... Совсем плохой стал... Но я не всегда таким был. Да...

Иногда бывший капитан надолго замолкал, потеряв нить повествования, и просто наслаждался близостью живого существа.

Некоторое время спустя кошка мягко, но решительно, освобождалась из стариковских объятий и спешила по одной ей известным делам. До следующей кормёжки.

Ранки, оставленные на шее присоской, долго кровоточили и плохо заживали.

Старик уже не знал наверняка и не очень старался вспомнить, что именно не так, но временами кошка казалась ему несколько странной. Однако на планете ссыльных других не водилось.

ВЕРНЫЙ ПЕС

Со двора раздались звон цепи, крики и рык.

— В подвал, живо! — прошептала Оля, и дети проворными мышатами юркнули в открытый люк. Старшая, Надя, быстро и тихо закрыла крышку изнутри. Молодцы, научились, не зря она устраивала частые «ложные тревоги».

Оля схватила находящуюся всегда под рукой самодельную пику. Нож, прикреплённый множеством слоёв скотча к древку швабры, выглядел немного странно, но был не раз испытанным надёжным оружием.

Когда Ольга вышла из дома, Гришка и Дина уже порвали незваного гостя и, утробно рыча, пировали. Тошнотворное зрелище, к которому невозможно было привыкнуть.

Вдоль проволоки зазвенело ещё больше цепей — подбежали Макс, Тоша и новичок, имени которого узнать не удалось. Они с рыком бросились на Ольгу, зубы заклацали всего в паре метров от женщины. Но время спустя заражённые повернулись к более лёгкой добыче. Последовала яростная, но короткая схватка. В конце концов каждому удалось урвать кусок.

Осталось и кое-что интересное для Оли — грязный и потрёпанный рюкзак, да и в карманах разорванных джинсов и куртки убитого могли оказаться полезные мелочи. Но сейчас ко всем этим богатствам, конечно, не подойти.

Сначала доедят заражённые. Когда они убегут подальше — проволока длиной в несколько сотен метров образовала круг, в центре которого стоял дом — можно будет осторожно собрать вещи.

Оля всю жизнь занималась собаками, но и в самом страшном сне не могла представить, что станет хозяйкой таких вот сторожевых псов.

Прежних питомцев съели. Остались проволока, ошейники и инструменты, какие использовали для поимки бешеных животных.

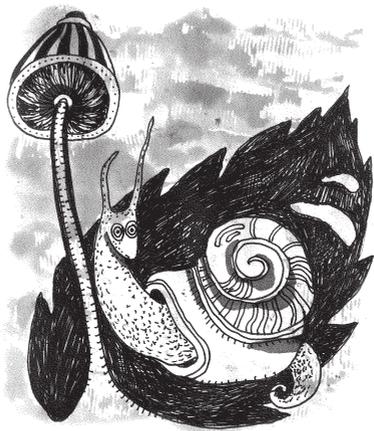
Прежде чем вернуться в дом, Ольга ещё раз внимательно осмотрелась, но, если незнакомец и пришёл не один, его спутники явно предпочли

бегство.

Возможно, ни погибший, ни его товарищи, если они существовали, не хотели ничего плохого. Но они могли быть опасными. Нельзя рисковать. Ошибки в этом новом мире стали непозволительной роскошью.

— Спасибо, Гриша, верный пёс, — тихо сказала Ольга. Оба заядлые собачники — это было их личным нежным прозвищем.

Гриша бросил короткий взгляд через плечо и зарычал. Можно было подумать, что он отозвался на имя. Хотелось верить. Ведь, несмотря на вирус и произошедшие изменения, он делал то же, что всегда: защищал свою семью.

Литературно-художественное издание

АСТРА НОВА
альманах фантастики

Главный редактор: *Светлана Тулина*

Редколлегия: *Кирилл Берендеев,*
Александр Тишинин

Литературные редакторы: *Анна Райнова и Григорий Панченко*

Корректоры: *Светлана Ушакова*

Компьютерная верстка и дизайн *Ольга Денисова*

Художники: *Елена Нестерова, Itaridin, Андрей Чигорин-Даценко,*
Анастасия Иванова, Наталья Куничкина, Ольга Маковская

Подписано в печать 28.04.2019

Формат 60×84¹/16. Отпечатано

с готового оригинал-макета по технологии

Print-on-Demand. Усл. печ. л. 18,37. Уч.-изд. л. 17,18.

Заказ книг
fanni.old-land.ru
sz-izdat.ru

Издательство Северо-Запад, 2019